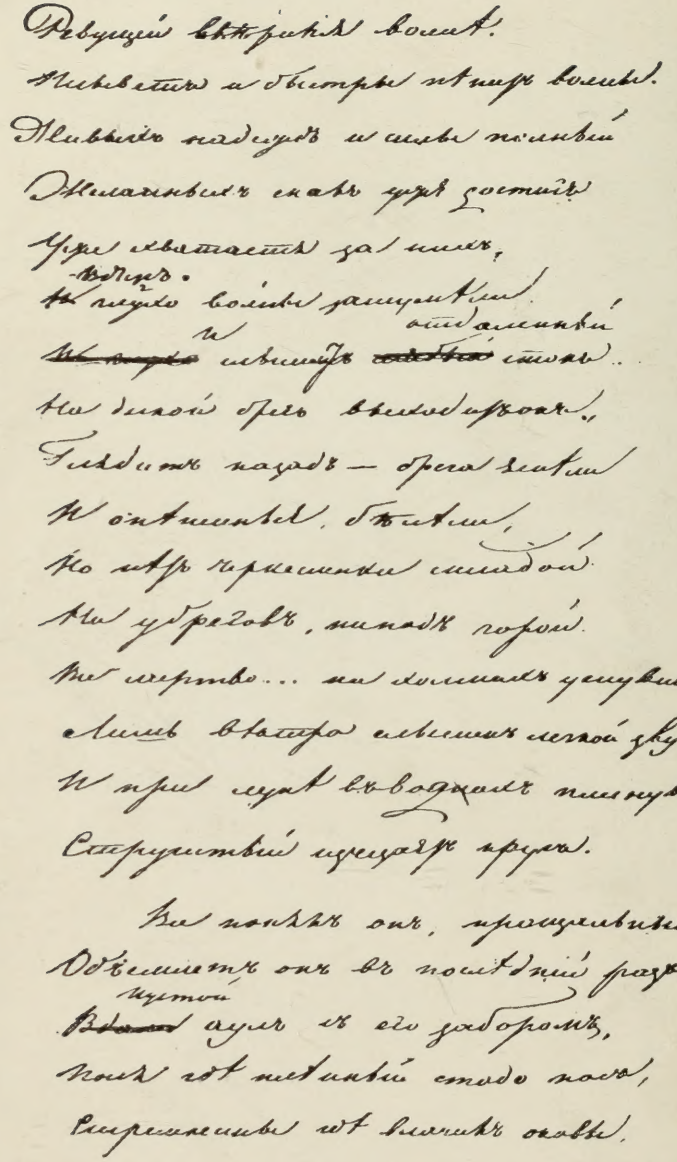
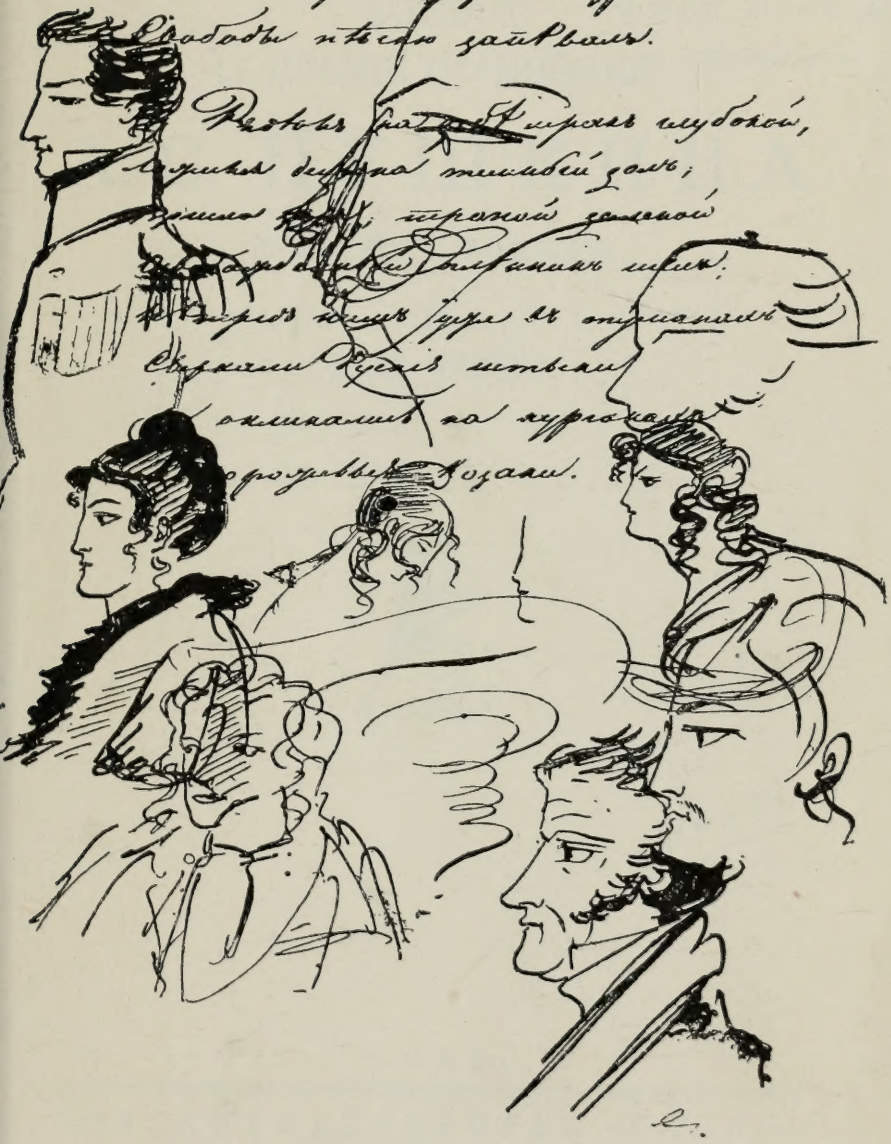
3 1761 08820971 3

UNIV.OF
TORONTO
LIBRARY



Послѣднія страницы второй



части «Кавказскаго плѣнника».

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso05push

LR
P9874
1921

Pushkin, Aleksandr Sergeevich

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

А. С. ПУШКИНА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

5

ТОМЪ ПЯТЫЙ

459378
15.3.47

1921

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»
[Berlin]

3

ОТРЫВКИ
И
ПРОГРАММЫ

1819 г.

НАДИНЬКА (ЭЛЬВИНА)

У гусара Ю. (было дружеское собраніе) — Нѣсколько молодыхъ людей, по большей части — военные (весело) проигрывали свое имѣнье поляку Ясунскому, который держалъ маленькій банкъ для препровожденія времени и важно передергивалъ по двѣ карты. Тройки, разорванные короли, загнутые валеты сыпались (на полъ и пыль) etc.

Неужто два часа ночи? Боже мой, какъ мы засидѣлись. Не пора ли оставить игру — сказалъ Викторъ N. молодымъ своимъ товарищамъ. Всѣ бросили карты и встали изъ-за стола... Всякой, докуривая трубку, сталъ считать свой или чужой выигрышъ, и облака стираемаго мѣла смѣшались съ дымомъ турецкаго табаку. Поспорили... и разъѣхались.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, не хочешь ли вмѣстѣ отужинать — сказалъ Виктору вѣтреный Вельверовъ; (я безъ ужина никакъ не могу обходиться, а ужинать могу лишь въ кровати.) (Докторъ одобрилъ эту похвальную привычку). (Познакомлю) тебя съ очень милой дѣвченкой; ты будешь меня благодарить. Викторъ одобрилъ эту похвальную привычку. Оба сѣли въ дрожки и полетѣли по мертвымъ улицамъ Петербурга. (Петербургскіе...)

Викторъ N...

1821 г.

ПРОГРАММА И ОТРЫВКИ ИЗЪ КОМЕДІИ ВЪ СТИХАХЪ

Вальберхова вдова — Сосницкой ея братъ — Брянской любовникъ Вальберховой — Рамазановъ, Боченковъ, С. даетъ завтракъ — Брянской принимаетъ гостей. Рамазановъ узнаетъ Брянскаго. Изъясненіе. Пополамъ. Начинается игра, — С. все проигрываетъ, гнетъ Величкина на карту, — Отчаяніе его.

С. и В.

В. игралъ? Игралъ — Долго ли тебѣ быть Богъ знаетъ гдѣ? добро либералы — да ты то что . . . За чемъ не въ свѣтѣ — тамъ вся молодежь. С. Вы всѣ бранчивы скучно То ли дѣло ночь играть — В. Скоро ли отстанешь? С. никогда — сестрица милая, — уѣзжай — у меня будетъ завтракъ. В. Игра? . . . С. нѣтъ — В. прощай.

С. и В.

С. Карты . . . Величкинъ. Проиграетесь. — С. Полно врать — я поспѣю. — В. и Бр. — Бр. и Вальб. Бр. и Рамазановъ узнаютъ, уговариваются.

Вал. Что за шумъ? Величкинъ — играютъ. Вал. поди за Брянскимъ. И Бр. такой же. — Бр. и Вальберхова. Я пополамъ — ему урокъ. Онъ проигрывается . . . С. въ отчаяніи. Бр. Вел. уговариваетъ, — тотъ его ставитъ на карту, — проигрываетъ. Вел. плачетъ, С. тоже. Бр. и Рам. Конецъ. — Бр. Рам. С. Вы здѣсь, а мнѣ ничего не сказали.

— Мочи нѣтъ, усталъ проигрался; — пора въ театръ; нашъ другъ даетъ послѣдній завтракъ, онъ застрѣлится.

Я шелъ къ тебѣ, сестра — благо, даже въ одномъ домѣ . . . — Мы недѣлю не видались, что ты дѣлалъ — Занятъ былъ. — Сегодня я дома, пріѣзжай пожалуйста. Тебѣ надо быть у тетки. — Я даю завтракъ. — Богъ знаетъ, какое общество. Зачемъ тебя нѣтъ въ свѣтѣ, и проч.

Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались —
Въ одномъ дому живемъ, и мѣсяцъ не видались —
Откуда и куда? — Я шелъ къ тебѣ, сестра —
Хотѣлось мнѣ съ тобой увидѣться. — Пора. —
Ей Богу занятъ былъ . . . дѣлами, службой —
Я дорожу, сестра, твоею дружбой,
Люблю тебя душой . . . и радъ бы
Съ тобою посидѣть, но, видишь ли, бѣда,
Всегда разъѣдемся, — я дома, ты въ каретѣ;
Никакъ не съѣдемся . . .
Но мы могли бы въ свѣтѣ —
Видаться каждый день —
Конечно! — я бы могъ —
Пуститься въ (свѣтъ) Нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ —
По щастью модный кругъ теперь (совсѣмъ) не въ модѣ;

(Ты знаешь, мы живемъ . . . на свободѣ —
Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ нашихъ дамъ,
И (васъ) оставили на жертву (старикамъ)
Любезникамъ осьмнадцатаго вѣка —
А впрочемъ, не найдешь живаго человѣка —
Въ отборномъ обществѣ.
— Хвалиться есть ли чемъ
Что тутъ хорошаго. Ну, я прощаю тѣмъ,
Которые, пустясь въ 15 лѣтъ (на волю)
Привыкли . . . лишь къ пороху да къ полю:
Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ —
Но ты, который съ годъ (учиться) пересталъ,
Который не знавалъ походной пыли съ роду
За чемъ перенимать у нихъ пустую моду?
Какая нужда въ томъ?
— Въ кругу своемъ они —
О дѣльномъ говорятъ — читаютъ Жомини —
— Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился;
Ты шлафрокомъ однимъ да трубкою плѣнился.
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ.
Гдѣ (вѣчно) не курятъ и долженъ быть одѣтъ...

Все жалобы, упреки, слезы — мочи нѣтъ;
Откланяюсь пока; она мнѣ надоѣла;
Къ тому жъ, и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла:
Я отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ,
Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья.
Ахъ, матушка! Предвижу увѣщанья.
А, здравствуйте, maman. «Куда же ты? постой.
Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить» — Я зналъ — «Имѣй терпѣнье,
Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье . . .»

— А въ чемъ же? — «Да во всемъ; во-первыхъ, ты
жены
Не видишь никогда — точь-въ-точь разведены:
Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
Или нельзя никакъ съ женою посидѣть.»

Іюня 4 ночью — 5 поутру.

1822 г.

ОСТАТКИ ПРОГРАММЫ ПОЭМЫ ИЗЪ ИСТОРІИ X И XI ВѢКОВЪ

Изяславъ, с. Рогнѣды, въ Витебской Губерніи ос. гор. Изяславъ. Мстиславъ, Ярославъ (братья его), двѣ дочери. Отъ Богемки (Чехини) Вл. имѣлъ Вышеслава, отъ 3-ьей Святослава и Мстислава, отъ 4-й (Болгарки) — Бориса и Глѣба.

1000 года, XI вѣкъ.

Станиславъ, Позвиздъ. Судиславъ — меньшіе.
Умеръ.
Вышеславу — Новгородъ
Изяславу — Полоцкъ
Ярослава(у?) | — Ростовъ
Борису |
Глѣбу — Муромъ
Святославу — Древлянскую землю —
Всеволоду — Владиміръ Волынскій
Святополку — Туровъ (въ Минской Губерніи).

*

Планъ. Владиміръ, раздѣливъ на удѣлы Россію, остается въ Кіевѣ; молодые богатыри со скуки разъѣзжаются; съ нимъ — Илья Муромецъ и Добрыня. — Печенѣги нападаютъ на Кіевъ. Владиміръ посылаетъ гонцовъ къ сыновьямъ — дѣти его собираются — кромѣ Мстислава; Илья

ѣдетъ за нимъ — встрѣчаетъ своего сына, — сражается съ нимъ. — Мстиславъ, при немъ молодые богатыри — идутъ на Косоговъ. Мстиславъ въ горахъ (влюбляется въ ихъ Царевну Амазонку Армиду); остальные богатыри разъѣзжаются; Илья ѣдетъ далѣе; (узнавъ о любви Мстислава), находитъ его и везетъ къ отцу — Царевна за нимъ ѣдетъ — она пристаетъ къ Печенѣгамъ — Сраженія, de grands combats et des combats encore: a) на Кіевъ нападаютъ соединенные народы; b) (Духи) Боги языческіе, изгнанные крѣщеніемъ, c) (Хозарской князь — колдунъ; мечъ Еруслана объ двухъ ударахъ; колдунъ убитъ Мстиславомъ).

*

И(лья) хочетъ представить сына Владиміру, вмѣстѣ ѣдутъ...

*

Царевна Косоговъ влюбляется въ Мстислава. Ея мать, волшебница, старается заманить Мстислава; Мстиславъ упорствуетъ ея прелестямъ — она въ сраженіи его увлекаетъ — подъ видомъ Косога, убившаго его друга; превращается вновь. Мстиславъ на островѣ наслажденія. — Гонецъ пріѣзжаетъ къ его дружинѣ, не застаетъ его. Владиміръ въ отчаяніи.

*

Царевна жалуется своей матери, та обѣщаетъ соединить ее съ Мстиславомъ.

*

Илья въ молодости обрюхатилъ Царевну Татарскую — она вышла замужъ, объявила сыну; сынъ ѣдетъ отыскивать отца —

*

Илья находитъ пустынника, который пророчествуетъ ему участь Россіи.

Мстиславъ увлеченъ чародѣйствомъ въ горы Кавказскія.

На Россію нападаютъ съ разныхъ сторонъ всѣ враги ея.

Мстиславъ по вечерамъ видитъ ладію и дѣву.

ПРОГРАММЫ ПОЭМЫ ИЗЪ РАЗБОЙНИЧЬЕЙ ЖИЗНИ

Вечеромъ дѣвица плачетъ, подговариваетъ, молодцы готовы отплыть; гдѣ-то нашъ атаманъ — они плывутъ и поютъ...

Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческой; онъ беретъ себѣ другую — та сходитъ съ ума. Нельзя не любить и умираетъ. Онъ пускается на всѣ зло(дѣйства). Есаулъ предаетъ его.

ПРОГРАММЫ «ВАДИМА»

Вечеръ. Русской берегъ — Ладья. Рыбакъ. — Вадимъ — не спитъ. Онъ утромъ засыпаетъ. Рыбакъ хочетъ его убить. — Вадимъ видитъ во снѣ Новгородъ, Гостомысла, набѣгъ Рюрика, Рогнѣду. Вновь онъ идетъ къ Новгороду. (Нева).

Могила Гостомысла. Онъ находитъ тамъ друга. I сцена трагедіи. Заговорщики собираются. Клянутся умереть за свободу Новгорода. Тризна. Обряды. Вадимъ назначаетъ свиданіе Рогнѣдѣ. —

Свадебный пиръ. Рюрикъ выдаетъ свою дочь за Стимида — перваго полководца, гости садятся за столы, — скатерти. Ихъ видятъ. Вадимъ въ числѣ гостей. Пьютъ здоровье Рюрика, братьевъ жениха и невѣсты, Варяговъ. Вадимъ роздарилъ все, пьетъ здоровье гражданъ и Новгорода — почему?

*

Вадимъ влюбленъ. Рогнѣда, дочь Гостомысла. Она невѣста Громвала, Славянина Рюрика. Вадимъ и его шайка таятся близъ могилы Гостомысла. Вадимъ былъ во дворцѣ и въ городѣ и назначилъ свиданье Рогнѣдѣ.

Рюрикъ и Громвалъ — презрѣніе къ народу самовластія. Громвалъ его защищаетъ. Рогнѣда, различныя ея воспоминанія. Является Вадимъ. Рогнѣда, Рюрикъ и Громвалъ.

Вадимъ въ Новгородѣ на вѣчѣ. Вѣстникъ — толпа — Рюрикъ. Рогнѣда открываетъ заговоръ — бунтъ — бой — Вадимъ передъ Рюрикомъ.

Вадимъ и Громвалъ — свиданье — друзья дѣтства.

*

Преданія: Славенъ оснуетъ городъ Славянскъ. Вандалъ, сынъ его. Гардоринъ и Гунигаръ завоеватели. Изборъ, Столпосвятъ и Влад., жрецъ на Адвиндѣ. Сыновья его. Буривой, сынъ Влад., отецъ Гостомысла.

Вадимъ въ мрачную ночь, сокрытый у гробницы Гостомысла.

ПРОГРАММА Д[illegible]ИЗЪ ЭПОХИ ЦАРЕВНЫ [illegible]ОФЬИ

Стрѣ(лецъ), влюбленный въ боярскую дочь, — отказъ — приходитъ къ другу-заговорщику — вступаетъ въ заговоръ...

*

Софья во дворцѣ (монастырѣ)
Нищіе, скоморохъ
Скоморохъ и ст. раскольникъ
Молодой стрѣлецъ; заговоръ.

Стрѣлецъ влюбляется въ Ржевскую, сватается получаетъ отказъ; онъ становится унылъ, товарищъ открываетъ ему заговоръ, онъ объявляетъ обо всемъ правительницѣ. Софья принимаетъ его, какъ заговорщика; объясненіе, Софья сваха, комедія у боярин[illegible] Ржевская замужемъ

Бу[illegible] его стрѣлецкій, бояринъ спасенъ имъ, обѣщаетъ выдать за него дочь
(Мать торопится)
(Выдаетъ ее за боярина)
(Думного дворянина)

Стрѣлецъ, сынъ ст. раск., видитъ Ржевскую въ окошко, переодѣтую горничной дѣвушкой, — сва-

тается черезъ мамушку-раскольницу, — получаетъ отказъ.

Полковникъ стрѣлецкій имѣетъ большое вліяніе на своихъ; Софья хочетъ его къ себѣ переманить. — Онъ разсказываетъ ей, какимъ образомъ онъ узналъ о заговорѣ.

С. О чемъ же ты такъ печаленъ? — Объ отказѣ.

— Я сваха

— Но будь же, etc.

1829—1830 г. г.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА ВЪ ПИСЬМАХЪ

I. Отъ Лизы къ подругѣ

Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась нечаянному моему отъѣзду въ деревню. Спѣшу объясниться во всемъ откровенно. Зависимость моего положенія была всегда мнѣ тягостна. Конечно, Авдотья Андреевна воспитала меня наравнѣ съ своею племянницею. Но въ ея домѣ я все же была воспитанница, а ты не можешь вообразить, какъ много мелочныхъ горестей неразлучны съ этимъ званіемъ. Многое должна была я сносить, во многомъ уступать, многаго не видѣть, между тѣмъ какъ мое самолюбіе прилежно замѣчало малѣйшій оттѣнокъ небреженія. Самое равенство мое съ княжною было мнѣ въ тягость. Когда являлись мы на балѣ, одѣтыя одинаково, я досадовала, не видя на ея шеѣ жемчуговъ. Я чувствовала, что она не носила ихъ для того только, чтобъ не отличаться отъ меня. Неужь-то предполагаютъ во мнѣ, думала я, зависть, или что нибудь похожее на такое дѣтское малодушіе? Поведеніе со мною мущинъ, какъ бы оно ни было учтиво, поминутно задѣвало мое самолюбіе. Холодность ихъ или привѣтливость, все казалось мнѣ неуваженіемъ. Словомъ я была созданіе пренещастное, и сердце мое, отъ природы

нѣжное, часъ отъ часу болѣе ожесточалось. Замѣтила ли ты, что всѣ дѣвушки, состоящія на правахъ воспитанницъ, дальнихъ родственницъ, demoiselles de compagnie и тому подобное, обыкновенно бываютъ или низкія служанки, или несносныя причудницы? Послѣднихъ я уважаю и извиняю отъ всего сердца.

Тому ровно три недѣли получила я письмо отъ бѣдной моей бабушки. Она жаловалась на свое одиночество и звала меня къ себѣ въ деревню. Я рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ. Насилу могла выпросить у Ав. Ан. позволеніе ѣхать и должна была обѣщать зимою возвратиться въ Петербургъ, но я не намѣрена сдержать свое слово. Бабушка мнѣ чрезвычайно обрадовалась: она никакъ меня не ожидала.

Слезы ея меня тронули несказанно: я сердечно ее полюбила. Она была нѣкогда въ большомъ свѣтѣ и сохранила много тогдашней любезности. Теперь я живу дома и хозяйкою — и ты не повѣришь, какое это наслажденіе. Я тотчасъ привыкла къ жизни, и мнѣ вовсе не чувствительно отсутствіе роскоши. Деревня наша очень мила. Старый домъ на горѣ, садъ, озеро, сосновая роща, все это осенью немного печально, но за то весной и лѣтомъ должно казаться раемъ. Сосѣдей у насъ мало и я еще ни съ кѣмъ не видѣлась. Уединеніе мнѣ нравится.

Пиши ко мнѣ, мой Ангелъ: письма твои будутъ мнѣ утѣшеніемъ. Что ваши балы, что наши общіе знакомые? Хотя я и сдѣлалась затворницей, однако жъ не вовсе отказалась отъ суеты міра. Вѣсти о немъ для меня занимательны.

С. Павловское

II. Отъ Саши въ деревню къ другу своему

Милая Лиза! Вообрази мое изумленіе, когда узнала твой отъѣздъ въ деревню. Увидѣвъ княжну Ольгу одну, я думала, что ты нездорова, и не хотѣла вѣрить ея словамъ. На другой день получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой Ангелъ, съ новымъ образомъ жизни. Радуюсь, что онъ тебѣ понравился. Твои жалобы о прежнемъ твоемъ положеніи меня тронули до слезъ, но показались мнѣ слишкомъ горькими. Какъ можешь ты сравнивать себя съ воспитанницами?... Всѣ знаютъ, что Ольгинъ отецъ былъ всѣмъ обязанъ твоему, и что дружба ихъ была столь же священна, какъ самое близкое родство. Ты была довольна своею судьбой; никогда не предполагала я въ тебѣ столько раздражительности. Признайся, нѣтъ ли другой, тайной причины твоему поспѣшному отъѣзду?... Я подозрѣваю, но ты со мною скрытничаешь, и я боюсь разсердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебѣ про Петербургъ? Мы еще на дачѣ, но почти всѣ уже разъѣхались. Балы начнутся недѣли черезъ двѣ-три. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На дняхъ обѣдали у насъ гости и одинъ изъ нихъ спрашивалъ: имѣю-ли я о тебѣ извѣстія? Онъ сказалъ, что твое отсутствіе замѣтно, какъ порванная стр/на въ фортепіано. Я совершенно согласна съ нимъ. Я все надѣюсь, что этотъ припадокъ мизантропіи будетъ непродолжителенъ, а то нынѣшнею зимою мнѣ не съ кѣмъ будетъ раздѣлить моихъ невинныхъ наблюденій, некому будетъ передавать эпиграммы моего сердца. Прости, моя милая, подумай и одумайся.

Крестовскій островъ

III. Письмо Лизы

1 ноября

Письмо твое меня чрезвычайно утѣшило: оно такъ живо напомнило мнѣ Петербургъ. Мнѣ казалось, я тебя слышу. Какъ смѣшны твои вѣчныя предположенія! Ты подозрѣваешь во мнѣ какія то глубокія, тайныя чувства, какую то несчастную любовь — не правда ли? Успокойся, милая. Я похожа на героиню только тѣмъ, что живу въ глухой деревнѣ и разливаю чай, какъ Кларисса Гарловъ.

Ты говоришь, что тебѣ некому будетъ нынѣшнею зимою передавать своихъ сатирическихъ наблюденій. А на что жъ переписка? Пиши ко мнѣ все, что замѣтишь; повторяю тебѣ, что я вовсе не отказалась отъ свѣта, что все касающееся до него для меня занимательно. Въ доказательство того, прошу тебя написать кому отсутствіе мое такъ замѣтно? Алексѣю П*? Я увѣрена, что угадала. Уши мои были всегда къ его услугамъ, а ему только и надобно.

Я познакомилась здѣсь съ семействомъ ***. Отецъ хлѣбосолъ, мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста, дочка Маша стройная, меланхолическая дѣвушка лѣтъ семнадцати, воспитанная на романахъ и на чистомъ воздухѣ. Она цѣлый день въ полѣ съ книгою въ рукахъ, окружена дворными собаками, говоритъ о погодѣ напраспѣвъ, и съ чувствомъ подчуетъ вареньемъ. У нея нашла я цѣлый шкафъ, наполненный старыми романами. Я намѣрена все это прочесть и начала Ричардсономъ. Надобно жить въ деревнѣ, чтобъ имѣть возможность прочитать хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала съ предисловія переводчика, и увидя въ немъ увѣреніе, что хотя первыя шесть

частей скучненьки, зато послѣднія шесть въ полной мѣрѣ вознаградятъ терпѣніе читателя, храбро принялась за дѣло. Читаю томъ, другой, третій — скучно, мочи нѣтъ — наконецъ добилась до шестаго. Ну, думаю я — теперь буду я награждена за трудъ. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловеласа и конецъ. Я и не замѣтила перехода отъ скучныхъ къ нескучнымъ.

Чтеніе Ричардсона дало мнѣ поводъ къ размышленіямъ. Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и внучекъ! Что есть общаго между Ловеласомъ и Адольфомъ? Между тѣмъ, роль женщинъ не измѣняется. Кларисса, за исключеніемъ церемонныхъ присѣданій, все жъ походитъ на героиню новѣйшихъ романовъ, потому-ли, что способы нравиться въ мущинѣ зависятъ отъ моды, отъ минутнаго вліянія, а въ женщинахъ они основаны на чувствѣ и природѣ, которыя вѣчны.

Ты видишь, я съ тобою болтлива по обыкновенному. Не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мнѣ какъ можно чаще и какъ можно болѣе — ты не можешь вообразить, что значитъ ожиданіе почтоваго дня въ деревнѣ. Ожиданіе бала не можетъ съ нимъ сравниться.

IV. Отвѣтъ Саши

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтобъ смирить твое самолюбіе, объявляю тебѣ, что Алексѣй П** вовсе не замѣчаетъ твоего отсутствія. Онъ привязался къ леди Пелгамъ, пріѣзжей англичанкѣ, и отъ нея не отходитъ. На его рѣчи отвѣчаетъ она видомъ невиннаго удивленія и маленькимъ восклицаніемъ: о, ло! — а онъ въ восхищеніи. Знай-же: спрашивалъ о тебѣ, жалѣетъ о тебѣ всѣмъ сердцемъ твоі

постоянный admirateur Владиміръ Z*. Довольна ли ты? Думаю, очень довольна, и по своему обыкновенію осмѣливаюсь предполагать, что и безъ меня ты догадалась.

Шутки въ сторону, Z* очень занятъ тобою. На твоемъ мѣстѣ я бы завела его далеко. Онъ прекрасный женихъ. Зачѣмъ не выйти за него? Ты жила бы на Англійской набережной, по субботамъ имѣла бы вечера, и всякое утро заѣзжала бы за мною. Полно тебѣ дурачиться, мой Ангелъ — брось деревню, пріѣзжай къ намъ и выходи за Z*.

Третьяго дня былъ балъ у К. К. — народу было пропасть, танцовали до пяти часовъ; К. В. была одѣта очень просто, бѣлое, креповое платьице, даже безъ garnitures, а на головѣ и на шеѣ на полмилліона брилліантовъ; только З*, по своему обыкновенію, была одѣта уморительно. Откуда беретъ она свои наряды? На платьѣ ея нашиты не цвѣты, а какіе то сушеные грибы. Не ты ли ей, мой ангелъ, прислала ихъ изъ деревни? Владиміръ Z* не танцовалъ: онъ ѣдетъ въ отпускъ. С — ы пріѣхали (вѣроятно первыя), просидѣли всю ночь не танцуя, и уѣхали послѣднія. Старшая, кажется, была нарумянена: пора! Балъ очень удался. Мущины были недовольны ужиномъ, но вѣдь они всегда должны быть чѣмъ нибудь да не довольны. Мнѣ было очень весело, хотя я и танцовала съ несноснымъ дипломатомъ Ст., который къ природной своей глупости присоединилъ разсѣянность, вывезенную имъ изъ Мадрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчетъ о Ричардсонѣ. Теперь я имѣю о немъ понятіе — прочитать его не надѣюсь съ моимъ нетерпѣніемъ: я и въ Зальтеръ-Скоттѣ нахожу лишнія страницы. Кста-

ти, кажется, романъ Елены Н. и графа Л. — кончается, по крайней мѣрѣ онъ такъ пріунылъ, а она такъ важничаетъ, что, вѣроятно, свадьба рѣшена. Довольна ли ты сегодняшней моею болтовней?

V. Письмо Лизы

Нѣтъ, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и пріѣхать къ вамъ на свадьбы. Откровенно признаюсь, что Владиміръ Z* мнѣ нравился, но никогда я не предполагала вытти за него. Онъ аристократъ — а я смиренная мѣщанка. Спѣшу объясниться и съ гордостью замѣтить, какъ истинная героиня романа, что родомъ принадлежу я къ старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь внукъ бородатаго милліонщика. Какъ бы то ни было, Z* человѣкъ свѣтскій; я могла ему понравиться, но онъ для меня не пожертвуетъ ни богатою невѣстой, ни выгоднымъ родствомъ. Если когда-нибудь и выйду замужъ, то выберу здѣсь какого-нибудь сорокалѣтняго помѣщика: онъ станетъ заниматься сахарнымъ заводомъ своимъ, а я буду щастлива, не танцуя на балѣ у К. К. и не имѣя у себя субботъ на Англійской набережной.

У насъ зима. Въ деревнѣ c'est un événement. Это вовсе перемѣняетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками — все дѣлается свѣтлѣе, веселѣе отъ перваго снѣга. Я никакъ этого не ожидала. Зима въ деревнѣ пугала меня. Но все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась съ Машенькой *** и полюбила ее. У ней много хорошаго и оригинальнаго. Недавно узнала я, что Владиміръ Z* близкій родня Машѣ. Она не видала его семь лѣтъ, но отъ

него въ восхищеніи. Онъ провелъ у нихъ одно лѣто — и Маша безпрестанно разсказываетъ всѣ подробности тогдашней его жизни. Читая ея романы, я нахожу на поляхъ его замѣчанія, блѣдно писанныя карандашемъ: видно, что онъ тогда былъ ребенокъ. Его поражали мысли и чувства, надъ которыми, конечно, сталъ бы онъ теперь смѣяться; по крайней мѣрѣ видна душа свѣжая, чувствительная. Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, какъ странно въ 1825 году читать романъ, писанный въ 1775. Кажется будто вдругъ изъ своей гостиной входишь въ старинную залу, обитую штофомъ, садишься на атласныя пуховыя кресла, видишь около себя странныя, однако жъ знакомыя платья и лица, и узнаешь своихъ дядюшекъ и бабушекъ, но помолодѣвшими. Большею частію эти романы не имѣютъ другаго достоинства: происшествіе занимательно, положеніе хорошо запутано, но Бельмуръ говоритъ косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво. Умный человѣкъ могъ бы взять здѣсь готовый планъ, готовые характеры, исправить слогъ и безсмыслицы, дополнить недомолвки — и вышелъ бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю П*. Полно ему тратить умъ на разговоры съ англичанками! Пусть онъ по старой канвѣ вышьетъ новые узоры и представитъ намъ въ маленькой рамѣ картину свѣта и людей, которыхъ онъ такъ хорошо знаетъ.

Маша хорошо знаетъ русскую литературу. Вообще здѣсь болѣе занимаются словесностью, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь получаютъ журналы, принимаютъ участіе въ ихъ перебранкахъ, попеременно терятъ обѣимъ сторонамъ и сердятся за любимаго

писателя, если онъ раскритикованъ. Теперь я понимаю, почему Вяз. и Пушкинъ такъ любятъ уѣздныхъ барышень: онѣ — ихъ истинная публика. Я тоже заглянула въ журналы... Смѣшно видѣть, какъ тамъ важно упрекаютъ въ безнравственности и неблагопристойности сочиненія, которыя прочли мы всѣ, петербургскія недотроги.

VI. Другое письмо Лизы вслѣдъ за предыдущимъ

Милая! мнѣ невозможно долѣе притворяться, мнѣ нужны помощь и совѣты дружбы. Тотъ, отъ котораго я убѣжала, кого боюсь, какъ нещастія, Z* — здѣсь! Что мнѣ дѣлать! Голова моя кружится, я теряюсь; ради Бога — рѣши, что мнѣ дѣлать. Разскажу тебѣ все.

Ты замѣтила прошедшею зимою, что онъ отъ меня не отходилъ. Напрасно вооружалась я холодностію, даже видомъ пренебреженія — ни чѣмъ не могла я избавиться отъ него. На балахъ онъ вѣчно умѣлъ найти мѣсто возлѣ меня, на гуляньи онъ вѣчно съ нами встрѣчался, въ театрѣ лорнетъ его былъ устремленъ на нашу ложу. Онъ къ намъ не ѣздилъ, но мы видѣлись вездѣ.

Сначала это льстило моему самолюбію. Я, можетъ быть, слишкомъ дала ему замѣтить это. По крайней мѣрѣ, онъ каждый часъ присвоивалъ себѣ новыя права, говорилъ мнѣ о своихъ чувствахъ, то ревновалъ, то жаловался. Съ ужасомъ думала я — къ чему все это ведетъ и съ отчаяніемъ признавала власть его надъ моею душой. Я уѣхала изъ Петербурга, думая тѣмъ прекратить зло въ самомъ началѣ. Моя рѣшимость, увѣренность въ томъ, что

я исполнила свой долгъ — успокоили-было мое сердце. Я начинала думать о немъ равнодушнѣе, съ меньшею горестью. Вдругъ я его вижу.

Я его вижу. Вчера были именины Машенькиной maman. Я пріѣхала къ обѣду, вхожу въ гостиную, нахожу толпу гостей, уланскіе мундиры и дамы меня окружаютъ. Я со всѣми ими перецаловалась, не замѣчая никого, сажусь подлѣ хозяйки, гляжу — Z* передо мной. Я остолбенѣла. Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько словъ съ видомъ такой нѣжной, искренней радости, что я не имѣла силы скрыть ни замѣшательства своего, ни удовольствія.

Пошли за столъ. Онъ сѣлъ противъ меня; я не смѣла на него взглянуть, но замѣчала, что всѣ глаза были устремлены на него. Онъ былъ молчаливъ; въ другое время меня бы очень занимало безпокойство барышень, общее желаніе привлечь вниманіе пріѣзжаго гвардейца, неловкость мущинъ, хохотъ ихъ при собственныхъ шуткахъ, и совершенное невниманіе, учтивая холодность гостя...

Послѣ обѣда онъ ко мнѣ подошелъ. Чувствуя, что мнѣ было надобно что-нибудь сказать, я спросила довольно не кстати: по дѣламъ ли заѣхалъ онъ въ нашу сторону? «Я пріѣхалъ по одному дѣлу, отъ котораго зависитъ щастіе моей жизни» — отвѣчалъ онъ вполголоса и отошелъ. Онъ сѣлъ играть въ бостонъ съ тремя старушками (въ томъ числѣ съ бабушкой), а я ушла наверхъ къ Машѣ, гдѣ пролежала до вечера, подъ предлогомъ головной боли. Въ самомъ дѣлѣ, я была хуже чѣмъ нездорова. Машенька отъ меня не отходила. Она въ восторгѣ отъ Z*. «Онъ пробудетъ у нихъ цѣлый мѣсяцъ, или болѣе.» «Она цѣлый день будетъ съ нимъ.» Право, она влюблена въ него. Дай Богъ, чтобъ и онъ влю-

бился. Она статна и стройна — мущинамъ только того и надобно.

Что мнѣ дѣлать? Здѣсь уже не будетъ мнѣ возможности избѣгнуть его преслѣдованій. Онъ уже успѣлъ обворожить бабушку. Онъ будетъ ѣздить къ намъ. Опять пойдутъ признанія, жалобы, клятвы — и къ чему? Онъ добьется моей любви, моего признанія, потомъ размыслитъ о невыгодахъ женитьбы, уѣдетъ подъ какимъ нибудь предлогомъ, оставитъ меня — а я? Какая ужасная будущность! Ради Бога, дай мнѣ руку, я тону.

VII. Отвѣтъ Саши

То ли дѣло облегчить сердце полной исповѣдью. Давно бы такъ, мой ангелъ! Охота тебѣ была не сознаваться мнѣ въ томъ, что я давно знала: Z* и ты — вы влюблены другъ въ друга. Что за бѣда? На здоровье. Ты имѣешь даръ смотрѣть на вещи, Богъ знаетъ съ какой стороны. Ты напрашиваешься на нещастіе — берегись накликать его. Почему тебѣ не выйти за Z*? Какія тутъ неодолимыя препятствія? Онъ богатъ, а ты бѣдна — пустое! Онъ богатъ за двухъ — чего же вамъ болѣе? Онъ аристократъ, а ты развѣ не то же именемъ и воспитаніемъ? Недавно онъ объявилъ, что стоитъ рѣшительно на сторонѣ аристократокъ, потому что онѣ лучше обуваются. И такъ не ясно ль, что ты съ головы до ногъ аристократка. Извини меня, мой Ангелъ, но твое патетическое письмо разсмѣшило меня. Z* пріѣхалъ въ деревню для того, чтобъ тебя видѣть. Какой ужасъ! ты гибнешь, требуешь совѣтовъ дружбы... Вотъ мой совѣтъ — обвѣнчаться какъ можно скорѣе въ вашей деревенской церкви, и пріѣхать къ намъ, чтобъ явиться въ картинахъ

которыя затѣваются у С. Поступокъ твоего ры-
царя меня тронулъ, кромѣ шутокъ. Конечно, вста-
рину любовникъ для благосклоннаго взгляда уѣз-
жалъ на три года скитаться въ Палестину, но въ
наши времена уѣхать за 500 верстъ отъ Петер-
бурга для того, чтобъ увидѣться съ владычицею
своего сердца — это много значитъ! Z* достоинъ
награды.

VIII. Письмо Владиміра Z* къ другу въ Петербургъ

Сдѣлай одолженіе, распусти слухъ, что я при-
смерти боленъ. Я намѣренъ просрочить и хочу
соблюсти всевозможную благопристойность. Вотъ
уже двѣ недѣли, какъ я живу въ деревнѣ и не вижу,
какъ время летитъ: отдыхаю отъ петербургской
жизни, которая мнѣ ужасно надоѣла. Не любить
деревни простительно монастыркѣ, только что вы-
пущенной изъ клѣтки, да двадцатилѣтнему камеръ-
юнкеру. Петербургъ прихожая, Москва дѣвичья —
деревня же нашъ кабинетъ. Порядочный человѣкъ,
по необходимости, проходитъ черезъ переднюю,
рѣдко заглядываетъ въ дѣвичью, а сидитъ у себя
въ кабинетѣ. Тѣмъ и я кончу — выйду въ отставку,
женюсь и уѣду въ свою деревню. Званіе помѣщика
есть та же служба. Заниматься тремя тысячами
душъ, коихъ все благосостояніе зависитъ совер-
шенно отъ насъ, важнѣе, чѣмъ командовать взво-
домъ или переписывать дипломатическія депеши.

Небреженіе, въ которомъ оставляемъ мы нашихъ
крестьянъ, непростительно. Чѣмъ болѣе имѣемъ
мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обя-
занностей въ ихъ отношеніи. Мы оставляемъ ихъ

на произволъ плута прикащика, который ихъ притѣсняетъ, а насъ обкрадываетъ; мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы и разоряемся: старость насъ застаетъ въ нуждѣ и въ хлопотахъ. Вотъ причина быстраго упадка нашего дворянства: дѣдъ былъ богатъ, сынъ нуждается, внукъ идетъ по-міру. Древнія фамиліи приходятъ въ нищенство, новыя подымаются и въ третьемъ поколѣніи исчезаютъ опять. Къ чему ведетъ такой политическій матеріализмъ? Не знаю, но пора положить этому преграды. Говоря въ пользу аристократіи, я не корчу англійскаго лорда: мое происхожденіе, хоть я имъ и не стыжусь, не даетъ мнѣ на то никакого права, но я согласенъ съ Лабрюеромъ: Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme.

Я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть уничиженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожитъ, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. Прошедшее для насъ и не существуетъ, — да и какой гордости воспоминаній ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникахъ: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарскій? Что такое гражданинъ Мининъ? Былъ окольничій князя Дмитрій и былъ Козьма Миничъ Сухорукой, выборные отъ всего государства. Но отечество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ!

Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упоминается имя его предка, честнаго рыцаря, павшаго въ такой то битвѣ, или въ такомъ то году воз-

вратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіею своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство. Конечно, есть достоинство выше знатности рода — именно достоинство личное. Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими имена ми.

Все это надумалъ я, живучи въ чужой деревнѣ, глядя на управленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ. Эти господа не служатъ и сами занимаются управленіемъ своихъ деревушекъ, но, признаюсь, дай Богъ имъ промотаться, какъ нашему брату! Какая дикость! Для нихъ не прошли еще времена Фонъ-Визина, между ними процвѣтаютъ Простаковы и Скотинины!

Это впрочемъ не относится къ родственнику, у котораго я въ гостяхъ. Онъ очень добрый человѣкъ, жена его очень добрая баба, дочь очень добрая дѣвочка. Ты видишь, что я сталъ очень добръ. Въ самомъ дѣлѣ — съ тѣхъ поръ какъ я въ деревнѣ, я сталъ отмѣнно благосклоненъ и снисходителенъ. Дѣйствіе ли патріархальной жизни и присутствія Лизы ***. Мнѣ было скучно безъ нея не на шутку. Я пріѣхалъ уговорить ее возвратиться въ Петербургъ. Наше первое свиданіе было великолѣпно. Тетка была именинница, все сосѣдство съѣхалось,

явилась и Лиза — и едва повѣрила самой себѣ, увидѣвъ меня . . . Она не могла не признаться, что я пріѣхалъ сюда только для нея. По крайней мѣрѣ, я постарался дать ей это почувствовать. Здѣсь мой успѣхъ превзошелъ мои ожиданія (что много значитъ). Старушки отъ меня въ восхищеніи, барыни ко мнѣ такъ и льнутъ, а потому что... Мущины отмѣнно недовольны моею fatuité insolente, которая здѣсь еще новость. Они бѣсятся тѣмъ болѣе, что я чрезвычайно учтивъ и благопристоенъ. Они никакъ не понимаютъ, въ чемъ именно состоитъ мое нахальство, хотя и чувствуютъ, что я нахалъ. Прощай. Что дѣлаютъ наши? Servitor di tutti quanti. Пиши ко мнѣ въ село ***.

IX. Отвѣтъ друга

Порученіе твое мною исполнено. Вчера въ театрѣ объявилъ я, что ты занемогъ нервическою горячкой и что, вѣроятно, тебя уже нѣтъ на свѣтѣ. И такъ пользуйся жизнію, покамѣстъ еще ты не воскресъ.

Дай Богъ, чтобъ твое пребываніе въ селѣ ** въ самомъ дѣлѣ пріучило тебя къ деревенскому быту. Твои нравственныя размышленія на счетъ управленія имѣній радуютъ меня за тебя. Чины въ Россіи необходимость — хотя бы для однихъ станцій, гдѣ безъ нихъ не добиться лошадей.

Пустившись въ важныя разсужденія, я совсѣмъ забылъ, что теперь тебѣ не до того. Ты занятъ своею Лизою. Охота тебѣ корчить г-на Фобласа и вѣчно возиться съ женщинами! Въ этомъ отношеніи ты отсталъ отъ своего вѣка и сбиваешься на ci-devant гвардіи хрипуна 1807 г. Покамѣстъ это

незамѣтно, — скоро ты будешь смѣшнѣе генерала ***. Не лучше ли заранѣе привыкнуть къ строгости зрѣлаго возраста и добровольно отказаться отъ увядающей молодости? Знаю, что проповѣдую втунѣ, но таково мое назначеніе.

Всѣ твои друзья тебѣ кланяются и очень жалѣютъ о преждевременной твоей кончинѣ, между прочимъ и прежняя твоя пріятельница, которая возвратилась изъ Рима, влюбленная въ папу. Какъ то на нее похоже и какъ это должно тебя восхитить! Не пріѣдешь ли для соперничества cum ervo servorum Dei? Это было бы похоже на тебя. И всякій день стану тебя ожидать.

X. Второе письмо Владиміра Z* къ другу въ Петербургъ

Выговоры твои совершенно несправедливы. Не ѣ, но ты отсталъ отъ своего вѣка — и цѣлымъ десятилѣтіемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: тамъ неприлично было танцовать, и некогда заниматься дамами. Честь имѣю донести тебѣ: теперь то все перемѣнилось. Французская кадриль замѣнила Адама Смита. Всякій волочится и веселится, какъ умѣетъ. Я слѣдую духу времени, но ты неподвиженъ, ты ci-devant un homme стереотипъ. Охота тебѣ сиднемъ сидѣть одному на оппозиціонной скамеечкѣ. Надѣюсь что X* обратитъ тебя на истинный путь: поручаю тебя ея ватиканскому кокетству.

Что касается до меня — я совершенно предалс
патріархальной жизни: ложусь спать въ десять ча
совъ, ѣзжу на порошу съ здѣшними помѣщикам
играю со старухами въ бостонъ по копѣйкѣ, и сер
жусь, когда проигрываю. Съ Лизой вижусь кажды
день и часъ-отъ-часу болѣе въ нее влюбляюсь. В
ней много увлекательнаго. Эта тихая, благородна
стройность въ обращеніи — главная прелесть вы
шаго петербургскаго общества — а между тѣм
что-то живое, снисходительное, доброродное (как
говоритъ ея бабушка), ничего рѣзкаго, жесткаг
въ ея сужденіяхъ. Она не морщится передъ впечат
лѣніями, какъ ребенокъ предъ принятіемъ ревен
Она слушаетъ и понимаетъ — рѣдкое достоинств
въ нашихъ женщинахъ. Я часто удивлялся ту
пости понятія или нечистотѣ воображенія дам
впрочемъ очень любезныхъ и милыхъ. Част
самое тонкое, самое поэтическое привѣтствіе он
принимаютъ или за нахальную эпиграмму, ил
за неблагопристойную плоскость. Въ такомъ слу
чаѣ холодный видъ, ими принимаемый, такъ убійст
венно отвратителенъ, что самая пылкая любов
противъ него не устоитъ. Это испыталъ я с
Еленой ***, въ которую былъ влюбленъ безъ па
мяти: я сказалъ ей какую-то нѣжность, она при
няла ее за грубость и пожаловалась на мен
своей пріятельницѣ. Это меня вовсе разо
чаровало.

Кромѣ Лизы есть у меня для развлеченія одн
милая дѣвушка, моя родственница. Эта дѣвушка
выросшая подъ яблонями, воспитанная между
скирдами, природой и нянюшками, гораздо милѣ
нашихъ однообразныхъ красавицъ, которыя д
свадьбы придерживаются мнѣнія маменекъ,

послѣ свадьбы мнѣнія мужьевъ. Прощай, мой милый. Что новаго въ свѣтѣ? Объяви всѣмъ, что наконецъ и я пустился въ поэзію; намедни сочинилъ я надпись къ портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня)... Попроси В. прислать первый стихъ и отнынѣ считать меня поэтомъ.

1830—1831 г. г.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Участь моя рѣшена. Я женюсь... Та, которую любилъ я цѣлыхъ два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которой встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ, — Боже мой, она почти моя!

Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе послѣдней замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ — все это въ сравненіи съ нимъ ничего не значитъ.

Дѣло въ томъ, что я боялся не одного отказа. Одинъ изъ моихъ пріятелей говаривалъ: не понимаю, какимъ образомъ можно свататься, если знаешь навѣрное, что не будетъ отказа. Жениться — легко сказать! Большая часть людей видятъ въ женитьбѣ шали, взятыя въ долгъ, новую карету и розовый шлафрокъ, другіе — приданое и степенную жизнь, третьи женятся такъ — потому что всѣ женятся — потому что имъ тридцать лѣтъ. Спросите ихъ, что такое бракъ — въ отвѣтъ они скажутъ вамъ пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. жертвую независимостію, моей безпечной, прихотливой независимостію, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ, непостоянствомъ. Итакъ, я (удвоиваю)

жизнь и безъ того неполную, я стану думать: мы. Я никогда не хлопоталъ о щастіи: я могъ обойтиться и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его. —

Пока я не женатъ, что значатъ мои обязанности? Есть у меня больной дядя, котораго почти никогда не вижу. Заѣду къ нему — онъ очень радъ; нѣтъ — такъ онъ извинитъ меня: «повѣса мой молодъ, ему не до меня.» Я ни съ кѣмъ не въ перепискѣ; долги свои выплачиваю каждый мѣсяцъ. Утромъ встаю когда хочу, принимаю кого хочу; вздумаю гулять — мнѣ сѣдлаютъ мою умную, славную Женни; ѣду переулками, смотрю въ окна низенькихъ домиковъ; здѣсь сидитъ семейство за самоваромъ, тамъ слуга мететъ комнаты, далѣе дѣвочка учится за фортепіано; подлѣ нея ремесленникъ музыкантъ. Она поворачиваетъ ко мнѣ разсѣянное лицо — учитель ее бранитъ — я шагомъ ѣду мимо. Пріѣду домой, разбираю книги, бумаги, привожу въ порядокъ мой туалетный столикъ; одѣваюсь небрежно, если ѣду въ гости; со всевозможною старательностью, если обѣдаю въ ресторацiи, гдѣ читаю или новый романъ, или журналы. Если же Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ ничего не написали, а въ газетахъ нѣтъ какого-нибудь уголовнаго процесса — то требую бутылку шампанскаго во льду, смотрю, какъ рюмка стынетъ отъ холода, пью медленно, радуясь, что обѣдъ стоитъ мнѣ семнадцать рублей, и что могу позволить себѣ эту шалость. Ѣду въ театръ, — отыскиваю въ какой нибудь ложѣ замѣчательный уборъ, черные глаза; между нами начинается сношеніе — я занятъ до самаго разъѣзда. Вечеръ провожу или въ мужскомъ обществѣ, гдѣ тѣснится весь городъ, гдѣ я вижу

всѣхъ и все и гдѣ меня никто не замѣчаетъ, или въ любезномъ избранномъ кругу, гдѣ говорю я про себя и гдѣ меня слушаютъ. Возвращаюсь поздно — засыпаю, читая хорошую книгу. На другой день опять ѣду верхомъ переулками, мимо дома, гдѣ дѣвочка играла на фортепіано... она твердитъ на фортепіано вчерашній урокъ. Она взглянула на меня, какъ на знакомаго, и засмѣялась. (Я кланяюсь и ѣду мимо.) Вотъ моя холостая жизнь...

12 мая 1830 г.

Но если мнѣ откажутъ, думалъ я, поѣду въ чужіе края — и уже воображалъ себя на пироскафѣ. Около меня суетятся, прощаются, носятъ чемоданы, смотрятъ на часы — пироскафъ тронулся; морской, свѣжій воздухъ вѣетъ мнѣ въ лицо; я долго смотрю на убѣгающій берегъ. My native land, adieu! Подлѣ меня молодую женщину начинаетъ тошнить: это придаетъ ея блѣдному лицу выраженіе томной нѣжности. Она проситъ у меня воды. Слава Богу, до Кронштадта есть у меня занятіе.

Въ эту минуту подали мнѣ записочку — отвѣтъ на мое письмо. Отецъ невѣсты моей ласково звалъ меня къ себѣ... Нѣтъ сомнѣнія, предложеніе мое принято. Наденька — мой ангелъ — она моя!... Всѣ печальныя сомнѣнія исчезли передъ этой райской мыслію. Бросаюсь въ карету, скачу — вотъ ихъ домъ — вхожу въ переднюю, — уже по торопливому пріему слугъ вижу, что я женихъ. Я смутился: эти люди знаютъ мое сердце! говорятъ о моей любви на своемъ холопскомъ языкѣ!... Отецъ и мать сидѣли въ гостиной. Первый встрѣтилъ меня съ отверстыми объятіями. Онъ вынулъ изъ кармана

платокъ. Онъ хотѣлъ быть тронутымъ, заплакать — но не могъ и рѣшился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку — она вошла блѣдная, неловкая. Отецъ вышелъ и вынесъ образъ Николая чудотворца и Казанской Богоматери. Насъ благословили. Наденька подала мнѣ холодную, безотвѣтную руку. Мать заговорила о приданомъ, отецъ о саратовской деревнѣ — и я женихъ.

И такъ, ужъ это не тайна двухъ сердецъ. Это сегодня новость домашняя, завтра — площадная. Такъ поэма, обдуманная въ уединеніи, въ лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны продается потомъ въ книжной лавкѣ и критикуется въ журналѣ дураками.

12 мая 1830 г.

Всѣ радуются моему щастію, всѣ поздравляютъ, всѣ полюбили меня. Всякій предлагаетъ мнѣ свои услуги — кто свой домъ, кто денегъ взаймы, кто знакомаго бухарца съ шалями.

Иные безпокоятся о многочисленности будущаго моего семейства и предлагаютъ мнѣ 12 дюжинъ перчатокъ съ портретомъ M-lle Зонтагъ. Молодые люди начинаютъ со мною чиниться, уважаютъ во мнѣ уже непріятеля. Дамы въ глаза хвалятъ мой выборъ, а заочно жалѣютъ о бѣдной моей невѣстѣ. — «Бѣдная! она такъ молода, такъ невинна, а онъ такой вѣтреный, безнравственный.»

Признаюсь, это начинаетъ мнѣ надоѣдать. Мнѣ нравится обычай какого-то древняго народа: женихъ тайно похищалъ свою невѣсту, — на другой день

представлялъ уже онъ ее городскимъ сплетницамъ, какъ свою супругу. У насъ пріуготовляютъ къ семейственному щастію печатными объявленіями, подарками, извѣстными всему городу, форменными письмами, визитами — словомъ сказать, соблазномъ всякаго рода. —

1830—1831 г. г.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ

Графиня одна, держитъ письмо.

«Черезъ недѣлю буду въ Парижѣ непремѣнно» . . . Письмо отъ 12-го, сегодня 18-ое; онъ пріѣдетъ завтра! Боже мой, что мнѣ дѣлать.

(Входитъ Дорвиль).

Д. Здравствуйте, мой ангелъ. Каково вамъ сегодня? Послушайте, что я Вамъ разскажу умора . . . что съ Вами? Вы въ слезахъ!

Г. Вы чудовище!

Д. Опять! Ну что за бѣда? все дѣло останется въ тайнѣ. Слава Богу, никто ничего не подозрѣваетъ: всѣ думаютъ, что у Васъ водяная. На дняхъ все будетъ кончено. Вы для виду останетесь еще недѣль шесть въ своей комнатѣ, потомъ опять явитесь въ свѣтъ и всѣ Вамъ обрадуются.

Г. Удивляюсь Вашему краснорѣчію. А мужъ?

Д. Графъ ничего не узнаетъ. Мужья никогда ничего не узнаютъ.

Мѣсяца черезъ три онъ пріѣдетъ къ (вамъ) намъ изъ арміи. (Вы примите) мы примемъ его какъ ни въ чемъ не бывало; одного боюсь: онъ въ Васъ опять влюбится — и тогда . . .

Г. Прочтите это письмо.

Д. Ахъ, Боже мой!

Г. Нечего глаза таращить. Я пропала — Вы погубили меня.

Д. Ангелъ мой! Я въ отчаяніи. Что съ нами будетъ!

Г. Съ нами! Съ Вами ничего не будетъ, а меня Графъ убьетъ.

Д. Кто его звалъ? какая досада!

Г. Досада! Вамъ досадно, потому что Вамъ некуда будетъ ѣздить на вечеръ, пока не заведете себѣ другой любовницы (баронессы д'Овре, напримѣръ. Несносная мигушка) (передразниваетъ ее). (Нечего смѣяться). Видите, что Вы чудовище; я гибну, а вы смѣетесь.

Д. Я не допущу его до Парижа, я поѣду навстрѣчу къ графу. Мы поссоримся, я вызову его на дуэль и проколю его.

Г. Какой ужасъ! я не позволю Вамъ проколоть моего мужа. Онъ для меня былъ всегда такъ добръ. Я передъ нимъ кругомъ виновата, я могла забыть свои обязанности; измѣнить ему . . . и для кого? . . . для изверга, который не посовѣстился . . . оставьте меня, говорятъ вамъ, оставьте меня!

Д. Поѣзжайте въ свою деревню, въ Британію.

Г. Это за чѣмъ? Развѣ графъ за мною не поскачетъ?

Д. Скройтесь въ мой замокъ.

Г. Вотъ еще! а шумъ? а соблазнъ? Но можетъ быть, Вамъ того и надобно! Вы хотите, чтобы весь свѣтъ узналъ о моемъ безчестіи: самолюбіе ваше того требуетъ.

Д. Какъ вы несправедливы! но что же намъ дѣлать?

Г. Вотъ до чего довели Вы меня! Ахъ, Дорвиль! я говорила вамъ, вы поставили на своемъ; посмотрите, что изъ этого вышло . . . нечего ко мнѣ ласкаться, подите прочь. Дорвиль, Дорвиль! перестаньте. Вы съ ума сошли. Ахъ! . . . постойте; какая прекрасная мысль!

Д. Что такое?

Г. Я умру со стыда, но нѣтъ иного способа.

Д. Что же такое?

Г. Послѣ узнаете.

1831 г.

РОСЛАВЛЕВЪ

Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы. 1811 годъ

Читая «Рославлева», съ изумленіемъ увидѣла я, что завязка его основана на истинномъ происшествіи, слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ нещастной женщины, выбранной г. Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Онъ вновь обратилъ вниманіе публики на происшествіе забытое, разбудилъ чувства негодованія, усыпленныя временемъ, и возмутилъ спокойствіе могилы. Я буду защитницею тѣни, — и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участью бѣдной моей подруги.

Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній. Легко можно себѣ вообразить, что̀ должна была чувствовать шестнадцатилѣтняя дѣвушка, промѣнявъ антрсоли и учителей на безпрерывные балы и визиты. Я предавалась вихрю веселія со всею живостью моихъ лѣтъ и еще не размышляла... Жаль: тогдашнее время стоило наблюденія.

Между дѣвицами, выѣхавшими вмѣстѣ со мною въ свѣтъ, отличалась княжна ** (г. Загоскинъ назвалъ ее Полиною; оставлю ей это имя). Мы скоро подружились — вотъ по какому случаю.

Братъ мой, двадцати-двухъ-лѣтній малой, принадлежалъ сословію тогдашнихъ франтовъ; онъ считался въ иностранной коллегіи, и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши домы. Братъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ.

Сблизясь съ Полиною изъ угожденія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями.

Отецъ Полины былъ заслуженный человѣкъ, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключь и звѣзду, впрочемъ былъ вѣтренъ и простъ. Мать ея, напротивъ, была женщина степенная и отличалась важностію и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками; съ нею любезничали, — но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодности. Это чрезвычайно шло къ ея греческому лицу и къ чернымъ бровямъ. Я торжествовала, когда мои сатирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скучающее лице.

Полина чрезвычайно много читала, и безъ всякаго разбора. Ключь отъ библіотеки отца ея былъ у нея. Библіотека большею частію состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность, отъ Монтескьё до романовъ Кребильйона,

была ей знакома. Руссо знала она наизустъ. Въ библіотекѣ не было ни одной русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ разбирала русскую печать, и вѣроятно ничего по-русски не читала, не исключая и стишковъ, поднесенныхъ ей московскими стихотворцами. —

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе. Вотъ уже, слава Богу, лѣтъ тридцать какъ бранятъ насъ бѣдныхъ за то, что мы по-русски не читаемъ и не умѣемъ (будто бы) изъясняться на отечественномъ языкѣ. (NB. Автору «Юрія Милославскаго» грѣхъ повторятъ пошлыя обвиненія. Мы всѣ прочли его и, кажется, одной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего романа на французскій языкъ). Дѣло въ томъ, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша кажется не старѣе Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но нельзя же отъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ имѣемъ мы только «Исторію Карамзина»; первые два или три романа появились два или три года назадъ, между тѣмъ какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе, слѣдуютъ одна за другой. Мы не видимъ даже и переводовъ; а если и видимъ, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для нашихъ литераторовъ. Мы принуждены все, извѣстія и понятія, черпать изъ книгъ иностранныхъ; такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человѣческаго рода). Въ этомъ признавались мнѣ самые

извѣстные наши литераторы. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ коемъ оставляемъ мы русскіи книги, похожи на жалобы русскихъ торговокъ, негодующихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлера и не довольствуемся произведеніями костромскихъ модистокъ... Обращаюсь къ моему предмету.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны даже въ эпоху историческую. Однакожъ, появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Эта путешественница — M-me de Staël.

Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засуетилось; не знали, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, давали ей обѣдъ. Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее, и были по большей части недовольны ею. Они видѣли въ ней пятидесятилѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны, а рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полины, знавшій M-me de Staël еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу Коринны. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухою князя, нежели бесѣдою M-me de Staël. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожествѣ своихъ

мыслей и оробѣвшіе при европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между осетромъ и M-me de Staël. Ждали отъ нея поминутно bon mot; наконецъ вырвалось у ней двусмыслiе и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину: лице ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъ-за стола, совершенно примиренные съ M-me de Staël: она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

«Что съ тобою сдѣлалось, ma chère?» — спросила я Полину: — «неужели шутка, немножко вольная, могла до такой степени тебя смутить?» — Ахъ, милая, — отвѣчала Полина, — я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что̀ могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились! Я сгорѣла со стыда, и готова была заплакать... Но пускай, — съ жаромъ продолжала Полина, — пускай она вывезетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По

крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый, простой народъ, и понимаетъ его. Ты слышала, что сказала она дядюшкѣ, этому старому несносному шуту, который, изъ угожденія къ иностранкѣ вздумалъ было смѣяться надъ русскими бородами: «Народъ, который, тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бороду, отстоитъ въ наше время и свою голову.» Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ ненавижу ея гонителя!

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другіе проницательные глаза остановились на ней въ ту же самую минуту: черные глаза самой M-me de Staël. Не знаю, что подумала она, но она подошла послѣ обѣда къ моей подругѣ и съ нею разговорилась. Чрезъ нѣсколько дней M-me de Staël написала ей слѣдующую записку:

Ma chère enfant, je suis tout malade. Il seroit bien aimable à vous de venir me ranimer. Tachez de l'obtenir de M-me votre mère et veuillez lui présenter les respects de votre amie. de S.

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ M-me de Staël, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и геніальной.

До чего доводитъ охота къ злословію! Недавно разсказывала я все это въ одномъ порядочномъ обществѣ. «Можетъ быть,» — замѣтили мнѣ, — «M-me de Staël была не что иное, какъ шпіонъ Наполеоновъ, а княжна ** доставляла ей нужныя свѣдѣнія.» — Помилуйте, — сказала я — M-me de Staël, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая M-me de Staël, насилу убѣжавшая подъ покровительство Русскаго Императора, M-me de Staël, другъ

Шатобріана и Байрона, M-me de Staël будетъ шпіономъ у Наполеона!... «Очень, очень можетъ статься,» — возразила мнѣ востроносая графиня Б. — «Наполеонъ былъ такая бестія, а M-me de Staël — претонкая штука.»

Іюня 22 1831 г.

Съ французскаго

Всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ. Любовь къ отечеству казалась педантствомъ. Тогдашніе умники превозносили Наполеона съ фанатическимъ подобострастіемъ и шутили надъ нашими неудачами. Къ нещастію, заступники отечества были немного простоваты; они были осмѣяны довольно забавно и не имѣли никакого вліянія. Ихъ патріотизмъ ограничивался жестокимъ порицаніемъ употребленія французскаго языка въ обществахъ, введенія иностранныхъ словъ, грозными выходками противъ Кузнецкаго моста и тому подоб. Молодые люди говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ и, шутя, предсказывали Россіи участь Рейнской конфедераціи. Словомъ, общество было довольно гадко.

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе Государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы вструхнули.

Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостиныя наполнились патріотами. Кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать

русской; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ заклялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Прѣсненскихъ прудахъ, она нарочно говорила по-французски; за столомъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. Дай Богъ, говорила она, чтобы всѣ русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю. Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость. Помилуй, сказала я однажды, охота тебѣ вмѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть мущины себѣ дерутся, и кричатъ о политикѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта. Глаза ея засверкали. Стыдись, сказала, она развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужьевъ? развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ, я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное или даже на сердце хоть

одного человѣка. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на M-me de Staël. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силой... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостію при приближеніи французской арміи! «Будьте спокойны, сударыня: Наполеонъ воюетъ противъ Россіи, не противу васъ...» Да! Если бъ дядюшка попался въ руки французамъ, то его бы пустили гулять по Пале-Роялю; но M-me de Staël въ такомъ случаѣ умерла бы въ государственной темницѣ. А Шарлотъ Корде? а наша Марѳа Посадница? а княгиня Д**(ашкова)? Чѣмъ я ниже ихъ? Ужъ вѣрно не смѣлостію души и рѣшительностію. — Я слушала Полину съ изумленіемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честолюбія. Увы! къ чему привели ее необыкновенныя качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказалъ мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes.*

Пріѣздъ Государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ наконецъ и высшимъ обществомъ. Гостиныя превратились въ палаты преній. Вездѣ толковали о патріотическихъ пожертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодого графа Мамонова, пожертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ. Нѣкоторыя маменьки послѣ того замѣтили, что графъ ужъ не такой завидный женихъ; но мы всѣ были отъ него въ восхищеніи. Полина бредила имъ. Вы чѣмъ пожертвуете, спросила она разъ у моего брата. Я не владѣю еще моимъ имѣніемъ, отвѣчалъ мой повѣса. У меня

* Кажется, слова Шатобріана. Примѣчаніе издателя (Пушкина).

всего на все 30,000 долгу: приношу ихъ въ жертву на алтарь отечества. Полина разсердилась. Для нѣкоторыхъ людей, сказала она, и честь, и отечество — все бездѣлица. Братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостиныхъ. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтобъ позволить такимъ фиглярамъ притворяться передъ нею въ любви. Братъ мой вспыхнулъ. Вы слишкомъ взыскательны, княжна, возразилъ онъ. Вы требуете, чтобы всѣ видѣли въ васъ M-me le Staël и говорили бы вамъ тирады изъ Коринны. Знайте, что кто шутитъ съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицомъ отечества и его непріятелемъ. — Съ этимъ словомъ онъ отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинѣ понравилась дерзость моего брата; она простила ему неумѣстную шутку за благородный порывъ негодованія и, узнавъ чрезъ недѣлю, что онъ вступилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобъ я ихъ помирила. Братъ былъ въ восторгѣ. Онъ тутъ же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свадьбу до конца войны. На другой день братъ мой отправился въ армію.

Наполеонъ шелъ на Москву; наши отступали; Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговорили матушку вмѣстѣ ѣхать въ ихъ *** скую деревню.

—

Мы пріѣхали въ **, огромное село въ 20-ти верстахъ отъ губернскаго города. Около насъ было множество сосѣдей, большею частію пріѣзжихъ изъ Москвы. Всякой день всѣ бывали вмѣстѣ; наша

деревенская жизнь походила на городскую. Письма
изъ арміи приходили почти каждый день — старушки
искали на картѣ мѣстечка Биваkъ и сердились, не
находя его. — Полина занималась одною политикою
ничего не читала, кромѣ газетъ, Растопчинскихъ
афишекъ, и не открывала ни одной книги. Окру-
женная людьми, коихъ понятія были ограничены
слыша сужденія почти нелѣпыя и новости неосно
вательныя, она томилась, впала въ глубокое уныніе
Она отчаивалась въ спасеніи Россіи. Казалось ей
что Россія быстро приближается къ своему паденію
военныя реляціи усугубляли ея безнадежность —
политическія объявленія гр. Растопчина выводили
ее изъ терпѣнія — шутовской слогъ ихъ казался ей
верхомъ неприличія, а мѣры имъ принимаемыя —
варварствомъ нестерпимымъ. Она не постигала
мысли тогдашняго времени, столь великой въ своем
ужасѣ, не поняла мысли, которой смѣлое испол
неніе спасло Россію и освободило Европу. Цѣлы
часы проводила она, облокотясь на карту Россіи
разсчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движе
ніями войскъ. Странныя мысли приходили ей в
голову. Однажды она мнѣ объявила о своемъ на
мѣреніи уйти изъ деревни, явиться въ француз
скій лагерь, добраться до Наполеона и тамъ убит
его изъ своихъ рукъ. — Мнѣ не трудно было убѣдит
ее въ безумствѣ такого предпріятія — но мысль
Шарлотѣ Корде долго ее не оставляла. —

Отецъ ея, какъ уже извѣстно, былъ человѣк
довольно легкомысленный; онъ только думал
чтобы жить въ деревнѣ какъ можно болѣе по
московскому, давалъ обѣды, завелъ théâtre d
société, гдѣ разыгрывались французскія proverbe
и всячески старался разнообразить наши уд

ольствія. Въ городъ прибыло нѣсколько плѣныхъ французовъ. Князь обрадовался новымъ лицамъ — и выпросилъ у губернатора позволеніе поѣстить ихъ у себя. Ихъ было четверо; трое — довольно незначущіе люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны, — правда, выкупающіе свою хвастливость своими почтенными ранами. Но четвертый — былъ человѣкъ чрезвычайно примѣчательный.

Ему было тогда 26 лѣтъ — онъ принадлежалъ хорошему дому. Лицо его было пріятно, тонъ очень хорошій: мы тотчасъ отличили его. Ласки принималъ онъ съ благородной скромностію. Онъ говорилъ мало, но рѣчи его были основательны. Поминѣ онъ понравился тѣмъ, что первый могъ ясно и истолковать военныя дѣйствія и движенія войскъ. Онъ успокоилъ ее, удостовѣривъ, что отступленіе русскихъ войскъ было не безсмысленный побѣгъ, и столько же безпокоило Наполеона, какъ ожесточало русскихъ... — Но вы, спросила его Полина, развѣ вы не убѣждены въ непобѣдимости Вашего Императора? — Синекуръ (назову жъ и его именемъ, даннымъ ему г-мъ Загоскинымъ), Синекуръ, нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ, что въ его положеніи откровенность была бы затруднительна. Полина настоятельно требовала отвѣта. Синекуръ признался, что устремленіе французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опасно, что походъ 1812 года, кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго. Конченъ! возразила Полина: а Наполеонъ все еще идетъ впередъ, а мы все отступаемъ. — Тѣмъ хуже для насъ, отвѣчалъ Синекуръ, и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Полина, которой надоѣли и трусливыя предска-
занія, и глупое хвастовство сосѣдей, жадно слушала
сужденія, основанныя на знаніи дѣла и безпри-
страстіи. Отъ брата получала она письма, въ кото-
рыхъ толку невозможно было добиться; они были
наполнены шутками умными и плохими, вопросами
о Полинѣ, пошлыми увѣреніями въ любви и проч
Полина, читая ихъ, досадовала и пожимала пле
чами. Признайся, говорила она, что твой Алексѣй
препустой человѣкъ. Даже въ нынѣшнихъ обстоя
тельствахъ, съ поля сраженія, находитъ онъ спо
собъ писать ничего незначущія письма; какова же
будетъ мнѣ его бесѣда въ теченіе тихой семействен
ной жизни? Она ошибалась. Пустота братни
ныхъ писемъ происходила не отъ его собственнаго
ничтожества, но отъ предразсудка, впрочемъ, са
маго оскорбительнаго для насъ. Онъ полагалъ
что съ женщинами должно употреблять языкъ
приноровленный къ слабости ихъ понятій, и что
важные предметы до насъ не касаются. Таково
мнѣніе вездѣ было бы невѣжливо, но у насъ оно
и глупо. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины
лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ
нежели мущины, занятые Богъ знаетъ чѣмъ.

Разнеслась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи. Всѣ
толковали о немъ, у всякаго было самое вѣрное
извѣстіе, всякой имѣлъ списокъ убитымъ и ране
нымъ; братъ намъ не писалъ. Мы чрезвычайно были
встревожены. Наконецъ одинъ изъ развозителей
всякой всячины пріѣхалъ насъ извѣстить о его
взятіи въ плѣнъ, а между тѣмъ по шепту объявили
Полинѣ о его смерти. Полина глубоко огорчилась.
Она не была влюблена въ брата и часто на него
досадовала, но въ эту минуту видѣла она въ немъ

ученика, героя, и оплакивала въ тайнѣ отъ меня. Нѣсколько разъ я заставала ее въ слезахъ. Это меня не удивляло; я знала какое болѣзненное участіе принимала она въ судьбѣ страждущаго нашего отечества. Я не подозрѣвала еще, что было еще причиной ея горести.

Однажды утромъ я гуляла въ саду; подлѣ меня шелъ Синекуръ. Мы разговаривали о Полинѣ. Я замѣтила, что онъ глубоко чувствовалъ ея необыкновенныя качества, и что ея красота сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Я, смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романическое... Раненый рыцарь влюбляется въ благородную владѣтельницу замка, трогаетъ ея сердце и наконецъ получаетъ ея руку. — Нѣтъ, сказалъ мнѣ Синекуръ: княжна видитъ во мнѣ врага Россіи и никогда не согласится оставить свое отечество. — Въ ту минуту Полина показалась въ концѣ аллеи, мы пошли къ ней на встрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила. — Москва взята! сказала она мнѣ, не отвѣчая на поклонъ Синекура. Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьемъ. Синекуръ молчалъ, потупя глаза. — Благородные, просвѣщенные французы, продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія, — ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву — Москва горитъ уже два дня. — Что вы говорите, закричалъ Синекуръ, не можетъ быть! — Дождитесь ночи, отвѣчала она сухо: можетъ быть, увидите зарево. — Боже мой! онъ погибъ, сказалъ Синекуръ. Какъ, развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону нигдѣ нечѣмъ будетъ держаться, что онъ принуж-

день будетъ скорѣе отступить сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ. И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ: русскіе, русскіе зажгли Москву! Ужасное варварское великодушіе. Теперь все рѣшено: ваше отечество вышло изъ опасности; но что будетъ съ нами, что будетъ съ нашимъ Императоромъ! Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться. Неужели, сказала она, Синекуръ правъ, и пожаръ Москвы — нашихъ дѣло? Если такъ... О, мнѣ можно гордиться именемъ россіянки! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно — честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубитъ самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу. Глаза ее такъ и блистали, голосъ такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія моленія за отечество. «Ты не знаешь?» сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ: «твой братъ... онъ щастливъ, онъ не въ плѣну — радуйся: онъ убитъ за спасеніе Россіи.» Я вскрикнула и упала безъ чувствъ въ ея объятія...

1831 г.

* * *

Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля 181... года, въ домѣ Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Всѣ двери были разтворены настежь. — Зала и передняя загромождены сундуками и чамоданами, ящики во всѣхъ комодахъ выдвинуты, слуги поминутно бѣгали по лѣстницамъ, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, лѣтъ 45-ти дама, сидѣла въ спальнѣ, пересматривая щетныя книги, принесенныя ей толстымъ управителемъ, который стоялъ передъ нею съ руками за спиной и выдвинувъ правую ногу впередъ.

К. П. показывала видъ будто бы хозяйственныя тайны были ей коротко знакомы но ея вопросы и замѣчанія обнаруживали ея барское невѣдѣніе и возбуждали изрѣдка едва замѣтную улыбку на величавомъ лицѣ управителя, который однако такъ съ большею снисходительностію подробно входилъ во всѣ требуемыя объясненія. Въ это время слуга доложилъ, что Парасковья Ивановна Ловодова пріѣхала. Катерина Петровна обрадовалась случаю прервать свои совѣщанія, велѣла просить и отпустила управителя.

Помилуй, мать моя, сказала вошедшая старая дама: да ты собираешься въ дорогу! Куда тебя Богъ несетъ?

На Кавказъ, милая Пар. Ив.

На Кавказъ! Стало быть, Москва въ первой отъ роду правду сказала, — а я не вѣрила. На Кавказъ! да вѣдь это ужесть какъ далеко. Охота тебѣ тащиться Богъ вѣдаетъ куда, Богъ вѣдаетъ зачѣмъ?

— Какъ быть? Доктора объявили, что моей Машѣ нужны желѣзныя воды а для моего здоровья необходимы горячія ванны. Вотъ ужъ полтора года какъ я все страдаю — авось Кавказъ поможетъ. —

Дай-то Богъ — а скоро ли ѣдешь?

— Дня черезъ четыре, много-много промѣшкаю недѣлю — все ужъ готово. Вчера привезли мнѣ новую дорожную карету — что за карета! игрушка, заглядѣнье — вся въ ящикахъ и чего тутъ нѣтъ — постеля, туалетъ — погребокъ, аптечка, кухня, сервизъ. — Хочешь ли посмотрѣть?

Изволь, мать моя.

Обѣ дамы вышли на крыльцо. — Кучера выдвинули изъ сарая дорожную карету. — Катерина Петровна велѣла открыть дверцы, вошла въ карету, показала всѣ ея тайны, всѣ удобности, перерыла въ ней всѣ подушки, выдвинула всѣ ящики, приподняла всѣ ставни, всѣ зеркала — выворотила всѣ сумки, словомъ, для больной женшины оказалась очень дѣятельной и проворной.

Полюбовавшись экипажемъ, обѣ дамы возвратились въ гостиную, гдѣ разговорились опять о предстоящемъ пути, о возвращеніи, о планахъ на будущую зиму.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, сказала Кат. Петр., надѣюсь непремѣнно воротиться. У меня будутъ

чера, два раза въ недѣлю, и надѣюсь, милая, что
ко мнѣ перенесешь свой бостонъ...

Въ эту минуту дѣвушка лѣтъ 18-ти, стройная и
сокая, съ блѣднымъ прекраснымъ лицемъ и
рными огненными глазами — тихо вошла въ
мнату, присѣла Поводовой и подошла къ рукѣ
. Петровны.

Хорошо ты спала, Маша, спросила К. П.

Хорошо, маменька, сей часъ только встала.
ы удивляетесь моей лѣни, П. Ив.? Что дѣлать —
льной простительно.

Спи, мать моя, спи себѣ на здоровье, отвѣчала
расковья Ивановна. Да смотри: воротись у меня
ь Кавказа румяная, здоровая, а Богъ дастъ — и
амужняя...

Какъ замужняя, возразила Кат. П., смѣясь.
а за кого выйти ей на Кавказѣ? Развѣ за
еркесскаго князя...

За черкеса! сохрани ее Богъ! Да вѣдь они —
то турки да бухарцы — нехристы; они ее забрѣ-
тъ, да запрутъ. (Нѣтъ, мало ли нашихъ военныхъ
ъ тамошнемъ краю; а имъ-то женщины въ дико-
инку; наткнешься на какого нибудь холостого
енерала...)

— Пошли намъ Богъ только здоровье, сказала
о вздохомъ Кат. П., а женихи не уйдутъ. Слава
Богу, Маша еще молода, приданое есть а добрый
еловѣкъ полюбитъ, такъ и безъ приданаго
озьметъ.

А съ приданымъ все таки лучше, мать моя,
— сказала Пар. Ив., вставая. — Ну, простимся

же, Кат. Ив., ужъ я тебя до сентября не увижу
далеко мнѣ до тебя тащиться съ Басманной в
Арбатъ. — И тебя не прошу, знаю, что теб
теперь нѣкогда. Прощай и ты, красавица; н
забудь же моего совѣта. —

Дамы разпростились и Пар. Ив. уѣхала.

Сентября 30, 1831 г.

1831—1832 г. г.

* * *

Въ 179* году возвращался я въ Лифляндію съ еселою мыслію обнять мою старушку-мать послѣ етырехлѣтней разлуки. Чѣмъ болѣе приближался къ нашей мызѣ, тѣмъ сильнѣе волновало меня етерпѣніе. Я погонялъ почтаря, хладнокровнаго оего единоземца, и душевно жалѣлъ о русскихъ мщикахъ и объ удалой русской ѣздѣ.

Къ умноженію досады, бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ остановиться. Къ щастію, станція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чтобы выслать людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханныя поля, съ другой луга поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Издали слышалась печальная пѣснь молодой эстонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ... и замеръ безъ отзыва. Я удивился. Въ сосѣдствѣ не находилось ни одной крѣпости; какимъ же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть слышенъ въ этой мирной сторонѣ? Я рѣшилъ, что, вѣроятно, гдѣ нибудь по близости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минуту къ занятіямъ военной жизни, мною только что покинутой.

Подходя къ деревнѣ, увидѣлъ я въ сторонѣ господскій домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы.

Проходя мимо ихъ, я поклонился — и отправился на почтовый дворъ.

Едва успѣлъ я справиться съ лѣнивыми кузнецами, какъ явился ко мнѣ старичокъ, отставной русскій солдатъ, и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно и отправился на господскій дворъ.

Дорогою узналъ я отъ солдата, что старую барыню зовутъ Каролиной Ивановной, что она вдова, что дочь ея, Катерина Ивановна — уже въ невѣстахъ, что обѣ такія добрыя, и проч... Въ 179* году мнѣ было ровно двадцать три года, и мысль о молодой барышнѣ была достаточна, чтобы возбудить живое любопытство.

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ меня, мою фамилію, Кар. К. сочлась со мною свойствомъ, и я узналъ въ ней вдову фонъ-В., дальняго намъ родственника, храбраго генерала, убитаго въ 1772 году.

Между тѣмъ какъ я повидимому со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доброй К. Ив., я украдкою посматривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее янтарное масло на ломтики домашняго хлѣба. 18 лѣтъ круглое румяное лицо, темныя, узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки вполнѣ оправдывали мое ожиданіе. — Мы скоро познакомились, и на третьей чашкѣ чаю уже обходился я съ нею какъ съ кузиною. Между тѣмъ, бричку мою привезли: Иванъ пришелъ мнѣ доложить, что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день утромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорчило, и по приглашенію Кар. Ив. я остался ночевать.

1831—1832 г. г.

* * *

Гости съѣзжались на дачу ***. Зала наполнялась дамами и мущинами, пріѣхавшими въ то время изъ театра, гдѣ давали новую итальянскую оперу. Каждый гость (пробравшись до круглаго стола, гдѣ разливали чай, спѣшилъ поклониться хозяйкѣ и потомъ изчезнуть въ толпѣ, еще не занятой ни картами, ни разговорами). Мало-помалу порядокъ установился. Дамы заняли свои места по диванамъ. Около ихъ составился кружокъ мущинъ. Висты учредились. Осталось на стульяхъ нѣсколько молодыхъ людей, и смотръ парижскихъ литографій замѣнилъ общій разговоръ. На балконѣ сидѣло двое мущинъ. Одинъ изъ нихъ, путешествующій испанецъ, казалось, живо наслаждался прелестью сѣверной ночи. Съ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на ясное, блѣдное небо, на отличавую Неву, озаренную свѣтомъ неизъяснимымъ, и на окрестныя дачи, рисующіяся въ прозрачномъ сумракѣ. Какъ хороша ваша сѣверная ночь, сказалъ онъ наконецъ, и какъ не пожалѣть объ ея прелести, даже подъ небомъ моего отечества! — «Одинъ изъ нашихъ поэтовъ — отвѣчалъ ему другой — сравнивалъ ее съ русской, бѣлокурой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая италіянка или испанка, исполненная живости и полуденной нѣги, болѣе плѣняетъ мое

воображеніе. Впрочемъ, давнишній споръ между l
brune et la blonde еще не рѣшенъ. Но къ стати
знаете ли вы, какъ одна иностранка изъяснила
строгость и чистоту П. Б—ихъ нравовъ? Он
увѣряла, что наши зимнія почи слишкомъ холодны
а лѣтнія слишкомъ свѣтлы для любовнымъ при
ключеній.» Испанецъ улыбнулся. «Итакъ, бла
годаря вліянію климата,» сказалъ онъ, «П. Б
— есть обѣтованная земля красоты, любезност
и безпорочности.» — «Что касается до красоты
отвѣчалъ русской, то вы правы, здѣсь на каждом
шагу встрѣчаете вы красавицу: вообще, въ них
есть и природный умъ, и образованность; н
нечего говорить объ нашей любезности: — она н
въ модѣ, никто объ ней и не думаетъ. Женщин
боятся прослыть кокетками, мущины уро
свое достоинство. Всѣ стараются быть ничтожными
со вкусомъ и приличіемъ. Что наше общество
Тѣ же лица каждый день вмѣстѣ; а есть ли межд
ними что-нибудь похожее на искренность, на благо
расположеніе и близость сношеній, на все, что со
ставляетъ прелесть общежитія? Вслушайтесь в
наши разговоры: сухія извѣстія изъ арміи, которы
завтра же прочтете вы въ газетахъ, толки о новом
посредственномъ актерѣ, изрѣдка — соблазнители
ный анекдотъ, разсказанный безъ всякаго правд
подобія, разтолкованный, разобранный безо всяко
веселости. Волочиться почитаемъ мы за дурно
тонъ и извиняемъ его только въ старикахъ. Однак
мнѣ хочется дать вамъ понятіе о нравахъ нашег
большаго свѣта. И дабы не употребить во зл
довѣренности иностранца, я разскажу вамъ...
И разговоръ принялъ самое сатирическое н
правленіе.

— Вы такъ откровенны и снисходительны, ска-
залъ исп., что осмѣлюсь просить васъ разрѣ-
шить одну задачу: я шатался по всему свѣту,
представлялся во всѣхъ дворахъ, вездѣ посѣщалъ
высшее общество, но нигдѣ не чувствовалъ себя
такъ связаннымъ, такъ неловкимъ, какъ въ прокля-
томъ вашемъ аристократическомъ кругу. — Всякой
разъ, когда я вхожу въ залу княгини В. — и вижу
эти нѣмыя, неподвижныя муміи, напоминающія мнѣ
египетскія кладбища, какой-то холодъ меня про-
низываетъ. Межъ ними нѣтъ ни одной моральной
власти, ни одно имя не натвержено мнѣ славою, —
передъ чѣмъ же я робѣю?

— Передъ недоброжелательствомъ, отвѣчалъ рус-
ской. Это — черта нашихъ нравовъ. Въ народѣ вы-
ражается она насмѣшливостію, въ высшемъ кругу —
равниманіемъ и холодностію. О мущинахъ нечего
и говорить: ихъ нравственность... Наши дамы очень
поверхностно образованы, ничто европейское къ
тому же не занимаетъ ихъ мысли. Политика
и литература для нихъ не существуютъ. Остроуміе
давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія. — О
чемъ же станутъ онѣ говорить? О самихъ себѣ?
Нѣтъ, онѣ слишкомъ хорошо воспитаны. Остается
имъ разговоръ какой то домашній, мелочной, часто
понятный только для немногихъ, для избранныхъ. —
И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому
стаду, принятъ какъ чужой, — не только иностра-
нецъ, но и свой. (Между тѣмъ всѣ чувствуютъ
необходимость разговора общаго, но гдѣ его
взять? И кто захочетъ выступить первый на
сцену? Кто-то предлагалъ нанимать на вечеръ
разговорщика, какъ нанимаютъ на маленькіе балы
фортепіаниста.)

— Извините мнѣ мои вопросы, сказалъ испанецъ, — но врядъ ли мнѣ найти въ другой разъ удовлетворительные отвѣты, и я спѣшу вами пользоваться. — Вы упомянули о вашей аристократіи, что такое русская аристократія — Занимаясь вашими законами, — я вижу, что наслѣдственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ. Кажется, между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство, — и доступъ къ оному ничѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основывается ваша т. н. аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ замѣчательныхъ (людей)?

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ. Древнее русское дворянство, вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго состоянія; чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ возходитъ до Петра и Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы — вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ упрекъ; достоинство — всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь, точно они потомки перваго христіанскаго барона Клермонъ Тоннера...— Я самъ напримѣръ, продолжалъ русской со видимымъ самодовольствомъ небреженія, — хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности и имена предковъ моихъ сохранились на всѣхъ страницахъ исторіи нашей; но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшилъ бы многихъ. Мы такъ положительны, что

ы на колѣнях̀ъ предъ настоящимъ случаемъ, спѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія ревностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству... Прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію. Но едва ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. — Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности... Что жъ касается до чистоты нравовъ, то чтобы не ввести въ заблужденіе довѣрчивости иностранца, я разскажу вамъ... и разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

Въ сіе время двери въ залу отворились, и Вольская вошла. Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости. Правильныя черты, большіе черные глаза, живость, самая странность наряда — все поневолѣ привлекало вниманіе. Мущины встрѣтили ее съ какою-то шутливой привѣтливостію. Дамы съ замѣтнымъ неблагорожелательствомъ; но Вольская ничего не замѣчала; отвѣчая криво на общіе вопросы, она разсѣянно глядѣла во всѣ стороны; лицо ея, измѣнчивое какъ облако, изобразило досаду; она сѣла подлѣ важной княгини Г. и, какъ говорится, se mit à bouder.

Вдругъ она вздрогнула и обернулась къ балкону. Безпокойство овладѣло ею; она встала, пошла около креселъ и столовъ, остановилась на минуту за стуломъ стараго генерала Р., ничего не отвѣчала на его тонкій мадригалъ, и вдругъ скользнула на балконъ.

Испанецъ и русской (прекратили свой разговоръ) оба встали. Она подошла къ нимъ и съ явнымъ

замѣшательствомъ сказала нѣсколько словъ по-русски. Испанецъ, полагая себя лишнимъ, оставилъ ее и возвратился въ залу.

Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и въ полголоса сказала своему сосѣду: Это ни на что не похоже.

Она ужасно вѣтрена, отвѣчалъ онъ.

Вѣтрена? этого мало. Она ведетъ себя — непростительно. Она можетъ не уважать себя сколько ей угодно; но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія. Минскій могъ бы ей это замѣтить.

Il n'en fera rien; trop heureux de pouvoir la compromettre. Между тѣмъ я бьюсь объ закладъ что разговоръ ихъ самый невинный.

Я въ томъ увѣрена... Давно ли вы стали такъ добродушны?

Признаюсь, я принимаю участіе въ судьбѣ этой молодой женщины. Въ ней много хорошаго и гораздо менѣе дурного, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ.

Страсти! какое громкое слово! Что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто, она дурно воспитана... Что это за литографія? Портретъ Гуссейнъ-паши? покажите мнѣ его.

Гости разъѣзжались; ни одной дамы не оставалось уже въ гостиной; лишь хозяйка съ явнымъ неудовольствіемъ стояла у стола, за которымъ два дипломата доигрывали послѣднюю игру въ экартэ. Вольская вдругъ замѣтила зарю и поспѣшно оставила балконъ, гдѣ она около трехъ часовъ сряду находилась наединѣ съ Минскимъ. Хозяйка про-

илась съ нею холодно, а Минскаго не удостоила взгляда.

У подъѣзда нѣсколько гостей ожидали своихъ ипажей. Минской посадилъ Вольскую въ ея арету.

Кажется, твоя очередь, сказалъ ему молодой фицеръ.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Она занята; я про- о ея наперсникъ или что вамъ угодно. Но я облю ее отъ души: она уморительно смѣшна.

Зинаида Вольская лишилась матери на шестомъ ду отъ рожденія. Отецъ ея, человѣкъ дѣловой и зсѣянный, отдалъ ее на руки француженкѣ, анялъ учителей всякаго рода, и послѣ ужъ объ й не заботился. Четырнадцати лѣтъ она была екрасна, (читала романы) и писала любовныя иписки своему танцмейстеру. Отецъ объ этомъ знялъ, отказалъ танцмейстеру и вывезъ ее въ ѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено. Появ- ніе Зинаиды надѣлало шуму. Вольскій, богатый олодой человѣкъ, привыкшій подчинять свои чув- ва мнѣнію другихъ, влюбился въ нее потому, что нер.-адъютантъ ** на одномъ придворномъ балѣ ышительно объявилъ, что Зинаида первая кра- вица въ Петербургѣ и что Г** (осударь), встрѣтясь а Англійской набережной, цѣлой часъ съ нею зговаривалъ. Онъ сталъ свататься. Отецъ обра- вался случаю сбыть съ рукъ модную невѣсту. инаида горѣла нетерпѣніемъ быть замужемъ, чтобъ идѣть у себя весь городъ. Къ тому же Вольскій не былъ противенъ, и такимъ образомъ участь была рѣшена.

Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣтское гкомысліе производили сначала пріятное впе-

чатлѣніе, и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая поминутно прерывала важное однообразіе аристократическаго круга. Смѣялись ея шалостямъ; повторяли ея странныя выходки. Но годы шли, а душѣ Зинаиды все еще было четырнадцать лѣтъ. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имѣетъ никакого чувства приличія, свойственнаго ея полу. Женщины стали отъ нея удаляться, а мущины приблизились. (Сперва) Зинаида (огорчилась, но потомъ) подумала, что она не въ проигрышѣ, и утѣшилась.

Молва стала приписывать ей любовниковъ. Злословіе даже безъ доказательствъ оставляетъ почти вѣчные слѣды. Въ свѣтскомъ уложеніи правдоподобіе равняется правдѣ, а быть предметомъ клеветы унижаетъ насъ въ собственномъ мнѣніи. Вольская, въ слезахъ негодованія, рѣшилась возмутиться противъ власти несправедливаго свѣта. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми ее окружающими, Зинаида отличила (Минскаго). Повидимому, нѣкоторое сходство въ характерахъ и обстоятельствахъ жизни должно было ихъ сблизить. Въ первой молодости Минскій порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ также порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветою. Минскій оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія; но усмиренный опытами, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и

каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Вольская нравилась ему за то, что она осмѣливалась явно презирать ему ненавистныя условія. Онъ подстрекалъ ее одобреніемъ и совѣтами, сдѣлался ея наперсникомъ и вскорѣ сталъ ей необходимъ.

Б*** нѣсколько времени занималъ ея воображеніе. Онъ слишкомъ для васъ ничтоженъ, сказалъ ей Минскій. Весь умъ его почерпнутъ изъ Liaisons dangereuses, такъ же какъ весь его геній выкраденъ изъ Жомини. Узнавъ его короче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія.

Мнѣ хотѣлось бы влюбиться въ Р., сказала ему Зинаида.

Какой вздоръ! отвѣчалъ онъ. Охота вамъ связаться съ человѣкомъ, который краситъ волосы, и каждыя пять минутъ повторяетъ съ упоеніемъ: quand j'étais à Florence... Говорятъ, его несносная жена влюблена въ него; оставьте ихъ въ покоѣ, они созданы другъ для друга.

А баронъ W.?

Это дѣвочка въ мундирѣ; но знаете ли что? Влюбитесь въ Л. Онъ займетъ ваше воображеніе; онъ такъ же необыкновенно уменъ, какъ необыкновенно дуренъ, et puis c'est un homme à grands sentiments, онъ будетъ ревнивъ и страстенъ; онъ будетъ васъ мучить и смѣшить, чего вамъ болѣе?

Однако жъ Вольская его не послушалась. Минскій угадывалъ ея сердце; самолюбіе его было тронуто; не полагая, чтобъ легкомысліе могло быть соединено съ сильными страстями, онъ предвидѣлъ связь безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю

женщину въ спискѣ вѣтреныхъ своихъ любовницъ и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду. — Вѣроятно, если бъ онъ могъ вообразить бури, его ожидающія, то отказался бы отъ своего торжества, ибо свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ лѣни и благоприличію...

Минскій лежалъ еще въ постели, когда слуга подалъ ему письмо. Онъ распечаталъ его, зѣвая, пожалъ плечами, развернулъ два листа, вдоль и поперекъ исписанные мелкимъ женскимъ почеркомъ. Письмо начиналось такимъ образомъ: «Я намѣрена тебѣ сказать все, что имѣю на сердцѣ Въ твоемъ просутствіи я не нахожу мыслей, которыя такъ сильно меня преслѣдуютъ. Твои софизмы не убѣждаютъ меня, но заставляютъ меня молчать. Это доказываетъ твое всегдашнее превосходство надо мною, но это недовольно для спокойствія моего сердца . . .»

Вольская упрекала его въ холодности, недовѣрчивости и проч., жаловалась, умоляла, сама не зная о чемъ; разсыпалась въ нѣжныхъ, ласковыхъ увѣреніяхъ и назначала ему вечеромъ свиданіе въ своей ложѣ. Минскій отвѣчалъ ей въ двухъ словахъ, извиняясь скучными необходимыми дѣлами и обѣщаясь быть непремѣнно въ театрѣ.

1831—1832 г. г.

* * *

Глава II

Votre coeur est l'éponge imbibé
de fiel et de vinaigre.
Correspondance inédite

(Въ Коломнѣ) на углу маленькой площади, передъ деревяннымъ домикомъ, стояла карета, явленіе рѣдкое въ сей отдаленной части города. Кучеръ спалъ лежа на козлахъ, а форейторъ игралъ въ снѣжки съ дворовыми мальчишками.

Въ комнатѣ, убранной со вкусомъ и роскошью, на диванѣ, обложенная подушками, одѣтая съ большой изысканностію, лежала блѣдная дама, лѣтъ не молодая, но еще прекрасная. Передъ каминомъ сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ 26, перебирающій листы англійскаго романа.

Начинало смеркаться, каминъ гаснулъ; молодой человѣкъ продолжалъ свое чтеніе.

Блѣдная дама не спускала съ него своихъ черныхъ и впалыхъ глазъ, окруженныхъ болѣзненною синевою. Наконецъ она сказала:

Что съ тобою сдѣлалось, Валеріанъ? ты сегодня сердитъ.

Сердитъ, отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ съ своей книги.

— На кого?

На князя Горѣцкаго. У него сегодня балъ, и я незванъ.

— А тебѣ очень хотѣлось быть на его балѣ?

Нимало. Чортъ его побери съ его баломъ. Но если зоветъ онъ весь городъ, то долженъ звать и меня.

— Который это Горѣцкой? Не князь ли Яковъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Князь Яковъ давно умеръ. Это братъ его, князь Григорій, извѣстная скотина.

(А! тотъ, который получилъ когда то пощечину и не дрался?

— Совсѣмъ нѣтъ. Его били палкою... А все это штуки его жены; я не имѣлъ счастья ей понравиться.)

На комъ онъ женатъ?

— На дочери того пѣвчаго... какъ бишь его?

— Я такъ давно не выѣзжала, что совсѣмъ разнакомилась съ вашимъ (высшимъ обществомъ)... Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія извѣстнаго мерзавца и благосклонностію жены его, дочери цаловальника?

И конечно, съ жаромъ отвѣчалъ молодой человѣкъ, бросая книгу на столъ. Я человѣкъ свѣтской и не хочу быть въ пренебреженіи у свѣтскихъ аристократовъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной, ни до ихъ нравственности.

Кого ты называешь у насъ аристократами?

— Тѣхъ, которые протягиваютъ руку графинѣ Фуфлыгиной.

А кто такая гр. Фуфлыгина!

— (Взяточница, толстая), наглая дура!

(Какія тонкія эпиграммы!) сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія.

— (Я за остроуміемъ, слава Богу, не гоняюсь.

— И пренебреженіе людей, которыхъ ты презираешь, можетъ до такой степени тебя (разстроивать)... Признайся, тутъ есть иная причина...

Такъ: опять подозрѣнія! опять ревность! Это, ей-Богу, несносно.

Съ этимъ словомъ онъ всталъ и взялъ шляпу.

Ты ужъ ѣдешь? сказала дама съ безпокойствомъ. Ты не хочешь здѣсь отобѣдать?

— Нѣтъ, я далъ слово.

— Обѣдай со мною, продолжала она ласковымъ и робкимъ голосомъ. Я велѣла взять шампанскаго.

— Это за чѣмъ? развѣ я московскій банкометъ, развѣ я безъ шампанскаго обойтиться не могу?

Но въ послѣдній разъ ты нашелъ, что вино у меня дурно, и ты сердился, что женщины въ этомъ не знаютъ толку. На тебя не угодишь.

— Не прошу и угождать.

Она не отвѣчала ничего. Молодой человѣкъ тотчасъ раскаялся въ грубости сихъ послѣднихъ словъ. Онъ къ ней подошелъ, взялъ ее за руку и сказалъ съ нѣжностію:

Зинаида! прости меня: я сегодня самъ не свой; сержусь на всѣхъ и за все. Въ эти минуты надобно мнѣ сидѣть дома... Прости меня, не сердись.

— Я не сержусь, Валеріанъ: но мнѣ больно видѣть, что съ нѣкотораго времени ты совсѣмъ перемѣнился. Ты пріѣзжаешь ко мнѣ, какъ по обязанности, не по сердечному внушенію. Тебѣ скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь чѣмъ заняться, перевертываешь книги, придираешься ко мнѣ, чтобъ со мною побраниться и уѣхать... Я не упрекаю тебя: сердце наше не въ нашей волѣ; но я...

Валеріанъ уже ея не слушалъ. Онъ натягивалъ давно надѣтую перчатку и нетерпѣливо поглядывалъ на улицу. Она замолчала съ видомъ стѣсненной досады. Онъ пожалъ ея руку, сказалъ нѣсколько незначущихъ словъ и выбѣжалъ изъ комнаты, какъ рѣзвый школьникъ выбѣгаетъ изъ класса. Зинаида подошла къ окошку, смотрѣла, какъ подали ему карету, какъ онъ сѣлъ и уѣхалъ. Долго стояла она на томъ же мѣстѣ, опершись горячимъ лбомъ о оледенѣлое стекло. Наконецъ она сказала вслухъ: нѣтъ, онъ меня ужъ не любитъ! отерла глаза, позвонила; вошла горничная; она велѣла засвѣтить лампу и сѣла за письменное бюро...

** скоро удостовѣрился въ невѣрности своей жены. Это чрезвычайно его разстроило. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: притвориться ничего не замѣчающимъ казалось ему глупымъ; смѣяться надъ нещастіемъ столь обыкновеннымъ — презрительнымъ; сердиться не на шутку — слишкомъ шумнымъ; жаловаться съ видомъ грубого оскорбленнаго чувства — слишкомъ смѣшнымъ. Къ щастію, жена его явилась ему на помощь.

Полюбивъ Володскаго, она почувствовала отвращеніе отъ своего мужа, сродное однѣмъ женщинамъ и понятное только имъ... Однажды вошла она къ нему въ кабинетъ, заперла за собою и объявила, что любитъ Володскаго, что не хочетъ обманывать мужа и втайнѣ его безчестить и что она рѣшилась развестись. ** не могъ опомниться отъ такого чистосердечія, былъ встревоженъ стремительностію; она не дала ему времени опомниться, въ тотъ же день переѣхала съ Англійской набережной въ Коломну и въ короткой записочкѣ увѣдомила обо всемъ Володскаго, ничего тому подобнаго

не ожидавшаго. Онъ былъ въ отчаяніи: никогда не думалъ онъ связать себя такими узами. Онъ не любилъ скуки... Боялся обязанности и выше всего цѣнилъ свою себялюбивую независимость... Но все было кончено. Зинаида оставалась на его рукахъ. Онъ притворился благодарнымъ и приготовился на хлопоты любовной связи, какъ на занятіе должностное или какъ на скучную обязанность повѣрять ежемѣсячные счеты своего дворецкаго... Но чѣмъ далѣе...

1832 г.

МАРЬЯ ШОНИНГЪ

Анна Г(арлинъ) къ Марьѣ Ш(онингъ)

25-го апрѣля

Милая Марья! Что съ тобою дѣлается? Ужъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ не получала я отъ тебя ни строчки. Здорова ли ты? Кабы не всегдашнія хлопоты, я бы ужъ побывала у тебя въ гостяхъ, но ты знаешь: двѣнадцать миль — не шутка. Безъ меня хозяйство станетъ; Фрицъ въ немъ ничего не смыслитъ — настоящій ребенокъ. Ужъ не вышла ли ты за мужъ? Нѣтъ, вѣрно бы ты обо мнѣ вспомнила — и порадовала свою подругу вѣстію о своемъ счастіи. Въ послѣднемъ письмѣ ты писала, что твой бѣдный отецъ все еще хвораетъ; надѣюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче. — О себѣ скажу, что я слава Богу здорова и щастлива. Работа идетъ помаленьку, но я все еще не умѣю ни запрашивать, ни торговаться. А надобно будетъ выучиться. Фрицъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинаетъ его безпокоить — онъ мало ходитъ, а въ ненастное время кряхтитъ да охаетъ. Впрочемъ, онъ попрежнему веселъ, попрежнему любитъ выпить стаканъ вина, и все еще не досказалъ мнѣ исторіи о своихъ походахъ. Дѣти ростутъ и хоро-

шѣютъ. Франкъ становится молодцомъ. Вообрази, милая Марья, что ужъ онъ бѣгаетъ за дѣвочками, — каковъ? — а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ. А какой забіяка! Фрицъ не можетъ имъ налюбоваться и ужасно его балуетъ; вмѣсто того чтобъ ребенка унимать, онъ еще его подстрекаетъ и радуется всѣмъ его проказамъ. Мина гораздо степеннѣе; правда — она годомъ старше, — я начала ужъ учить ее азбукѣ. Она очень понятлива и, кажется, будетъ хороша собою. Но что въ красотѣ? была бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ и щастлива.

P. S. Посылаю тебѣ въ гостинецъ косынку; обнови ее милая М. въ будущее воскресенье, когда пойдешь въ церковь. — Это подарокъ Фрица; но красный цвѣтъ болѣе идетъ къ твоимъ чернымъ волосамъ, нежели къ моимъ свѣтлорусымъ. Мущины этого не понимаютъ. Имъ все равно, что голубое, что красное. Прости, милая Марья, я съ тобою заболталась. — Отвѣчай же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Напиши мнѣ, каково его здоровье. Мать нашего пастора совѣтуетъ ему употреблять, вмѣсто чаю, красный бедринецъ, цвѣтокъ очень обыкновенный; — я отыскала и латинское его названіе; всякій аптекарь тебѣ укажетъ его. Вѣкъ не забуду, что я провела три года подъ его кровлею, и что онъ обходился со мною, бѣдной сироткою, не какъ съ наемной служанкой — а какъ съ дочерью.

Марья Ш(онингъ) къ Аннѣ Г(арлинъ)

28-го апрѣля

Я получила письмо твое въ прошедшую пятницу, (но) прочла письмо твое только сегодня. Бѣдный

отецъ мой скончался въ тотъ самый день въ шесть часовъ поутру — вчера были похороны.

Я никакъ не воображала чтобъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче — и г. Кельцъ имѣлъ надежду на совершенное его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онъ даже гулялъ по нашему садику, и дошелъ до колодезя не задохнувшись. Возвратясь въ комнату онъ почувствовалъ легкій ознобъ, я уложила его и побѣжала къ г. Кельцу — его не было дома... Возвратясь къ отцу я нашла его въ усыпленіи — я подумала, что сонъ успокоитъ его совершенно. Г. Кельцъ пришелъ вечеромъ — онъ осмотрѣлъ больного, и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лѣкарство. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣсть — я дала ему супу; онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впалъ въ усыпленіе. — На другой день съ нимъ сдѣлались спазмы. Г. Кельцъ отъ него не отходилъ. Къ вечеру боль унялась — но имъ овладѣло такое безпокойство, что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ одномъ положеніи — я должна была поворачивать его съ боку на бокъ... Передъ утромъ онъ утихъ... и часа два лежалъ въ усыпленіи. — Г. Кельцъ вышелъ, сказавъ мнѣ, что воротится часа черезъ два. Вдругъ отецъ мой приподнялся и позвалъ меня — я къ нему подошла, и спросила что ему надобно? Онъ сказалъ мнѣ: Марья, что такъ темно... открой ставни. — Я испугалась и сказала ему: батюшка! развѣ вы не видите... ставни открыты. — Онъ сталъ искать около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: Марья, Марья, мнѣ очень дурно — я умираю... Дай, благословлю тебя — поскорѣе. — Я бросилась на колѣни, и положила его руку себѣ

на голову — рука вдругъ отяжелѣла. Онъ сказалъ: Господь! награди ее; Господь! Тебѣ ее поручаю. Онъ замолкъ; я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутъ не смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ г. Кельцъ, снялъ съ моей головы руку его — и сказалъ мнѣ: теперь оставьте его, подите въ свою комнату. Я взглянула: отецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый г. Кельцъ цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и все разпорядилъ, потому что я была не въ силахъ. И въ послѣдніе дни я одна ходила за больнымъ: некому было меня смѣнить. Часто я вспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебя съ нами не было. Вчера я встала съ постели и пошла было за гробомъ; но мнѣ стало дурно. Я стала на колѣни, чтобъ издали съ нимъ проститься. Фрау Ротбергъ сказала: какая комедіантка! Вообрази, что эти слова кольнули меня въ сердце, но мнѣ право было не до этой Ротбергъ. Вообрази, милая Анна, что эти два слова возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви, мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло, и все кругомъ меня шаталось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться...

Его снесли на кладбище, что за церковью св. Якова, и при мнѣ опустили въ могилу. Мнѣ вдругъ захотѣлось тогда ее разрыть, потому что я съ нимъ не совсѣмъ простилась. Но многіе еще гуляли по кладбищу — и я боялась, чтобъ фрау Ротбергъ не сказала опять: какая комедіантка!

Какая жестокость не позволять дочери проститься съ мертвымъ отцомъ если ей вздумается...

Возвратясь домой, я нашла чужихъ людей, которые сказали мнѣ, что надобно запечатать все имѣ-

ніе и бумаги покойнаго отца.—Они оставили мнѣ мою комнату, только вынесли изъ нее все, кромѣ кровати и одного стула. Завтра воскресенье, — я не обновлю твоей косынки, но очень тебя за нее благодарю. Кланяюсь твоему мужу, Франка и Н... цалую. Прощай. Пишу, стоя у окошка, — а чернильницу заняла у сосѣдей.

Марья Ш(онингъ) къ Аннѣ Г(арлинъ)

Милая Анна! Вчера пришелъ ко мнѣ чиновникъ и объявилъ, что все имѣніе покойнаго отца моего должно продаваться съ публичнаго торга въ пользу городской казны, — за то, что онъ былъ обложенъ не по состоянію и что по описи имѣнія оказался онъ гораздо богаче, нежели думали. Я тутъ ничего не понимаю. Въ послѣднее время мы очень много тратили на лѣкарство, у меня всего на разходъ осталось двадцать три талера. — Я показала ихъ чиновникамъ, которые однако жъ сказали чтобъ я деньги эти взяла себѣ, — потому что законъ ихъ не требуетъ. — Домъ нашъ будетъ продаваться на будущей недѣлѣ, и я не знаю, куда мнѣ дѣться. — Я ходила къ г. бургмейстеру, — онъ принялъ меня хорошо, но на мои просьбы отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать. Не знаю, куда мнѣ опредѣлиться. Если нужна тебѣ служанка, то напиши мнѣ; ты знаешь что я могу тебѣ помогать въ хозяйствѣ и рукодѣліи, а сверхъ того буду смотрѣть за дѣтьми и за Франкомъ, если онъ занеможетъ. — За больными ходить я научилась. Пожалуйста напиши нужна ли я тебѣ и не совѣстись. Я увѣрена, что отношенія наши отъ того нимало не перемѣнятся и что ты будешь для меня все та же добрая и снисходительная подруга.

Домикъ стараго Шонинга полонъ былъ народу. Толпа тѣснилась около стола, за которымъ предсѣдательствовалъ оцѣнщикъ. Онъ кричалъ: байковый камзолъ съ мѣдными пуговицами ** (столько-то). Разъ, — два... Никто болѣе — байковый камзолъ ** — три. Камзолъ перешелъ въ руки новаго своего владѣльца.

Покупщики осматривали съ хулой и любопытствомъ вещи выставленныя на торгъ. Фрау Ротбергъ разсматривала черное бѣлье, не вымытое послѣ смерти Шонинга; она теребила его, встряхивала и повторяла: дрянь, вѣтошь, лохмотья — и надбавляла по грошамъ. Трактирщикъ Гирцъ купилъ двѣ серебрянныя ложки, пол-дюжины салфетокъ и двѣ фарфоровыя чашки. Кровать, на которой умеръ Шонингъ, куплена была Каролиною Шмидтъ, дѣвушкой сильно нарумяненной, вида скромнаго и смиреннаго.

Марья, блѣдная какъ тѣнь, стояла тутъ же, смотря на расхищеніе бѣднаго своего имущества. Она держала въ рукѣ ** талеровъ, готовясь купить что-нибудь, и не имѣла духа перебивать добычу у покупщиковъ.

— Народъ выходилъ, унося пріобрѣтенное. Оставались непроданными два портрета въ рамахъ нѣкогда вызолоченныхъ, засиженныхъ мухами. На одномъ изображенъ былъ Шонингъ молодымъ человѣкомъ въ красномъ кафтанѣ, на другомъ — Христина, жена его, съ собачкою въ рукахъ. Оба портрета были нарисованы рѣзко и ярко. Гирцъ хотѣлъ купить и ихъ, чтобы повѣсить въ угольной комнатѣ своего трактира, потому что стѣны были слишкомъ голы. Портреты оцѣнены были въ **. Гирцъ вынулъ кошелекъ.

Въ это время Марья превозмогла свою робость и дрожащимъ голосомъ надбавила цѣну. Гирцъ бросилъ на нее презрительный взглядъ, и началъ торговаться. — Мало-по-малу цѣна возросла до ***. Марія дала наконецъ ***, Гирцъ отступился и портреты остались за нею. Она отдала деньги, остальныя спрятала въ карманъ, взяла портреты и вышла изъ дому, не дождавшись конца аукціону.

Когда Марья вышла на улицу съ портретомъ въ каждой рукѣ, она остановилась въ недоумѣніи: куда ей было идти?...

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ (одѣтый съ нѣкоторою странностію) подошелъ къ ней и очень вѣжливо вызвался отнести портреты куда ей будетъ угодно.

Я очень вамъ благодарна... я, право, не знаю... И Марья думала, куда бы ей отнести портреты покамѣстъ она сама безъ мѣста. —

Молодой человѣкъ подождалъ нѣсколько секундъ и пошелъ своею дорогою, а Марья рѣшилась отнести портреты къ лѣкарю Кельцу...

1835 г.

СЦЕНЫ ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ

I

МАСТЕРСКАЯ МАРТЫНА

Мартынъ. — Послушай, Францъ: въ послѣдній разъ говорю тебѣ какъ отецъ: я долго терпѣлъ твои проказы, а долѣе терпѣть не намѣренъ. Уймись или худо будетъ.

Францъ. — Помилуй, батюшка! за что ты на меня сердишься? Я, кажется, ничего дѣлаю.

Мартынъ. — Ничего не дѣлаю! то-то и худо, что ничего не дѣлаешь. Ты лѣнивецъ, даромъ хлѣбъ ѣшь, да небо коптишь. На что ты надѣешься? На мое богатство? Да развѣ я разбогатѣлъ сложа руки да сочиняя глупыя пѣсни? Какъ минуло мнѣ четырнадцать лѣтъ, покойный отецъ далъ мнѣ два крейцера въ руку, да два пинка въ гузно, да примолвилъ: ступай-ка, Мартынъ, самъ кормиться, а мнѣ и безъ тебя тяжело. Съ той поры мы ужъ и не видались. Слава Богу, нажилъ я себѣ и домъ, и деньги, и честное имя — а чѣмъ? бережливостію, терпѣніемъ, трудолюбіемъ. Вотъ ужъ мнѣ и за 50, и пора бы ужъ отдохнуть, да тебѣ передать и счетныя книги, и весь домъ.

А могу ли о томъ и подумать? Какую могу имѣть къ тебѣ довѣренность? Тебѣ бы только гулять съ господами, которые насъ презираютъ, да забираютъ въ долгъ товары. Я знаю тебя, ты стыдишься своего состоянія. Но слушай, Францъ, если ты не перемѣнишься, не отстанешь отъ дворянъ, да не примешься порядкомъ за свое дѣло — то видитъ Богъ, выгоню тебя изъ дому, а своимъ наслѣдникомъ назначу Карла Герца, моего подмастерья.

Францъ. — Твоя воля, батюшка; дѣлай какъ хочешь.

Мартынъ. — То-то же, смотри. (Входитъ братъ Бертольдъ).

Мартынъ. — Вотъ и другой сумасбродъ. За чѣмъ пожаловалъ?

Бертольдъ. — Здравствуй, сосѣдъ. Мнѣ до тебя нужда.

Мартынъ. — Нужда! Опять денегъ?

Бертольдъ. — Да... не можешь ли одолжить полтораста гульденовъ?

Мартынъ. — Какъ не такъ — гдѣ мнѣ ихъ взять? Я вѣдь не кладъ.

Бертольдъ. — Пожалуй — не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшія.

Мартынъ. — Какъ не пропадшія? Мало-ли я тебѣ передавалъ денегъ? Куда онѣ дѣлись?

Бертольдъ. — Въ дѣло пошли; но теперь прошу тебя ужъ въ послѣдній разъ.

Мартынъ. — Объ этихъ послѣднихъ разахъ я слышу ужъ не въ первой разъ.

Бертольдъ. — Нѣтъ, право. Послѣдній мой опытъ не удался отъ бездѣлицы: теперь ужъ я все разсчислилъ: опытъ мой не можетъ не удасться.

Мартынъ. — И это я слышу не впервой...

Бертольдъ. — Сосѣдъ! не будь самъ себѣ врагомъ. Не потеряй случая сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей.

Мартынъ. — Эхъ, Бертольдъ, Бертольдъ! Коли-бъ ты не побросалъ въ Алхимическій огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли чрезъ твои руки — то былъ бы богатъ. Ты сулишь мнѣ сокровища, а самъ приходишь ко мнѣ за милостыней. Какой тутъ смыслъ?

Бертольдъ. — Золота мнѣ не нужно: я ищу одной истины.

Мартынъ. — А мнѣ чортъ ли въ истинѣ, мнѣ нужно золото.

Бертольдъ. — Такъ ты не хочешь повѣрить мнѣ еще?

Мартынъ. — Не могу и не хочу.

Бертольдъ. — Такъ прощай же, сосѣдъ.

Мартынъ. — Прощай.

Бертольдъ. — Пойду къ барону Раулю, авось дастъ онъ мнѣ денегъ.

Мартынъ. — Баронъ Рауль? Да гдѣ взять ему денегъ? Вассалы его разорены — а слава Богу, нынѣче на большихъ дорогахъ не такъ-то легко наживаться.

Бертольдъ. — Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затѣвается турниръ, и баронъ туда отправляется. Прощай.

Мартынъ. — И ты думаешь, дастъ онъ тебѣ денегъ?

Бертольдъ. — Можетъ быть, и дастъ.

Мартынъ. — И ты употребишь ихъ на послѣдній опытъ?

Бертольдъ. — Непремѣнно.

Мартынъ. — А если опыть не удастся.

Бертольдъ. — Нечего будетъ дѣлать. Если и этотъ опытъ не удастся, то Алхимія вздоръ.

Мартынъ. — А если удастся?

Бертольдъ. — Тогда я возвращу тебѣ съ лихвой и благодарностію всѣ суммы, которыя занялъ у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

Мартынъ. — Зачѣмъ барону, а не мнѣ?

Бертольдъ. — И радъ бы, да не могу: ты знаешь, что я обѣщался Пресвятой Богородицѣ раздѣлить мою тайну съ тѣмъ, кто поможетъ мнѣ при послѣднемъ и рѣшительномъ моемъ опытѣ.

Мартынъ. — Эхъ, отецъ, охота тебѣ разоряться. Куда же ты? — Постой: ну, такъ и быть. На этотъ разъ дамъ тебѣ денегъ въ займы. Богъ съ тобою. Но смотри-жъ, сдержи свое слово: пусть этотъ опытъ будетъ послѣднимъ и рѣшительнымъ.

Бертольдъ. — Не бойся, другаго ужъ не понадобится.

Мартынъ. — Погоди-жъ здѣсь; сейчасъ тебѣ вынесу — сколько бишь тебѣ надобно?

Бертольдъ. — Полтораста гульденовъ.

Мартынъ. — 150 гульденовъ... Боже мой! и еще въ какія крутыя времена!

Бертольдъ и Францъ.

Бертольдъ. — Здравствуй, Францъ! О чемъ ты задумался?

Францъ. — Какъ мнѣ не задумываться? Сейчасъ отецъ грозился меня выгнать и лишить наслѣдства.

Бертольдъ. — За что это?

Францъ. — За то, что я знакомство веду съ рыцарями.

Бертольдъ. — Онъ не совсѣмъ правъ, да и не совсѣмъ виноватъ.

Францъ. — Развѣ мѣщанинъ недостоинъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама?

Бертольдъ. — Правда, правда. Но видишь, Францъ, уже этому давно Каинъ и Авель были родные братья, а Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ, и они не были равны передъ Богомъ. Въ первомъ семействѣ уже мы видимъ неравенство и зависть.

Францъ. — Виноватъ ли я въ томъ, что не люблю своего состоянія, что честь для меня дороже денегъ?

Бертольдъ. — Всякое состояніе имѣетъ свою честь и свою выгоду; мы мѣшаемъ той и другой, когда оставляемъ то, въ коемъ родились. Дворянинъ воюетъ и красуется. Мѣщанинъ трудится и богатѣетъ. (Почтенъ) рыцарь на конѣ и за рѣшеткою своей башни. Купца почитаетъ народъ въ его лавкѣ, но онъ былъ бы смѣшонъ на турнирѣ.

Мартынъ (входитъ). — Вотъ тебѣ полтораста гульденовъ; смотри-жъ, тѣшу тебя въ послѣдній разъ.

Бертольдъ. — Благодаренъ, очень благодаренъ; не будешь разкаиваться.

Мартынъ. — Ну, а если опытъ твой тебѣ удастся, и у тебя будетъ и золота и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнію?

Бертольдъ. — (о конечно... я тогда) займусь еще однимъ изслѣдованіемъ: мнѣ кажется, есть средство открыть perpetuum mobile.

Мартынъ. — Что такое perpetuum mobile?

Бертольдъ. — Perpetuum mobile — вѣчное движеніе. Если найду вѣчное движеніе, то я не вижу границъ творчеству человѣческому... Видишь ли, добрый мой Мартынъ: дѣлать золото —

задача заманчивая, открытіе, можетъ быть, любопытное; но найти perpetuum mobile... о!...

Мартынъ. — Убирайся къ чорту съ твоимъ perpetuum mobile... Ей Богу, отецъ Бертольдъ, ты хоть кого изъ терпѣнія выведешь. Ты требуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что.

Бертольдъ. — Экой онъ брюзга.

Мартынъ. — Экой онъ сумасбродъ.

II

Францъ. — Чортъ побери наше состояніе! Отецъ у меня богатъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего — кромѣ зазубреннаго меча да заржавѣвшаго шлема, щастливѣе и почетнѣе отца моего: отецъ мой сымаетъ передъ нимъ шляпу — а тотъ и не смотритъ на него. Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся и сила. Какъ не такъ? Если онъ такъ силенъ, попробуй отецъ ввести меня въ баронскій замокъ? Деньги! Деньги рыцарю не нужны: на то есть мѣщане. Какъ прижметъ ихъ, такъ у (нихъ) забрызжетъ кровь червонцами. Чортъ побери наше состояніе — Да по мнѣ лучше быть послѣднимъ минстрелемъ — этого, по крайней мѣрѣ, въ замкѣ принимаютъ... госпожа слушаетъ его пѣсни — наливаетъ ему чашу и подноситъ изъ своихъ рукъ.

Купецъ, сидя за своими книгами, щитаетъ, щитаетъ, клянется, хитритъ передъ всякимъ покупщикомъ: «Ей Богу, сударь, самый лучшій товаръ,дешевле нигдѣ не найдете. — Врешь ты, жидъ. — Никакъ нѣтъ, честію васъ увѣряю...» Честью! Хороша честь. А рыцарь? Онъ воленъ какъ соколъ — онъ никогда не горбился

надъ щетами — онъ идетъ прямо и гордо — онъ скажетъ слово, ему вѣрятъ.

Да развѣ это жизнь? — Чортъ ее побери! Пойду лучше въ минстрели.

Однако, что это сказалъ Бертольдъ? Турниръ въ... и туда ѣдетъ баронъ... ахъ, Боже мой! тамъ будетъ и Клотильда. Дамы обсядутъ кругомъ, трепеща за своихъ рыцарей — трубы затрубятъ — выступятъ герольды, рыцари объѣдутъ поле, преклоняя копья предъ благосклонной красавицей... Трубы опять затрубятъ, — рыцари разъѣдутся, помчатся другъ на друга... дамы ахнутъ... Боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнирѣ — никогда горольдъ не возгласитъ моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени, никогда Клотильда не ахнетъ... Деньги! кабы зналъ онъ, какъ рыцари презираютъ насъ, несмотря на наши деньги...

Альбертъ. — А! это Францъ, на кого ты раскричался?

Францъ. — Ахъ, вы меня слышали. Я самъ съ собою разсуждалъ.

Альбертъ. — А о чемъ ты разсуждалъ самъ съ собою?

Францъ. — Я думалъ, какъ бы мнѣ попасть на турниръ.

Альбертъ. — Ты хочешь попасть на турниръ?

Францъ. — Точно такъ.

Альбертъ. — Ничего нѣтъ легче. У меня умеръ мой конюшій — хочешь ли на его мѣсто?

Францъ. — Какъ! бѣдный вашъ Яковъ умеръ! Отчего жъ онъ умеръ?

Альбертъ. — Ей Богу, не знаю въ пятницу онъ былъ здоровешенекъ — вечеромъ воротился я поздно

(я былъ въ гостяхъ у... и порядочно подпилъ); Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его — помнится по щекѣ, а можетъ быть и въ високъ.. однако, нѣтъ: точно по щекѣ; Яковъ повалился — да ужъ и не всталъ. Я легъ не раздѣвшись, а на другой день узнаю что мой бѣдный Яковъ — умре́

Францъ. — Ай, рыцарь! видно пощечины ваши тяжелы.

Альбертъ. — На мнѣ была желѣзная рукавица Ну, что жъ, хочешь быть моимъ конюшимъ?

Францъ (почесывается). — Вашимъ конюшимъ?

Альбертъ. — Что жъ ты почесываешься — со глашайся. Я возьму тебя на турниръ — ты будешь жить у меня въ замкѣ. Быть оруженосцемъ у та кого рыцаря, какъ я, не шутка: вѣдь ужъ это сту пень. Современемъ, какъ знать, тебя посвятимъ въ рыцари; многіе такъ начинали.

Францъ. — И я буду жить у васъ въ замкѣ...

Альбертъ. — Конечно. — Ну, согласенъ?

Францъ. — Вы не будете давать мнѣ пощечинъ

Альбертъ. — Нѣтъ, нѣтъ, не бойся — а хот и случится такой грѣхъ, что за бѣда? не всѣ-ж конюшіе убиты до смерти.

Францъ. — И то правда: коли случится тако грѣхъ — посмотримъ, кто кого...

Альбертъ. — Что? что ты говоришь, я теб не понялъ.

Францъ. — Такъ, я думалъ самъ про себя.

Альбертъ. — Ну, что же? соглашайся...

Францъ. — Извольте — согласенъ.

Альбертъ. — Нечего было и думать. Достан же себѣ лошадь и приходи ко мнѣ...

Францъ. — А что скажетъ мой отецъ?

Альбертъ. — А ему какое дѣло до тебя?

Францъ. — Онъ меня проклянетъ и наслѣдства лишитъ.

Альбертъ. — А ты плюнь. Тебѣ же будетъ легче...

III

ЗАМОКЪ АЛЬБЕРТА

Берта и Клотильда

Клотильда. — Берта, мнѣ скучно; скажи мнѣ что нибудь.

Берта. — О чемъ же я буду вамъ говорить? Не о нашемъ ли рыцарѣ?

Клотильда. — О какомъ рыцарѣ —

Берта. — О томъ, который остался побѣдителемъ на турнирѣ.

Клотильда. — О Ротенфельдѣ! Нѣтъ, я не хочу говорить о немъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы возвратились — а онъ и не думалъ пріѣхать къ намъ; это съ его стороны неучтивость.

Берта. — Погодите — я увѣрена, что онъ будетъ завтра.

Клотильда. — Почему ты такъ думаешь?

Берта. — Потому, что я его во снѣ видѣла.

Клотильда. — И, Боже мой! Это ничего не значитъ; я всякую ночь вижу его во снѣ.

Берта. — Это совсѣмъ другое дѣло — вы въ него влюблены.

Клотильда. — Я влюблена! Прошу пустяковъ говорить. Да и про..., толковать тебѣ нечего — говори мнѣ о комъ нибудь другомъ.

Берта. — О комъ же? О конюшемъ братца, о Францѣ.

Клотильда. — Пожалуй — говори мнѣ хоть о Францѣ.

Берта. — Вообразите, сударыня, что онъ отъ васъ безъ ума.

Клотильда. — Францъ отъ меня безъ ума? — Кто тебѣ сказалъ?

Берта. — Никто; я сама замѣтила, когда вы садитесь верхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя; когда служитъ за столомъ, онъ не видитъ никого, кромѣ васъ; если вы уроните платокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ, — а на насъ и не смотритъ.

Клотильда. — Или ты дура, или Францъ предерзкая тварь. (Входятъ Альбертъ, графъ Ротенфельдъ и Францъ).

Альбертъ. — Сестра, представляю тебѣ твоего рыцаря; графъ пріѣхалъ погостить въ нашемъ замкѣ.

Графъ. — Позвольте благородная дѣвица недостойному вашему рыцарю еще разъ поцаловать ту прекрасную руку, изъ которой получилъ онъ драгоцѣнную награду.

Клотильда. — Графъ! я рада что имѣю честь принимать васъ у себя. Братецъ! я буду васъ ожидать въ сѣверной башнѣ. (Уходитъ)

Графъ. — Какъ она прекрасна!

Альбертъ. — Она предобрая дѣвушка. Графъ, что же вы не раздѣваетесь? гдѣ ваши слуги? Францъ! разуй графа. (Францъ медлитъ) Францъ! развѣ ты глухъ?

Францъ. — Я не всемірный слуга, чтобы вся каго разувать.

Графъ. — Ого, какой удалый.

Альбертъ. — Грубіянъ! (замахивается) Я тебя прогоню.

Францъ. — Я самъ готовъ оставить замокъ.

Альбертъ. — Мужикъ, подлая тварь! Извините, рафъ, я съ нимъ управлюсь. Вонъ!... (Толкаетъ его ъ спину). Чтобы духу твоего здѣсь не было.

Графъ. — Пожалуйста, (оставь) этого дурака; нъ, право не стоитъ.

IV

Клотильда. — Братецъ, мнѣ до тебя просьба.

Альбертъ. — Чего ты хочешь?

Клотильда. — Пожалуйста, прогони своего ко-юшаго Франца; онъ осмѣлился мнѣ нагрубить...

Альбертъ. — Какъ! и тебѣ?... Жаль же, что ужъ его прогналъ; онъ отъ меня такъ скоро бъ е отдѣлался. — Да что же онъ сдѣлалъ?

Клотильда. — Такъ, ничего. Если ты ужъ о прогналъ, такъ нечего и говорить. — Скажи, бра-цъ, долго ли графъ пробудетъ у насъ?

Альбертъ. — Думаю, сестра, что это будетъ за-сѣть отъ тебя. Что же ты краснѣешь?...

Клотильда. — Ты все шутишь, — а онъ и не маетъ.

Альбертъ. — Не думаетъ? о чемъ же?

Клотильда. — Ахъ, братецъ, какой ты несно-ый! Я говорю, что графъ обо мнѣ и не думаетъ.

Альбертъ. — Посмотримъ, посмотримъ — что бу-тъ, то будетъ.

V

Францъ. — Вотъ нашъ домикъ... Зачѣмъ было ѣ его оставлять для гордаго замка? — Здѣсь былъ хозяинъ, — а тамъ слуга... и для чего? я гордыхъ взоровъ наглой, благородной дѣ-цы. Я переносилъ униженіе, я унизился въ азахъ моихъ; я сдѣлался слугою того, кто былъ имъ товарищемъ; я привыкъ сносить дѣтскія

обиды глупаго, избалованнаго повѣсы; я не примѣчалъ ничего... Я, который не хотѣлъ зависѣть отъ отца, — я сталъ зависимъ отъ чужаго. И чѣмъ все это кончилось? — Боже — кровь кидается въ лицо, — кулаки мои сжимаются... О, я самъ отомщу, отомщу... Какъ-то приметъ меня отецъ? (Стучится)

Карлъ (выходитъ) — Кто тамъ такъ бодро стучитъ? А! Францъ, это ты. (Про себя) Вотъ чортъ принесъ!

Францъ. — Здравствуй, Карлъ; отецъ дома?

Карлъ. — Ахъ, Францъ! давно же ты здѣсь не былъ. Отецъ твой съ мѣсяцъ какъ ужъ померъ.

Францъ. — Отецъ мой умеръ! Невозможно!

Карлъ. — Такъ-то возможно, что его и схоронили.

Францъ. — Бѣдный, бѣдный старикъ!... И мнѣ не дали знать, что онъ боленъ; можетъ быть, онъ умеръ съ горести — онъ меня любилъ; онъ чувствовалъ сильно. Карлъ — и ты не могъ послать за мною? Онъ меня бы благословилъ...

Карлъ. — Онъ осердился на прикащика и выпилъ сгоряча три бутылки пива, оттого и умеръ. Знаешь ли что еще, Францъ? Вѣдь онъ лишилъ тебя наслѣдства — а отдалъ все свое имѣніе...

Францъ. — Кому?

Карлъ. — Не смѣю тебѣ сказать — ты такой вспыльчивый...

Францъ. — Знаю: тебѣ...

Карлъ. — Богъ видитъ, я не виноватъ. — Я готовъ былъ бы тебѣ все отдать... потому что, видишь ли, хоть законъ и на моей сторонѣ, — однако вотъ по совѣсти чувствую, что все-таки сынъ наслѣдникъ отца, а не подмастерье... Но, видишь, Францъ... я ждалъ тебя, а ты не приходилъ, — я и женился; а вотъ теперь какъ женатъ, ужъ я и не знаю, что дѣлать... и какъ быть.

Францъ. — Владѣй себѣ моимъ наслѣдствомъ, Карлъ; я у тебя его не требую. На комъ ты женился?

Карлъ. — На Юліи Фурстъ, мой добрый Францъ, на дочери Томаса Фурста, нашего сосѣда; я тебѣ ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть порожній уголокъ...

Францъ. — Нѣтъ, благодарствуй, Карлъ; кланяйся Юліи — и вотъ отдай ей эту серебряную цѣпочку — отъ меня на память.

Карлъ. — Добрый Францъ! — Хочешь съ нами отобѣдать? — Мы только что сѣли за столъ —

Францъ. — Не могу... я спѣшу...

Карлъ. — Куда же?

Францъ. — Такъ, самъ не знаю — прощай.

Карлъ. — Прощай, Богъ тебѣ помоги. (Францъ уходитъ). А какой онъ добрый малый, и какъ жаль, что онъ такой безпутный! Ну, теперь я совершенно покоенъ: у меня не будетъ ни тяжбы, ни хлопотъ.

VI

Вассалы, вооруженные косами и дубинами.

Косари поютъ:

Ходитъ во полѣ коса,
Золотая полоса
Вслѣдъ за ней ложится.
Ой ходи, моя коса!
Сердце веселится.
(Подъ цвѣточкомъ змія
. . . . . таится.
На змѣю коса моя)

Францъ. — Они проѣдутъ черезъ эту лужайку — смотри те же, не робѣть; — подпустите ихъ какъ

можно ближе, продолжая косить. Рыцари на васъ гаркнутъ и наскачутъ — тутъ вы размахнитесь косами по лошадинымъ ногамъ, а мы изъ лѣсу и пріударимъ... Чу! вотъ они.

(Францъ съ частью вассаловъ скрывается въ лѣсъ. Нѣсколько рыцарей, между ними Альбертъ и Ротенфельдъ)

Рыцари. — Гей, вы! долой съ дороги. (Вассалы снимаютъ шляпы и не трогаются) Долой, говорятъ вамъ... Что это значитъ, Ротенфельдъ? Они ни съ мѣста.

Ротенфельдъ. — А вотъ, пришпоримъ лошадей, да потопчемъ ихъ порядкомъ...

Косари. — Ребята, не робѣть...

(Лошади раненыя падаютъ съ сѣдоками, другія бѣсятся)

Францъ (бросается изъ засады). — Впередъ, ребята! У! у!

Одинъ рыцарь. — Плохо, братъ, ихъ болѣе ста человѣкъ.

Другой. — Ничего, насъ еще пятеро верхами.

Рыцари. — Подлецы, собаки, вотъ мы васъ!

(Сраженіе. Всѣ рыцари падаютъ одинъ за другимъ. Вассалы ихъ бьютъ дубинами и косами).

Вассалы. — У! у! у! Наша взяла!... Теперь вы въ нашихъ рукахъ... Кровопійцы! разбойники! гордецы поганые!

Францъ. — Который изъ нихъ Ротенфельдъ? Друзья, поднимите забрала; гдѣ Альбертъ?

(Ѣдетъ другая толпа рыцарей).

Одинъ изъ нихъ. — Господа! посмотрите, что это значитъ? здѣсь дерутся.

Другой. — Это бунтъ — подлый народъ бьетъ рыцарей.

Рыцари. — Господа! господа!... копья въ упоръ, пришпоривай!...

(Наѣхавшіе рыцари нападаютъ на вассаловъ).

Вассалы. — Бѣда! бѣда! Это рыцари!...

(разбѣгаются)

Францъ. — Куда вы? оглянитесь, ихъ нѣтъ и десяти человѣкъ!...

(Онъ раненъ; рыцари его хватаютъ за воротъ).

Одинъ рыцарь. — (Постой, братъ, успѣешь имъ проповѣдать.)

Другой. — И эти подлыя твари могли побѣдить благородныхъ рыцарей! Смотрите: одинъ, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужасъ!

(Лежащіе рыцари встаютъ одинъ за другимъ).

Рыцари. — Какъ! вы живы?

Альбертъ. — Благодаря желѣзнымъ латамъ... (Всѣ смѣются). Ага! Францъ, это ты, дружокъ? Очень радъ, что встрѣчаю тебя. Господа рыцари! благодаримъ за великодушную помощь.

Одинъ изъ рыцарей. — Не за что; на нашемъ мѣстѣ вы сдѣлали бы то же самое.

Альбертъ. — Смѣю ли просить васъ въ мой замокъ дня на три, отдохнуть послѣ сраженія и попировать?

Рыцари. — Извините, что не можемъ воспользоваться вашимъ благороднымъ гостепріимствомъ: мы спѣшимъ на похороны Эльсбергскаго принца и боимся опоздать.

Альбертъ. — По крайней мѣрѣ, — сдѣлайте мнѣ честь у меня отужинать.

Рыцари. — Съ удовольствіемъ. Но у васъ нѣтъ лошадей — позвольте предложить вамъ нашихъ; — мы сядемъ за вами — какъ освобожденныя красавицы (Садятся). А этого молодца, такъ и быть, довеземъ ужъ до первой висѣлицы. Господа, помогите его привязать къ хвосту моей лошади...

VII

ЗАМОКЪ РОТЕНФЕЛЬДА

(Рыцари ужинаютъ)

Одинъ рыцарь. — Славное вино!

Ротенфельдъ. — Ему болѣе ста лѣтъ... Прадѣдъ мой поставилъ его въ погребъ, отправляясь въ Палестину, гдѣ и остался. Этотъ походъ ему стоилъ двухъ замковъ и Ротенфельдской рощи, которую продалъ онъ за безцѣнокъ какому-то епископу.

Рыцари. — Славное вино! За здоровье благородной хозяйки.

Клотильда. — Благодарю васъ, рыцари. За здоровье вашихъ дамъ.

Ротенфельдъ. — За здоровье нашихъ избавителей.

Одинъ изъ рыцарей. — Ротенфельдъ! праздникъ нашъ прекрасенъ, но ему чего-то недостаетъ...

Ротенфельдъ. — Знаю, кипрскаго вина; что дѣлать — все вышло на прошлой недѣлѣ.

Рыцарь. — Нѣтъ, не кипрскаго вина, недостаетъ пѣсенъ миннезингера.

Ротенфельдъ. — Правда, правда.. Нѣтъ ли въ сосѣдствѣ миннезингера? Ступайте-ка въ гостинницу.

Альбертъ. — Да чего жъ намъ лучше? Вѣдь Францъ еще не повѣшенъ: кликнуть его сюда!

Ротенфельдъ. — И въ самомъ дѣлѣ, кликнуть сюда Франца.

Рыцарь. — Кто это Францъ?

Ротенфельдъ. — Да тотъ самый негодяй, котораго вы взяли сегодня въ плѣнъ.

Рыцарь. — Такъ онъ еще и миннезингеръ?

Альбертъ. — О! все, что вамъ угодно. Вотъ онъ.

Ротенфельдъ. — Францъ! рыцари хотятъ послушать твоихъ пѣсенъ, если страхъ не отшибъ у тебя памяти, а голосъ еще не пропалъ.

Францъ. — Чего мнѣ бояться? Пожалуй, я вамъ спою пѣсню моего сочиненія. Голось мой не дрожитъ и языкъ поворачивается.

Ротенфельдъ. — Посмотримъ, посмотримъ. Ну, начинай.

Францъ (поетъ).

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. D. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ

Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ, —

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальній,
Жилъ онъ, строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

(Восклицанья)

Ротенфельдъ. — Славная пѣсня! да она слишкомъ заунывна. Нѣтъ ли чего повеселѣе?

Францъ. — Извольте, есть и повеселѣе.

Ротенфельдъ. — Люблю за то, что не унываетъ.

Францъ (поетъ)

Воротился ночью мельникъ...
«Женка! Что за сапоги?» —
Ахъ ты, пьяница, бездѣльникъ!
Гдѣ ты видишь сапоги?
Иль мутитъ тебя лукавый?
Это ведра. — «Ведра? Право?
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ, ни на яву
Не видалъ до этихъ поръ
Я нигдѣ на ведрахъ шпоръ.»

Рыцари. — Славная пѣсня! прекрасная пѣсня! Ай да миннезингеръ —

Ротенфельдъ. — А все-таки тебя повѣшу.

Рыцари. — Конечно — пѣсня пѣснію, а веревка веревкой: одно другому не мѣшаетъ.

Клотильда. — Рыцари! я имѣю просьбу до васъ; обѣщайтесь не отказать.

Рыцари. — Что изволите приказать?

Одинъ. — Мы готовы во всемъ повиноватся.

Клотильда. — Нельзя ль помиловать этого бѣднаго человѣка? — Онъ уже довольно наказанъ и раной, и страхомъ висѣлицы —

Ротенфельдъ. — Помиловать его!... Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнуть ихъ порядкомъ, да пощадить ихъ предводителя, то они завтра же взбунтуются опять.

Клотильда. — Нѣтъ, я ручаюсь за Франца. Францъ! не правда ли, что если тебя помилуютъ, то уже болѣе бунтоватъ не станешь.

Францъ (въ чрезвычайномъ смущеніи). — Сударыня... сударыня...

Одинъ рыцарь. — Ну, Ротенфельдъ, что дама требуетъ, въ томъ рыцарь не можетъ отказать. Надобно его помиловать.

Ротенфельдъ. — Такъ и быть: мы его не повѣсимъ, но запремъ его въ тюрьму, и даю мое честное слово, что онъ до тѣхъ поръ изъ нея не выйдетъ, пока стѣны замка моего не подымутся на воздухъ и не разлетятся.

Рыцари. — Быть такъ...

Клотильда. — Однако...

Ротенфельдъ. — Сударыня! я далъ честное слово.

Францъ. — Какъ вѣчное заключеніе!? Да по мнѣ лучше умеретъ.

Ротенфельдъ. — Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Отведите его въ башню...

(Франца уводятъ)

Францъ (уходя). — Однако жъ я ей обязанъ жизнію.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

(Отрывки)

I

Тюремщикъ. — Отъ этихъ знатныхъ господъ покою нѣтъ и нашему брату, тюремщику. Простыхъ людей, слава Богу, мы вѣшаемъ каждую пятницу, и никогда съ ними никакихъ хлопотъ. Прочтутъ имъ приговоръ, священникъ причаститъ ихъ на скорую руку — дадутъ бутылку вина; коли есть жена или ребятишки, коли отецъ или мать еще живы, впустишь ихъ на минуту, а чуть лишь слишкомъ завоютъ или заболтаются, такъ и вонъ милости просимъ. На разсвѣтѣ придетъ за ними Жакъ палачъ — и все кончено. А вотъ посадили къ намъ графа Конрада, такъ я и жизни не радъ: я у него на посылкахъ. Принеси то-то, скажи то-то, кликни того-то. Начальство поминутно меня требуетъ: все ли у тебя исправно? да не ушелъ ли онъ? да не зарѣзался бы онъ? да доволенъ ли онъ? Чортъ побери знатныхъ господъ. А съ тѣхъ поръ какъ судьи приговорили его къ смерти, такъ тюрьма моя сдѣлалась трактиромъ — ей Богу трактиромъ. И друзья, и родня, знакомые — всѣ лѣзутъ съ нимъ прощаться; отпирай всякому, да смотри за всѣми, да не смѣй никого обидѣть и хоть бы что нибудь въ руку перепало — да нѣтъ,

все народъ благородный — свободенъ отъ всѣхъ податей. Право, ни на что не похоже — слава Богу, что утромъ отрубятъ ему голову! А ужъ эту ночь напляшемся (стучатъ). Это кто стучится? (Идетъ къ дверямъ и отворяетъ окошко). Что вамъ надобно?

Слуга (за дверью). — Отворяй, графиня съ дочерью!

Тюремщикъ. А гдѣ пропускъ?

Слуга (бросаетъ ему бумагу). — На! скорѣе жъ поворачивайся!

Тюремщикъ. Сейчасъ, сейчасъ. Экая каторга!

(Отворяетъ двери. Входитъ графиня и дочь ея, обѣ въ черномъ платьи. Тюремщикъ имъ низко кланяется).

II

— И ты тутъ былъ? Разскажи, какъ это случилось?

— Изволь; я только расплатился съ хозяиномъ и хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ слышу страшный шумъ; и графъ сюда входитъ со всей своей свитою. Я скорѣе снялъ шляпу, и по стѣнкѣ сталъ скорѣе пробираться до дверей, но онъ увидѣлъ меня и спросилъ, что я за человѣкъ. Я кровельщикъ Гаспаръ Дикъ, готовый къ вашимъ услугамъ, милостивый графъ, отвѣчалъ я съ поклономъ, и сталъ пятиться къ дверямъ, но онъ опять со мною заговорилъ и безъ всякаго ругательства. «А сколько ты вырабатываешь въ день, Гаспаръ Дикъ?» — Я призадумался: зачѣмъ этотъ вопросъ? На всякій случай я отвѣчалъ ему осторожно: милостивый графъ, день на день не похожъ, въ иной выработаешь пять и шесть копѣекъ, а въ другой ничего. «А женатъ ли ты, Гаспаръ Дикъ?» Я тутъ опять призадумался: зачѣмъ ему знать,

женатъ ли я? Однако отвѣчалъ ему смѣло: женатъ. — «И дѣти есть?» — (Я рѣшился говорить всю правду, ничего не утаивая). Тогда графъ оборотился къ своей свитѣ и сказалъ: «Господа! Я думаю, что будетъ ненастье; моя абервильская рана что-то начинаетъ ныть. Поспѣшимъ до дождя доѣхать; велите скорѣе сѣдлать лошадей.»

1835 г.

ПРОГРАММА ДРАМЫ О ПАПЕССѢ ІОАННѢ

Acte I. La papesse — fille d'un honnête artisan, étonné du son savoir. La mère vulgaire n'y voyant rien de bon. Gilbert (отецъ) invite un savant à venir voir sa fille — le prodige de famille. Préparatifs où la mère est seule à faire tout.

Jeanne devant St. Simon. Le savant (le démon de savoir) arrive au milieu de tout ce monde invité par Gilbert. Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Commérage des femmes — joie du père — soucies et orgueil de la fille. Elle fait tout pour aller en Angleterre étudier à l'université.

Acte II. Jeanne à l'université sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol (amour, jalousie, duel — en récit). Jeanne soutient une thèse et est fait docteur.

Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent.

Jeanne à Rome; cardinal. Le pape meurt; elle est faite pape.

Acte III. Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne — son condisciple; leur con-

naissance. Elle le ménace de l'Inquisition et lui d'un éclat. Il penètre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de ... Le diable l'emporte.

Si c'est un drame, il rappelera trop le Faust; il vaut mieux en faire un poëme dans le style de Christabel ou bien en octaves.

1835 г.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Quel est cet homme?»
На, c'est un bien grand talent: il fait de
sa voix tout ce qu'il veut.
«Il devrait bien, madame, s'en faire une
culotte.»

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывшій вицъ-губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его была очень приятна; но онъ имѣлъ нещастіе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ сочинителемъ.

Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить винительный падежъ вмѣсто родительнаго и еще кой-какихъ, такъ называемыхъ, поэтическихъ вольностей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невзгодамъ и непріятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца

есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ и которое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, о болѣзни милаго ему человѣка, тотъ часъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое возклицаніе: вѣрно что нибудь сочиняете! Влюбится ли онъ, красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ человѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, тотъ ужъ кличетъ своего сынка и заставляетъ читать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы же должны быть невзгоды? Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали, что поминутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какой нибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братьи литераторовъ, и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ. Однакожъ ..... не избавляли его. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литературы. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостью и суевѣріемъ молодаго москвича, въ первый разъ отъ роду пріѣхавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напо-

минало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный, впрочемъ, талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную; торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ такъ же неизбѣжимъ, какъ Резановское мороженое. Однакожъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное щастье. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь и слыша поминутно славный вопросъ: не написали ли вы чего нибудь новенькаго?

Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія видѣній вашихъ, когда стихи легко ложатся подъ перо ваше и звучныя риѳмы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли.

Чарскій погруженъ былъ душою въ сладостное забвеніе... и свѣтъ, и мнѣнія свѣта, и его собственныя причуды для него не существовали. — Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрыпнула, и незнакомая голова человѣка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился.

Кто тамъ? спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго росту — худощавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны: блѣдный, высокій лобъ, осѣненный черными клоками волосъ, черные, сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружющая впалыя желто смуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія (хотя на дворѣ стояла уже глубокая осень); подъ изтертымъ чернымъ галстухомъ на желтоватой манишкѣ блестѣлъ фальшивый алмазъ; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро, и ненастье. Встрѣтясь съ этимъ человѣкомъ въ лѣсу, вы приняли бы его за разбойника; въ обществѣ — за политическаго заговорщика; въ передней — за шарлатана, торгующаго элексирами и мышьякомъ.

Что вамъ надобно? спросилъ его Чарскій на французскомъ языкѣ.

Signor, отвѣчалъ по италіански иностранец съ низкими поклонами: Lei voglia perdonar mi, si..

Чарскій не предложилъ ему стула и встал самъ; разговоръ продолжался на италіанском языкѣ. —

— Я неаполитанскій художникъ, говорилъ незна-
комый, обстоятельства принудили меня оставить
отечество; я пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на
свой талантъ.

Чарскій подумалъ, что неаполитанецъ собирается
дать нѣсколько концертовъ на віолончелѣ и разво-
зить по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ
вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе
отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ:

— Надѣюсь, signor, что вы сдѣлаете дружеское
вспоможеніе своему собрату и введете меня въ
дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести тщеславію Чарскаго
оскорбленія болѣе чувствительнаго. Онъ спѣ-
сиво взглянулъ на того, кто назывался его собра-
томъ.

Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого
вы меня принимаете? спросилъ онъ, съ трудомъ
удерживая свое негодованіе.

Неаполитанецъ замѣтилъ его досаду.

— Signor, отвѣчалъ онъ, запинаясь: Io credito...
io sentito... la vostra eccelenza... mi perdonera...

Что вамъ угодно? повторилъ сухо Чарскій.

— Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ
талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе господа ставятъ
за честь оказывать всевозможное покровительство
такому превосходному поэту, отвѣчалъ италіа-
нецъ: и потому я осмѣлился къ вамъ явиться...

Вы ошибаетесь, Signor, прервалъ его Чарскій.
Званіе поэтовъ у насъ не существуетъ. Наши
поэты не пользуются покровительствомъ господъ;
наши поэты сами господа, и если наши меценаты
(чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ, тѣмъ хуже
для нихъ. У насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ,

которыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія libretto. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ, вѣроятно, вамъ сказали въ шутку, будто я великій стихотворецъ. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ г. стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу.»

Бѣдный италіанецъ смутился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, дорогія игрушки, разставленныя на готическихъ этажеркахъ, поразили его. Онъ понялъ, что между надменнымъ dandy, стоящимъ передъ нимъ въ хохлатой парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ, китайскомъ халатѣ, опоясанномъ турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ кочующимъ артистомъ, въ изтертомъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ — ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выдти. Жалкій видъ его тронулъ Чарскаго, который, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ устыдился раздражительности своего самолюбія.

Куда жъ вы? сказалъ онъ италіанцу. Постойте... Я долженъ былъ отклонить отъ себя незаслуженное титло и признаться вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить, въ чемъ только будетъ возможно. Вы музыкантъ?

— Нѣтъ, eccelenza! отвѣчалъ италіанецъ: я бѣдный импровизаторъ.

Импровизаторъ! вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія. Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы импровиза-

торъ? и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго разкаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ италіанца. Онъ простодушно разговорился о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему деньги были нужны: онъ надѣялся въ Россіи коекакъ поправить свои домашнія обстоятельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

Я надѣюсь, сказалъ онъ бѣдному художнику, что вы будете имѣть успѣхъ: здѣшнее общество никогда еще не слыхало импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено. Правда, италіанскій языкъ у насъ не въ употребленіи: васъ не поймутъ, но это не бѣда; главное, чтобъ вы были въ модѣ.»

— Но если у васъ никто не понимаетъ италіанскаго языка, сказалъ, призадумавшись, импровизаторъ, кто жъ поѣдетъ меня слушать?

Поѣдутъ, не опасайтесь — иные изъ любопытства, другіе, чтобъ провести вечеръ какъ нибудь, третьи чтобъ показать, что понимаютъ италіанскій языкъ; повторяю, надобно только, чтобъ вы были въ модѣ: а вы ужъ будете въ модѣ — вотъ вамъ моя рука.

Чарскій ласково разстался съ импровизаторомъ, взялъ себѣ его адресъ и въ тотъ же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ.
Державинъ

На другой день Чарскій въ темномъ и нечистомъ корридорѣ трактира отыскалъ 35-й нумеръ. Онъ

остановился у двери и постучался. Вчерашній италіанецъ отворилъ ее. Побѣда! сказалъ ему Чарскій, ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня ** даетъ вамъ свою залу; вчера на раутѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленіе. Ручаюсь вамъ если не за тріумфъ, по крайней мѣрѣ — за барышъ...

— А это главное, вскричалъ италіанецъ, изъявляя свою радость живыми движеніями, свойственными южной его породѣ. Я зналъ, что вы мнѣ поможете. Corpo di Bacco! Вы поэтъ, такъ же, какъ и я; а что ни говори, поэты славные ребята! Какъ изъявлю вамъ мою благодарность? Постойте... хотите ли выслушать импровизацію?

Импровизацію!... развѣ вы можете обойтиться и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?

— Пустое, пустое! гдѣ найти мнѣ лучшую публику? Вы поэтъ: вы поймете меня лучше ихъ — и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій... Садитесь гдѣ нибудь и задайте мнѣ тему. —

Чарскій сѣлъ на чемоданѣ (изъ двухъ стульевъ, находившихся въ тѣсной каморкѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импровизаторъ взялъ со стѣны гитару и сталъ передъ Чарскимъ, перебирая струны костлявыми пальцами и ожидая его заказа.

Вотъ вамъ тема, сказалъ ему Чарскій: поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.

Глаза италіанца засверкали;— онъ взялъ нѣсколько аккордовъ; — гордо поднялъ голову, и пылкі

стихи — выраженія мгновеннаго чувства — стройно излетали изъ устъ его... Вотъ они, вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго...

Италіанецъ умолкъ... Чарскій молчалъ, изумленный и растроганный.

— Ну, что? спросилъ импровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.

— Что? спросилъ импровизаторъ, каково?

Удивительно! отвѣчалъ поэтъ. Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. Итакъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно!...

Импровизаторъ отвѣчалъ: всякой талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ, рѣзцомъ и молотомъ раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя риѳмами, размѣренная стройными, однообразными стопами? Такъ никто, кромѣ самого импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внѣшней волею; тщетно я самъ хотѣлъ бы это изъяснить. Однако... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело, и чтобы я между тѣмъ не остался въ накладѣ? Говорятъ, la signora Catalani брала по 25 рублей. Цѣна хорошая...

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конторщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость и пустился съ италіанцемъ въ меркантильные разчеты. Италіанецъ при семъ случаѣ обнаружилъ такую дикую жадность, такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опротивѣлъ Чарскому, который поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсѣмъ утратить чувство возхищенія, произведенное въ немъ блестящимъ импровизаторомъ. Озабоченный италіанецъ не замѣтилъ этой перемѣны и проводилъ Чарскаго по корридору и по лѣстницѣ, съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Цѣна за билетъ 10 рублей; начало въ 7 часовъ.

Афишка

Зала княгини ** отдана была въ разпоряженіе импровизатора; подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двѣнадцать рядовъ. Въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей, передъ столикомъ, для продажи и пріема билетовъ, сидѣла старая долгоносая женщина, въ сѣрой шляпкѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарскій пріѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія и хотѣлъ видѣть импровизатора, чтобъ узнать, всѣмъ ли онъ доволенъ? Онъ нашелъ италіанца въ боковой комнатѣ, съ нетерпѣніемъ посматривающаго на часы. Италіанецъ одѣтъ былъ театрально. Онъ

былъ въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воротникъ его рубашки былъ откинутъ; голая шея своею странной бѣлизною ярко отдѣлялась отъ густой и черной бороды; волоса опущенными клоками осѣняли ему лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, которому неприятно былъ видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ короткаго разговора, возвратился въ залу, которая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды креселъ были заняты блестящими дамами; мужчины стѣсненной рамою стали у подмостковъ, вдоль стѣнъ и за послѣдними стульями; музыканты, съ своими пульпитрами, занимали обѣ стороны подмостковъ. Посрединѣ стояла на столѣ фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала; наконецъ — въ половинѣ осьмого музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру изъ Танкреда. Все усѣлось и примолкло. — Послѣдніе звуки увертюры прогремѣли... Импровизаторъ, встрѣченный оглушительнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмостковъ.

Чарскій съ безпокойствомъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ первая минута; но онъ замѣтилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того же дѣйствія на публику; самъ Чарскій не нашелъ ничего въ немъ смѣшнаго, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ блѣднымъ лицомъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчей. Плескъ утихъ, говоръ примолкъ... Италіанецъ, изъясняясь на плохомъ французскомъ языкѣ, — просилъ господъ посѣтителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на осо-

бых бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи, всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Италіанецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло безпокойство; онъ предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дамскихъ головокъ обратились къ нему и стали вызывать его сперва вполголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, импровизаторъ отыскалъ его глазами у своихъ ногъ и подалъ ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играть роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень неприятно; но дѣлать было нечего: онъ взялъ карандашъ и бумагу изъ рукъ италіанца и написалъ нѣсколько словъ. Италіанецъ, взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ, поднесъ ее Чарскому, который бросилъ въ нее свою тему. Его примѣръ подѣйствовалъ: два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностію написать каждый по темѣ; секретарь неаполитанскаго посольства и молодой человѣкъ недавно возвратившійся изъ путешествія бредя Флоренціи, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ, одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей матери, со слезами на глазахъ, написала нѣсколько строкъ по италіански, и покрасневъ по уши отдала ихъ импровизатору, между тѣмъ какъ дамы смотрѣли на нее молча съ едва замѣтною усмѣшкой. Возвратясь на свои подмостки импровизаторъ поставилъ урну на столъ и сталъ вынимать бумажки одну за другою, читая каждую въ слухъ:

Семейство Ченчи (La famiglia dei Cenci). L'ultimo giorno di Pompeia. Cleopatra e i suoi amanti. La primavera veduta da una prigione. Il triomfo di Tasso.

Что прикажетъ почтенная публика? спросилъ смиренный италіанецъ: назначитъ ли мнѣ сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоставитъ рѣшить это жребію?...

— Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы; жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно будетъ вынуть тему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ, не тронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казалось, страдалъ... Вдругъ замѣтилъ онъ въ сторонѣ поднявшуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ: — онъ съ живостію оборотился и подошелъ къ молодой величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю втораго ряда. Она встала безъ всякаго смущенія и со всевозможною простотою опустила въ урну аристократическую ручку и вынула свертокъ. Извольте развернуть и прочитать, сказалъ ей импровизаторъ. Красавица развернула бумажку и прочла въ слухъ: Cleopatra e suoi amanti. — Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ; но въ залѣ царствовала такая тишина, что всѣ ихъ услышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ съ видомъ глубокой благодарности и возвратился на свои подмостки. Господа! сказалъ онъ, обратясь къ публикѣ; жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу

особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, perchè la grande regina haveva molto?...

При сихъ словахъ многіе мущины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смутился.

А желалъ бы знать, продолжалъ онъ: на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему?... Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ изъясниться.

Никто не торопился отвѣчать. Нѣсколько дамъ обратили взоры на некрасивую дѣвушку, написавшую тему по приказанію своей матери. Бѣдная дѣвушка замѣтила это неблагосклонное вниманіе и такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ... Чарскій не могъ этого вынести, и обратясь къ импровизатору, сказалъ ему на италіанскомъ языкѣ:

Тема предложена мною. Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелій Виктора, который пишетъ будто бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что нашлись обожатели, которыхъ такое условіе не испугало и не отвратило. Мнѣ кажется, однако, что предметъ немного затрудителенъ... Не выберете ли вы другова?...

Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога... Онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лицо его страшно поблѣднѣло; онъ затрепеталъ какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь... музыканты умолкли... Импровизація началась.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу —
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась — и долу
Поникла дивною главой.
И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости — хоръ молчитъ;
Но вновь она чело подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
Въ моей любви для васъ блаженство;
Блаженство можно вамъ купить:
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю —
Скажите: кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?
Рекла — и ужасъ всѣхъ объемлетъ.
И страстью дрогнули сердца —
Она смущенный ропотъ внемлетъ
Съ холодной дерзостью лица.
И взоръ презрительный обводитъ
Кругомъ поклонниковъ своихъ...
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
Она навстрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.
Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой

Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:
И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья:
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура. —
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно оттѣнялъ;
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ...
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.
Клянусь... о матерь наслажденій!
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари
И боги грознаго Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья

И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!
И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій ѳиміамъ,
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ;
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое . . .
. . . . . .

1835 г.

РУССКІЙ ПЕЛАМЪ

Записки М.

Я начинаю помнить себя съ самаго нѣжнаго младенчества; а вотъ сцена которая живо сохранилась въ моемъ воображеніи.

Нянька приноситъ меня въ большую комнату, слабо освѣщенную. На постели, подъ зелеными занавѣсами, лежитъ женщина въ бѣломъ; отецъ мой беретъ меня на руки — рыдаетъ громко — бѣлая женщина цалуетъ меня и плачетъ; няня меня выноситъ, говоря: Миша хочетъ бай, бай? Помню также большую суматоху, множество гостей; люди бѣгаютъ изъ комнаты въ комнату. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки, и мнѣ очень весело. Монахъ, съ золотымъ крестомъ на груди, благословляетъ меня въ двери выносятъ длинный красный гробъ. — Вотъ все, что похорны матери оставили у меня въ сердцѣ. Она была женщина съ необыкновеннымъ умомъ и сердцемъ, какъ узналъ я послѣ по разсказамъ людей, не знавшихъ ей цѣны.

Тутъ воспоминанія мои становятся сбивчивы. Я могу дать ясный отчетъ о себѣ не прежде, какъ ужъ съ осьмилѣтняго моего возраста. — Но прежде долженъ я поговорить о моемъ семействѣ.

Отецъ мой былъ пожалованъ сержантомъ, когда еще бабушка была имъ брюхата. Онъ воспитывался

дома до 18 лѣтъ. Учитель его, М-г Дерори, былъ простой и добрый старичекъ, очень хорошо знавшій французскую орѳографію. Неизвѣстно, были ли у отца другіе наставники; но отецъ, кромѣ французской орѳографіи кажется ничего основательно не зналъ. Онъ женился противъ воли своихъ родителей на дѣвушкѣ которая была старѣе его нѣсколькими годами; въ тотъ же годъ вышелъ въ отставку — и уѣхалъ въ Москву. Старый Савельичъ, его камердинеръ, сказывалъ мнѣ, что первые годы супружества были щастливы. Мать моя успѣла примирить мужа съ его семействомъ, съ которомъ ее полюбили. Но легкомысленный и непостоянный характеръ отца моего не позволилъ ей насладиться спокойствіемъ и счастіемъ. Онъ вошелъ въ связь съ женщиной, извѣстной въ свѣтѣ своей красотою и любовными похожденіями. Она для него развелась съ своимъ мужемъ, который уступилъ ее отцу моему за 10 000 и потомъ бѣдывалъ у насъ довольно часто. Мать моя знала все, и молчала. Душевныя страданія разстроили ея здоровье: она слегла и уже не встала.

Отецъ имѣлъ 5000 душъ, слѣдственно былъ изъ тѣхъ дворянъ, которыхъ покойный гр. Ш[ереметевъ] называлъ мелкопомѣстными, удивляясь отъ чистаго сердца, какимъ образомъ они могутъ жить! — Дѣло въ томъ, что отецъ мой жилъ не хуже гр. Ш[ереметева], хотя былъ ровно въ 20 разъ бѣднѣе. Москвичи помнятъ еще его обѣды, домашній театръ и роговую музыку. Года два послѣ смерти матери моей, Анна Петровна Вирлацкая, экономка этой смерти, поселилась въ его домѣ. Она была, какъ говорится, видная баба, впрочемъ уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости. Мнѣ подвели

мальчика, въ красной курточкѣ съ манжетами, и сказали, что онъ мнѣ братецъ. Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Мишинька шаркнулъ направо, шаркнулъ налѣво и хотѣлъ поиграть моимъ ружьецомъ; я вырвалъ игрушку изъ его рукъ. — Мишинька заплакалъ, и отецъ поставилъ меня въ уголъ, подаривъ братцу мое ружье.

Таковое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе мое подъ отеческою кровлею не оставило ничего пріятнаго въ моемъ воображеніи. Отецъ, конечно, меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не безпокоился и оставилъ меня на попеченіе французовъ, которыхъ безпрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; второй, человѣкъ не глупой и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшеной нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ за то, что я пролилъ чернила на его жилетъ; третій проживши у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій и въ домѣ тогда только догадались о томъ, когда пришелъ онъ жаловаться Аннѣ Петровнѣ на меня и на Мишиньку за то, что мы подговорили клоповъ всего дома не давать ему покою, и что сверхъ того чертенокъ повадился вить гнѣзда въ его колпакѣ. Прочіе французы не могли ужиться съ Анной Петровной, которая не давала имъ вина за обѣдомъ или лошадей по воскресеньямъ; сверхъ того, имъ платили очень неисправно. Виноватымъ осталя Анна Петровна рѣшила, что ни одинъ изъ моихъ гувернеровъ не могъ сладить съ такимъ несноснымъ мальчишкою.

Впрочемъ, и то правда, что не было изъ нихъ ни одного, котораго бы въ двѣ недѣли по его вступленіи въ должность не обратилъ я въ домашняго

шута; съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаю о женевцѣ, котораго увѣрилъ я, что Анна Петровна была въ него влюблена.

Надобно было видѣть цѣломудренной ужасъ лица его съ нѣкоторою примѣсью лукаваго кокетства, когда Анна Петровна косо поглядывала на него за столомъ, говоря вполголоса: экой обжора!

Я былъ рѣзвъ, лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою отъ меня можно было добиться всего. Къ нещастію, всякой вмѣшивался въ мое воспитаніе и никто не умѣлъ за меня взяться.

Надъ учителями я смѣялся и проказилъ; съ Анной Петровной бранился зубъ за зубъ; съ Мишинькой имѣлъ безпрестанныя ссоры и драки; — съ отцомъ доходило часто дѣло до буйныхъ объясненій, которыя съ обѣихъ сторонъ оканчивались слезами. Наконецъ, Анна Петровна уговорила отца отослать меня въ Университетъ. Мнѣ тогда было 15 лѣтъ.

Университетская жизнь моя оставила мнѣ приятныя воспоминанія, которыя, если ихъ разобрать, относятся къ произшествіямъ ничтожнымъ, иногда непріятнымъ; но молодость — великій чародѣй. Дорого бы я далъ, чтобъ сидѣть за кружкою пива, въ облакахъ табачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и съ засаленной бархатной (фуражкой) на головѣ. Дорого бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого народа; за наши латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистрами! —

Вольное университетское ученіе принесло мнѣ болѣе пользы, чѣмъ домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованію и дѣланію пунша. — Изъ дому получалъ я деньги въ разные не

положенные сроки. Это приучило меня къ долгамъ и къ безпечности. Прошло 3 года, и я получилъ отъ отца изъ П. Б. приказаніе оставить Университетъ и ѣхать въ Россію служить. Нѣсколько словъ о разстроенномъ состояніи, о лишнихъ расходахъ, о перемѣнѣ жизни показались мнѣ странными; но я не обратилъ на нихъ большаго вниманія. При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству и никогда не принимать должности цензора; на другой день, съ головною болью и съ книгою, отправился въ дорогу.

ПРОГРАММЫ «РУССКАГО ПЕЛАМА»

I

Русскій Пеламъ — сынъ барина, воспитанъ французами. Отецъ его frivole въ русскомъ родѣ. Двоюродный братъ его... Пеламъ въ свѣтѣ — театръ, литераторы, картежники. Онъ свидѣтель безчестія одного молодаго человѣка. Его дружба съ Ѳ. Ор(ловымъ). Онъ помогаетъ ему увезти любовницу, отказывается отъ игры фальшивой. Братъ его въ игрѣ получаетъ пощечину; дуэль, братъ его струсилъ.

Ор. увозитъ дѣвушку — ея нещастное положеніе — бѣдность — развратъ мужа — она влюбляется въ Пелама — связь ея съ нимъ — подозрѣнія мужа. Смерть Ѳ. Ор.

Пеламъ влюбляется въ женщину высшаго общества. Пеламъ въ большомъ обществѣ, любовь въ большомъ свѣтѣ — (Пеламъ ѣдетъ въ). Отецъ его умираетъ. Пеламъ въ деревнѣ (Эпизодъ жены Ѳ. Ор.). Сосѣди, жизнь русскихъ

помѣщиковъ. Слышитъ о свадьбѣ двоюрод. брата, ѣдетъ въ Петербургъ. Братъ его дѣлается его врагомъ, чернитъ его въ глазахъ правительства. Онъ высланъ изъ города (Ѳ. Ор. доходитъ до разбойничества — Пеламъ son confident). Онъ свидѣтель нападенія Онъ оправданъ самимъ Ѳ. Ор.

II

Пеламъ выходитъ въ большой свѣтъ, (влюбляется), и наскуча имъ, вдается въ дурное общество.

Въ обществѣ актрисъ и литераторовъ встрѣчаетъ Ѳ. Ор. и съ нимъ дружится, отказывается отъ игры на-вѣрное, помогаетъ ему увезти дѣвушку.

Продолжаетъ свою безпутную жизнь. Связь его съ танцоркой на щетъ гр. З[авадовскаго].

Дуэль Ѳ. Ор. съ двоюроднымъ братомъ Пелама. (Нещастная жизнь жены Ѳ. О. — Орл. доходитъ до нищеты и разбойничества. Пеламъ узнаетъ обо всемъ — укрываетъ его у себя).

Пеламъ влюбляется. Отецъ у него умираетъ. Перемѣна его. Онъ ссорится съ танцоркой.

Онъ сватается — ему отказываютъ. Онъ ѣдетъ въ деревню.

Разбой. Доносъ. Судъ. Тайный непріятель. Письмо къ брату, отвѣтъ Тартюфа. Узнаетъ о свадьбѣ брата. Отчаяніе.

Онъ (оправданъ) освобожденъ по покровительству Ал. Ор.

Болѣзнь душевная — Сплетни свѣта — Уединенная жизнь — Ор. пойманъ въ разбоѣ. Пеламъ оправданъ и получаетъ позволеніе уѣхать въ П. Б.

Заключеніе.

Характеры. Отецъ и его любовница. Двоюр. братъ (выб...). Θед. Ор. и Ал. Ор. — Кочубей, дочь его. — Кн. Шаховской, Ежова — Истомина, Гриб(оѣдовъ), Зав(адовскій — Домъ Всеволожскихъ) — (Всевол. и Овошникова). — Котляревскій — Мордвиновъ, его общество — Хрущовъ. Общество умныхъ (Илья Долг(оруковъ), Сергѣй Трубецкой, Ник(ита) Мур(авьевъ) etc.).

Служба, юнкеръ гвардіи, офицеръ гвардіи. Нѣмецъ начальникъ. Отставка, долги, Неѣловъ, Шишкинъ...

Похороны отца etc. Привычка къ роскоши. Обѣды, литераторы — Ив. Козловъ.

Большое общество — семья Пашковыхъ etc.

Игроки. Ор. Павловъ.

III

Исторія Θед. Ор. (élégant, un Zavadovski), un mauvais sujet, des maîtresses, des dettes. Онъ влюбляется въ бѣдную вѣтреную дѣвушку, увозитъ ее; первые годы роскоши, впадаетъ въ бѣдность, cherche des distractions chez sa première maîtresse, devient escroc et dueliste, доходитъ до разбойничества, зарѣзываетъ Щепочкина, застрѣливается (или изчезаетъ).

Исторія Пелымова. Онъ знакомится съ Θ. Ор. dans la mauvaise societé — помогаетъ ему увезти дѣвушку, отказывается отъ фальшивой игры, на дуэли секундантомъ у него — (не). Узнаетъ отъ него о убійствѣ Щепочкина, — devient l'éxécuteur testamentaire de Θ. Ор. — попадаетъ въ подозрѣніе Онъ даетъ ломбар. билетъ (носитъ часы) Щепочкина. Обращается къ Ал. Ор. изъ крѣпости.

Эпизоды (уѣзжаетъ въ деревню — смерть отца его — эпизодъ крѣпостной любви).

Исторія брата его. Онъ зарывается въ канцеляріи — отрекается отъ своей матери — (является въ дурномъ обществѣ по страсти къ деньгамъ — получаетъ пощечину) — дѣлается врагомъ Пелымову, выходитъ въ люди (въ секретари Чуполея), преслѣдуетъ тайно своего брата — сватается за его невѣсту и женится на ней. Мать его (княгиня Х(ованская) расточаетъ деньги Всеволожск. — для Норовова, котораго обыгрываетъ шайка Ѳ. Ор. и который получаетъ пощечину etc.

Нат(алья) К(очубей) вступаетъ съ Пелымовымъ въ переписку, предостерегаетъ его etc.

Une danseuse. Пелымовъ съ нею знакомится, находитъ у ней Ѳед. Ор.

Пелымовъ воспитанъ у отца 7-ю французами, нѣмц., швед., англич. — Отецъ имъ не занимается, но любитъ. Ссорится съ нимъ за Норовова. Отецъ назначаетъ ему 1000 въ годъ, и выгоняетъ его. Умираетъ въ нищетѣ — сынъ его хоронитъ — Бат(уринъ) (Пелымовъ) pour vivre traduit des vaudevilles. Шах(овской), Еж(ова) etc. etc.

IV

I. Воспитаніе. Смерть матери. Явленіе княгини Х(ованской) съ Наградскимъ; мои сшибки съ нимъ, его сплетни. Гувернеры. Жизнь отца. Il reçoit bonne compagnie en fait d'hommes et mauvaise en fait de femmes. Я выхожу въ службу и въ свѣтъ.

II. Свѣтская жизнь петербургская. Получаю часть моей матери: балы, скука большаго свѣта, происходящая отъ бранчивости женщинъ; (онъ) по при-

мѣру молодежи удаляется въ холостую компанію, дружится съ Zavad. (Θ. Op.).

III. Общество Zav. — les parasites, les actrices, sa mauvaise réputation, il devient amoureux. Пелымовъ est son confident.

IV. Enlévement — Pelham devient aux yeux du monde un mauvais sujet. C'est alors qu'il est en correspondance avec N. (Кочуб.) Il reçoit la première lettre au sortir de chez la Istom. qu'il console du mariage de Zav.

V. La porte de Чок(олей-Кочубей) lui est refusé, il ne la voit qu'au théatre (ou) il apprend que son frère est secretaire du Чок.

VI. Vie splendide de Zavad. Il donne des diners et des bals. Embarras domestiques. Créanciers, jeu.

VII. Норовой et son duel.

VIII. Scène chez le père.

IX. Explication avec Zav.

X. P. rompt avec Zav.

V

I. Continuation des amours de P.

II. (Zav... brigan...) La femme de Zav. (misère), le mari devenu (ami de) Θ. Op. Ses nouveaux compagnions — leurs exploits. Ils arrètent dans la rue P. — Θ. Op. le reconnait et tourne la chose en plaisanterie Ce chapitre après la catastrophe.

III. Maladie, delaissement et mort du père de P.

IV. Situation du frère.

V. Assasinat.

VI. . . . . .

1835 г.

* * *

1

Цезарь путешествовалъ; мы съ Т(итомъ) Пет(ро-ніемъ) слѣдовали за нимъ издали... По захожденіи солнца разбивали шатеръ, разставляли постели, мы ложились пировать и весело бесѣдовали. На зарѣ снова пускались въ дорогу, и сладко засыпали каждый въ лектикѣ своей, утомленные жаромъ и ночными наслажденіями.

Мы достигли Кумъ и уже думали пуститься да-лѣе, какъ явился къ намъ посланный отъ Нерона. — Онъ принесъ Петронію повелѣніе цезаря возвра-ститься въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи, вслѣдствіе ненавистнаго обвиненія. Мы были поражены ужасомъ: — одинъ Петроній рав-нодушно выслушалъ свой приговоръ, отпустилъ гонца съ подаркомъ, и объявилъ свое намѣреніе остановиться въ Кумахъ. — Онъ послалъ своего любимаго раба выбрать ему домъ, и сталъ ожидать его возвращенія въ кипарисной рощѣ, посвященной Эвменидамъ. —

Мы окружали его съ безпокойствомъ. — Флавій Аврелій спросилъ — Долго ли думаетъ онъ оста-

ваться въ Кумахъ и не страшится ли раздражить Нерона ослушаніемъ?

— Я не только не думаю ослушаться его, отвѣчалъ Петроній съ улыбкою, но даже намѣренъ предупредить его желанія. Но вамъ, друзья мои, совѣтую возвратиться: путникъ въ ясный день отдыхаетъ подъ тѣнію дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи.

Мы всѣ изъявили желаніе съ нимъ остаться и Петроній ласково насъ благодарилъ. — Слуга возвратился и повелъ насъ въ домъ, уже имъ выбранный. Онъ находился въ предмѣстіи города...

2

(Программа: Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ; онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти — избираетъ теплыя ванны. Греч. философъ изчезъ. Петроній улыбается и сказываетъ оду. Описаніе приготовленій; онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы. Первый вечеръ: о Клеопатрѣ — наши разсужденія о томъ. Второй вечеръ: Петроній приказываетъ разбить драгоцѣнную чашу — диктуетъ Satyricon — разсужденіе о паденіи боговъ, объ общемъ безвѣріи — о превращеніяхъ Нерона. Рабъ-христіанинъ).

...Имъ управлялъ старый отпущенникъ въ отсутствіи хозяина, уже давно покинувшаго Италію. Нѣсколько рабовъ подъ его надзоромъ заботились о чистотѣ комнатъ и садовъ. Въ широкихъ сѣняхъ нашли мы кумиры девяти музъ; у дверей стояли два кентавра. Петроній остановился у мраморнаго порога и прочелъ начертанное на немъ привѣтствіе

здравствуй! Печальная улыбка изобразилась на лицѣ его. Старый управитель повелъ его въ библіотеку, гдѣ осмотрѣли мы нѣсколько свитковъ и вошли потомъ въ спальню хозяина. Она убрана была просто. Въ ней находились только двѣ семейныя статуи: одна изображала матрону, сидящую въ креслахъ, другая — дѣвочку, играющую мячемъ. На столикѣ, подлѣ постели, стояла маленькая лампада. Здѣсь Петроній остался и отпустилъ насъ, пригласивъ вечеромъ къ нему собраться.

Я не могъ уснуть. Печаль наполняла мою душу. Я видѣлъ въ Петроніѣ не только благодѣтеля, но и друга, искренно ко мнѣ привязаннаго. Я уважалъ его обширный умъ, любилъ его прекрасную душу. Въ разговорахъ его почерпалъ я знаніе свѣта и людей, извѣстныхъ мнѣ болѣе по умозрѣніямъ божественнаго Платона, нежели по собственному опыту. Его сужденія обыкновенно были быстры и вѣрны: равнодушіе избавляло его отъ пристрастія. Искренность, въ отношеніи къ самому себѣ, дѣлала его проницательнымъ. Жизнь не могла представить ему ничего новаго: чувства его дремали, притупленныя привычкою, но умъ его хранилъ удивительную свѣжесть. Онъ любилъ игру мыслей, какъ и гармонію словъ, охотно слушалъ философическія разсужденія и самъ писалъ стихи не хуже Катулла.

Я сошелъ въ садъ и долго ходилъ по извилистымъ его тропинкамъ, осѣненнымъ старыми деревьями. Я сѣлъ на скамейку подъ тѣнь широкаго тополя, у котораго стояла статуя молодаго сатира, прорѣзывающаго тростникъ. Желая развлечь какъ нибудь печальныя мысли, я вынулъ записныя дощечки и перевелъ одну изъ одъ Анакреона, которую и сберегъ въ память этого печальнаго дня.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри — честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ не много
Провожать осталось дней:
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

3

...Солнце клонилось къ западу: я пошелъ къ Петронію. Онъ разхаживалъ въ библіотекѣ, съ нимъ былъ его домашній лекарь Септимій. Петроній, увидя меня, остановился и произнесъ шутливо:

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по вызженнымъ таврамъ;
Узнаемъ парфянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный,
Наслажденій знакъ нескромный.

— Не скромничай, продолжалъ Петроній, вынимай изъ-подъ тоги свои дощечки и прочти. Ты угадалъ, отвѣчалъ я Петронію, и подалъ дощечки. Онъ прочиталъ мои стихи. Облако задумчивости прошло по его лицу и тотчасъ разсѣялось. Когда читаю подобныя стихотворенія, сказалъ онъ, мнѣ

всегда любопытно знать, какъ умерли тѣ, которые такъ сильно были поражены мыслію о смерти. Анакреонъ увѣряетъ, что Тартаръ его ужасаетъ, но не вѣрю ему, такъ же какъ не вѣрю трусости Горація. Вы знаете оду его:

. . . . . .

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно бросивъ щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся! какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей...

Хитрый стихотворецъ хотѣлъ разсмѣшить Августа и Мецената своею трусостью, чтобъ не напомнить имъ о другомъ...

ПРОЗАИЧЕСКІЕ ПЕРЕВОДЫ

1833—1835 г. г.

ИЗЪ WORDSWORTH

Лѣтнее утро. Авторъ доходитъ до развалившейся хижины въ деревнѣ, и тамъ встрѣчаетъ почтеннаго друга — путешественника. (Далѣе слѣдуетъ почти стершійся карандашный набросокъ, не поддающійся чтенію).

ИЗЪ ПОСВЯЩЕНІЯ „CHILD HAROLD“ БАЙРОНА

Ни въ краяхъ, по коимъ я странствовалъ и гдѣ красота издавна почиталась совершенствомъ; ни въ видѣніяхъ, по коимъ сердце воздыхаетъ, сожалѣя, что они — пустыя грезы, ничего, тебѣ подобнаго, ни во снѣ, ни на яву не являлось мнѣ. Тщетно захотѣлъ бы я описать измѣнчивыя и блестящія твой прелести. Для того, кто не видѣлъ тебя, слова мои были бы слабы; для того, кто тебя видѣлъ, какая рѣчь можетъ ихъ выразить?

Останься вѣкъ тою же, что ты теперь, достойная обѣщаній всены твоей, прекрасна видомъ, сердцемъ горяча и безпорочна, образъ на землѣ безкрылой любви необманчивая передъ воображеніемъ Надежды! И вѣрно та, которая съ такой нѣжностью

бережетъ юность твою, видитъ въ минутномъ ея сіяніи небесную радугу будущихъ годовъ, предъ которой всѣ печали исчезаютъ.

Юная Пери Запада! Щастливъ я, что мои годы почти вдвое превышаютъ твои лѣта, безстрастной взоръ мой можетъ тебя видѣть не смущаясь и безопасно глядѣть на блескъ разцвѣтающей твоей красоты. Щастливъ я, что не увижу ея въ увяданіи; щастливѣе тѣмъ, что пока молодыя сердца изтекать будутъ кровью, мое избѣжитъ участь, предопредѣленную твоими глазами даже и тому, чье удивленіе восторжествуетъ, но смѣшанное съ муками, опредѣленными самымъ щастливѣйшимъ часамъ любви.

О, пусть эти очи, тихія, какъ у газели, то ясно смѣлыя, то прекрасно стыдливыя, увлекательныя, когда сверкаютъ, ослѣпляющія, когда недвижимы, блеснутъ на страницу сію!

ИЗЪ САФО

Пѣсенка Афродитѣ

О Венера безсмертная, драгоцѣнно-престольная (разно-каменно-престольная), хитрая, обманчивая дщерь Юпитера прошу тебя: не огорчай меня, о Богиня, въ душѣ обманомъ и печалію, но приди любви ради, услышь мой голосъ, которому ты часто внимала, оставивъ златой отцовскій домъ, ты ко мнѣ приходила. Воробьи красивые по воздуху несли (везли) тебя на колесницѣ, черными крыльями своими помахивая. — Лишь только были они отпряжены, ты, о Богиня, щастливая, усмѣхаясь безсмертнымъ лицомъ спрашиваешь меня чѣмъ я огорчена и зачѣмъ тебя (здѣсь) я позвала?

что ты хочешь изъ себя сдѣлать въ любовномъ изступленіи? Кого я должна слушать? Кто тебя, о Сафо, огорчаетъ? Если теперь онъ тебя избѣгаетъ, скоро будетъ тебя преслѣдовать. Если подарковъ не присылаетъ, скоро будетъ давать. Если теперь не любитъ, скоро полюбитъ. — Когда прикажешь? Приди ко мнѣ и теперь, избавь меня отъ печали тяжкой, — и то, что сердце мое хочетъ совершить, соверши сама, о Венера, и будь моей помощницей...

Діонизіи

Тотъ мнѣ кажется равенъ богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ сладкоглаголящую и улыбаясь приятно, то что мнѣ сердце въ груди наполнило страхомъ какъ только тебя увидѣла — теряю голосъ — языкъ мой ломается, — огонь проникаетъ въ мою кожу, — въ ушахъ звенитъ, и глаза покрываются ночью, и холодный потъ течетъ, дрожь по всему тѣлу — я становлюсь зеленѣе травы — боюсь скоро умереть, я кажусь бездыханна...

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ И СКАЗКИ

ВЪ ЗАПИСЯХЪ,
ПЕРЕДѢЛКАХЪ И ПЕРЕВОДАХЪ

I

ПУШКИНСКІЯ ЗАПИСИ, ИЗДАННЫЯ П. А. БЕЗСОНОВЫМЪ.

(«Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ». Вып. V, М. 1863 и вып. X. М. 1874)

ТУТО ЖИЛЪ-ПОЖИВАЛЪ ГОСПОДИНЪ ВОЛКОНСКІЙ КНЯЗЬ

Тутo жилъ-поживалъ господинъ Волконскій Князь,
У этого у Князя жилъ Ванюша Ключничикъ.
Ваня годъ живётъ, другой живётъ,
На третій годъ Князь довѣдался;
Закричалъ Князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ есть ли меня слуги вѣрные при мнѣ?
«Вы подите — приведите вора Ваньку Ключничка.
Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричалъ-та господинъ Волконскій Князь громкимъ голосомъ:
«Вы подите-ка, — вы выройте двѣ ямы глубокіихъ,
«Вы поставьте-ка два столбика дубовыихъ,
«Положите перекладецъ сосновыій,

«Повѣсьте двѣ петли шелкóвыя:
«Пускай Ваня покачается,
«Молодая-то Княгиня попечалится!»

—

БѢЖИТЪ РѢЧКА ПО ПЕСКУ

Бѣжитъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву,
Въ разорёну улицу,
Къ Аракчееву двору
У Ракчеева двора
Тута рѣчка протекла,
Бѣла рыба пущена;
Тутъ и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всякіемъ кораблѣ
По пятисотъ молодцовъ,
Гребцовъ-пѣсенничковъ;
Сами пѣсенки поютъ
Разговоры говорятъ,
Все Ракчеева бранятъ:
«Ты Ракчеевъ господинъ,
«Всю Россію разорилъ
«Бѣдныхъ людей прослезилъ,
«Солдатъ гладомъ поморилъ,
«Дорóженьки проторилъ,
«Онъ канавушки прорылъ
«Берёзами усадилъ,
«Бѣдныхъ людей прослезилъ!»

—

II

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ, ЗАПИСАННЫЯ ДЛЯ ПЕТРА КИРѢЕВСКАГО

БЕРЕЗА БѢЛАЯ.

«Береза бѣлая,
Береза кудрявая,
Куда ты клонишься,
Куда поклоняешься?
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюся,
Куда вѣтеръ повѣетъ. —
«Княгиня душенька!
Куда ты ладишься?»
— Туда я лажуся,
Куда батюшка отдаетъ
Съ родимой матушкой. —

КАКЪ ПРИ ВЕЧЕРѢ, ВЕЧЕРѢ

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ часу-времечкѣ,
При княгининомъ дѣвичникѣ,
Вылеталъ же младъ-ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшоточку,
На шелкову занавѣсочку,
Какъ увидѣла да узрѣла
Свѣтъ княгинина матушка:
«Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,

Добраго молодца заѣзжаго,
Свѣтъ Ивана Александровича!»
— Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:
Скоры ноженьки подломились,
Бѣлы ручки опустились,
Красота съ лица смѣнилась. —

СОБРАЛА НЕВѢСТА ПОДРУЖЕКЪ

Собрала невѣста подружекъ,
Посадила подружекъ высоко,
А сама сѣла выше всѣхъ,
Наклонила головушку ниже всѣхъ,
Думаетъ думушку крѣпче всѣхъ.
«Что долго нѣтъ Ивана?
Мнѣ посла послать некого,
Мнѣ самой иттить некогда.
Я хоть пойду, не дойду,
Я хоть дойду, не найду,
Я хоть найду его, —
Позвать къ себѣ не смѣю».

КАКЪ ВЪ ДОМУ-ТО БЕРЕЗАНЬКА БѢЛЕХОНЬКА СТОИТЪ

Какъ въ дому-то березанька бѣлёхонька стоитъ,
А наша невѣста бѣлѣе ея,
Бѣлѣе ея снѣгу бѣлаго лицо.
Шла наша невѣста съ высокова теремà,
Несла она золоту чару вина;
Она чару расшибла, вино все пролила,

Все глядючи на Ивана своего,
На Ивана своего, на кудерушки его:
«Видать ли мнѣ кудерушки васъ у себя?
На правой на ручушкѣ, на золотомъ перстенькѣ?»

ЯГОДА СЪ ЯГОДОЙ СОКАТИЛАСЯ

Дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится изъ церкви

Ягода съ ягодой сокатилася,
Ягода ягодѣ поклонилася,
Ягода съ ягодой слово молвила,
Ягода отъ ягоды не вдали росла.

МЕЖДУ ГОРЪ ПО КАМЕНЬЮ

Между горъ по каменью
Серебромъ ручей бѣжитъ,
По тому по ручейку
Ходила-гуляла княгиня-душа.
Искала княгиня-душа
Самоцвѣтна камушка,
Нашла, нашла камушекъ,
Нашла самоцвѣтненькій.
Разломала камушекъ,
Его на три граночки.
Первую граночку
Ее родну батюшкѣ.
Вторую граночку
Родной ея матушкѣ,
А третью граночку
Ладу милому.

---

798. ЗАТОПИСЯ, БАНЕНЬКА

(Отрывокъ)

«Затопися, баненька,
Раскалися каменка,
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонушкѣ,
По родной матушкѣ,
По родному батюшкѣ . . .

О ГОРЕ, ГОРЕ ТО НЕВѢСТИНО

«О горе, горе то невѣстино!
О горе, горе!
Ты невѣстушка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись-ко ты назадъ,
О горе, горе!
Что подружекъ-то стоятъ,
О горе, горе!
Что подружки говорятъ,
О горе, горе!
Что наказываютъ,
О горе, горе!
Что приказываютъ»:
О горе, горе!
«Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
«Ты съ кроватушки долой!»
О горе, горе!
— Вы лебедушки,
О горе, горе!

— Вы подруженьки!
О горе, горе!
— Мнѣ нельзя спихнуть:
О горе, горе!
— Въ головахъ-то у него,
О горе, горе!
— Плетка шелковая,
О горе, горе!
— Она объ восьми хвостахъ,
О горе, горе!
— Она больно бьетъ,
О горе, горе!
— Приговариваетъ:
О горе, горе!
— Не зови-ко худякомъ,
О горе, горе!
— Зови добрымъ молодцомъ.
О горе, горе!

КАКЪ У НАШЕГО КНЯЗЯ

Поется, когда идутъ за невѣстой въ вѣнцу:

Какъ у нашего князя
Невеселые кони стоятъ.
Они чуютъ путь-дороженьку
По невѣсту ѣхати.
«Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Уливайте* гору крутую,
Чтобы моему разлучнику
Не взойтить бы, ни взъѣхати!»
— Не грози, княгиня душа!**

---

* Иначе: укатайте — по времени года.

** Поется также: «Не печалься, княгиня — душа! Повеземъ мы коней въ кузницу, подкуемъ коней подковами-то булатными».

— На крутую гору пѣшъ взойду,
— Добра коня въ поводу сведу.
«Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Запирайте вы воротечки,
Что тремя замками нѣмецкими».
— Не печалься, княгина-душа,
— Приведу я съ собой слесаря,
— Отопретъ замки нѣмецкіе.
«Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую,
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!»
— Не печалься, княгиня-душа!
— Привезу съ собой свахоньку;
— Расплететъ она косу русую,
— Увеземъ тебя съ собой, душеньку.

ТРУБЧИСТАЯ КОСА

Дня за два передъ дѣвичникомъ кладутъ на блюдо ленты изъ косы невѣстиной. Братъ ея или ближній родственникъ носитъ блюдо по улицѣ. Это называется: красу носить. Между тѣмъ поютъ:

Трубчистая коса
Вдоль по улицѣ шла,
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За косу хваталася:
«Коса ты, косынька!
Ужели ты моя?»
— Я тогда буду твоя,
— Какъ я въ Божью церковь вступлю,
— Золотой вѣнецъ приму.

ВЪ СЫРОМЪ БОРУ НА КЛЕНУ

(Сводный текстъ изъ 2-хъ варіантовъ)

Въ сыромъ бору на клену*
Виситъ колыбель на шелку;
Въ колыбели лежитъ князь молодой (имя жениха),
Передъ нимъ стоятъ бояры**.
«Вскачните колыбель высоко!
Выше клену стоячаго,
Ниже облака ходячаго***.
Чтобы видно было тестевъ дворъ,
Чтобы видно было тёщинъ теремъ!
«Въ этомъ терему ходитъ-гуляетъ†,
«Ходитъ-гуляетъ княгиня-душа,
«Шолковымъ платкомъ помахиваетъ:
— Ты сюда, сюда, молодой князь!
— Здѣсь твоя суженая, твоя ряженая»††.

---

* Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.

** Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.

*** Въ другомъ пушкинскомъ варіантѣ этого стиха нѣтъ.

† Съ этого стиха до конца пѣсня пополнена изъ другого ея варіанта, также записаннаго Пушкинымъ.

†† Въ варіантѣ, изъ котораго взято начало, соотвѣтствующіе стихи читаются такъ:

Въ терему гуляетъ княгиня,
По имени зовутъ ее Катерина,
Каленые орѣшки щелкаетъ,
Шитою ширинкою махаетъ:
«Ты сюда, сюда, Иванъ-князь!
Какъ здѣсь твое суженое,
Здѣсь твое ряженое,
Здѣсь твоя княгиня
По имени Катерина».

III

ЗАПИСИ ПѢСЕНЪ О СТЕНЬКѢ РАЗИНѢ

ПѢСНЯ О СЫНѢ СЕНЬКИ РАЗИНА

Во городѣ то было во Астраханѣ
Проявился дѣтина, незнамой человѣкъ
Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ
Черный бархатный кафтанъ на розмашечку надѣтъ
Черна шляпа пуховая на его русыхъ кудряхъ
Свой персидской кушачокъ во правой рукѣ несетъ
Онъ боярамъ государевымъ не кланяется
Къ Астр. воеводѣ подъ судъ нейдетъ
Какъ увидѣлъ молодца воевода со крыльца
Закричалъ онъ, воевода, громкимъ голосомъ своимъ
Ой, есть ли у меня слуги вѣрны молодцы
Вы сходите приведите удалого молодца.
Какъ поймали молодца во царевѣ-кабакѣ
Приводили удалого къ воеводѣ на дворъ
А какъ сталъ воевода его спрашивати
Ты скажи, скажи, дѣтина, незнамой человѣкъ
Чьего рода, чьего племени, чей отеческой сынъ
Иль изъ нашего городу изъ Астр.
Или со Дону казакъ иль казацкій сынъ?
Я не съ вашего городу, не съ Астр.
Я не съ Дону казакъ не казацкій сынъ
Я со Камы со рѣки Сеньки Разина сынокъ
Взялся батюшка у васъ завтра въ гости побывати
Ты умѣй его приняти умѣй подчивати
Разсердился Губерн. на удалого молодца,
Закричалъ тутъ Губ. гром.
Что есть ли у меня
Вы возьмите, отведите уд. м.
Посадите удалова въ бѣлукаменну тюрьму.

КАКЪ НА УТРЕННЕЙ ЗАРѢ, ВДОЛЬ ПО КАМѢ ПО РѢКѢ

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ
Во лодочкѣ гребцовъ ровно 200 молодцовъ
Посреди лодки хозяинъ Ст. Р. отоманъ.
Закричалъ тутъ
А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки
Мы изчерпнули воды изо Камы со рѣки,
Припечалился хоз. С. Р. А.
Знать-то знать, что мой сыночикъ во неволюшкѣ сидитъ
Во невол
Съ бѣлокаменной тюрьмѣ
— Не печалься, нашъ хозяинъ, С. Р. Атаманъ:
Бѣлукаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ,
Астр. Губ. подъ судъ возьмемъ.

IV

ЗАПИСЬ ПѢСНИ О ДЕВЯТИ БРАТЬЯХЪ-РАЗБОЙНИКАХЪ

ВО СЛАВНОМЪ ГОРОДѢ ВО КІЕВѢ

Во славномъ городѣ во
У славного царя у Владиміра
Жила-была молода вдова
У вдовушки было 9 сыновъ
10-ая дочь любезная
Поили, кормили, пелегали-лелѣяли.
9 сыновъ подъ разбой пошли
10-ую дочь замужъ выдали

По край моря за Марьянина.
Они прижили малого дѣтища —
Она годъ живетъ и другой живетъ
На третій годъ стосковалася
Стала она Марьянина въ гости звать
«Пойдемъ Марьянинъ свѣтъ
Ты къ тёщи а я къ матушки
Ты къ шурьямъ я милымъ братьямъ
Они день идутъ и другой идутъ
На третій день становилися
Нарубили огонечекъ малешенекъ
Пустили дымочикъ тонешенекъ
Напали воры, разбойники
Они Марьянина зарѣзали
Марьянинка въ воду бросили
М-ку въ полонъ взяли
Какъ всѣ-то разбойнички стали пить и ѣсть
Одинъ-то разбойничекъ ни пьетъ ни ѣстъ
Не п(ьетъ) н(е) ѣс(тъ) богу молится
Всѣ разбойнички спать легли
Одинъ то разбойничекъ ни спитъ ни лежитъ
Г-- богу молится
И сталъ онъ у Марьянинки разспрашивать
Ты скажи скажи М-
Съ какого ты села города
И котораго отца матери
Стала ему М-ка разсказывать
«У славного царя у Владиміра
Жила-была молода вдова
У вдовушки было 9 сыновъ
10-ая дочь любезная
Поили, кормили, пелегали
9 сыновъ подъ разбой пошли
10-ую дочь замужъ выдали

По край моря за Марьянина»
Вставайте, братцы родимые
Не М мы зарѣзали
Не М-ка въ воду бросили
Не М-ку во полонъ взяли
(Мы зарѣзали) зятя любезнова
(Въ воду бросили) племянника
Родну сестру взяли во полонъ
Вставали братцы родимые
Просили у сестры прощеньице
Отчего ты намъ не сказалася
Что ты намъ родна сестра
Пошли . . . къ родной матушкѣ
Становились на колѣнки всѣ
И просили у нея прощеньице
Прости на(съ) родн. мат.
Не знавши зарѣзали зятя любезнова
Въ воду бросили пл(емянника)
Род(ну сестру взяли во полонъ).

—

V

ЗАПИСИ ПѢСЕНЪ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ

—

КАКЪ ЗА ЦЕРКОВЬЮ, ЗА НѢМЕЦКОЮ

Какъ за церковью, за Нѣмецкою,
Добрый молодецъ Богу молится
Какъ не дай Боже хорошу жену
Хорошу жену — часто въ честной пиръ зовутъ,
Меня молодца не примолвили;
Мол(оду) ж-(ену) — въ новы саночки,
Меня молодца на запяточки
Мол. жену на широкій дворъ,
Меня молодца за вороточки.

—

ВО ЛѢСАХЪ ДРЕМУЧІИХЪ

Во лѣсахъ во дремучіихъ
Тутъ брала дѣвка ягоды,
Брамши-то она въ лѣсу заблудилася
Заблудимши она приаукнулась:
Ты ау, ау, мой любезный другъ
Мой любезный другъ жизнь-душа моя
Ужъ я радъ бы тебѣ откликнуться, —
За мной ходятъ трое сторожей
Первый сторожъ — родимый б(атюшка)
Второй сторожъ — моя м(атушка)
А третій сторожъ — молода жена!

—

ОДИНЪ-ТО БЫЛЪ У ОТЦА У МАТЕРИ ЕДИНЫЙ СЫНЪ

Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ
И того-то берутъ разудаленькаго въ службу Царскую
По указу его берутъ Государеву.
Онъ со вечера сталъ, разудалый, коня сѣдлать,
Ко полуночи сталъ со двора съѣзжать.
Отецъ-то и мать его разудаленькаго провожать пошли,
Провожали его разудаленькаго весь и родъ
Позади то его идетъ горюшенька молода жена;
Молоду жену бѣлую лебедушку уговариваетъ
Воротись ты жена, воротись, душа лебедь бѣлая
Впереди-то у насъ все огни горятъ, огни неугасимые
Разудалый добрый молодецъ, меня не обманывай
Горитъ у тебя, у молодца, ретиво сердце.

—

ДРУГЪ МОЙ МИЛЫЙ, КРАСНО СОЛНЫШКО МОЕ

Другъ мой милый, красно солнышко мое,
Соколъ ясный сизокрылый мой орелъ
Ужъ недѣлю не видалась я съ тобой,
Ровно 7 дней, какъ спозналась съ горемъ я
Мнѣ не взмилились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и
Не по нраву, не по мысли мнѣ пришли.
Я скиталася по темнымъ лѣсамъ
Въ темномъ лѣсѣ кинареечки поютъ.
Мнѣ, дѣвченкѣ, грусть-разлуку придаютъ.
Ты не пой кинареечка въ саду,
Не давай тоски сердечку моему.

VI

ПѢСНИ, ПОДВЕРГШІЯСЯ ОБРАБОТКѢ

КАКЪ ПО ВОЛГѢ РѢКѢ, ПО ШИРОКОЙ

Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой,
Выплывала востроносая лодка,
Какъ на лодкѣ гребцы удалые,
Казаки ребята молодые.
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ.
Самъ хозяинъ, грозенъ Стенька Разинъ,
Передъ нимъ красная дѣвица,
Полоненная Персидская царевна,
Не глядитъ Стенька Разинъ на царевну,
А глядитъ на матушку на Волгу.
Какъ промолвитъ грозенъ Стенька Разинъ:
Ой ты гой еси, Волга мать родная!
Съ глупыхъ лѣтъ меня ты воспоила.
Въ долгу ночь баюкала, качала,

Въ волновую погоду выносила.
За меня ли молодца не дремала,
Казаковъ моихъ добромъ надѣлила —
Что ни чѣмъ тебя еще мы не дарили.
Какъ вскочилъ тутъ грозенъ Стенька Разинъ,
Подхватилъ Персидскую царевну,
Въ волны бросилъ красную дѣвицу,
Волгѣ-матушкѣ ею поклонился.

ХОДИЛЪ СТЕНЬКА РАЗИНЪ

Ходилъ Стенька Разинъ
Въ Астрахань городъ
Торговать товаромъ.
Сталъ воевода
Требовать подарковъ.
Поднесъ Стенька Разинъ
Камки хрущатыя,
Камки хрущатыя —
Парчи золотыя.
Сталъ воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы
Одна боброва,
Другая соболія.
Ему Стенька Разинъ
Не отдаетъ шубы.
Отдай, Стенька Разинъ,
Отдай съ плеча шубу.
Отдашь, такъ спасибо;
Не отдашь, повѣшу
Что во чистомъ полѣ,
На зеленомъ дубѣ,

Да въ собачьей шубѣ.
Сталъ Стенька Разинъ
Думу думати:
Добро, воевода,
Возьми себѣ шубу,
Возьми себѣ шубу,
Да не было-бъ шуму.

ЧТО НИ КОНСКІЙ ТОПЪ, НИ ЛЮДСКАЯ МОЛВЬ

Что ни конскій топъ, ни людская молвь,
Не труба трубача съ поля слышится,
А погодушка свищетъ, гудитъ,
Свищетъ, гудитъ, заливается,
Зазываетъ меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
Молодецъ удалой, ты разбойникъ лихой,
Ты разбойникъ лихой, ты разгульной буянъ,
Ты садись на лодки свои скорыя,
Распусти паруса полотняные,
Побѣги по морю по синему.
Пригоню тебѣ три кораблика:
На первомъ кораблѣ красно золото.
На второмъ кораблѣ чисто серебро,
На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица.

ПЕРЕВОДЫ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ

1. НЕ ШУМИ, МАТИ ЗЕЛЕНАЯ ДУБРОВУШКА

Ne murmure donc pas, verte forêt, ma mère! Ne m'empêche pas de réfléchir. Demain je dois comparaitre devant ce terrible juge, devant le Tzar lui même. Le Tzar m'interrogera. Apprends-moi, jeune homme, avec qui as tu exercé tes brigandages? — Je m'en vais te le dire, Tzar orthodoxe, notre espérance. Je m'en vais te le dire toute la vérité. J'ai eu quatre complices: le premier, c'était la nuit sombre; le second — c'était mon bon cheval; le troisième — mon coutelas d'acier; le quatrième — mon arc dur à plier. Les flêches étaient mes émissaires. — Alors le Tzar, notre espérance, me répondra: Bravo, jeune homme, tu as su voler, et tu as su répondre; c'est pourquoi je m'en vais te récompenser: Tu auras un haut château au milieu de la plaine, deux poteaux avec une poutre au travers*.

---

2. ОЙ ТЫ НАШЪ БАТЮШКА, ТИХОЙ ДОНЪ

Don paisible, Don, notre père! Pourquoi donc es-tu si trouble? — Comment ne serais-je pas trouble? De froides sources jaillissent du fond de mon lit; le poisson agite mes ondes; trois barques m'ont traversé. Dans la prémière barque il y avait les glorieux cosaques du

* Une potence.

Don. Dans la seconde on a passé les drapeaux, dans la troisième il y avait un jeune seigneur et une jeune fille. Le jeune seigneur tentait de faire entendre raison à la jeune fille: Ne pleure pas, ma belle jeune fille! Ne pleure pas, ma belle amie! Je te marierai à mon fidèle esclave, tu seras l'épouse de l'esclave, et la douce amie du maître; tu feras son lit et tu coucheras avec moi. La jeune fille répond au jeune homme: Je serai la douce amie de celui, dont je serai la femme; je coucherai avec celui, dont je ferai le lit. Le jeune homme se fâcha, il tira son sabre bien éffilé, il coupa la tête à la jeune fille et la jeta dans les ondes rapides.

. ЧТО ПОНИЖЕ БЫЛО ГОРОДА САРАТОВА

Un peu plus bas que la ville de Saratof, un peu plus aut que la ville de Tsaritsine coule notre mère la vière Kamyschenka. Elle mène à sa suite de beaux vages escarpés et des vertes prairies; elle tombe ans la Volga, notre mère. Deux belles barques voaient sur la rapide rivière. Elles étaient très-bien nées; elles étaient couvertes d'une forêt de lances de drapeaux. Il y avait dans les barques de braves meurs, les cosaques du Don, des Grebentsi et des porogiens. Ils avaient des bonnets de velours doublés zibéline, des kaftans bruns, doublés de koumatch, s ceintures de soie d'Astrakan, des chemises de cour, bordées de galon d'or, des bottes de maroquin t avec des talons de travers. Ils rament, ils chantent chansons, ils glorifient le Tzar orthodoxe, le tzar rre I; ils maudissent, ils outragent le prince Menikoff; ils le maudissent, lui, sa femme, ses enfants ses petits-enfants; ce chien, ce voleur, il nous mange re pain, nos provisions et nos appointements et

encore ne nous permet pas de nous promener sur le Volga et de chanter de Doudinoy!*

---

4. ВЫ, МОЛОДЫЕ РЕБЯТА, ПОСЛУШАЙТЕ

Ecoutez, jeunes gens, ce que nous autres vieillards nous allons vous raconter, touchant le terrible Tzar Ivan Vassilievitz. Le Tzar, notre Seigneur, avait marché sur Kasan; il avait fait creuser des mines sous la Kasanka et le Soulay (rivières); il y avait fait rouler des tonneaux pleins de poudre; et dans la plaine dèsert il avait établi ses batteries et ses caissons. Les Tartares se promenaient par la ville; il se moquaient du terrible Tzar, ils disaient: Ha! le Tzar Blanc** n'aura pas notre ville! Alors le Tzar se mit en colère de ce que la mine tardait à jouer. Il ordonna de mettre à mort les canoniers, les mineurs et ceux, qui allumaient les mèches, ils baissèrent la tête et se mirent tristement à penser; un seul canonier eut le courage de s'écrier: ordonne-moi, Seigneur, de dire un mot... Il n'eut pas le temps de dire ce mot, le feu des mèches le gagna: les mines, les tonneaux de poudre éclatèrent; les murailles volèrent par dela le Soulay, les Tartares furent frappés de terreur et ils se soumirent au Tzar Blanc.

---

5. ВНИЗЪ ТО БЫЛО, ПО МАТУШКѢ, КАМЫШЕНКѢ РѢКѢ

C'était sur la Kamychenka, devant l'embouchure de la Samara. Une légère chaloupe voguait d'après courant; le jeune ambassadeur du Tzar, le prince Sem

* C. à d. faire les pirates. Le doudinoy est un refrain de chant de brigands.

** Titre, que les sujets de race tartare donnent à notre Souver

Konstantinovitch Karamychef était assis dans la chaloupe; dans sa main gauche il tenait l'oukaze du Tzar, dans sa main droite un sabre bien effilé. Sur le beau rivage escarpé, sur le sable jaune et fin, so promenaient des braves jeunes gens: des Kosaques du Don, des Grebentsi, des Zaporogiens, et puis des Kosaques du glorieux Yaick*, ils s'assemblèrent en un même cercle, ils pensèrent une même pensée, ils dirent un même mot. Ils pointèrent un petit canon de cuivre, ils y firent rouler un petit boulet de fer, ils firent feu sur la legère chaloupe. Ils ne blessèrent personne. Ils tuèrent seulement l'ambassadeur du Tzar.

---

6. АХЪ ТЫ, БАТЮШКА, СВѢТЕЛЪ МѢСЯЦЪ

Lune brillante, notre père!** Pourquoi ne brilles-tu pas comme jadis? Pourquoi ne brilles-tu pas du soir jusqu'à minuit, de minuit jusqu'à la blanche aurore? Tu te caches derrière le nuage, tu t'enveloppes d'obscurité. Voilà ce qui est arrivé dans la Sainte Russie***, dans la glorieuse ville de Pétersbourg, dans la cathédrale Petropavlovsky (de St. Pierre et St. Paul). A droite, près du klyros, près du tombeau de l'Empereur, de l'Empereur Pierre, dit le-Grand, un jeune matelot priait Dieu; il pleurait comme coule une rivière†, il pleurait la mort de l'Empereur, il disait en sanglotant: Ouvre-toi, terre humide, notre mère††); ouvre-toi en quatre; couvercle, ôte-toi du cercueil;

---

* Ancien nom de l'Oural.

** La lune, en langue russe, est du genre masculin.

*** Sviataya Rousse, expression consacrée. Moscou n'a jamais été appelée la ville sainte; son épithète est — la ville de pierre blanche, bélo-kamennaya.

† Expression consacrée.

†† Expression consacrée.

déplie-toi linceul de drap d'or; et léves-toi, réveilles-toi, notre père, Tzar orthodoxe*, jette un regard sur ta brave, ta chère armée: sans toi elle est devenue orpheline et impuissante.

---

7. УЖЪ КАКЪ ГРУСТНО

N'est-ce pas bien triste et bien endêvé? Mon amant me quitte. Ne valait-il pas mieux que nous ne nous fussions jamais connus? Je n'aurais connu ni les chagrins, ni les pénibles soupirs, ni les larmes de la séparation; ma poitrine ne m'aurait pas fait mal; mon sang n'aurait pas bouilloné; je ne l'aurais pas regretté. J'irai sur le nouveau perron, je m'appuierai sur la balustrade, je m'envelopperai de fourrures, je m'inonderai des larmes, je regarderai la plaine déserte. Dans la plaine déserte l'hermine joue avec la zibéline. C'est ainsi que mon amant joue avec une autre que moi... Mon amant serait-il content, si je jouais avec un autre que lui?

---

8. АХЪ, ВЫ, ВЫХОДЫ, ВЫХОДЫ, ПОГРЕБА ГОСУДАРЕВЫ

Ho! Caves souterraines, caves de notre Tzar!...** Ho! Voilà qu'un brave jeune homme sort des caves de notre Tzar. Il chancelle et trébuche, mais il n'est pas ivre. Il s'appuie sur son fusil. Deux belles jeunes filles ont vu de leurs fenêtres le brave jeune homme; elles descendent l'escallier, elles demandent au brave jeune homme: Es-tu marié, jeune homme? — Je suis

---

* Pravoslavny Tzar, un des titres de nos souverains.

** La couronne avait le monopole de l'eau de vie.

marié, belles jeunes filles. Ma femme est une grande dame — c'est le fusil que m'a donné le Tzar. Mes petits enfants — ce sont les balles de plomb; toute ma parenté — c'est ma giberne avec ses cartouches; mes terres et mon héritage — c'est le large champ de bataille.

---

9. У НАСЪ ТО БЫЛО, БРАТЦЫ, НА ТИХОМЪ ДОНУ

C'était sur le Don paisible, dans la ville de Tscherkask: il est né un brave jeune homme, Stépan Timoféevitch Rasine. Le bon Stépan ne fréquentait pas les krougs des kosaques*, il n'y déliberait pas avec nous autres; le bon Stépan fréquentait le kabak du Tzar; il y délibérait avec les va-nus-pieds. Messieurs mes frères les va-nu-pieds! Allons un peu nous promener sur la mer bleue, attaquons y les vaisseaux des mécréans, prenons de l'or autant qu'il nous en faut. Et puis, frères, nous irons dans Moscou bâtie en pierre, nous y acheterons des habits de couleur, et nous reviendrons chez nous.

---

10. НА ЗАРѢ ТО БЫЛО, БРАТЦЫ, НА УТРЕННЕЙ

C'était, frères, à la pointe du jour, au lever du rouge beau soleil**, au coucher de la claire lune: ce n'était pas un faucon qui planait sous le ciel, c'était le yessaoul*** qui se promenait par le bourg, et qui réveillait les braves jeunes gens. Levez-vous, braves

---

* Assemblées publiques où l'on délibérait en commun.

** Expression consacrée et inévitable.

*** Officier kosaque.

jeunes gens; éveillez-vous, kosaques du Don! Il ne fait pas bon chez nous; le glorieux, le paisible Don s'est troublé depuis sa source jusqu'à la mer d'Azof. Tout le peuple kosaque s'est ému. Nous n'avons plus d'ataman. Nous n'avons plus Stépan Timoféevitch dit Stenka Rasine. On a pris le brave, on lui a lié ses blanches mains, on l'a mené à Moscou bâtie en pierre et, au milieu de la glorieuse Krasnaya Plochtchade *, on lui a tranché sa tête rebelle.

---

11. АХЪ, ДАЛЕЧЕ-ДАЛЕЧЕ ВО ЧИСТОМЪ ПОЛѢ

Loin, bien loin dans la plaine déserte, s'élevait bien-haut un bel arbre; sous le bel arbre croissait un gazon, parmi le gazon fleurissaient des fleurs bleues; un tapis était étendu sur les fleurs . Deux frères étaient assis sur le tapis; l'aîné frappait sur des cymbales, le cadet chantait une chanson: Notre mère nous mit au monde, comme deux enfants; notre père nous éleva, comme deux jeunes faucons; il nous éleva et rien ne nous apprit. La lointaine contrée étrangère dessèche sans qu'il vente, la lointaine contrée étrangère fait transir sans qu'il gèle. Notre mère a cru ne pouvoir de sa vie se débarasser de nous; et la voilà qui nous a perdus en une seule heure. Elle nous a perdus, elle ne nous verra jamais.

---

* Grande place au Kremle.

ЗАПИСИ НАРОДНЫХЪ СКАЗОКЪ

О ЦАРѢ СУЛТАНѢ

Нѣкоторый Царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему нраву никого — подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ сестеръ. Старшая хвалилась, что государство однимъ зерномъ накормитъ, вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнетъ, третья, что съ перваго года родитъ 33 сына. Царь женился на меньшой, и съ первой ночи она понесла. Царь уѣхалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ рѣшилась ея погубить. Послѣ трехъ мѣсяцовъ Царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками — а 34-й родился чудомъ — ножки поколѣно серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звѣзда, въ заволокѣ мѣсяцъ, послали извѣсить о томъ Царя. Мачиха задержала гонца на дорогѣ, напоила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала что Царица разрѣшилась не мышью не легушкой, невѣдомой звѣрюшкой. Царь весьма опечалился но съ тѣмъ-же гонцомъ повилѣлъ дождаться пріѣзда его для разрѣшенія. Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе чтобъ заготовить двѣ бочки, одну для 33 царевичей а другую для царицы съ чудеснымъ сыномъ — и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано, долго плавали царица съ царевичемъ въ засмоленой

бочкѣ — наконецъ море выкинуло ихъ на землю — сынъ замѣтилъ это — матушка ты моя благослови меня на то чтобъ разсыпались обручи и вышли бы мы на свѣтъ. — Господь благослови тебя дитятко. Обручи лопнули, они вышли на островъ сынъ избралъ мѣсто и съ благословенія матери выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить да поживать — ѣдетъ мимо корабль — Царевичь остановилъ корабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и узнавъ что ѣдутъ они къ Султану Султановичу Турецкому Государю, обратился въ муху и полетѣлъ вслѣдъ за ними. Мачиха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости корабельщики разсказываютъ Царю о новомъ Государствѣ и о чудесномъ отрокѣ ноги серебр. и проч. Ахъ говоритъ Царь поѣду посмотрѣть это чудо. Что за чудо говоритъ мачиха вотъ что чудо: у моря лукоморья стоитъ дубъ а на томъ дубу золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ въ верхъ идетъ сказки сказываетъ внизъ идетъ пѣсни поетъ. Царевичь прилетѣлъ домой и съ благословенія матери перенесъ передъ дворецъ чудный дубъ.

Новый корабль. Тоже опять. Тотъ же разговоръ у Султана — Царь опять хочетъ ѣхать. Что это за чудо говоритъ опять мачиха во что чудо: заморемъ стоитъ гора, и на горѣ два борова, боровы грызутся а межъ ими сыплетъ золото да серебро — и проч. 3-й корабль и проч. также, что за чудо а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отроковъ точь вточь ровны и голосомъ и волосомъ и лицомъ и ростомъ, а выходятъ они изъ моря только на единъ часъ.

Тужитъ Царевна объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царевичъ съ ея благословенія берется ихъ

отыскать. Нацѣди ты матушка своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ. — Онъ идетъ къ морю море всколыхалося, и вышли 30 юношей и съ ними старикъ — и Царевичь — спрятался и оставилъ одну лепешочку, одинъ изъ нихъ и съѣлъ ее: Ахъ братцы говоритъ онъ, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали — старикъ погналъ ихъ въ море, на другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешки, и познали брата своего. На третій вышли безъ старика — и Царевичь привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ своей матери. 4-й корабль — тоже самое — мачихи уже болѣе дѣлать нечего. Царь Султанъ ѣдитъ на островъ, узнаетъ свою жену и дѣтей — и возвращается съ ними домой — а мачиха умираетъ.

—

О ЦАРѢ ПОДЗЕМНОМЪ, ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ И МАРЬѢ ЦАРЕВНѢ

Нѣкоторый царь ѣхалъ навойну, онъ оставилъ жену свою беременную — Ѣдучи домой дорогою, захотѣлось ему пить — видитъ онъ пролубь и въ пролубѣ плаваетъ золотой ковшикъ — нотолько хочетъ онъ изпить воды, кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ — Царь взмолится — нѣтъ; подари мнѣ чего ты не знаешь задумался бѣдный Царь, какъ чего я не знаю, я все знаю — ну такъ ибыть дарю. — Приѣзжаетъ домой, къ нему выносятъ молодаго Ивана Царевича безъ него родившагося — Царь догадался что его то онъ и подарилъ и весьма опечалился. Ив. Ц. выросъ. Прогуливаясь однажды верьхомъ, встрѣтилъ онъ старичка, который сталъ ему пѣнять за то что онъ еще

не явился — ичто срокъ де его прошелъ. Ив. Ц. требуетъ и получаетъ объясненіе отъ Отца своего. 3 раза является ему старикъ и научаетъ его куда идти. Ив. Ц. приходитъ къ морю. Гдѣ 30 утокъ полощутся а одна по одоль. Онъ беретъ ее платья. Всѣ одѣваются, она остается одна. Ц. выходитъ — другъ со другомъ обручаются. Она научаетъ его какъ умягчить гнѣвъ сердитаго старика Отца ея. Сходятъ они въ подземельное царство. Старикъ сидя на крыльцѣ взбѣсился завидя Царевича — сей по совѣту Марьи Царевны — становится на колѣни, шапку возноситъ на мечѣ выше головы и т. о. приближается Царь посылаетъ его въ особую комнату и повелѣваетъ ему готовиться отвѣчать на его загадки, — т. е. повелѣваетъ ему построить церковь въ одну ночь Царевна, обратясь въ муху, является къ нему Царевичъ думалъ думалъ и наконецъ сказалъ мать его такъ, повѣсить такъ повѣсить голова моя недорога. Непечалься Ив. Ц. скинь портки, повѣсь нашестокъ да спи — а завтра, возьми молоточикъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее отрѣжъ, гдѣ неровно приколоти. Царевичъ былъ безунывная головушка легъ и заснулъ. По утру церковь готова — Ну сказалъ Царь послѣ обѣдни я хитеръ а ты хитрѣе меня. Отдамъ за тебя старшую дочь. Но сперва узнай ее между 30 прочими. Это не мудрено думалъ Ив. Ц. нѣтъ мудрено, сказала Царевна муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ. Задумался Царевичь, мать его такъ вѣсить, такъ вѣсить. — Но Царевна его надоумила. На утро приходитъ онъ къ Царю видитъ всѣхъ Царевенъ — одной муха садится на щеку, она гонитъ ее платкомъ, вотъ старшая — правда, Ив. Ц. новсѣ эти

хитрости не твои, а посли завтра 3-ю загадку. — Ну Ив. Ц. сказала М. Ц. тутъ ужъ тебѣ не помогу — дѣло въ томъ чтобъ ты сшилъ сапоги покамѣсть у него въ рукахъ соломенка будеть горѣть — Убѣжимъ. Она плюнула 3 слюнки на окно Ив. Ц. — да три слюнки къ себѣ — сѣли верьхомъ и ускакали. По утру послалъ Царь къ Ив. Ц. — что ты, Ив. Ц. спишь-ли ты, али думу думаешь — думу думаю, отвѣчаютъ слюнки. — Наконецъ Царь видитъ обманъ и посылаетъ за ними въ погоню. Послушай ка Ив. Ц. сказала М. Ц. не гонятся ли за нами. Тотъ прилегѣ къ землѣ — нѣтъ. М. Ц. — послушала — близко и тотчасъ обратила Ив. Ц. въ рож а себя пшеницу. Погоня на скакала — Невидя дороги, и невидя ни одного неизмятаго колоса — они воротились. Новая погоня. М. Ц. превращаетъ Ив. Ц. въ церковь а сама въ священника и церковь такъ ветха что мохомъ обросла, а священникъ такъ старъ что еле дышетъ. — Погоня возвращается. Царь ѣдетъ самъ. Но М. Ц. разливаетъ между имъ и собой рѣку и Царь возвращается со стыдомъ. Ив. Ц. и М. Ц. вступаютъ восвое государство — забудешь ты меня Ив. Ц. не цѣлуй ребенка, когда пріѣдешь къ Отцу къ Матери — а то забудешь меня — И. Цар. приѣзжаетъ къ Отцу и къ Матери — въ восторгѣ цалуетъ ребенка и забываетъ М. Ц. Между тѣмъ — предлагаютъ ему невѣсту онъ съ нею обручается — М. Ц. просится у старушки съ которой живетъ, идти посмотрѣть на царскую свадьбу. Приходитъ въ царскія кухни, съ трудомъ выпрашиваетъ у поваровъ позволеніе изпечи пирогъ. Пирогъ подаютъ на Царской столъ, разрѣзываютъ, оттуда вылетаютъ голубь съ голубкою, и голубка ходитъ за голубемъ и говоритъ

голубокъ ты мой не забудь ты меня какъ забылъ Ив. Цар. свою М. Царевну, ипроч.

О ПОПѢ И БАЛДѢ

Попъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему б а л д а. Соглашается Балда идти ему въ работники, платы требуетъ только 3 щелка въ лобъ попу. Попъ радехонекъ, попадья говоритъ каковъ будетъ щ е л к ъ. Балда дюжъ и работящь — но срокъ ужъ близокъ, а попъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отаслать Балду въ лѣсъ къ медведю, будто-бы за коровой — балда идетъ и приводитъ медведя въ хлѣвъ. Попъ посылаетъ Б а л д у съ чертей оброкъ собирать б а л д а беретъ пеньку, смолу да дубину — садится у рѣчки, ударилъ дубиною въ виду ивъ водѣ охнуло; «кого я тамъ зашибъ стараго или малого — и вылезъ старый; что тебѣ надо? — оброкъ собираю — «а вотъ внука я къ тебѣ пришлю съ переговорами — сидитъ Балда да веревки плететъ да смотритъ — Бѣсенокъ выскочилъ — что ты балда? — да вотъ стану море морщить, да васъ чертей корчить — бѣсенокъ перепугался — тотъ заплатитъ попу оброкъ кто вотъ эту лошадь не обнесетъ три раза вокругъ моря. Бѣсенокъ не могъ — Балда сѣлъ верьхомъ и объѣхалъ — ахъ дѣдушка! Онъ не только что въ а — хапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ — Новая выдумка: кто преждѣ обѣжитъ около моря? Куда тебѣ сомной, бѣсенокъ? Да мой меньшой братъ обгонитъ тебя, не только чтоя — а гдѣ то меньшой братъ — У балды были въ мѣшкѣ два зайца. — Онъ одного пустилъ, Бѣсенокъ запыхавшись обѣжалъ — а Балда гладитъ

ужъ другого — приговаривая, усталъ ты бѣдниньків братецъ, 3 раза обѣжалъ около моря — Бѣсенокъ въ отчаяньи. 3 способъ — дѣдъ даетъ ему трость кто вышѣ бросить Балда ждетъ облака чтобъ зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку попъ видя Балду бѣжитъ и беретъ его въ мѣшкѣ вмѣсто сухарей — утопляетъ ночью попадью вмѣсто его и проч.

Балда у Царя — дочь одержима бѣсомъ — балда подъ страхомъ висилицы берется вылѣчить Царевну — съ нею начуетъ — беретъ съ собою орѣхи желѣзные и старые карты да молотокъ — знакомого бѣсенка заставляетъ грызть желѣзные орѣхи; играетъ съ нимъ въ щелчки и бьетъ бѣсенка молоткомъ — На другую ночь тоже — На третью дѣлаетъ куколку на пружинахъ, у которой ротъ открывается — Что такое балда? — Пить хочетъ — всунь ему стручокъ-то свой, свою дудочку въ ротъ — бѣсенокъ. пойманъ и высѣченъ и проч.

О ЦАРѢ КАЩЕѢ

Царь Кащей безсмертный не хотѣлъ дочери своей выдать за мужъ покамѣсть самъ будетъ живъ — дочь приступаетъ къ нему, гдѣ-де твоя смерть. Въ баранѣ, отвѣчаетъ Кащей въ козлѣ, въ вѣникѣ — дочь велитъ вызолотить рога барану и козлу, вызолачиваетъ и вѣникъ — напрасно; Кащей живъ — Наконецъ онъ объявляетъ что смерть его на морѣ на океанѣ, на островѣ буянѣ, а на островѣ дубъ, а въ дубѣ дупло, авъ дуплѣ сундукъ авъ сундукѣ заяцъ, а въ зайцѣ утка, а въ уткѣ яйцо. — Ив. Цар. идетъ за смертію Кащея — голодъ. Попадается ему собака, ястребъ, волкъ, баранъ, ракъ

— Ив. Ц. говоритъ имъ каждому: я тебя съѣмъ — но оставляетъ имъ животъ — приходитъ къ морю, волкъ его перевозитъ, баранъ рогами сваливаетъ дубъ, собака ловитъ зайца, ястребъ ловитъ утку, ракъ лапами выноситъ изъ моря яйцо — Кащей тотчасъ занемогъ, дочь его получаетъ яйцо; Отецъ проситъ отъ нее мѣсяца, недѣли, дня и проч.

—

О СЛѢПОМЪ ЦАРѢ И ЛЮБОВНИКАХЪ ЕГО ЖЕНЫ

Слѣпой Царь не вѣровалъ своей женѣ — и не пускалъ ее въсадъ. Если, сказала она, повѣсить кровать мою на яблоню, я взлѣзу туда, ты покамѣсть обхвати яблоню — да держи. — Царь согласился любовникъ былъ уже тамъ, Царица къ нему лѣзетъ — Царь пока держитъ яблоню.

Глядя на сіе мужъ съ женою (Царь да Царица) поссорились и побранились — жена была беремѣнна; она родила; и велѣла убить сына, и принести себѣ его сердце. Младенецъ уговорилъ повара, принести вмѣсто своего — собачье сердце, а подмѣнить кузнецкаго сына — Молодой Царевичь собираетъ маленькую шайку, ребяты признаютъ его Царемъ — ибо по его велѣнію береза преклонилась а легушки замолкли. — Царенокъ дѣлаетъ висилицу, вѣшаетъ, кнутомъ сѣчетъ и въ ссылку ссылаетъ — доходитъ слухъ о томъ до Царя — который задаетъ ему разныя задачи, и изумляется раннему понятію сына кузнеца.

Ѣдетъ Царь мимо кузницы. Богъ помочь кузнецъ. — Спасибо, В. В. — Сколько иверенiй сѣ тѣхъ поръ какъ ты куешь? — А сколько шаговъ

ступитъ твой конь? — Пріѣзжай-же комнѣ завтра, ни верьхомъ ни пѣшкомъ, покажи мнѣ своего друга и недруга, и принеси мнѣ даръ, котораго я не взялъ — кузнецъ пріѣзжаетъ на козлѣ, приноситъ ястреба подъ блюдомъ и приводитъ жену (своего врага) и собаку (своего друга) — жену бьетъ — она его бранитъ, и убѣгаетъ — собаку бьетъ; та визжитъ и къ нему ласкается. Царь догадывается что кузнецъ уменъ умомъ сыновьнимъ. — Призываетъ его и ѣдитъ съ нимъ и съ своимъ мнимымъ сыномъ прогуливаться — Подъѣзжаетъ къ сосновой рощѣ — Чтобъ изъ нее сдѣлать мой сынъ, спрашиваетъ Ц.? — Да наковальню отвѣчаетъ Царскій сынъ — а ты, кузн.? — Терема Царскія — Видятъ еловую — и березовую — тотъ-же вопросъ; отвѣты въ томъ же духѣ. — Царь привозитъ кузнецова сына домой; Мать его въ него влюбляется Новый Іосифъ, онъ убѣгаетъ — и притворяется дурачкомъ. Погонщики его настигаютъ, онъ Еритъ, ѣстъ и вшей бьетъ — что ты дѣлаешь? Убавляю и прибавляю и недруговъ побѣждаю. Не узнавъ его оставляютъ.

Мать его скоро предается другому любовнику. — Царевичь приходитъ къ ней подъ видомъ нищаго. Хищникъ ввергаетъ его въ темницу и осуждаетъ на смерть. Три висилицы, золотая, серебряная, шелковая. Царь и Царица ѣдутъ смотрѣть казнь Королевича. Онъ хохочетъ; чему? — да тому что переднія колеса ѣдутъ за лошадью, а заднія по за чемъ (allusion à la reine qui suit le roi) пріѣзжаютъ. Царевичь проситъ позволеніе играть на рожкѣ рать его вооружается — ступаетъ на ступень на другую, на третью и все играетъ въ рожокъ — наконецъ опять хохочетъ — чему ду-

ракъ? — Самъ ты дуракъ: взгляни какъ мои го-
луби твою пшеницу клюютъ — и проч. — —

На шелковой висѣлицѣ вѣшаетъ онъ сводника
купца Шелковникова. Вотъ куда каламбуры
зашли!

ЧОРТЪ-СВАТЪ

О святкахъ молодыя люди играютъ игрища
идутъ въ пустую избу. Одинъ изъ нихъ говорит
чортъ, жени меня. Чортъ выходитъ изъ-за печк
соглашаются — женить. Невѣста дочь проклята
отцомъ и матерью. Молодые ѣдутъ въ чужой город
— заживаютъ домкомъ — разъ видятъ двухъ ни
щихъ старика со старухою, и несутъ они младенц
что ни пьетъ ни ѣстъ ужъ 30 лѣтъ — молодь
зовутъ ихъ, жена топоромъ разрубаетъ младенц
и вываливается оттуда осиновой чурбанъ — он
открываетъ имъ что она ихъ дочь.

Въ томъ-же родѣ. Женихъ пропадаетъ 3 год
невѣста его узнаетъ что должно въ лѣсу въ пусто
хижинкѣ 3 ночи ночевать дабы достать его. Нах
дитъ хижинку, около нее ходитъ слышитъ голо
его — но невидитъ входа — видитъ хоръ черте
между ими и онъ на гудкѣ играетъ — Хижин
открывается (стукотъ) она видитъ тамъ кучу зм
— бросается туда — то былъ хворостъ; и проч.

3. Мать разсердясь на сына ему: Лукавый те
побери. Мальчикъ изчезаетъ — Таже слышитъ е
голосъ въ банѣ; читая воскресную молитву (да и
скреснетъ Богъ) она туда — а плачутъ въ ригѣ
у пруда. Господи, говоритъ она, прости мое
грѣшеніе! — мальчикъ тутъ — я былъ тамъ
тамъ . . . и огни, и много ихъ и п р о ч.

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ

Царевна заблудилася въ лѣсу. Находитъ домъ пустой — убираетъ его 12 братьевъ пріѣзжаютъ. Ахъ, говорятъ, тутъ былъ кто-то али мущина али женщина, коли мущина будь намъ отецъ родной али братъ названой, коли женщина будь намъ мать али сестра . . . . . Сіи братья враждуютъ съ другими 12 богатырями; уѣзжая они оставляютъ сестрѣ платокъ, сапогъ и шапку — если кровію нальется — то не жди насъ, — пріѣзжая назадъ спятъ они сномъ богатырскимъ. 1) разъ 12 дней 2) 24, 3) 31. — Противники пріѣзжаютъ и пируютъ. Она подноситъ имъ сонныхъ капель — — — и проч.

Мачиха ея приходитъ въ лѣсъ подъ видомъ нищеньки — Собаки ходятъ на цѣпяхъ и не подпускаютъ ея. — Она даритъ Царевнѣ рубашку которую та надѣвъ, умираетъ. — Братья хоронятъ ея въ гробницѣ натянутой золотыми цѣпями къ двумъ соснамъ. Царевичъ влюбляется въ ея трупъ и проч.

ТРУДЫ И ЗАМѢТКИ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРІИ

1822 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

По смерти Петра I движеніе, переданное сильнымъ человѣкомъ, все еще продолжалось въ огромныхъ составахъ Государства преобразованнаго. Связи древняго порядка вещей были прерваны навѣки, воспоминанія старины мало-по-мало изчезали. Народъ, упорнымъ постоянствомъ удержавъ бороду и русской кафтанъ, доволенъ былъ своею побѣдою и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкій образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣніе, воспитанное подъ вліяніемъ европейскимъ, часъ отъ часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенія. Гражданскіе и военные чиновники болѣе и болѣе умножались; иностранцы, въ то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластическій педантизмъ по прежнему приносилъ свою непримѣтную пользу; отечественные таланты стали изрѣдка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наслѣдники сѣвернаго исполина, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрной точностію подражали ему во всемъ, что только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ, дѣйствія правительства были выше собственной его образованности, и добро производилось ненарочно, между

тѣмъ какъ азіатское невѣжество обитало при дворѣ*.

Петръ I не страшился народной Свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество можетъ-быть болѣе чемъ Наполеонъ. (Исторія представляетъ около его всеобщее рабство. Указъ разорванный Кн. Долгорукимъ и письмо съ береговъ Прута, приносятъ великую честь необыкновенной душѣ Самовластнаго Государя; впрочемъ всѣ состоянія, окованныя безъ разбора были равны предъ его дубинкою.) Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократія послѣ его неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; къ щастію хитрость Государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ, и образъ правленія остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма, и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бъ или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія ограничили бъ число дворянъ и заградили бъ для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство: нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ; желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла, и твердое, мирное единодуші

* Доказательства тому царствованіе безграмотной Екатерины I, кроваваго злодѣя Бирона и сладострастной Елисавет

можетъ скоро поставить насъ наряду съ просвѣщенными народами Европы. — Памятниками неудачнаго боренія аристократіи съ деспотизмомъ остались только два указа Петра III о вольности дворянъ, указы, коими предки наши столько гордились и коихъ справедливѣе должны были бы стыдиться.

Царствованіе Екатерины II имѣло новое и сильное вліяніе на политическое и нравственное состояніе Россіи. Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ нащетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпіе ослѣпляло, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. (Самый развратъ) Самое сластолюбіе сей хитрой женщины утверждало ея владычество. Производя слабый ропотъ въ народѣ, привыкшемъ уважать и пороки своихъ властителей, оно возбуждало гнусное соревнованіе въ высшихъ состояніяхъ, ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія второго мѣста въ Государствѣ. Много было званныхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ спискѣ ея любимцевъ, обреченныхъ (ненависти) презрѣнію потомства, имя страннаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою Исторіи. Онъ раздѣлитъ съ Екатериною часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хоть и безплодными, побѣдами въ сѣверной Турціи.*

* Безплодными, ибо Дунай долженъ быть настоящей Границею между Турціею и Россіей. За чемъ Екатерина не

Униженная Швеція и уничтоженная Польша — вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но со временемъ Исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма подъ личиной кротости и терпимости, народъ угнетенный намѣстниками, казну разхищенную любовниками; покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отвратительное фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ проклятія Россіи.

Мы видѣли, какимъ образомъ Екатерина унизила духъ дворянства. Въ этомъ дѣлѣ ревностно помогали ей любимцы. Стоитъ напомнить о пощечинахъ, щедро ими раздаваемыхъ нашимъ князьямъ и боярамъ, о славной розпискѣ Потемкина, хранимой донынѣ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ Государства*, объ обезьянѣ графа Зубова, о кофейникѣ к. к. (князя Куракина и) проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любовниковъ но молчала. Ободренные таковою слабостію, они не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностію пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя

совершила сего важнаго плана въ началѣ фр. рев., когда Европа не могла обратить дѣятельнаго вниманія на воинскія наши предпріятія а изнуренная Турція намъ противостать? Это избавило бы насъ отъ будущихъ хлопотъ.

* П(отемкинъ) послалъ однажды адъютанта взять изъ казеннаго мѣста 100 000 рублей. Чиновники не осмѣлились отпустить эту сумму безъ письменнаго вида. П. на другой сторонѣ ихъ отношенія, своеручно написалъ: дать, с..... м...

мѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій и совер-
енное отсутствіе чести и честности въ высшемъ
ассѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго
ротоколиста все крало и все было продажно.
акимъ образомъ развратная Государыня разв
ила и свое Государство.

Екатерина уничтожила званіе (справедливѣе:
азваніе) рабства, а раздарила около миліона госу-
арственныхъ крестьянъ (т.-е. свободныхъ хлѣбо-
ащевъ) и закрѣпостила вольную Малороссію и
ольскія провинціи. Екатерина уничтожила пытку—
тайная канцелярія процвѣтала подъ ея патріар-
альнымъ правленіемъ; Екатерина любила просвѣ-
еніе, а Новиковъ, разпространившій первые лучи
о, перешелъ изъ рукъ Шешковскаго* въ темницу,
ѣ и находился до самой ея смерти. Радищевъ
лъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ роз-
ми и Фонвизинъ, котораго она боялась, не избѣг-
лъ бы той же участи, если бъ не чрезвычайная
о извѣстность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя
мъ своему неограниченному властолюбію и угож-
я духу времени. Но лишивъ его независимаго
стоянія и ограничивъ монастырскіе доходы она
несла сильный ударъ просвѣщенію народному.
минаріи (которые зависѣли отъ монастырей, а нынѣ
ъ епископовъ) пришли въ совершенный упадокъ.
огія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣд-
сть и невѣжество этихъ людей необходимыхъ
Государствѣ ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ
тую возможность заниматься важною своею
жностію. Отъ сего происходитъ въ нашемъ

* Домашній палачъ кроткой Екатерины.

народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ рускихъ суевѣрными: можетъ быть нигдѣ болѣе какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на щетъ всего церковнаго. Жаль ибо Греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ.

Въ Россіи вліяніе Духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ Римско католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своею Папу, составляло особое общество, независимое отъ Гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ напротивъ того завися какъ и всѣ прочія состоянія отъ единой Власти, но огражденное святынею Религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и Государемъ, какъ между человѣкомъ и Божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ. Екатерина знала все это — и имѣла свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмѣрными похвалами: очень естественно они знали ее только по перепискѣ съ Вольтеромъ, и по разказамъ тѣхъ именно, коимъ она позволяла путешествовать.

Фарса нашихъ Депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе. Наказъ ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ. Довольно было, чтобы поставить ее наряду съ Титами и Траянами; но, перечитывая сей лицемѣрный наказъ нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа

юпкѣ и въ коронѣ, онъ не зналъ, онъ не могъ знать истинны; но подлость русскихъ писателей для меня непонятна.

Царствованіе Павла доказываетъ одно: что и въ просвѣщенныя времена могутъ родиться Калигулы. Рускіе защитники Самовластія въ томъ несогласны и принимаютъ славную шутку г-жи де-Сталь за основаніе нашей конституціи. En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation.*

2 августа 1822 г. (Кишеневъ).

---

* Правленіе въ Россіи есть Самовластіе ограниченное удавкою.

1825 г.

ПРОГРАММА

по исторіи Малороссіи

Что нынѣ называется Малор.
Что составляло прежде Малор.
Когда отторгнулась она отъ Россіи.
Долго ли находилась подъ владычествомъ татаръ
Отъ Гедимина до Сагайдашн.
Отъ Сагайд. до Хме.
Отъ Хмель. до Мазепы.
Отъ Мазепы до Разумовскаго.

1830 г.

ИСТОРІЯ РУСКАГО НАРОДА,

сочиненіе Николая Полеваго

Томъ I. — М. въ типогр. Августа Семена, 1829. (LXXXII—368 стран. въ 8 д. л. Въ концѣ книги приложена таблица, содержащая въ себѣ Генеалогическую роспись Рускихъ князей съ 862 по 1855 годъ)*

Статья 1

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о коихъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый томъ Исторіи Рускаго Народа, соч. г. Полевымъ, и поневолѣ должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія: Г-ну Нибуру, первому историку нашего вѣка. Спрашивается: кѣмъ и какимъ образомъ г. Полевой уполномоченъ назначать мѣста писателямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? Долженъ ли г. Нибуръ быть благодаренъ г. Полевому за милостивое производство въ первые историки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ ли тутъ, со стороны г. Полеваго, излишней самонадѣянности? Зачѣмъ съ первой

* Раздается въ книжномъ магазинѣ А. Смирдина. Подписная цѣна за всѣ 12 томовъ 40 руб. съ пересылкой 45 руб.

страницы вооружаетъ уже на себя читателя, всегда недовѣрчиваго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденнаго противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помиритъ его съ г. Полевымъ. Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово Я, еще болѣе неловкое, чѣмъ ненавистное Я. Послушаемъ г. Полеваго. «Въ то время, когда образованность и просвѣщеніе соединяютъ всѣ народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи жребія человѣчества, когда высокія помышленія, плоды философскихъ наблюденій, и великія истины прошедшаго и настоящаго составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ»... тогда — чтобъ вы думали? — «я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Рускаго Народа».

Belle conclusion et digne de l'exorde!

Далѣе: «Я не поколебался писать Исторію Россіи послѣ Карамзина; утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ Рускій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра»... Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачѣмъ терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Далѣе: «Она (картина г-на Полеваго) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношеніе мое покажетъ вамъ, что въ Россіи столько же умѣютъ цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра». Опять! какъ можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи? За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе.

Вступленіе въ оное писано темнымъ, изысканнымъ слогомъ, и своими противорѣчіями и многословіемъ напоминаетъ философическую статью о Руской Исторіи, напечатанную въ «Московскомъ Телеграфѣ» и разобранную съ такой оригинальной веселостію въ «Славянинѣ».

Пріемлемъ смѣлость замѣтить г-ну Полевому, что онъ поступилъ, по крайней мѣрѣ, неискусно, напавъ на Исторію Государства Россійскаго въ то самое время, какъ начиналъ печатать Исторію Рускаго Народа. Чѣмъ полнѣе, чѣмъ искреннѣе отдалъ бы онъ справедливость Карамзину; чѣмъ смиреннѣе отзывался бы онъ о самомъ себѣ, тѣмъ охотнѣе были бы всѣ готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ бы отъ себя нареканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, не есть подлость (какъ осмѣлился кто-то напечатать), но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу Эфоровъ, однимъ Хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно.

Карамзинъ есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ Исторіи, простодушіемъ и апоѳегмами — Хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго происшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его неудовлетворителенъ, тамъ не доставало ему источни-

ковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія, своею иноческою простотою даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ, какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. «Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы», говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, «бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ». Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственнаго направленія повѣствованія къ какой-нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ произшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, г-нъ Полевой никакого: вольному воля, какъ говорили наши предки.

Г. Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава XII тома была еще не дописана Карамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: «Когда же думалъ историкъ?»

На сіе отвѣтствуемъ:

Когда первые труды Карамзина были съ жадностію принимаемы публикою, имъ образуемою, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ Исторіи Россіи и мысленно обнималъ свое будущее созданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ имъ еще начатъ, а уже Историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть застала послѣднюю его мысль... Г-нъ Полевой

немного подумавъ, конечно, самъ удивится своему легкомысленному вопросу. — Р.

(Продолженіе обѣщано.)

Статья 2

Дѣйствіе В. Скотта ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности. Новая школа Французскихъ Историковъ образовалась подъ вліяніемъ Шотландскаго Романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, не подозрѣваемые прежде, не смотря на существованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гёте.

Г-нъ Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри, и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодаго неофита. Плѣняясь романическою живостію истины, выведенной передъ насъ въ простодушной наготѣ лѣтописи, онъ фантатически отвергнулъ существованіе всякой другой Исторіи. Судимъ не по словамъ г-на Полеваго, ибо изъ нихъ невозможно извести никакого положительнаго заключенія; но основываемся на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана Исторія Рускаго Народа, на стараніи г-на Полеваго сохранить драгоцѣнныя краски старины и частыхъ его заимствованіяхъ у лѣтописей. Но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія Исторіи Государства Россійскаго, такъ и разсказъ г-на Полеваго слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа Исторіографа.

Исторія Рускаго Народа начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи

и нравовъ дикихъ ея обитателей (подражаніе Тьерри); но переходя къ описанію странъ, Россіею нынѣ именуемыхъ, и народовъ, нѣкогда тамъ обитавшихъ, г-нъ Полевой становится столь же темень въ изложеніи своихъ этнографическихъ понятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ Исторіи Русскаго Народа, и утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: «И такъ мы видимъ... Изъ сего слѣдуетъ... Мы въ нѣсколькихъ словахъ означили главныя черты великой картины...» между тѣмъ какъ мы ничего не видимъ, какъ изъ этого ничего не слѣдуетъ, и какъ г-нъ Полевой въ весьма многихъ словахъ означилъ не главныя черты великой картины.

Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно завлекаетъ г-на Полеваго въ мелочныя придирки въ пустыя замѣчанія, большею частью несправедливыя. Онъ то соглашается съ Татищевымъ, ссылается на Розенкампфа, то утвердительно безъ доказательства повторяетъ нѣкоторые скептическіе намеки г-на Каченовскаго. Признавъ у Карамзина достовѣрность похода къ Царюграду, онъ сомнѣвается, имѣлъ ли Олегъ съ собою сухопутное войско. «Гдѣ могли пройти его дружины?» говоритъ г-нъ Полевой: «не чрезъ Булгарію, по крайней мѣрѣ. Почему же нѣтъ? Какая тутъ физическая невозможность? Оспоривая у Карамзина смыслъ выраженія: на ключъ, онъ, пускается въ догадки, ни на чемъ не основанныя. Быть можетъ, и Карамзинъ ошибся въ примѣненіи своей догадки: ключъ (символъ хозяйства), какъ котелъ у ка-

ковъ, означалъ, вѣроятно, общее хозяйство, ар-
ель*. Въ древнемъ договорѣ Карамзинъ читаетъ:
илымъ ближникамъ, ссылаясь на сгорѣвшій
Троицкой списокъ. Г-нъ П., признавая, что
ъ другихъ спискахъ поставлено ad libita librarii
илымъ и малымъ, подчеркиваетъ однако жъ
лово сгорѣвшій, читаетъ малымъ (малолѣт-
имъ, младшимъ) и переводитъ: дальнимъ (даль-
имъ ближнимъ!). Не говоримъ уже о довольно
мѣшномъ противорѣчіи; но что за смыслъ от-
авать наслѣдство дальнимъ родственникамъ мимо
лижайшихъ?

Первый томъ Исторіи Рускаго Народа
исанъ съ удивительною опрометчивостію. Г-нъ
олевой утверждаетъ, что дикая поэзія согрѣвала
ушу Скандинава, что пѣснопѣнія Скальда воспла-
еняли его, что религія усиливала въ немъ врож-
енную склонность къ независимости и презрѣнію
мерти (склонность къ презрѣнію смерти!), что онъ
ордился названіемъ Берсеркера и пр.; а черезъ
и страницы г-нъ Полевой увѣряетъ, что не слава
ла его въ битвы; что онъ ея не зналъ, что недо-
атокъ пищи, одежды, жадность добычи были
ричинами его походовъ. Г-нъ Полевой не видитъ
це Государства Россійскаго въ начальныхъ Кня-
еніяхъ Скандинавскихъ Витязей, а въ Ольгѣ
изнаетъ уже мудрую образовательницу системы
рѣпленія частей въ единое цѣлое, а у Влади-
ра стремленіе къ единовластію. Въ удѣлахъ
ъ П. видитъ то образъ Восточнаго само-
ржавія, то феодальную систему, общую тогда въ

* Стряпчій съ ключемъ вѣдалъ хозяйственную частію
ра. Въ Малороссіи ключевать значитъ управлять хоз-
твомъ.

Европѣ. Промахи, указанные въ «Московском Вѣстникѣ», почти невѣроятны.

Г-нъ П. въ своемъ предисловіи весьма искусно даетъ замѣтить, что слогъ въ Исторіи есть дѣло весьма второстепенное, если уже не совсѣмъ изл лишнее; онъ говоритъ о немъ почти съ презрѣніемъ

Maître renard, peut-être on vous croirait...

По крайней мѣрѣ, слогъ есть самая слаба сторона Исторіи Рускаго Народа. Нево можно отвергать у г-на Полеваго ни остроумія ни воображенія, ни способности живо чувствовать но искусство писать до такой степени чуждо ем что въ его сочиненіи картины, мысли, слова — в обезображено, перепутано и затемнено.

P. S. Сказавъ откровенно нашъ образъ мысл насчетъ Исторіи Русскаго Народа, не можем умолчать о критикахъ, которымъ она подал поводъ. Въ журналѣ, издаваемомъ ученым извѣстнымъ профессоромъ, напечатана статья,* коей брань доведена до изступленія; болѣе, чѣ въ тридцати страницахъ грубыхъ насмѣшекъ ругательства, нѣтъ ни одного дѣльнаго обвинен ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссыл на мнѣніе самого издателя, мнѣніе весьма любопы ное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ до жны ожидать любители отечественной Истор Московскій Вѣстникъ... (et tu autem, Brut сказалъ свое мнѣніе насчетъ г-на П. еще б большимъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ сво обязанности, непростительнѣйшимъ, ибо издат

* Выписки, коими наполнена сія статья въ самомъ дѣ пойдутъ въ примѣръ галиматьи: но самый текстъ по отъ нихъ не отличается.

оск. Вѣстника доказалъ, что чуство приличія му сродно, и что слѣдственно онъ добровольно ренебрегаетъ онымъ. Ужели такъ трудно нашей ратьѣ Критикамъ сохранять хладнокровіе? Какъ е вспомнить, по крайней мѣрѣ, совѣта старинной казки:

То же бы ты слово
Да не такъ бы молвилъ.

Программа 3-й статьи

1

Феодальное право, основанное на правѣ завоеванія.

Что были предводители?

Что былъ народъ?

Тѣлохранители.

Власть королевская.

Продажа вольности городамъ.

Парламенты.

Vénalité de charges.

Ришельё.

Споры аристократіи съ парламентами.

Уничтоженіе феодализма.

.. Феодальное правленіе — система простая и ьная, было основано на правѣ завоеванія. бѣдители, присвоивъ себѣ землю и собствен- ть побѣжденныхъ, обратили ихъ самихъ въ ство и раздѣлили все между собою. Пред- ители получили большіе участки. Слабые бѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, и дальная іерархія установилась.

Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ стк̀ѣ по-своему, устанавливая свои законы,

соблюдая свои выгоды и стараясь окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для сего избирались большею частію вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Современемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязательства между владѣльцами и вассалами.

3. Короли, избираемые вначалѣ владѣльцами были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріятелемъ новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдами, они созывали сеймы. Сеймы сіи составляли сначала одни знатные владѣльцы военные люди. Духовенство было призвано впо слѣдствіи властолюбивыми палатными мерами (Mai du Palais), а народъ гораздо позже, когда коро левская власть почувствовала необходимость про тивупоставить новую силу дворянству, содине ному съ духовенствомъ.

4. Судопроизводство находилось въ рукахъ вл дѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановлен избирались грамотеи изъ простолюдиновъ, и знатные люди занимались единственно военн наукою и не умѣли читать. Когда же война призвала бароновъ къ защитѣ королевскихъ владѣ или собственныхъ замковъ, то въ ихъ отсутстві сіи грамотеи чинили судъ и расправу, снача отъ имени бароновъ, а впослѣдствіи сами отъ се Продолжительныя войны дали имъ время основа свою самобытность. Такимъ образомъ родилі парламенты.

5. Нужда въ деньгахъ заставила бароновъ и

пископовъ продавать вассаламъ права, нѣкогда присвоенныя завоевателями. Сначала откупились абы отъ вассаловъ, затѣмъ общины пріобрѣли ривиллегіи. Впослѣдствіи времени, короли, для ничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общинѣ, и когда ало-по-малу народъ откупился, владѣльцы обѣдѣли и стали проситься на жалованье королей. ни выбрались изъ феодальныхъ своихъ верповъ...

6. Короли почувствовали всю выгоду новаго оложенія. Дабы покрыть новые, необходимые асходы, они прибѣгнули къ продажѣ судебныхъ ѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ горами, начали истощаться и казались уже опасными. я мѣра утвердила независимость гражданскихъ иновниковъ (de la Magistrature) и сіе сословіе шло въ соперничество съ дворянствомъ, которое зненавидѣло его.

7. Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила влія достаточной части народа, слѣдовательно столь благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно шли противъ сей мѣры, будто бы варварской и лѣпой.

8. Но вскорѣ замѣтили, до какой степени сія ра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришьё установилъ комиссаровъ, т.-е. временныхъ новниковъ, уполномоченныхъ королемъ. Законки возроптали, какъ на нарушеніе правъ своихъ злоупотребленіе общественной довѣренностію. ь не послушали, и могущество министра пошло и ихъ, и феодализмъ.

II

Несмотря на то, что Исторія Рускаго На
рода писана наобумъ, ошибки и промахи, указан
ные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ, конечно
не невѣжество г-на Полеваго (ибо онъ могъ бы их
избѣжать, давъ себѣ время подумать и справиться
но только непростительную опрометчивость и по
спѣшность. Презрѣніе, съ какимъ г. Полево
отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзин
издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравстве
нее чувство уваженія нашего къ великому соот
чественнику. Но сія опрометчивость и необдума
ность сильно повредили г. Полевому въ мнѣн
малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумны
читателей, ибо онѣ поколебали, или и вовсѣ уни
тожили, довѣренность, которую онъ способе
былъ внушить. Теперь мы читаемъ Истор
Рускаго Народа, не полагаясь на добро
вѣстность труда и вѣрность разысканій, но на ка
дое слово невольно требуемъ подтвержденія пов
реннаго, если не имѣемъ терпѣнія или способ
справляться сами. — Исторія Рускаго Нарс
состоитъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ, часто е
имѣющихъ между собой связи по духу, въ ко
они писаны, и походитъ болѣе на журналы
статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ челов
комъ и проникнутую единствомъ духа.

Несмотря на сіи недостатки, Исторія Руск
Народа заслуживаетъ вниманія по многимъ ос
умнымъ замѣчаніямъ, (NB. Остроуміемъ мы а
зываемъ вовсе не шуточки, столь любезныя а
шимъ веселымъ критикамъ, но способность с
жать понятія и выводить изъ нихъ новыя и
вильныя заключенія), по своей живости, хо

неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ недальнымъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ.

1. Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе болтовни и противорѣчій.

2. Тонъ нападенія на Карамзина уже гораздо благопристойнѣе.

3. Самый разсказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее г. Полевому.

II томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи...

Г. Полевой предчувствуетъ присутствіе истины, но не умѣетъ ее отыскать и вьется около. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но вскорѣ желаніе приноровить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ (называетъ его семейственнымъ феодализмомъ) и въ семъ феодализмѣ — средство задушить феодализмъ же, полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ юной Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи не было еще феодализма, а были удѣлы, князья и ихъ дружина; что въ древнихъ удѣльныхъ княжествахъ не было никакой силы (доказательство — нашествіе татаръ); что Россія не окрѣпла и не развилась въ удѣльныя междоусобія, но, напротивъ, ослабѣла и сдѣлалась легкою добычею татаръ; что боярство не есть феодализмъ; феодализмъ — частность, аристократія — общность.

Феодализма въ Россіи не было. Одна фамилія, варяжская, властвовала независимо, добиваясь великаго княжества.

Бояре жили въ городахъ, при дворѣ княжескомъ,
не укрѣпляя своихъ помѣстій,
не сосредоточиваясь въ маломъ семействѣ,
не враждуя противу королей,
не продавая своей помощи городамъ;
они были вмѣстѣ придворные и товарищи, но составляли союзы,
считались старшинствомъ,
крамольничали.

Великіе князья не имѣли нужды соединяться съ народомъ, дабы ихъ усмирять.

Феодализма у насъ не было — и тѣмъ хуже.

Освобожденія городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes), удаленныя отъ великаго княжества и обязанныя своимъ бытіемъ сперва хитрой покорности, а потомъ — слабости враждующихъ князей. Феодализмъ могъ бы, наконецъ, развиться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины были второй), но онъ не успѣлъ. Онъ разсѣялся во времена татаръ, былъ подавленъ Иваномъ III, гонимъ, истребляемъ Иваномъ IV. — Мѣсто феодализма заступила аристократія и могущество ея въ междуцарствіе возросло до высочайшей степени. Она была наслѣдственная — отселѣ мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Ѳеодоръ, а Языковъ и меньшое дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Ѳеодора и Петра начинается

революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня.

Что составляло въ Россіи древнюю аристократію? — Варяги, богатые военные славяне, воинство и пришельцы. — Какія были права ихъ? — Равныя княжескимъ, ибо они были малыя князья, имѣли свои дружины и переходили отъ одного государя къ другому. — Отчего г. Полевой говоритъ, что они были наравнѣ со смердами? — Не знаю, но самое молчаніе лѣтописцевъ о ихъ правахъ показываетъ, что права сіи были неограничены. — Какое время силы нашего боярства? — Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами. — Когда пало боярство? — При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться. — Были ли дворянскія грамоты? — Мининъ! — Было ли зло мѣстничество?.. Натурально ли оно? Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено? — Петръ. Уничтоженіе дворянства чинами. — Маіоратства, уничтоженныя мотовствомъ Анны Ивановны. — Паденіе постепенное дворянства. — Что изъ того слѣдуетъ? — Восшествіе Екатерины II, 14-е декабря и т. д.

Исторія древняя кончилась Богочеловѣкомъ, говоритъ г. Полевой. Справедливо. Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной стихіи исчезъ и обновился міръ. Исторія древняя есть исторія Египта, Персіи, Греціи, Рима; — исторія новѣйшая есть исторія христіанства. Горе странѣ, находящейся внѣ его! Зачѣмъ же г. Полевой за нѣсколько страницъ выше повторилъ пристрастное

мнѣніе XVIII столѣтія и призналь концомъ древней исторіи паденіе Западной римской имперіи, — какъ будто самое распаденіе оной на Восточную и Западную не есть уже конецъ Рима и ветхой системы его?

Гизо объясняетъ одно изъ событій христіанской исторіи, — европейское просвѣщеніе. Онъ обрѣтаетъ его зародышъ, описываетъ постепенное развитіе и, отклоняя все отдаленное, случайное и постороннее, доводитъ до насъ сквозь рядъ темныхъ и кровавыхъ, тяжелыхъ и расцвѣтающихъ вѣковъ.

Вы поняли всѣ достоинства французскаго историка, поймите жъ и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада. Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историкъ былъ бы астрономъ и событія жизни человѣческой были бы предсказаны въ календаряхъ, какъ затменія солнечныя. Но провидѣніе — не алгебра; умъ человѣческій, по простонародному выраженію — не пророкъ, а угадчикъ. Онъ видитъ общій ходъ вещей и можетъ выводить изъ онаго глубокія предположенія, часто оправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему случая. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей XVIII столѣтія предсказалъ камеру депутатовъ, но никто не могъ предсказать ни Наполеона, ни Полиньяка.

1832—1833 г. г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

1

Москва была освобождена Пожарскимъ, польское войско удалилось; король шведскій думалъ о замиреніи. Послѣдняя опора Марины, Заруцкій, злодѣйствовалъ въ отдаленномъ краю Россіи. Отечество отдохнуло и стало думать объ избраніи себѣ новаго царя. Выборные люди отъ всего государства стекались въ разоренную Москву и приступили къ великому дѣлу. Долго не могли рѣшиться, помнили горькія послѣдствія двухъ недавнихъ выборовъ. Многіе бояре не уступали въ знатности родамъ Шуйскихъ и Годуновыхъ; каждый думалъ о себѣ или о родственникѣ; вдругъ, посреди преній и всеобщаго недоумѣнія, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаилъ Ѳедоровичъ былъ сынъ знаменитаго боярина Ѳедора Никитича, нѣкогда сосланнаго царемъ Борисомъ и неволею постриженнаго въ монахи, въ царствованіе Лжедимитрія (1605), изъ монастырскаго заточенія возведеннаго на степень митрополита ростовскаго и прославившаго свое иноческое имя въ исторіи нашего отечества. Отецъ Ѳедора Никитича, Никита Романовичъ, (былъ женатъ) на сестрѣ царя Іоанна Васильевича и, (слѣдо-

вательно), юный Михаилъ по женскому колѣну происходилъ отъ Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Іоанна Васильевича. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ испыталъ онъ превратности судьбы. Младенцемъ раздѣлялъ онъ заточеніе съ матерію своею, Ксеніею Ивановной, въ 1600 году подъ именемъ инокини Марѳы постриженной въ пустынномъ Онежскомъ монастырѣ.

Лжедимитрій, (опредѣливъ имъ приличное роду ихъ содержаніе), перевелъ ихъ въ костромской Ипатскій монастырь.

2

Приказы: Надворный вѣдалъ дѣла переносныя (cour de la cassation); Расправная палата (сенатъ) Золотая палата (вѣдала службу дворянъ); Приказъ Посольскій, кромѣ дѣлъ иностранныхъ вѣдалъ таможни, аптеки, врачей. Приказъ Большія Казны — Департаментъ Удѣловъ. Земскій — Управа Благочинія Московская. Житный Бронный, Монастырскій, Стрѣлецкій, Пушкарскій, Ямской, Холопій; Казанскій дворецъ вѣдалъ царства Астраханское, Казанское Сибирское; Каменный приказъ, учрежденный Годуновымъ, вѣдалъ постройку каменныхъ зданій Сверхъ того, временные приказы, напр. приказ о прекращеніи разбоевъ.

При удѣльныхъ князьяхъ тіуны, судьи, посадники, волостели, тысяцкіе.

Городничій — Дворской.

Губернскій предводитель — воевода, впослѣдствіи Главный уѣздный судья, губной старост

судія, цѣловальникъ — засѣдатель уѣзднаго суда, объѣздной — исправникъ. «Прикащикъ» — посадскій — предсѣдатель городской думы. Помѣстный прикащикъ — дворянскій предводитель, (сбивчиво, дурно).

3

Разборъ терминовъ соколиной охоты

(Изъ «Урядника» царя Алексѣя Михайловича)

Семеновскій потѣшный дворъ.

Свѣтлица для выдерживанія птицъ.

Челигъ — самецъ, дикомыть — самка.

Оленья перчатка.

Обносцы — ремешки оленьи съ краснымъ сукномъ.

Кречетъ больше и сѣрѣе сокола. Соколъ поизѣе.

До́лжникъ — въ два аршина ремень сыромятный.

Вабилъ, свабѝло — гусиныя крылья съ сырымъ мясомъ для вабки.

Ша́лгачъ — мѣшокъ для живой птицы.

Пущенная птица — для обученія сокола.

Дербнички напущаютъ попарну — одинъ низу, другой сверху (дермлички).

Колокольчикъ привязанъ къ ногѣ, коли сокол отбудетъ, то начинаетъ чесаться, etc.

Дермлички съ кречетомъ, копчикъ съ соколомъ.

Вертлугъ желѣзный — на немъ вертится вало.

Помы́чки — ловчіе крестьяне.

Стулъ — гдѣ сначала сидятъ кречеты.

Толунбасы — родъ барабана для пуганья птицъ.

Помцы
Тайникъ } сѣти.

Съ Благовѣщенія ихъ подымаютъ, т.-е. на руки берутъ, до Петрова дня (учатъ). Учатъ сокола заструнивъ носъ воронѣ. Соколъ бьетъ ее когтями за голову носомъ, глотку... добудетъ (грачей, галокъ, воронъ, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьялъ, зарьяелъ — отъ зноя утомился.

Юрчакъ — конвульція, корчь — болѣзнь сокола.

Чины: Ястребникъ,
Сокольникъ — унтеръ офицеръ,
Кречетникъ.

Начальники: Статейничій, главный.
Подъстатейничій.
Секрет(арь): расходчикъ.

1834 г.

ИСТОРІЯ
ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА

ПРЕДИСЛОВІЕ

Сей историческій отрывокъ составляетъ часть труда, мною оставленнаго. Въ немъ собрано все, что было обнародовано правительствомъ касательно Пугачева, и то, что показалось мнѣ достовѣрнымъ въ иностранныхъ писателяхъ, говорившихъ о немъ. Также имѣлъ я случай пользоваться нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Дѣло о Пугачевѣ, донынѣ нераспечатанное, находилось въ Государственномъ Санктпетербургскомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими важными бумагами, нѣкогда тайнами Государственными, нынѣ превращенными въ историческіе матеріалы. Государь Императоръ, по своемъ восшествіи на престолъ, приказалъ привести ихъ въ порядокъ. Сіи сокровища вынесены были изъ подваловъ, гдѣ нѣсколько наводненій посѣтило ихъ и едва не уничтожило.

Будущій историкъ, коему позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ мой трудъ — конечно, несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена: Екатерины, Румянцова, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

2-го ноября 1833. Село Болдино

Часть первая

Мнѣ кажется, сего вора всѣхъ замысловъ и похожденій не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего всѣ затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли. Почему и самъ Пугачевъ (думаю) подробностей оныхъ не только разсказать, но нарочитой части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удальства въ разныхъ вдругъ мѣстахъ происходили.

Архимандритъ Платонъ Любарскій

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало яицкихъ казаковъ. Поэтическое преданіе. Царская грамота. Грабежи на Каспійскомъ морѣ. Стенька Разинъ. Нечай и Шамай. Предположенія Петра Великаго. Внутреннія безпокойства. Побѣгъ кочующаго народа. Бунтъ яицкихъ казаковъ. Ихъ усмиреніе.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе, течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было основаніе Оренбургу и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребетъ ихъ, поворачиваетъ на западъ, и протекши болѣе двухъ тысячъ пятисотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское море. Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволжскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ киргизъ-кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбою вся-

каго рода; берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводства. Близъ устья оросъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей-то рѣкѣ, въ XV столѣтіи, явились донскіе казаки, разъѣзжавшіе по Хвалынскому морю.[1] Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени и къ зимѣ возвращались на Яикъ. Подаваясь все вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ мѣстопребываніемъ урочище Коловратное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Въ сосѣдствѣ новыхъ поселенцевъ кочевали нѣкоторыя татарскія семейства, отдѣлившіяся отъ улусовъ Золотой Орды и искавшія привольныхъ пажитей на берегахъ того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но въ послѣдствіи времени вошли въ дружелюбныя сношенія: казаки стали получать женъ изъ татарскихъ улусовъ. Сохранилось поэтическое преданіе: казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ ихъ атамановъ, по имени Гугня, первый преступилъ жестокій законъ, пощадивъ молодую жену, и казаки, по примѣру атамана, покорились игу семейственной жизни. Донынѣ просвѣщенные и гостепріимные жители уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ здоровье бабушки Гугнихи.[2]

Живя набѣгами, окруженные непріязненными племенами, казаки чувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ, и въ царствованіе

Михаила Ѳедоровича послали отъ себя въ Москву просить Государя, чтобъ онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Поселеніе казаковъ на безхозяйномъ Яикѣ могло казаться завоеваніемъ, коего важность была очевидна. Царь обласкалъ новыхъ подданныхъ и пожаловалъ имъ грамоту[3] на рѣку Яикъ, отдавъ имъ ее отъ вершины до устья и дозволя имъ набираться на житье вольными людьми.

Число ихъ часъ отъ часу умножалось. Они продолжали разъѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ донскими казаками, вмѣстѣ нападали на торговыя персидскія суда и грабили приморскія селенія. Шахъ жаловался Царю. Изъ Москвы посланы были на Донъ и Яикъ увѣщевательныя грамоты.

Казаки на лодкахъ, еще нагруженныхъ добычею, поѣхали Волгою въ Нижній Новгородъ; оттолѣ отправились въ Москву и явились ко двору съ повинною головою, каждый неся топоръ и плаху. Имъ велѣно было ѣхать въ Польшу и подъ Ригу, заслуживать тамъ свои вины; а на Яикъ посланы были стрѣльцы, въ послѣдствіи времени составившіе съ казаками одно племя.

Стенька Разинъ посѣтилъ яицкія жилища. По свидѣтельству лѣтописей, казаки приняли его какъ непріятеля. Городокъ ихъ былъ взятъ симъ отважнымъ мятежникомъ, а стрѣльцы, тамъ находившіеся, побиты или потоплены.[4]

Преданіе, согласное съ татарскимъ лѣтописцемъ, относитъ къ тому же времени походы двухъ яицкихъ атамановъ: Нечая и Шамая.[5] Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастіе ему благопріятствовало.

Совершивъ трудный путь, казаки достигли Хивы. Ханъ съ войскомъ своимъ находился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія, но зажился въ немъ и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обремененные добычею казаки были настигнуты возвратившимся ханомъ и на берегу Сыръ-Дарьи разбиты и истреблены. Не болѣе трехъ возвратилось на Яикъ, съ объявленіемъ о погибели храбраго Нечая. Нѣсколько лѣтъ послѣ, другой атаманъ, по прозванію Шамай, пустился по его слѣдамъ. Но онъ попался въ плѣнъ степнымъ калмыкамъ, а казаки его отправились далѣе, сбились съ дороги, на Хиву не попали, и пришли къ Аральскому морю, на которомъ принуждены были зимовать. Ихъ постигнулъ голодъ. Несчастные бродяги убивали и ѣли другъ друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконецъ отъ себя къ хивинскому хану просить, чтобъ онъ ихъ принялъ и спасъ отъ голодной смерти. Хивинцы пріѣхали за ними, забрали всѣхъ и отвели рабами въ свой городъ. Тамъ они и пропали. Шамай же, нѣсколько лѣтъ послѣ, привезенъ былъ калмыками въ яицкое войско, вѣроятно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у казаковъ охота къ дальнимъ походамъ охладѣла. Они мало по малу привыкли къ жизни семейной и гражданственной.

Яицкіе казаки послушно несли службу по наряду московскаго приказа, но дома сохраняли первоначальный образъ управленія своего. Совершенное равенство правъ; атаманы и старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшаемы были большинствомъ

голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; въ куль да въ воду — за измѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управленія.[6] Къ простымъ и грубымъ учрежденіямъ, еще принесеннымъ ими съ Дона, яицкіе казаки присовокупляли и другія, мѣстныя, относящіяся къ рыболовству, главному источнику ихъ богатства, и къ праву нанимать на службу требуемое число казаковъ, учрежденія чрезвычайно сложныя и опредѣленныя съ величайшею утонченностью.[7]

Петръ Великій принялъ первыя мѣры для введенія яицкихъ казаковъ въ общую систему государственнаго управленія. Въ 1720 году яицкое войско отдано было въ вѣдомство военной коллегіи. Казаки возмутились, сожгли свой городокъ, съ намѣреніемъ бѣжать въ киргизскія степи, но были жестоко усмирены полковникомъ Захаровымъ. Сдѣлана была имъ перепись, опредѣлена служба и назначено жалованье. Государь самъ назначилъ войсковаго атамана.

Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны правительство хотѣло исполнить предположенія Петра. Тому благопріятствовали возникшіе раздоры между войсковымъ атаманомъ Меркульевымъ и войсковымъ старшиною Логиновымъ, и раздѣленіе чрезъ то казаковъ на двѣ стороны: атаманскую и логиновскую, или народную. Въ 1740 году положено было преобразовать внутреннее управленіе яицкаго войска, и Неплюевъ, бывшій въ то время оренбургскимъ губернаторомъ, представилъ въ военную коллегію проектъ новаго учрежденія; но большая часть предположеній и предписаній осталась безъ исполненія до восшествія на престолъ Государыни Екатерины II.

Съ самаго 1762 года, стороны логиновской яицкіе казаки начали жаловаться на различныя притѣсненія, ими претерпѣваемыя отъ членовъ канцеляріи, учрежденной въ войскѣ правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья, самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ и обычаевъ рыбной ловли. Чиновники, посылаемые къ нимъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генералъ-маіоры Потаповъ и Череповъ (первый въ 1766 году, а второй въ 1767) принуждены были прибѣгнуть къ силѣ оружія и къ ужасу казней. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была слѣдственная коммиссія. Въ ней присутствовали генералъ-маіоры: Потаповъ, Череповъ, Бримфельдъ и Давыдовъ, и гвардіи капитанъ Чебышевъ. Войсковой атаманъ Андрей Бородинъ былъ отставленъ; на его мѣсто выбранъ Петръ Тамбовцевъ; члены канцеляріи осуждены уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную пеню; но они умѣли избѣгнуть исполненія приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до свѣдѣнія самой Императрицы справедливыя свои жалобы. Но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнію президента военной коллегіи, графа Чернышева, схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы и наказаны, какъ бунтовщики. Между тѣмъ, велѣно было нарядить нѣсколько сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ. Мѣстное начальство воспользовалось и симъ случаемъ, дабы новыми притѣсненіями мстить народу за его сопротивленія. Узнали, что правительство имѣло намѣреніе составить изъ казаковъ гусарскіе эскадроны, и что уже повелѣно брить имъ бороду.

Генералъ-маіоръ Траубенбергъ, присланный для
ого въ Яицкій городокъ, навлекъ на себя народное
негодованіе. Казаки волновались. Наконецъ, въ
771 году, мятежъ обнаружился во всей своей силѣ.
Происшествіе, не менѣе важное, подало къ оному
новодъ. Между Волгой и Яикомъ, по необозри-
ымъ степямъ астраханскимъ и саратовскимъ, ко-
евали мирные калмыки, въ началѣ осьмнадцатаго
толѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покро-
ительство Бѣлаго Царя. Съ тѣхъ поръ они вѣр-
но служили Россіи, охраняя южныя ея границы.
Русскіе приставы, пользуясь ихъ простотою и от-
даленностью отъ средоточія правленія, начали ихъ
гнетать. Жалобы сего смирнаго и добраго народа
е доходили до высшаго начальства: выведенные
зъ терпѣнія, они рѣшились оставить Россію и
айно снеслись съ китайскимъ правительствомъ.
имъ не трудно было, не возбуждая подозрѣнія,
рикочевать къ самому берегу Яика. И вдругъ,
ь числѣ тридцати тысячъ кибитокъ, они перешли
а другую сторону и потянулись по киргизской
епи къ предѣламъ прежняго отечества.[8] Прави-
ельство спѣшило удержать неожиданный побѣгъ.
ицкому войску велѣно было выступить въ по-
рю; но казаки (кромѣ весьма малаго числа) не
ослушались и явно отказались отъ всякой службы.
Тамошніе начальники прибѣгнули къ строжай-
имъ мѣрамъ для прекращенія мятежа; но нака-
нія уже не могли смирить ожесточенныхъ. 13 ян-
аря 1771 года они собрались на площади, взяли
зъ церкви иконы и пошли, подъ предводитель-
твомъ казака Кирпичникова, въ домъ гвардіи
питана Дурнова, находившагося въ Яицкомъ
ородкѣ по дѣламъ слѣдственной коммиссіи. Они

требовали отрѣшенія членовъ канцеляріи и выдачи задержаннаго жалованья. Генералъ-маіоръ Траубенбергъ пошелъ имъ навстрѣчу съ войскомъ и пушками, приказывая разойтиться; но ни его повелѣнія, ни увѣщанія войсковаго атамана не имѣли никакого дѣйствія. Траубенбергъ велѣлъ стрѣлять; казаки бросились на пушки. Произошло сраженіе; мятежники одолѣли. Траубенбергъ былъ убитъ у воротъ своего дома, Дурновъ израненъ, Тамбовцевъ повѣшенъ, члены канцеляріи посажены подъ стражу, а на мѣсто ихъ учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили отъ себя выборныхъ въ Петербургъ, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествіе. Между тѣмъ генералъ-маіоръ Фрейманъ посланъ былъ изъ Москвы, для усмиренія съ одною ротою гренадеръ и съ артиллеріей. Фрейманъ весною прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ дождался слитія рѣкъ, и взявъ съ собою двѣ легкія полевыя команды и нѣсколько казаковъ, пошелъ къ Яицкому городку.[9] Мятежники, въ числѣ трехъ тысячъ, выѣхали противъ него; оба войска сошлись въ семидесяти верстахъ отъ города. 3 и 4 іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открылъ себѣ дорогу. Мятежники прискакали въ свои дома, забрали женъ и дѣтей, и стали переправляться черезъ рѣку Чаганъ, намѣреваясь бѣжать къ Каспійскому морю. Фрейманъ, вслѣдъ за ними вступившій въ городъ, успѣлъ удержать народъ угрозами и увѣщаніями. За ушедшими послана погоня, и почти всѣ были переловлены. Въ Оренбургѣ учредилась слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ полковника Неронова. Множество мятежниковъ было

уда отправлено. Въ тюрьмахъ недостало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ гостинаго и мѣноваго воровъ. Прежнее казацкое правленіе было унитожено. Начальство поручено яицкому коменданту подполковнику Симонову. Въ его канцеляріи повелѣно присутствовать войсковому старшинѣ Мартемьяну Бородину и старшинѣ (простоу) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около ста сорока человѣкъ сослано въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты (NB всѣ бѣжали); остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ. Сіи строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно. «То ли еще будетъ!» говорили прощенные мятежники: «такъ ли мы тряхнемъ Москвою.» — Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную (или, какъ весьма точно переводила слова сіи военная коллегія, на послушную и непослушную). Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ[10] и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Явленіе Пугачева. Бѣгство его изъ Казани. Показанія Ковенникова. Первые успѣхи самозванца. Измѣна илецкихъ казаковъ. Взятіе крѣпости Разсыпной. Нурали-Ханъ. Распоряженіе Рейнсдорпа. Взятіе Нижне-Озерной. Взятіе Татищевой. Бѣгъ въ Оренбургѣ. Взятіе Чернорѣченской. Пугачевъ въ Сакмарскѣ.

Въ смутное сіе время по казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла.[1] Онъ былъ свидѣте-

лемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ уходилъ на время въ иргизскіе скиты; оттуда, в концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыб въ Яицкой городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Денис Пьянова. Онъ отличался дерзостію своихъ рѣчей поносилъ начальство и подговаривалъ казаков бѣжать въ области турецкаго султана; онъ ув рялъ, что и донскіе казаки не замедлятъ за ними п слѣдовать, что у него на границѣ заготовлен двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесятъ ты сячъ, и что какой-то паша, тотчасъ по приход казаковъ, долженъ имъ выдать до пяти милліонов покамѣстъ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадца рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказ валъ онъ, будто бы противу яицкихъ казаковъ и Москвы идутъ два полка, и что около Рождест или Крещенія непремѣнно будетъ бунтъ. Нѣк торые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и пре ставить, какъ возмутителя, въ комендантскую ка целярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пь новымъ и былъ пойманъ уже въ селѣ Малыковѣ (что нынѣ Волгскъ), по указанію крестьянин ѣхавшаго съ нимъ одною дорогой[2]. Сей бродя былъ Емельянъ Пугачевъ, донской казакъ и с скольникъ, пришедшій съ ложнымъ письменны видомъ изъ-за польской границы, съ намѣреніе поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, посреди тамошни раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражу въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все н носящееся къ дѣламъ яицкаго войска, по тогдаш нимъ обстоятельствамъ, могло казаться важны то оренбургскій губернаторъ и почелъ за нужно увѣдомить о томъ государственную военную ко легію донесеніемъ отъ 18 января 1773 года.

Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и ка-
анское начальство не обратило большаго вни-
анія на присланнаго преступника. Пугачевъ со-
ержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольни-
овъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Од-
ажды онъ подъ стражею двухъ гарнизонныхъ сол-
атъ ходилъ по городу, для собиранія милостыни.
Замочной Рѣшетки (такъ называлась одна изъ
лавныхъ казанскихъ улицъ) стояла готовая трой-
а. Пугачевъ, подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ
дного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой
омогъ колоднику сѣсть въ кибитку и вмѣстѣ съ
имъ ускакалъ изъ города. Это случилось 19 іюня
773 года. Три дня послѣ, въ Казани получено
ыло утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе суда,
о коему Пугачевъ приговоренъ къ наказанію
летьми и къ ссылкѣ въ Пелымъ на каторжную
аботу.[3]

Пугачевъ явился на хуторахъ отставнаго казака
анилы Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде
ь работникахъ. Тамъ производились тогда со-
ѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль
здавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Из-
стно, что въ царствованіе Анны Іоанновны Игна-
й Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйство и
лечь за собой множество донскихъ казаковъ.
отомки ихъ донынѣ живутъ въ турецкихъ обла-
яхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру,
ыкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во
емя послѣдней турецкой войны они дрались про-
ву насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ Импе-
тору Николаю, уже переплывшему Дунай на
порожской лодкѣ: такъ же, какъ остатокъ Сѣчи,

они принесли повинную за своихъ отцовъ и во
вратились подъ владычество законнаго своего Г
сударя.

Но яицкіе заговорщики слишкомъ привязан
были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегам
Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому м
тежу. Самозванство показалось имъ надежно
пружиною. Для сего нуженъ былъ только про
лецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный н
роду. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ
трудно было его уговорить. Они немедленно ста
собирать себѣ сообщниковъ.

Военная коллегія дала знать о побѣгѣ казанска
колодника во всѣ мѣста, гдѣ по предположенія
могъ онъ укрываться. Вскорѣ подполковни
Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторах
находящихся около Яицкаго городка. Отря
были посланы для поимки Пугачева, но не имѣ
въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сооб
ники спасались отъ поиска, переходя съ одно
мѣста на другое и часъ отъ часу умножая сво
шайку. Между тѣмъ разнеслись странные слухи
Многіе казаки взяты были подъ стражу. Схвати
Михайла Кожевникова, привели въ комендантско
канцелярію и пыткою вынудили отъ него слѣду
щія важныя показанія:

Въ началѣ сентября находился онъ на своем
хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Заруби
и объявилъ за тайну, что великая особа находи
въ ихъ краю. Онъ убѣждалъ Кожевникова скры
ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился
Зарубинъ уѣхалъ и въ ту же ночь передъ свѣто
возвратился съ Тимоѳеемъ Мясниковымъ и съ е
вѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое верхами. Неза

комецъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть. Онъ былъ въ верблюжьемъ армякѣ, въ голубой калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ для повѣстки народу, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что онъ императоръ Петръ III; что слухи о смерти его были ложны; что онъ, при помощи караульнаго офицера, ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года; что потомъ былъ въ Царѣградѣ и тайно находился въ русскомъ войскѣ во время послѣдней турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, но вскорѣ освобожденъ вѣрными казаками; что въ прошломъ году находился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отвезенъ въ Казань; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей неизвѣстнымъ купцомъ, освободилъ его снова; что послѣ подъѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но узнавъ черезъ одну женщину о строгости, съ каковою нынѣ требуются и осматриваются паспорты, воротился на сызранскую дорогу, по коей скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета взятъ Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезенъ къ Кожевникову. Высказавъ нелѣпую повѣсть, самованецъ сталъ объяснять свои предположенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на плавню (осеннее рыболовство), для избѣжанія сопротивленія со стороны гарнизона и напраснаго кровопролитія. Во время же плавни хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать атамана, идти прямо на Яицкой городокъ, овладѣть имъ и учредить заставы по всѣмъ доро-

гамъ, дабы никуда преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ же неудачи, думалъ онъ броситься въ Русь, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новыхъ судей (ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда) и возвести на престолъ Государя Великаго Князя. Самъ же я, говорилъ онъ, уже царствовать не желаю. Пугачевъ на хуторѣ Кожевникова находился три дня; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ и увезли его на Усихину Розсашь, гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Коноваловъ и Кочуровъ проводили его.

Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, ускорило ходъ происшествій. 18 сентября Пугачевъ съ Будоринскаго[4] форпоста пришелъ подъ Яицкой городокъ съ толпою, изъ трехъ-сотъ человѣкъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ.

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на сторону новыхъ мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачева пять сотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при капитанѣ Крыловѣ отряжены были впредъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца и потащила за собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Крыловъ возвратился

въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Сіи первыя его жертвы были сотники: Витошновъ, Чертороговъ, Раиневъ и Коноваловъ; пятидесятники: Руженикова, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ: рядовые: Сидоровкинъ, Парзяневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу, но при видѣ выходящаго противъ него войска сталъ отступать, разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, ибо казаковъ не хотѣлъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а пѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, коего жители готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ Оренбургскому губернатору генералъ-поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое собщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено, и донесеніе Симонова дошло до губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку[5] и послалъ начальствующему въ немъ атаману Портову повелѣніе — выдти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородою (илецкіе, какъ и яицкіе казаки были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію, угрожая местью въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ атамана, три дня праздновалъ побѣду, и взявъ съ

собою всѣхъ илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную.[6]

Крѣпости, въ томъ краю выстроенныя, были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ оренбургской губерніи и около ея границъ. 24 сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комендантъ маіоръ Веловскій, нѣсколько офицеровъ и одинъ священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтораста казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распространялся. Еще съ Будоринскаго форпоста Пугачевъ писалъ къ киргизъ-кайсакскому хану, именуя себя государемъ Петромъ III и требуя отъ него сына въ заложники и ста человѣкъ вспомогательнаго войска. Нурали-ханъ подъѣзжалъ къ Яицкому городку подъ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, коему предлагалъ онъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ мятежниками и безъ его помощи. Ханъ послалъ оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. «Мы, люди живущіе на степяхъ — писалъ Нурали къ губернатору — не знаемъ, кто сей, разъѣзжающій по берегу: обманщикъ ли, или настоящій Государь? Посланный отъ насъ воротился, объявилъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человѣка русая». При семъ, пользуясь обстоятельствами, ханъ требовалъ отъ губернатора возвращенія аманатовъ

отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ спѣшилъ отвѣчать, что кончина Императора Петра III извѣстна всему свѣту; что самъ онъ видѣлъ Государя во гробѣ и цѣловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ хана, въ случаѣ побѣга самозванца въ киргизскія степи, выдать его правительству, обѣщая за то милость Императрицы. Прошенія хана были исполнены. Между тѣмъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, не преставая увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ Императрицѣ, а киргизы стали готовиться къ набѣгамъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ хана получено было въ Оренбургѣ донесеніе яицкаго коменданта, посланное чрезъ Самару. Вскорѣ потомъ пришло и донесеніе Веловскаго о взятіи Илецкаго городка. Рейнсдорпъ поспѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возникающаго зла. Онъ предписалъ бригадиру барону Билову выступить изъ Оренбурга съ четырьмя стами солдатъ пѣхоты и конницы и съ шестью полевыми орудіями, и идти къ Яицкому городку, забирая по дорогѣ людей съ форпостовъ и изъ крѣпостей. Командиру Верхне-Озерной дистанціи[7] бригадиру барону Корфу велѣлъ какъ можно скорѣе идти къ Оренбургу; подполковнику Симонову отрядить маіора Наумова съ полевой командой и съ казаками, для соединенія съ Биловымъ; ставропольской канцеляріи[8] велѣно было выслать къ Симонову пятьсотъ вооруженныхъ калмыковъ, а ближайшимъ башкирцамъ и татарамъ собраться какъ можно скорѣе, и въ числѣ тысячи человѣкъ идти навстрѣчу Наумову. Ни одно изъ сихъ распоряженій не было исполнено. Биловъ занялъ Татищеву крѣпость и двинулся было на

Озерную, но въ пятнадцати верстахъ отъ оной, услышавъ ночью пушечные выстрѣлы, отступилъ, полагая крѣпость уже взятою Пугачевымъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему спѣшить на пораженіе бунтовщиковъ; Биловъ не послушался и остался въ Татищевой. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. Вмѣсто пятисотъ вооруженныхъ калмыковъ, не собралось ихъ и трехъ сотъ, и тѣ бѣжали съ дороги. Башкирцы и татары не слушались предписанія. Маіоръ же Наумовъ и войсковой старшина Бородинъ, выступивъ изъ Яицкаго городка, шли издали по слѣдамъ Пугачева и 3-го октября прибыли въ Оренбургъ степною стороною, не видавъ непріятеля.

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную.[9] На дорогѣ встрѣтилъ онъ капитана Сурина, высланнаго на помощь Веловскому комендантомъ Нижне-Озерной маіоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Ночью на 26-е сентября вздумалъ онъ, для ихъ ободренія, палить изъ двухъ своихъ пушекъ, и сіи-то несчастные выстрѣлы остановили Билова, шедшаго къ нему на помощь. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ ѣхалъ впереди своего войска. «Берегись, Государь», сказалъ ему старый казакъ: «неравно изъ пушки убьютъ». — «Старый ты человѣкъ», отвѣчалъ самозванецъ: «развѣ пушки льются на Царей?» — Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата к

другому и приказывалъ стрѣлять. Никто не слушался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки и кинулся къ другой. Въ сіе время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибенный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но яицкіе казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю.[10] На другой день Пугачевъ выступилъ и пошелъ на Татищеву.[11]

Въ сей крѣпости начальствовалъ полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 сентября Пугачевъ показался на высотахъ, ее окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпость. Мятежники подъѣхали къ стѣнамъ, уговаривая гарнизонъ — не слушаться вояръ и сдаться добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скирды сѣна, находившіяся близъ крѣпости, запорѣлись, подожженныя осаждающими. Пожаръ

быстро достигнулъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненый Елагинъ и самъ Биловъ оборонялись отчаянно. Наконецъ мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсѣкли голову. Съ Елагина, человѣка тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало и мазали имъ свои раны. Жену его изрубили. Дочь ихъ, наканунѣ овдовѣвшая Харлова, приведена была къ побѣдителю, распоряжавшему казнію ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата. Вдова маіора Веловскаго, бѣжавшая изъ Разсыпной, также находилась въ Татищевой; ее удавили. Всѣ офицеры были повѣшены. Нѣсколько солдатъ и башкирцевъ выведены въ поле и разстрѣляны картечью. Прочіе острижены по-казацки и присоединены къ мятежникамъ. Тринадцать пушекъ достались побѣдителю.

Извѣстія объ успѣхахъ Пугачева приходили в Оренбургъ одно за другимъ. Едва Веловскій успѣлъ донести о взятіи Илецкаго городка, уже Харлов доносилъ о взятіи Разсыпной; вслѣдъ затѣмъ Биловъ изъ Татищевой извѣщалъ о взятіи Нижне Озерной; маіоръ Крузе изъ Чернорѣченской пальбѣ, происходящей подъ Татищевой. Наконец (28 сентября) триста человѣкъ татаръ, насилу соб ранные и отправленные къ Татищевой, возвратились съ дороги съ извѣстіемъ объ участи Билова и Елагина. Рейнсдорпъ, испуганный быстротою пожар собралъ совѣтъ изъ главныхъ оренбургскихъ

чиновниковъ и слѣдующія мѣры были имъ утверждены:

1. Всѣ мосты черезъ Сакмару разломать и пустить внизъ по рѣкѣ.

2. У польскихъ конфедератовъ, содержащихся въ Оренбургѣ, отобрать оружіе и отправить ихъ въ Троицкую крѣпость подъ строжайшимъ присмотромъ.

3. Разночинцамъ, имѣющимъ оружіе, назначить мѣста для защищенія города, отдавъ ихъ въ распоряженіе оберъ-коменданту генералъ-маіору Валленштерну; прочимъ находиться въ готовности, въ случаѣ пожара, и быть подъ начальствомъ таможеннаго директора Обухова.

4. Сеитовскихъ татаръ перевести въ городъ и поручить начальство надъ ними коллежскому совѣтнику Тимашеву.

5. Артиллерію отдать въ распоряженіе дѣйствительному статскому совѣтнику Старову-Милюкову, служившему нѣкогда въ артиллеріи.

Сверхъ сего Рейнсдорпъ, думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ оберъ-коменданту исправить городскія укрѣпленія и привести въ оборонительное состояніе. Гарнизонамъ же малыхъ крѣпостей, еще не взятыхъ Пугачевымъ, велѣно было идти въ Оренбургъ, зарывая или потопляя тяжести и порохъ.

Изъ Татищевой 29 сентября Пугачевъ пошелъ на Чернорѣченскую.[12] Въ сей крѣпости оставалось нѣсколько старыхъ солдатъ при капитанѣ Нечаевѣ, заступившемъ мѣсто коменданта маіора Крузе, который скрылся въ Оренбургъ. Они сдались безъ сопротивленія. Пугачевъ повѣсилъ капитана, по жалобѣ крѣпостной его дѣвки.

Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ, пошелъ къ Сакмарскому городку,[13] коего жители ожидали его съ нетерпѣніемъ. — 1-го октября изъ татарской деревни Каргале поѣхалъ онъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Очевидецъ описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ.[14]

«Въ крѣпости у станичной избы постланы были ковры и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ, и сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: вставайте, дѣтушки. Потомъ всѣ цѣловали его руку. — Пугачевъ освѣдомился о городскихъ казакахъ. Ему отвѣчали, что иные на службѣ, другіе съ ихъ атаманомъ Даниломъ Донскимъ взяты въ Оренбургъ, и что только двадцать человѣкъ оставлены для почтовой гоньбы, но и тѣ скрылись. Онъ обратился къ священнику и грозно приказалъ ему отыскать ихъ, примолвя: ты попъ, такъ будь и атаманъ; ты и всѣ жители отвѣчаете мнѣ за нихъ своими головами. — Потомъ поѣхалъ онъ къ атаманову отцу, у котораго былъ ему приготовленъ обѣдъ. Если бъ твой сынъ былъ здѣсь, сказалъ онъ старику, то вашъ обѣдъ былъ бы высокъ и честенъ; но хлѣбъ-соль твоя помрачилась. Какой онъ атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ? — Послѣ обѣда, пьяный, онъ велѣлъ было казнить хозяина, но бывшіе при немъ казаки упросили его; старикъ былъ только закованъ и

посаженъ на одну ночь въ станичную избу подъ караулъ. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Онъ обошелся съ ними ласково и взялъ съ собою. Они спросили его: сколько прикажетъ взять припасовъ? Возьмите, отвѣчалъ онъ, краюшку хлѣба; вы проводите меня только до Оренбурга. — Въ сіе время башкирцы, присланные отъ оренбургскаго губернатора, окружили городъ. Пугачевъ къ нимъ выѣхалъ и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. На берегу Сакмары повѣсилъ онъ шесть человѣкъ.»[15]

Въ тридцати верстахъ отъ Сакмарскаго городка находилась крѣпость Пречистенская. Лучшая часть ея гарнизона была взята Биловымъ на походѣ его къ Татищевой. Одинъ изъ отрядовъ Пугачева занялъ ее безъ сопротивленія. Офицеры и гарнизонъ вышли навстрѣчу побѣдителямъ. Самозванецъ, по своему обыкновенію, принялъ солдатъ въ свое войско и въ первый разъ оказалъ позорную милость офицерамъ.

Пугачевъ усиливался: прошло двѣ недѣли со дня, какъ явился онъ подъ Яицкимъ городкомъ съ горстью бунтовщиковъ, и ужъ онъ имѣлъ до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы и болѣе двадцати пушекъ. Семь крѣпостей были имъ взяты или сдались ему. Войско его съ часу на часъ умножалось неимовѣрно. Онъ рѣшился пользоваться счастіемъ, и 3 октября, ночью, подъ Сакмарскимъ городкомъ перешелъ рѣку черезъ мостъ, уцѣлѣвшій вопреки распоряженіямъ Рейнсдорпа, и потянулся къ Оренбургу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мѣры правительства. Состояніе Оренбурга. Объявленіе Рейнсдорпа о Пугачевѣ. Разбойникъ Хлопуша. Пугачевъ подъ Оренбургомъ. Бердская слобода. Сообщники Пугачева. Генералъ-маіоръ Каръ. Его неудача. Гибель полковника Чернышева. Каръ оставляетъ армію. Бибиковъ.

Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу на часъ ожидали общаго возмущенія яицкаго войска; башкирцы, взволнованные своими старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцевъ), начали нападать на русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ. Служивые калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, чуваши, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскорѣ не только оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.

Губернаторы: казанскій — фонъ-Брантъ, сибирскій — Чичеринъ и астраханскій — Кречетниковъ, вслѣдъ за Рейнсдорпомъ, извѣстили государственную военную коллегію о яицкихъ происшествіяхъ. Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣдствіе. Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали безпорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятыя по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ черни общее негодованіе. Рекрутскій наборъ усиливалъ затрудненія. Повелѣно было нѣсколькимъ ротамъ и эскадронамъ изъ Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута наскоро слѣдовать въ Казань. Начальство надъ

ними поручено генералъ-маіору Кару, отличившемуся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предписаній начальства. Онъ находился въ Петербургѣ при пріемѣ рекрутъ. Ему велѣно было сдать свою бригаду генералъ-маіору Нащокину и спѣшить къ мѣстамъ, угрожаемымъ опасностію; къ нему присоединили генералъ-маіора Фреймана, уже усмирявшаго разъ яицкое войско и хорошо знавшаго театръ новыхъ безпорядковъ. Начальникамъ окрестныхъ губерній велѣно было, съ ихъ стороны, дѣлать нужныя распоряженія. Манифестомъ отъ 15 октября правительство объявляло народу о появленіи самозванца, увѣщевая обольщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія.[1]

Обратимся къ Оренбургу.

Въ семъ городѣ находилось до трехъ тысячъ войска и до семидесяти орудій. Съ таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежниковъ. Къ несчастію, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Оробѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться и лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ. Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, коей любопытное изображеніе сохранено самимъ Рейнсдорпомъ.[2]

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для оренбургскихъ жителей; но молва о взятіи крѣпостей вскорѣ разошлась по городу, а поспѣшное выступленіе Билова[3] подтвердило справедливые слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе; казаки съ угрозами роптали; устрашенные жители говорили о сдачѣ города. Схваченъ былъ зачинщикъ смятенія, отставной сержантъ,[4] подосланный

Пугачевымъ. Въ допросѣ онъ показалъ, что имѣлъ намѣреніе заколоть губернатора. Въ селеніяхъ около Оренбурга начали показываться возмутители. Рейнсдорпъ обнародовалъ объявленіе о Пугачевѣ, въ коемъ объяснялъ его настоящее званіе и прежнія преступленія.[5] Оно было писано темнымъ и запутаннымъ слогомъ. Въ немъ было сказано, что о злодѣйствующемъ съ яицкой стороны носится слухъ, якобы онъ другова состоянія, нежели какъ есть; но что онъ въ самомъ дѣлѣ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, за прежнія преступленія наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ. Сіе показаніе было несправедливо.[6] Рейнсдорпъ повѣрилъ ложному слуху и мятежники потомъ торжествовали, укоряя его въ клеветѣ.[7]

Казалось, всѣ мѣры, предпринимаемыя Рейнсдорпомъ, обращались ему во вредъ. Въ оренбургскомъ острогѣ содержался тогда въ оковахъ злодѣй, извѣстный подъ именемъ Хлопуши. Двадцать лѣтъ разбойничалъ онъ въ тамошнихъ краяхъ; три раза ссылаемъ былъ въ Сибирь и три раза находилъ способъ уходить. Рейнсдорпъ вздумалъ[8] употребить смышленаго каторжника, и черезъ него переслать въ шайку пугачевскую увѣщевательные манифесты. Хлопуша клялся въ точности исполнить его препорученія. Онъ былъ освобожденъ, явился прямо къ Пугачеву и вручилъ ему самому всѣ губернаторскія бумаги. «Знаю, братецъ, что тутъ написано», сказалъ безграмотный Пугачевъ, и подарилъ ему полтину денегъ и платье недавно повѣшеннаго киргизца. Хорошо зная край, на который такъ долго наводилъ ужасъ своими разбоями, Хлопуша сдѣлался ему необходимъ. Пуга-

чевъ наименовалъ его полковникомъ и поручилъ ему грабежъ и возмущеніе заводовъ. Хлопуша оправдалъ его довѣренность. Онъ пошелъ по рѣкѣ Сакмарѣ, возмущая окрестныя селенія; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристаняхъ, и на Уральскихъ заводахъ, и переслалъ оттолѣ Пугачеву пушки, ядра и порохъ, умножа свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоевъ.

5 октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся впередъ и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну батерею на паперти церкви у самаго предмѣстія, а другую въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. Онъ отступилъ, отбитый сильною пальбою. Въ тотъ же день, по приказанію губернатора, предмѣстіе было выжжено. Уцѣлѣла одна только изба и Георгіевская церковъ. Жители переведены были въ городъ, и имъ обѣщано вознагражденіе за весь убытокъ. Начали очищать ровъ, окружающій городъ, а валъ обносить рогатками.

Ночью около всего города запылали скирды заготовленнаго на зиму сѣна. Губернаторъ не успѣлъ перевезти оное въ городъ. Противу зажигателей (уже на другой день утромъ) выступилъ маіоръ Наумовъ (только что прибывшій изъ Яицкаго городка). Съ нимъ было тысяча пятьсотъ человѣкъ конницы и пѣхоты. Встрѣченный пушками, онъ перестрѣливался и отступилъ безъ всякаго успѣха. Его солдаты робѣли, а казакамъ онъ не довѣрялъ.

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ и гражданскихъ своихъ чиновниковъ и требовалъ

отъ нихъ письменнаго мнѣнія: выступить ли еще противъ злодѣя или подъ защитой городскихъ укрѣпленій ожидать прибытія новыхъ войскъ? На семъ совѣтѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ-Милюковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достойное военнаго человѣка: идти противу бунтовщиковъ. Прочіе боялись новою неудачею привести жителей въ опасное уныніе и только думали защищаться. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ.

8 октября мятежники выѣхали грабить Мѣновой Дворъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ города[9]. Высланный противу нихъ отрядъ прогналъ ихъ, убивъ на мѣстѣ двѣсти человѣкъ и захвативъ до ста шестнадцати. Рейнсдорпъ, желая воспользоваться симъ случаемъ, нѣсколько ободрившимъ его войско, хотѣлъ на другой день выступить противъ Пугачева; но всѣ начальники единогласно донесли ему, что на войско никакимъ образомъ положиться было невозможно: солдаты, приведенные въ уныніе и недоумѣніе, сражались неохотно, а казаки на самомъ мѣстѣ сраженія могли соединиться съ мятежниками, и слѣдствія ихъ измѣны были бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорпъ не зналъ что дѣлать.[10] Онъ кое-какъ успѣлъ однакожъ уговорить и усовѣстить своихъ подчиненныхъ и 12 октября Наумовъ вывелъ опять изъ города свое ненадежное войско.

Сраженіе завязалось. Артиллерія Пугачева была превосходнѣе числомъ вывезенной изъ города. Оренбургскіе казаки, съ непривычки, робѣли ядеръ и жались къ городу подъ прикрытіе пушекъ, разставленныхъ по валу. Отрядъ Наумова былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными тол-

пами. Онъ выстроился въ каре и началъ отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Сраженіе продолжалось четыре часа. Наумовъ убитыми, ранеными и бѣжавшими потерялъ сто семнадцать человѣкъ.

Не проходило дня безъ перестрѣлокъ. Мятежники толпами разъѣзжали около городскаго вала и нападали на фуражировъ. Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми своими силами. Но онъ не имѣлъ намѣренія взять его приступомъ. «Не стану тратить людей», говорилъ онъ сакмарскимъ казакамъ; «а выморю городъ моромъ.» Не разъ находилъ онъ способъ доставлять возмутительные свои листы. Схватили въ городѣ нѣсколько злодѣевъ, посланныхъ отъ самозванца: у нихъ находили порохъ и фитили.

Вскорѣ въ Оренбургѣ оказался недостатокъ въ сѣнѣ. У войска и у жителей худыя и къ работѣ неспособныя лошади были отобраны, и отправлены частію къ Илецкой Защитѣ и къ Верхо-Яицкой крѣпости, частію въ Уфимскій уѣздъ. Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города лошади были захвачены бунтующими крестьянами и татарами; а казаки, гнавшіе табунъ, отосланы къ Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранѣе обыкновеннаго. Съ 14-го октября начались уже морозы; 16-го выпалъ снѣгъ; 18-го Пугачевъ, зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Яика къ Сакмарѣ и расположился подъ Бердскою[11] слободою, близъ лѣтней сакмарской дороги, въ семи верстахъ отъ Оренбурга. Оттолѣ разъѣзды его не преставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ во всегдашнемъ опасеніи.

2-го ноября Пугачевъ, со всѣми силами, подступилъ опять къ Оренбургу, и поставя около всего

города батареи, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны отвѣчали ему тѣмъ же. Между тѣмъ человѣкъ тысяча изъ его пѣхоты, со стороны рѣки закравшись въ погреба выжженнаго предмѣстія, почти у самаго вала и рогатокъ, стрѣляли изъ ружей и сайдаковъ. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ. Егери полевой команды выгнали ихъ изъ предмѣстія. Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. Вечеромъ огонь утихъ; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часовъ соборной церкви, дѣлая по выстрѣлу на каждый часъ.

На другой день огонь возобновился, не смотря на стужу и метель. Мятежники въ церкви разложили огонь, истопили избу, уцѣлѣвшую въ выжженномъ предмѣстіи, и грѣлись поперемѣнно. Пугачевъ поставилъ пушку на паперти, а другую велѣлъ втащить на колокольню. Въ верстѣ отъ города находилась высокая мишень, служившая цѣлью во время артиллерійскихъ ученій. Мятежники устроили тамъ свою главную батарею. Обоюдная пальба продолжалась цѣлый день. Ночью Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ.[12] Утромъ изъ города высланы были невольники, подъ прикрытіемъ казаковъ, срыть мишенъ и другія укрѣпленія, а избу разломать. Въ церкви, куда мятежники приносили своихъ раненыхъ, видны были на помостѣ кровавыя лужи. Оклады съ иконъ были ободраны, напрестольное одѣяніе въ лоскутьяхъ....

Стужа усилилась. 6-го ноября Пугачевъ съ яицкими казаками перешелъ изъ своего новаго лагеря въ самую слободу. Башкирцы, калмыки и заводскіе крестьяне остались на прежнемъ мѣстѣ

въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ. Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались. Съ каждымъ днемъ силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ онаго были яицкіе казаки и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; но около ихъ скоплялось неимовѣрное множество татаръ, башкирцевъ, калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена: кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла никакого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пяти-сотъ человѣкъ. Жалованье получали одни яицкіе казаки, прочіе довольствовались грабежемъ. Вино продавалось отъ казны. Кормъ и лошадей доставали отъ башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частые разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправностію, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія (особенно артиллерійскія) происходили почти всякій день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали государя Петра Ѳеодоровича и Супругу Его Государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ, будучи раскольникомъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару или по бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кла-

нялись въ землю и, перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣлянныхъ, удавленныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности. Смѣльчаки подъѣзжали къ рогаткамъ оренбургскимъ; иные, наткнувъ шапку на копье, кричали: господа казаки! пора вамъ одуматься и служить государю Петру Ѳедоровичу. Другіе требовали, чтобы имъ выдали Мартюшку Бородина (войсковаго старшину, прибывшаго въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка вмѣстѣ съ отрядомъ Наумова), и звали казаковъ къ себѣ въ гости, говоря: у нашего батюшки вина много! Изъ города противу нихъ выѣзжали наѣздники и завязывались перестрѣлки, иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ, пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ — и едва не попалъ въ плѣнъ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ узтцы.[13]

Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями прошлеца, не имѣвшаго другаго достоинства, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали

ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ; но наединѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однѣхъ рубахахъ и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. Улица моя тѣсна, говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына.[14] Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ въ писаря сержанта Кармицкаго, простивъ его подъ самой висѣлицей. Кармицкій сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки при взятіи Татищевой удавили его и бросили съ камнемъ на шеѣ въ воду. Пугачевъ о немъ освѣдомился. Онъ пошелъ, отвѣчали ему, къ своей матушкѣ внизъ по Яику. Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подъ Оренбургомъ. Она одна имѣла право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ — похоронить тѣла имъ повѣшенныхъ при взятіи крѣпости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣляны. Раненые, они сползлись другъ съ другомъ и обнялись. Тѣла ихъ, брошенныя въ кусты, оставались долго въ томъ же положеніи.

Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ (онъ же и Чика), съ самаго начала бунта сподвижникъ и пестунъ Пугачева. Онъ именовался

фельдмаршаломъ и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика — графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ — графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ — графомъ Панинымъ, Чумаковъ — графомъ Орловымъ.[15] Отставной артиллерійскій капралъ Бѣлобородовъ пользовался полною довѣренностію самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгій порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся въ Петербургѣ по дѣламъ яицкаго войска, обѣщался правительству привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія, но пріѣхавъ въ Берду, оказался изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша изъ-подъ кнута, клейменый рукою палача, съ ноздрями вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза.[16] Вотъ какіе люди колебали государствомъ!

Каръ, между тѣмъ, прибылъ на границу Оренбургской губерніи. Казанскій губернаторъ, еще до пріѣзда его, успѣлъ собрать нѣсколько сотъ гарнизонныхъ, отставныхъ и поселенныхъ солдатъ и расположить ихъ частію около Кичуевскаго фельдшанца, частію по рѣкѣ Черемшану на половинѣ дороги отъ Кичуева до Ставрополя. На Волгѣ находились человѣкъ тридцать рядовыхъ при одномъ

офицерѣ для поимки разбойниковъ: имъ велѣно было примѣчать за движеніями бунтовщиковъ. Брантъ писалъ въ Москву къ генералъ-аншефу князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ, а томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, содержалъ караулы на заставахъ, учрежденныхъ въ 1771 году во время свирѣпствовавшей чумы. Князъ Волконскій могъ отрядить только триста рядовыхъ при одной пушкѣ и тотчасъ послалъ ихъ на подводахъ въ Казань.

Каръ предписалъ симбирскому коменданту, полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линіи къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву. Онъ былъ намѣренъ, тотчасъ по прибытіи генералъ-маіора Фреймана, находившагося въ Калугѣ для пріема рекрутъ, послать его на подкрѣпленіе Чернышеву. Каръ не сомнѣвался въ успѣхѣ. «Опасаюсь только», писалъ онъ графу З. Г. Чернышеву, «чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, отколь они появились.» Онъ предвидѣлъ затрудненія только въ преслѣдованіи Пугачева по причинѣ зимы и недостатка въ конницѣ.

Въ началѣ ноября, не дождавшись ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, посланныхъ къ нему изъ Симбирска, ни высланныхъ къ нему изъ Уфы вооруженныхъ башкирцевъ и мещеряковъ, онъ сталъ подаваться впередъ. На дорогѣ, въ ста верстахъ отъ Оренбурга, онъ узналъ, что отряженный отъ Пугачева ссыльный разбойникъ Хлопуша, выливъ пушки на Овзяно-Петровскомъ[17] заводѣ и возмутивъ приписныхъ крестьянъ и окрестныхъ

башкирцевъ, возвращается подъ Оренбургъ. Каръ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу, и 7-го ноября послалъ секундъ-маіора Шишкина съ четырьмя стами рядовыхъ и двумя пушками въ деревню Юзееву,[18] а самъ съ генераломъ Фрейманомъ и премiеръ-маіоромъ Ф. Варнстедомъ, только что подоспѣвшимъ изъ Калуги, выступилъ изъ Сарманаевой. Шишкинъ былъ встрѣченъ подъ самой Юзеевой шестью стами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшіе при немъ, тотчасъ передались. Шишкинъ однако разсѣялъ сію толпу нѣсколькими выстрѣлами. Онъ занялъ деревню, куда Каръ и Фрейманъ и прибыли въ четвертомъ часу ночи. Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъѣзды. Генералы рѣшились ожидать свѣта, чтобъ напасть на бунтовщиковъ, и на зарѣ увидѣли передъ собой ту же толпу. Мятежникамъ передали увѣщевательный манифестъ; они его приняли, но отъѣхали съ бранью, говоря, что ихъ манифесты правѣе, и начали стрѣлять изъ бывшей у нихъ пушки. Ихъ разогнали опять.... Въ это время Каръ услышалъ у себя въ тылу четыре дальнихъ пушечныхъ выстрѣла. Онъ испугался и поспѣшно началъ отступать, полагая себя отрѣзаннымъ отъ Казани. Тутъ болѣе двухъ тысячъ мятежниковъ наскакали со всѣхъ сторонъ и открыли огонь изъ девяти орудій. Пугачевъ самъ ими предводительствовалъ. Хлопуша успѣлъ съ нимъ соединиться. Разсыпавшись по полямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, они были внѣ всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имѣя добрыхъ лошадей, при наступленіи пѣхоты отдалялись, проворно перевозя свои пушки съ одной горы

на другую, и такимъ образомъ семнадцать верстъ сопровождали отступающаго Кара. Онъ цѣлыхъ восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе ста двадцати человѣкъ убитыми, ранеными и бѣжавшими. Башкирцы, ожидаемые изъ Уфы, не бывали; находившіеся въ недальнемъ разстояніи, подъ начальствомъ князя Уракова, бѣжали, заслыша пальбу. Солдаты, по большей части престарѣлые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшіе въ огнѣ, не умѣли ихъ ободрить. Гренадеры, отправленные на подводахъ изъ Симбирска при поручикѣ Карташовѣ, ѣхали съ такой оплошностью, что даже ружья не были у нихъ заряжены, и каждый спалъ въ своихъ саняхъ. Они сдались съ четырехъ первыхъ выстрѣловъ, услышанныхъ Каромъ поутру изъ деревни Юзеевой.

Каръ потерялъ вдругъ свою самонадѣянность. Съ донесеніемъ о своемъ уронѣ, онъ представилъ военной коллегіи, что для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а цѣлые полки, надежная конница и сильная артиллерія. Онъ немедленно послалъ повелѣніе полковнику Чернышеву не выступать изъ Переволоцкой и стараться въ ней укрѣпиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Но посланный къ Чернышеву не могъ уже его догнать.

11-го ноября Чернышевъ выступилъ изъ Переволоцкой и 13-го въ ночь прибылъ въ Чернорѣченскую. Тутъ онъ получилъ отъ двухъ илецкихъ казаковъ, приведенныхъ самарскимъ атаманомъ, извѣстіе о разбитіи Кара и о взятіи ста семидесяти гренадеръ. Въ истинѣ послѣдняго показанія Чер-

нышевъ не могъ усомниться; гренадеры были отправлены имъ самимъ изъ Симбирска, гдѣ они находились при отводѣ рекрутъ. Онъ не зналъ на что рѣшиться: отступить ли къ Переволоцкой, или спѣшить къ Оренбургу, куда наканунѣ отправилъ онъ донесеніе о своемъ приближеніи. Въ сіе время явились къ нему пять казаковъ и одинъ солдатъ, которые, какъ увѣряли, бѣжали изъ пугачевскаго стана. Между ними находился казацкій сотникъ и депутатъ[19] Падуровъ. Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердіи, представя въ доказательство свою депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно идти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. Чернышевъ ему повѣрилъ и въ тотъ же часъ, безъ барабаннаго боя, выступилъ изъ Чернорѣченской. Падуровъ велъ его горами, увѣряя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на разсвѣтѣ они его и увидятъ, то опасность уже минуется и онъ безпрепятственно успѣетъ вступить въ Оренбургъ. Утромъ Чернышевъ пришелъ къ Сакмарѣ, и при урочищѣ Маякѣ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, началъ переправляться по льду. Съ нимъ было тысяча пятьсотъ солдатъ и казаковъ, пятьсотъ калмыковъ и двѣнадцать пушекъ. Капитанъ Ружевскій переправился первый съ артиллеріей и легкимъ войскомъ; онъ тотчасъ, взявъ съ собою трехъ казаковъ, отправился въ Оренбургъ и явился къ губернатору съ извѣстіемъ о прибытіи Чернышева. — Въ самое сіе время въ Оренбургѣ услышали пушечную пальбу, которая черезъ четверть часа и умолкла... Нѣсколько времени спустя, Рейнсдорпъ получилъ извѣстіе, что весь отрядъ Чернышева взятъ и ведется въ лагерь Пугачева.

Чернышевъ былъ обманутъ Падуровымъ, который привелъ его прямо къ Пугачеву. Мятежники вдругъ на него бросились и овладѣли артиллеріей. Казаки и калмыки измѣнили. Пѣхота, утомленная стужею, голодомъ и ночнымъ переходомъ, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева, тридцать шесть офицеровъ, одну прапорщицу и калмыцкаго полковника,[20] оставшагося вѣрнымъ своему несчастному начальнику.

Въ то же самое время бригадиръ Корфъ вступилъ въ Оренбургъ съ двумя тысячами четырьмя стами человѣкъ войска и съ двадцатью орудіями. Пугачевъ напалъ и на него, но былъ отраженъ городскими казаками.

Оренбургское начальство казалось обезумленнымъ отъ ужаса. 14-го ноября Рейнсдорпъ, не подавъ наканунѣ никакой помощи отряду несчастнаго Чернышева, вздумалъ сдѣлать сильную вылазку. Все войско, бывшее въ городѣ (включая тутъ же и вновь прибывшій отрядъ), было выведено въ поле подъ предводительствомъ оберъ-коменданта. Бунтовщики, вѣрные своей системѣ, сражались издали и вразсыпную, производя безпрестанный огонь изъ многочисленныхъ своихъ орудій. Изнуренная городская конница не могла имѣть и надежды на успѣхъ. Валленштернъ принужденъ былъ составить каре и отступить, потерявъ тридцать два человѣка.[21] Въ тотъ же день маіоръ Варнстедъ, отряженный Каромъ на ново-московскую дорогу, встрѣченъ былъ сильнымъ отрядомъ Пугачева и поспѣшно отступилъ, потерявъ до двухъ сотъ человѣкъ убитыми.

Получивъ извѣстіе о взятіи Чернышева, Каръ

совершенно упалъ духомъ и думалъ уже не о по
бѣдѣ надъ презрѣннымъ бунтовщикомъ, но о со
ственной безопасности. Онъ донесъ обо всем
военной коллегіи, самовольно отказался отъ н
чальства подъ предлогомъ болѣзни, далъ нѣсколы
умныхъ совѣтовъ насчетъ образа дѣйствія пр
тиву Пугачева, и оставя свое войско на попечен
Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе е
произвело общій ропотъ. Императрица строги
указомъ повелѣла его исключить изъ службы
Съ того времени жилъ онъ въ своей деревнѣ, гдѣ
умеръ въ началѣ царствованія Императора Ал
ксандра.

Императрица видѣла необходимость взять сил
ныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она иска
надежнаго военачальника и выбрала генера
аншефа Бибикова. — Александръ Ильичъ Би
ковъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшы
лицъ Екатерининскихъ временъ, столь богаты
людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣта
онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны
гражданственности. Онъ служилъ съ честью
семилѣтнюю войну и обратилъ на себя внима
Фридриха Великаго. Важныя препорученія бы
на него возлагаемы: въ 1763 году посланъ онъ бы
въ Казань для усмиренія взбунтовавшихся зав
скихъ крестьянъ. Твердостію и благоразумн
кротостію вскорѣ возстановилъ онъ порядокъ.
1766 году, когда составлялась комиссія Нов
Уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костр
на выборахъ, самъ былъ избранъ депутатомъ и
томъ назначенъ въ предводители всего собра
Въ 1771 году онъ назначенъ былъ, на мѣсто генера
поручика Веймарна, главнокомандующимъ въ По

у, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ не только строить упущенныя дѣла, но и пріобрѣсти любовь довѣренность побѣжденныхъ.

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ етербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство адъ завоеванною Польшею генералъ-поручику Роаніусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію служить ри графѣ Румянцовѣ. Бибиковъ былъ холодно ринятъ Императрицею, дотолѣ всегда къ нему блаосклонною. Можетъ быть, она была недовольна скромными словами, вынужденными у него досаю; ибо, усердный на дѣлѣ и душою преданный сударынѣ, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ оихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла нему на придворномъ балѣ съ прежнею ласковою лыбкой, и милостиво съ нимъ разговаривая, бъявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ вѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу отеству и тутъ же привелъ слова простонародной сни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя многоудную должность, и 9-го декабря отправился изъ тербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ нашелъ старую олицу въ страхѣ и унынiи. Жители, недавніе идѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданіи ваго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ скву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачемъ или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопья, навезенные, распускали по площадямъ вѣсти

о вольности и объ истребленіи господъ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова съ восторгомъ, доказывающимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дѣйствія мятежниковъ. Маіоръ Заевъ. Взятіе Ильинской крѣпости. Смерть Камешкова и Воронова. Состояніе Оренбурга. Осада Яицкаго городка. Сраженіе подъ Бердою. Бибиковъ въ Казани. Екатерина II, помѣщица казанская. Мнѣніе Европы. Вольтеръ. Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева.

Разбитіе Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачныя вылазки Валленштерна и Корфа увеличили въ мятежникахъ дерзость и самонадѣянность. Они кинулись во всѣ стороны, разоряя селенія, города, возмущая народъ, и нигдѣ не находили сопротивленія. Торновъ съ шестью стами человѣкъ взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область. Чика, между тѣмъ, подступилъ подъ Уфу съ десяти-тысячнымъ отрядомъ и осадилъ ее въ концѣ ноября. Городъ не имѣлъ укрѣпленій, подобныхъ оренбургскимъ; однакожъ комендантъ Мясоѣдовъ и дворяне, искавшіе въ немъ убѣжища, рѣшились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильныя нападенія, остановился въ селѣ Чесноковкѣ, въ десяти верстахъ отъ Уфы, взбунтовалъ окрестныя деревни, большею частію башкирскія, и отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія. Ульяновъ, Давыдовъ и Бѣлобородовъ дѣйствовали между Уфою и Казанью. Между тѣмъ Пугачевъ послалъ Хлопушу съ пятью стами человѣкъ и шестью пуш

ками взять крѣпость Ильинскую и Верхне-Озерную, къ востоку отъ Оренбурга. Для защиты сей стороны отряженъ былъ сибирскимъ губернаторомъ Чичеринымъ генералъ-поручикъ Декалонгъ и генералъ-маіоръ Станиславскій.[1] Первый прикрывалъ границы сибирскія; послѣдній находился въ Орской[2] крѣпости, дѣйствуя нерѣшительно, теряя бодрость при малѣйшей опасности и подъ различными предлогами отказываясь отъ исполненія своего долга.

Хлопуша взялъ Ильинскую, на приступѣ заколовъ коменданта, поручика Лопатина, но пощадилъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ пошелъ на Верхне-Озерную. Комендантъ подполковникъ Демаринъ отразилъ его нападеніе. Узнавъ о томъ, Пугачевъ самъ поспѣшилъ на помощь Хлопуши, и соединясь съ нимъ 25-го ноября утромъ, подступилъ тотъ же часъ къ крѣпости. Цѣлый день пальба не умолкала. Нѣсколько разъ мятежники спѣшась ударяли въ копья, но всегда были опрокинуты. Вечеромъ Пугачевъ отступилъ въ башкирскую деревню, за двѣнадцать верстъ отъ Верхне-Озерной. Тутъ узналъ онъ, что съ Сибирской линіи идутъ къ Ильинской три роты, отряженныя генералъ-маіоромъ Станиславскимъ. Онъ пошелъ пересѣчь имъ дорогу.

Маіоръ Заевъ, начальствовавшій симъ отрядомъ, успѣлъ однако занять Ильинскую (27-го ноября). Крѣпость, оставленная Хлопушею, не была имъ сожжена. Жители не были выведены. Между ними находилось нѣсколько плѣнныхъ конфедератовъ. Стѣны и нѣкоторыя избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сержанта и раненаго офицера. Анбаръ былъ отворенъ. Нѣсколько

четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. Одн
пушка брошена была въ воротахъ. Заевъ наскор
сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ п
тремъ бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отряд
(на четвертый недостало); также учредилъ караул
и разъѣзды и сталъ ожидать непріятеля.

На другой день въ сумерки Пугачевъ явилс
передъ крѣпостью. Мятежники приблизились,
разъѣзжая около нея, кричали часовымъ: «не стр
ляйте и выходите вонъ: здѣсь Государь.» По них
выстрѣлили изъ пушки. Убило ядромъ одну л
шадь. Мятежники скрылись и чрезъ часъ показ
лись изъ-за горы, скача вразсыпную, подъ предв
дительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пу
ками. Солдаты и плѣнные поляки (особливо посл
дніе) съ жаромъ просились на вылазку; но Заев
не согласился, опасаясь отъ нихъ измѣны. «Ост
вайтесь здѣсь и защищайтесь» — сказалъ онъ и
— «а я отъ генерала выходить на вылазку повелѣн
не имѣю.»

29-го Пугачевъ подступилъ опять, везя двѣ пуш
на саняхъ и передъ ними подвигая нѣсколько и
зовъ сѣна. Онъ кинулся къ бастіону, на которо
не было пушки. Заевъ поспѣшилъ поставить тав
двѣ; но прежде нежели успѣли ихъ перетащи
мятежники разбили ядрами деревянный бастіо
спѣшась, бросились и доломали его, и съ обы
нымъ воплемъ ворвались въ крѣпость. Солда
разстроились и побѣжали. Заевъ, почти всѣ оф
церы и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальны
погнали въ ближнюю татарскую деревню. Плѣнны
солдаты приведены были противъ заряженн
пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ плат
пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. Т

появленіи солдаты поставлены были на колѣна. ь сказалъ имъ: «Прощаетъ васъ Богъ и я, шъ Государь Петръ III, Императоръ. Встайте!» Потомъ велѣлъ оборотить пушки и выпать въ степь. Ему представили капитана Камешва и прапорщика Воронова. Исторія должна хранить сіи смиренныя имена. «Зачѣмъ вы и на меня, на вашего Государя?» спросилъ побѣдитель. — «Ты намъ не Государь», отвѣчали плѣнники: «у насъ въ Россіи Государыня императрица Екатерина Алексѣевна и Государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты воръ и самозванецъ.» Они тутъ же были повѣшены. — Потомъ привели капитана Башарина. Пугачевъ, не сказавъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его, но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. «Коли онъ былъ до васъ добръ, сказалъ самозванецъ, то я его прощаю.» И велѣлъ его, какъ и солдатъ, остричь по-казацки, а раненыхъ отвести въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ его отрядѣ, были приняты мятежниками какъ товарищи. На вопросъ, зачѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ.

Отъ Ильинской Пугачевъ опять обратился къ Сухне-Озерной. Ему непремѣнно хотѣлось ее взять, тѣмъ болѣе, что въ ней находилась жена комендира Корфа. Онъ грозился ее повѣсить, злобясь на ея мужа, который думалъ обмануть его ложными переговорами.[3]

30-го ноября онъ снова окружилъ крѣпость и цѣлый день стрѣлялъ по ней изъ пушекъ, покушаясь на приступъ то съ той, то съ другой стороны. Башаринъ, для ободренія своихъ, цѣлый день стоялъ

на валу, самъ заряжая пушку. Пугачевъ отступил
и хотѣлъ идти противу Станиславскаго, но п
рехвативъ оренбургскую почту, раздумалъ и во
вратился въ Бердскую слободу.

Во время его отсутствія, Рейнсдорпъ хотѣл
сдѣлать вылазку, и 30-го, ночью войско выступил
было изъ города; но лошади, изнуренныя безко
мицей, падали и дохли подъ тяжестью артиллері
а нѣсколько казаковъ бѣжало. Валленштернъ пр
нужденъ былъ возвратиться.

Въ Оренбургѣ начиналъ оказываться недост
токъ въ съѣстныхъ припасахъ. Рейнсдорпъ треб
валъ оныхъ отъ Декалонга и Станиславскаго. О
отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибыт
новаго войска и не получалъ о немъ никакого и
вѣстія, будучи отрѣзанъ отовсюду, кромѣ Сибири
Киргизъ-кайсацкихъ степей. Для поимки языка в
сылалъ онъ иногда до тысячи человѣкъ, и то н
рѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Т
машева, разставить капканы около вала, и ка
волковъ ловить мятежниковъ, разъѣзжающихъ н
чью близъ города. Сами осажденные смѣялись на
сею военною хитростію, хотя имъ было не до смѣх
а Падуровъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, язвител
но упрекалъ губернатора его неудачной выдумко
предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя пок
риться самозванцу.[4]

Яицкой городокъ, сіе первое гнѣздо бунта, дол
не выходилъ изъ повиновенія, устрашенный во
скомъ Симонова. Наконецъ частыя пересылки
бунтовщиками и ложные слухи о взятіи Оренбур
ободрили приверженцевъ Пугачева. Казаки, отр
жаемые Симоновымъ изъ города для содержан
карауловъ или для поимки возмутителей, подсыла

мыхъ изъ Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновеніе, освобождать схваченныхъ бунтовщиковъ, вязать вѣрныхъ старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Разнесся слухъ о приближеніи мятежническаго отряда. Въ ночь съ 29-го на 30-е декабря старшина Мостовщиковъ выступилъ противу него. Чрезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Смятеніе въ городѣ было велико. Симоновъ оробѣлъ; къ счастію, въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. 31-го декабря отрядъ мятежниковъ, подъ предводительствомъ Толкачева, вошелъ въ городъ. Жители приняли его съ восторгомъ и тутъ же, вооружась чѣмъ ни попало, съ нимъ соединились, бросились къ крѣпости изо всѣхъ переулковъ, засѣли въ высокія избы и начали стрѣлять изъ окошекъ. Выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками. Въ крѣпости падали не только люди, стоящіе на виду, но и тѣ, которые на минуту приподымались изъ-за заплотовъ. — Мятежники, безопасные въ десяти саженяхъ отъ крѣпости и большею частію гулебщики (охотники), попадали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли осажденные. Симоновъ и Крыловъ хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но бомбы падали въ снѣгъ и угасали или отчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь

ближайшій дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро распространился. Мятежники выбѣжали; изъ крѣпости начали по нимъ стрѣлять изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и послушныхъ, довольное количество пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ. Мятежники осадили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущіе къ ней улицы и переулки; за строеніями взвели до шестнадцати батарей; въ избахъ, подверженныхъ выстрѣламъ, подѣлали двойныя стѣны, засыпавъ промежутокъ землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить непріятеля, очищая площадь и нападая на укрѣпленныя избы. Сіи опасныя вылазки производились ежедневно, иногда два раза въ день, и всегда съ успѣхомъ: солдаты были остервенены, а послушные не могли ожидать пощады отъ мятежниковъ.

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу, и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть ихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался (и то самымъ тайнымъ образомъ) за двадцать пять рублей. По предложенію Рычкова (академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ), стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи и, мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Произошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.

Въ сей крайности Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ

попробовать счастія оружія и 13-го января всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимняго утра, глубина снѣга и изнуреніе лошадей препятствовали дружному содѣйствію войскъ. Наумовъ первый прибылъ къ назначенному мѣсту. Мятежники увидѣли его, и успѣли сдѣлать свои распоряженія. Валленштернъ, долженствовавшій занять высоты у дороги изъ Берды къ Каргале, былъ предупрежденъ. Корфъ былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; толпы мятежниковъ начали заѣзжать въ тылъ обѣимъ колоннамъ. Казаки, оставленные въ резервѣ, бѣжали отъ нихъ, и прискакавъ къ колоннѣ Валленштерна, произвели общій безпорядокъ. Онъ очутился между трехъ огней; отрядъ его смѣшался. Валленштернъ отступилъ; Корфъ ему послѣдовалъ; Наумовъ, сначала дѣйствовавшій довольно удачно, страшась быть отрѣзаннымъ, кинулся за ними. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга, потерявъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными и оставя пятнадцать орудій въ рукахъ разбойниковъ. Послѣ сей неудачи Рейнсдорпъ уже не осмѣливался дѣйствовать наступательно, и подъ защитою стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія.

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25-го декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни губернатора, ни главныхъ чиновниковъ. Большая часть дворянъ и купцовъ бѣжали въ губерніи еще безопасныя. Брантъ былъ въ Козмодемьянскѣ. Пріѣздъ Бибикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1-го января 1774 года, послѣ молебствія и слова, говореннаго казанскимъ архіереемъ Веніа-

миномъ, Бибиковъ собралъ у себя дворянство, и произнесъ умную и сильную рѣчь, въ которой изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія правительства о пресѣченіи онаго, обратился къ сословію, которое вмѣстѣ съ правительствомъ обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ отечеству и вѣрности къ престолу. Рѣчь сія произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъ же положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухъ сотъ душъ одного рекрута. Генералъ-маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибикова, былъ избранъ въ начальники легіона. Дворянство симбирское, свіяжское и пензенское послѣдовало сему примѣру: были составлены еще два конныхъ отряда и поручены начальству маіоровъ Гладкова, и Чемесова и капитана Матюнина. Казанскій магистратъ также вооружилъ на свое иждивеніе одинъ эскадронъ гусаръ.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя себя казанскою помѣщицею, вызывалась принять участіе въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій предводитель Макаровъ отвѣчалъ Императрицѣ рѣчью, сочиненною гвардіи поручикомъ Державинымъ, находившимся тогда при главнокомандующемъ.[5]

Бибиковъ, стараясь ободрить окружавшихъ его жителей и подчиненныхъ, казался равнодушнымъ и веселымъ; но безпокойство, досада и нетерпѣніе терзали его. Въ письмахъ къ графу Чернышеву, фонъ-Визину и своимъ родственникамъ, онъ живо изображаетъ затруднительность своего положенія

30-го декабря, писалъ онъ своей женѣ: «Навѣдавшись о всѣхъ обстоятелствахъ, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать, буде бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская; дѣлаю все возможное и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ Своею милостію. Правда, поздненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталіонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы, сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургской пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Со всѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать, что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ губернаторъ Брантъ такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перепакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ я здоровъ, только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ молитвахъ, а праведную Евпраксію[6] нерѣдко поминаю. Ухъ! дурно.»

Въ самомъ дѣлѣ положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе башкирцевъ, калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю, отвсюду пресѣкало сообщеніе. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя башкирца съ сайдакомъ или заводскаго мужика съ дубиной.[7] Зима

усугубила затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ.[8] Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами.[9] Селенія были пусты; главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ; заводы разграблены и выжжены; чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя изо всѣхъ концовъ государства, подвигались медленно. Зло, ничѣмъ не прегражденное, разливалось быстро и широко. Отъ Илецкаго городка до Гурьева яицкіе казаки бунтовали. Губерніи казанская, нижегородская и астраханская[10] были наполнены шайками разбойниковъ, пламя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Перми начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности; киргизъ-кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую границу, грабить хутора, отгонять скотъ, захватывать жителей.[11] Закубанскіе народы шевелились, возбуждаемые Турціею; даже нѣкоторыя изъ европейскихъ державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ коемъ находилась тогда Россія.[12]

Виновникъ сего ужаснаго смятенія привлекалъ общее вниманіе. Въ Европѣ принимали Пугачева за орудіе турецкой политики. Вольтеръ, тогдашній представитель господствующихъ мнѣній, писалъ Екатеринѣ: C'est apparemment le chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au temps de Demetrius, et telle pièce de théatre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui. Императрица, досадуя на сплетни европейскія, отвѣчала Вольтеру съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe,

ni indirecte avec Mr. de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr. de Pougatschef et Mr. de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie.[13]

Не смотря на свое презрѣніе къ разбойнику, Императрица не упускала ни одного средства образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщевательные манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Сулинъ. Послано въ Черкаскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его безо всякаго оскорбленія отправить въ Казань, для уличенія самозванца въ случаѣ поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова Высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ симъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто, и въ присутствіи духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развѣяли пепелъ на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя навѣки въ запустѣніе, какъ мѣсто проклятое. Начальство, отъ имени всѣхъ зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежникѣ славой имени новаго, уже любезнаго Ей и отечеству. Жена Пуга-

чева, сынъ и двѣ дочери (всѣ трое малолѣтные) были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй арміи. Между тѣмъ отобраны слѣдующія подробныя свѣдѣнія о злодѣѣ, колебавшемъ государство.[14]

Емельянъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служилый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отъ-роду, росту средняго, смуглъ и худощавъ; волосы имѣлъ темнорусые, бороду черную, небольшую и клиномъ. Верхній зубъ былъ вышибенъ еще въ ребячествѣ въ кулачномъ бою. На лѣвомъ вискѣ имѣлъ онъ бѣлое пятно, а на обѣихъ грудяхъ знаки, оставшіеся послѣ болѣзни, называемой черною немочью.[15] Онъ не зналъ грамотѣ и крестился по-раскольничьи. Лѣтъ тому десять женился онъ на казачкѣ Софьѣ Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятеро дѣтей. Въ 1770 году былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи Бендеръ, и черезъ годъ отпущенъ на Донъ, по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излеченія въ Черкаскъ. По его возвращеніи на родину, зимовейскій атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой. Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ; но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили и послали его взять тому письменное свидѣтельство. Пугачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки правительству. Возвратясь въ декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ, но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три

невѣдомо гдѣ; наконецъ, въ великомъ посту, однажды вечеромъ пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его и дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкаскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять, и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самого Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ канцелярію дворцовыхъ дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга скрывался онъ за польской границей въ раскольничьей слободѣ Веткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Яикъ, питаясь милостыней. — Всѣ сіи извѣстія были обнародованы; между тѣмъ правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь. Сія временная полицейская мѣра имѣла силу закона до самаго восшествія на престолъ покойнаго Государя Императора Александра, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ. Донынѣ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Распоряженія Бибикова. Первые успѣхи. Взятіе Самары и Заинска. Державинъ. Михельсонъ. Продолженіе осады Яицкаго городка. Свадьба Пугачева. Разореніе Илецкой Защиты. Смерть Лысова. Сраженіе подъ Татищевой. Бѣгство Пугачева. Казнь Хлопуши. Освобожденіе Оренбурга. Пугачевъ разбитъ вторично. Сраженіе при Чесноковкѣ. Освобожденіе Уфы и Яицкаго городка. Смерть Бибикова.

Наконецъ войска, отовсюду посланныя противу Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего

назначенія. Бибиковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу
Генералъ-маіоръ князь Голицынъ съ своимъ кор
пусомъ долженъ былъ заградить московскую до
рогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генералъ
маіору Мансурову ввѣрено было правое крыло, дл
прикрытія Самарской линіи, куда со своими отря
дами слѣдовалъ маіоръ Муфель и подполковник
Гриневъ. Генералъ-маіоръ Ларіоновъ послан
былъ къ Уфѣ и къ Екатеринбургу, Декалонгъ охра
нялъ Сибирь, и долженъ былъ отрядить маіор
Гагрина съ одною полевою командою для защит
Кунгура. Въ Малыковку посланъ былъ гварді
поручикъ Державинъ для прикрытія Волги съ ст
роны Пензы и Саратова. Успѣхъ оправдалъ сі
распоряженія. Бибиковъ сначала сомнѣвался в
духѣ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ (
Владимірскомъ) оказались было приверженцы Пу
гачева. Начальникамъ городовъ, черезъ которы
полкъ проходилъ, велѣно было разослать по каб
камъ переодѣтыхъ чиновниковъ. Такимъ образом
возмутители были открыты и захвачены. Впослѣ
ствіи Бибиковъ былъ доволенъ своими полкам
«Дѣла мои, Богу благодареніе (писалъ онъ въ ф
вралѣ), идутъ часъ отъ часу лучше: войска подв
гаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны (
Петербургѣ), то я изо всѣхъ писемъ вижу; толы
спросили бы у гуся: не зябнутъ ли ноги?» (Ой
работка! Одинъ Всевышій да будетъ помощник
Однако, работаю и работать буду до положен
ризъ. Твори Богъ волю свою).

Маіоръ Муфель съ одною полевою командою 29-
декабря приближился къ Самарѣ, занятой накану
шайкою бунтовщиковъ, и встрѣченный ими, ра
билъ и гналъ ихъ до самаго города. Тутъ они по

рикрытіемъ городскихъ пушекъ думали сопро-
ивляться. Но драгуны ударили въ палаши и въ-
хали въ городъ, рубя и попирая бѣгущихъ. Въ
амое сіе время въ двухъ верстахъ отъ Самары по-
азались ставропольскіе калмыки,[1] идущіе на по-
ощь бунтовщикамъ. Они побѣжали, увидя выслан-
ую противу нихъ конницу. Городъ былъ очищенъ.
Іесть пушекъ и двѣсти плѣнныхъ достались побѣ-
ителю. Вслѣдъ за Муфелемъ вступили въ Самару
одполковникъ Гриневъ и генералъ-маіоръ Мансу-
овъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ къ
таврополю, для усмиренія калмыковъ; но они раз-
ѣжались, и отрядъ, не видавъ ихъ, возвратился въ
амару.

Полковникъ Бибиковъ, отряженный изъ Казани
ъ четырьмя гренадерскими ротами и однимъ эска-
рономъ гусаръ на подкрѣпленіе генералъ-маіора
Ореймана, стоящаго въ Бугульмѣ безо всякаго
ѣйствія, пошелъ на Заинскъ, косго семидесятилѣт-
ій комендантъ, капитанъ Мертвецовъ принялъ съ
естью шайку разбойниковъ, сдавъ имъ начальство
адъ городомъ. Бунтовщики укрѣпились какъ
мѣли; въ пяти верстахъ отъ города Бибиковъ
слышалъ уже ихъ пушечную пальбу. Рогатки ихъ
ыли сломаны, баттареи взяты, предмѣстія заняты;
се бѣжало. Двадцать пять бунтовавшихъ деревень
ришли въ повиновеніе. Къ Бибикову являлось въ
ень до четырехъ тысячъ раскаявшихся крестьянъ;
мъ выдавали билеты и всѣхъ распускали по до-
амъ.

Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ро-
ами, привелъ въ повиновеніе раскольничьи селе-
я, находящіяся на берегахъ Иргиза, и орды пле-
енъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою.[2] Узнавъ

однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ съ намѣреніемъ идти служить у Пугачева, онъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ, и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обоихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ и сборище разбѣжалось.

Генералъ-маіоръ Ларіоновъ, начальникъ двор рянскаго легіона, отряженный для освобожденія Уфы, не оправдалъ общей довѣренности. «За грѣхи мои (писалъ Бибиковъ) навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу.» Ларіоновъ оставался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность заставила главнокомандующаго послать на его мѣсто нѣкогда раненаго при его глазахъ и уже отличившагося въ войнѣ противу конфедератовъ офицера, подполковника Михельсона.

Князь Голицынъ принялъ начальство надъ войсками Фреймана. 22-го января перешелъ онъ чрезъ Каму. 6-го февраля соединился съ нимъ полковникъ Бибиковъ; Мансуровъ — 10-го. Войско двинулось къ Оренбургу.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ, и мало томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну рядовыхъ и на оплошность начальниковъ. Попадутся сами намъ въ руки, отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали они его на встрѣчу приближающихся отрядовъ. Въ случаѣ я

пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя свою сволочь на произволъ судьбы. Для того держалъ онъ на лучшемъ корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачкѣ. Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. «Ты взбунтовалъ насъ, говорили они, и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирять, какъ усмиряли отцовъ нашихъ.» (Казни 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти).[3] Яицкіе же казаки въ случаѣ неудачи думали предать Пугачева въ руки правительства и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника. Бибиковъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ Фонъ-Визину слѣдующія замѣчательныя строки: «Пугачевъ не что иное, какъ чучело, которымъ играютъ воры, яицкіе казаки: не Пугачевъ важенъ, важно общее негодованіе.»[4]

Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20-го января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ батареею, устроенною при Старицѣ (прежнемъ руслѣ Яика). Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ, и ставя лѣстницы, силились взойти на валъ, но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду при неумолкной пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ подпоручикъ Толстоваловъ, съ пятидесятью охотниками, сдѣлалъ вылазку, очистилъ ровъ и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ-сотъ человѣкъ

и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ.

Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: «помилуй, Государь! дочь наша не Княжна, не Королевна, какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?» Пугачевъ, однако, въ началѣ февраля, женился на Устиньѣ, именовалъ ее Императрицей назначилъ ей штатсъ-дамъ и фрейлинъ изъ яицкихъ казачекъ и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали послѣ Государя Петра Ѳеодоровича супругу его государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева, но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на крѣпость. Осажденные, съ своей стороны, не теряли бодрости. Ихъ пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19-го февраля, ночью, прибѣжалъ изъ города въ крѣпость малолѣтокъ[5], и объявилъ, что съ прошедшаго дня подведенъ подъ колокольню подкопъ, куда и положено двадцать пудовъ пороху, и что Пугачевъ назначалъ того же числа напасть на крѣпость. Извѣтъ показался невѣроятнымъ. Симоновъ полагалъ, что малолѣтокъ былъ подосланъ нарочно

для посѣянія пустаго страха. Осажденные вели контрмину, и не слыхали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шести-ярусную, высокую колокольню. Однако же, какъ подъ нею въ подвалѣ сохранялся весь пороховой запасъ (что могли знать и мятежники), то и поспѣшили оный убрать, разобрали кирпичный полъ, и начали вести контрмину. Гарнизонъ приготовился, ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ подкопъ былъ приведенъ въ дѣйство; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхніе шесть ярусовъ осѣли, подавивъ нѣсколькихъ людей, находившихся близъ колокольни. Камни, не бывъ разметаны, свалились въ груду. Бывшіе же въ самомъ верхнемъ ярусѣ шесть часовыхъ при пушкѣ свалились оттолѣ живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время спавшій, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, какъ уже изъ крѣпости загремѣли пушки; гарнизонъ, стоявшій въ ружьѣ, тотчасъ занялъ развалины колокольни и поставилъ тамъ баттарею. Мятежники, не ожидавшіе таковой встрѣчи, остановились въ недоумѣніи; чрезъ нѣсколько минутъ они подняли свой обычный визгъ; но никто не шелъ впередъ. Напрасно предводители кричали: «на сломъ, на сломъ, атаманы-молодцы!» Приступу не было; визгъ продолжался до зари и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обѣщавшаго имъ, что при взрывѣ колокольни на крѣпость упадетъ каменный градъ и передавитъ весь гарнизонъ.

На другой день Пугачевъ получилъ изъ-подъ Оренбурга извѣстіе о приближеніи князя Голицына,

и поспѣшно уѣхалъ въ Берду, взявъ съ собою пять-сотъ человѣкъ конницы и до полуторы тысячи подводъ. Сія вѣсть дошла и до осажденныхъ. Они предались радости, расчитывая, что помощь приспѣетъ къ нимъ чрезъ двѣ недѣли. Но минута ихъ освобожденія была еще далека.

Во время частыхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуровъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствіемъ, вздумалъ овладѣть Илецкою Защитой[6] (гдѣ добывается каменная соль), и въ концѣ февраля, взявъ съ собой четыреста человѣкъ, напалъ на оную. Защита была взята при помощи тамошнихъ ссыльныхъ работниковъ, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощаженнаго по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ Берду, негодовалъ на своеволіе смѣлаго каторжника, и укорялъ его за разореніе Защиты, какъ за ущербъ государственной казнѣ. Пугачевъ выступилъ противъ князя Голицына съ десятью тысячами отборнаго войска, оставя подъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Наканунѣ велѣлъ онъ тайно задавить одного изъ вѣрныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Нѣсколько дней предъ тѣмъ, они ѣхали вмѣстѣ изъ Каргале въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскакалъ сзади на Пугачева и ударилъ его копьемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади; но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ помирили товарищи, и Пугачевъ пилъ еще съ Лысовымъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Пугачевъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сорочинскую[7], и съ обыкновенною дерзостью, ночью, въ сильный буранъ, напалъ на передовые отряды Голицына, но былъ отраженъ маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ. Въ семъ сраженіи убитъ храбрый Елагинъ. Въ самое сіе время Мансуровъ соединился съ княземъ Голицынымъ. Пугачевъ отступилъ къ Новосергіевской,[8] не успѣвъ сжечь крѣпостей, имъ оставленныхъ. Голицынъ, оставя въ Сорочинской свои запасы подъ прикрытіемъ четырехъ сотъ человѣкъ при осьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далѣе. Пугачевъ сдѣлалъ движеніе на Илецкій городокъ, и вдругъ поворотя къ Татищевой, въ ней засѣлъ и сталъ тамъ укрѣпляться. Голицынъ послалъ было къ Илецкому городку подполковника Бедрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрѣпляемой пѣхотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволоцкую[9] (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного баталіона при подполковникѣ Грековѣ, 22-го марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и выжженная Пугачевымъ, была уже имъ исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены земляными. Распоряженія Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ сначала отрядилъ триста человѣкъ для высмотра непріятеля.[10] Злодѣятежники, притаясь, подпустили ихъ до самой крѣпости и вдругъ сдѣлали сильную вылазку, но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣплявшими первыхъ. Полковникъ Бибиковъ тотъ же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на лыжахъ по глубокому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты.

Голицынъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, стал
приближаться, и открылъ огонь, на который из
крѣпости отвѣчали столь же сильно. Пальба пр
должалась три часа. Голицынъ увидѣлъ, что о
нѣми пушками одолѣть было невозможно, и велѣл
генералу Фрейману съ лѣвою колонною итти
приступъ. Пугачевъ выставилъ противъ него се
пушекъ. Фрейманъ ихъ отнялъ, и бросился на ол
денѣлый валъ. Мятежники защищались отчаянн
но принуждены были уступить силѣ правильна
оружія—и бѣжали во всѣ стороны. Конница, дото
не дѣйствовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣ
дорогамъ. Кровопролитіе было ужасно. Въ одн
крѣпости пало до тысячи трехъ сотъ мятежнико
На пространствѣ двадцати верстъ кругомъ, око
Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицынъ потеря
до четырехъ сотъ убитыми и ранеными, въ то
числѣ болѣе двадцати офицеровъ.[11] Побѣда бы
рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и бол
трехъ тысячъ плѣнныхъ достались побѣдител
Пугачевъ съ шестьюдесятми казаками пробил
сквозь непріятельское войско, и прискакалъ са
пятъ въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о свое
пораженіи. Бунтовщики начали выбираться и
Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза г
моздили заграбленное имущество. Женщины
дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бо
вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства
смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣ
Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслуж
себѣ прощеніе и, задержавъ Пугачева и Хлопуш
послалъ отъ себя къ оренбургскому губернатору
предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и пр
дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣла

тникъ Логиновъ, сопровождавшій бѣгство Пуга-
ва, явился къ Рейнсдорпу съ симъ извѣстіемъ.
дный Рейнсдорпъ не смѣлъ повѣрить своему
астію, и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать
ебуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были
жду тѣмъ освобождены ссылочными, находив-
имися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятью
шками, съ заграбленною добычею и съ двумя
сячами остальной сволочи. Хлопуша прискa-
лъ къ Каргале съ намѣреніемъ спасти жену и
на. Татары связали его, и послали увѣдомить о
мъ губернатора. Славный каторжникъ былъ
ивезенъ въ Оренбургъ, гдѣ наконецъ отсѣкли ему
лову въ іюнѣ 1774 года.

Оренбургскіе жители, услышавъ о своемъ осво-
жденіи, толпами бросились изъ города вслѣдъ за
естью-стами человѣкъ пѣхоты, высланными Рейнс-
рпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жиз-
нными запасами. Въ Бердѣ найдено осьмнадцать
шекъ, семьнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ[13] и
ожество хлѣба. Въ Оренбургѣ спѣшили при-
сти Богу благодареніе за нечаянное избавленіе.
агословляли Голицына. Рейнсдорпъ писалъ ему,
здравляя его съ побѣдою и называя спасителемъ
енбурга.[14] Отвсюду начали въ городъ навозить
асы. Настало изобиліе, и бѣдственная шести-
сячная осада была забыта въ одно радостное
новеніе. 26-го марта Голицынъ пріѣхалъ въ
енбургъ; жители приняли его съ восторгомъ не-
исаннымъ.

Бибиковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего пере-
ла. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ
изъ Казани, и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ изв-
стіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ

обрадовался несказанно. «То-то жерновъ съ сердца свалился (писалъ онъ отъ 26-го марта женѣ своей). Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ; немедленно и я туда поспѣшу добраться, чтобы еще ловчѣе было поворачивать своими; а сколько сѣдыхъ волосъ при бавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала: однако я по морозу хожу безъ парика.»

Между тѣмъ Пугачевъ, миновавъ разосланны разъѣзды, прибылъ утромъ 24-го въ Сеитовскую[1] слободу, зажегъ ее, и пошелъ къ Сакмарскому го родку, забирая дорогою новую сволочь. Онъ поля галъ навѣрное, что изъ Татищевой Голицынъ с всѣми своими силами долженъ былъ обратиться к Яицкому городку, и вдругъ пошелъ занять сно Бердскую слободу, надѣясь нечаянно овладѣ Оренбургомъ. Голицынъ, узнавъ о таковой де зости чрезъ полковника Хорвата, преслѣдовавша Пугачева отъ самой Татищевой, усилилъ свое войс бывшими въ Оренбургѣ пѣхотными отрядами и каз ками; взявъ для нихъ послѣднихъ лошадей у своих офицеровъ, немедленно пошелъ на-встрѣчу сам званцу, и встрѣтилъ его въ Каргале. Пугачев увидя свою ошибку, сталъ отступать, искусно пол зуясь мѣстоположеніемъ. На узкой дорогѣ, пр тивъ полковниковъ Бибикова и Аршеневскаго, в ставилъ онъ семь пушекъ и подъ ихъ прикрытіе проворно устремился къ рѣкѣ Сакмарѣ. Но ту къ Бибикову подоспѣли пушки; онъ, занявъ гор выстроилъ батерею; Хорватъ въ послѣдней тѣс нѣ, бросаясь на мятежниковъ, отбилъ орудія обратя въ бѣгство, восемь верстъ преслѣдовалъ и толпы и вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Сакмарск городокъ. Пугачевъ потерялъ послѣднія пуш

етыреста человѣкъ убитыми и три тысячи пять-
отъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ нахо-
ились и главные его сообщники: Шигаевъ, Почи-
алинъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ съ четырьмя
аводскими мужиками бѣжалъ къ Пречистенской и
ттолѣ на Уральскіе заводы. Усталая конница не
огла его достичь. Послѣ сей рѣшительной побѣды
олицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ
реймана для усмиренія Башкиріи, Аршеневскаго
ля очищенія Новомосковской дороги, а Мансурова
ъ Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону,
елъ онъ на освобожденіе Симонова.

Михельсонъ съ своей стороны дѣйствовалъ не
енѣе удачно. Принявъ 18-го марта начальство
адъ своимъ отрядомъ, онъ тотчасъ двинулся къ
фѣ. Противъ него, для прегражденія пути выслано
ыло Чикою двѣ тысячи человѣкъ съ четырьмя пуш-
ами, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковѣ.
ихельсонъ, оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ
рямо на Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятью
ысячами мятежниковъ, и разсѣя дорогою нѣ-
олько мелкихъ отрядовъ, 25-го на разсвѣтѣ при-
елъ въ деревню Требикову (въ пяти верстахъ отъ
есноковки). Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпою
нтовщиковъ съ двумя пушками. Маіоръ Харинъ
збилъ ихъ и разсѣялъ; егери отняли пушки, и
ихельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шелъ
дъ прикрытіемъ ста человѣкъ и одной пушки.
ли прикрывали и тылъ Михельсона, въ случаѣ
паденія. 26-го, на разсвѣтѣ, у деревни Зубовки,
трѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала
лыжахъ и верхами, и растянувшись по обѣимъ
ронамъ дороги, старалась окружить его. Три
сячи, подкрѣпленныя десятью пушками, пошли

прямо ему на-встрѣчу. Между тѣмъ открыли огонь
изъ баттареи, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе
продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались
храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу,
идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ всѣ
свои силы на главную толпу, и велѣлъ своей кон-
ницѣ, спѣшившейся въ началѣ сраженія, садиться
на конь и ударить въ палаши. Передовыя толпы
бѣжали, брося пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ
съ ними вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ
конница, шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку,
была отражена и бѣжала къ Чесноковкѣ же, гдѣ
Харинъ встрѣтилъ ее и всю захватилъ. Лыжники,
успѣвшіе зайти въ тылъ Михельсону и отрѣзать отъ
него обозъ, въ тоже время были разбиты двумя ро-
тами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ.
Взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ. За-
водскіе и экономическіе крестьяне распущены были
по деревнямъ. Захвачено двадцать пять пушекъ
и множество запасовъ. Михельсонъ повѣсилъ
двухъ главныхъ бунтовщиковъ: башкирскаго стар-
шину и выборнаго села Чесноковки. Уфа была осво-
бождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь,
пошелъ на Табинскъ, куда послѣ чесноковскаго
дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они
были схвачены[16] казаками и выданы побѣдителю,
который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу. После
того Михельсонъ учредилъ разъѣзды во всѣ сто-
роны, и успѣлъ возстановить спокойствіе въ боль-
шей части бунтовавшихъ деревень.

Илецкій городокъ и крѣпости Озерная и Рас-
сыпная, свидѣтели первыхъ успѣховъ Пугачева,
были уже оставлены мятежниками. Начальники
ихъ, Чулошниковъ и Кизилбашинъ, бѣжали и

ицкій городокъ. Вѣсть о пораженіи самозванца
дъ Татищевой, въ тотъ же день до нихъ достигла.
глецы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проска-
ли черезъ крѣпости, крича: спасайтесь, дѣтушки!
е пропало! — Они на-скоро перевязывали свои
ны, и спѣшили къ Яицкому городку. Вскорѣ на-
ала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла
итыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣ-
стей.[17] Жены и матери стояли у берега, стараясь
нать между ними своихъ мужьевъ и сыновей.
Мансуровъ 6 и 7 апрѣля занялъ оставлен-
я крѣпости и Илецкой городокъ, нашедъ въ по-
Ьднемъ четырнадцать пушекъ. 15-го при опасной
реправѣ чрезъ разлившуюся рѣчку Быковку на
о напали Овчинниковъ, Перфильевъ и Дегтеревъ.
тежники были разбиты и разсѣяны. Бедряга и
родинъ ихъ преслѣдовали; но распутица спасла
дводителей. Мансуровъ немедленно пошелъ къ
цкому городку.
крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала
а.[18] Отсутствіе Пугачева не охлаждало мятеж-
ковъ. Въ кузницахъ приготовлялись ломы и
аты; возвышались новыя баттареи. Матежники
тельно продолжали свои земляныя работы, то
ывая берегъ Чечоры и тѣмъ уничтожая сообще-
одной части города съ другою, то копая траншеи,
ы препятствовать вылазкамъ. Они намѣрены
и вести подкопы по яру Старицы, кругомъ всей
пости, подъ соборную церковь, подъ баттареи и
ь комендантскія палаты. Осажденные находи-
ь въ вѣчной опасности, и съ своей стороны при-
дены были отовсюду вести контрмины, съ тру-
ь прорубая землю, промерзшую на цѣлый ар-
ъ; перегораживали крѣпость новою стѣною и

кулями, наполненными кирпичемъ взорванной ко
локольни.

9-го марта, на разсвѣтѣ, двѣсти пятьдесятъ ря
довыхъ вышли изъ крѣпости; цѣлью вылазки был
уничтоженіе новой баттареи, сильно безпокоивше
осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но был
встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшалис
Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходах
между завалами и избами, которыя хотѣли они з
жечь; кололи раненыхъ и падающихъ, и топорам
отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убит
ихъ было до тридцати человѣкъ, ранено до осьм
десяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ
вылазки не возвращался. Удалось сжечь одн
баттарею, не главную, да нѣсколько избъ. Показан
трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уны
ніе осажденныхъ: они объявили о подкопах
веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибыт
Пугачева. Устрашенный Симоновъ велѣлъ всю
производить новыя работы; около его дома бе
престанно пробовали землю буравами; стали копа
новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работо
почти не спали; ночью половина гарнизона всег
стояла въ ружьѣ; другой позволено было толь
сидя дремать. Лазаретъ наполнился больным
съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе, какъ дн
на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сут
только четверть фунта муки, то есть десятую ча
мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ,
соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды и заб
ливъ ее мукою, каждый выпивалъ чашку свою, чт
составляло ихъ насуточную пищу. Женщины
могли болѣе вытерпливать голода; онѣ стали п
ситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволе

Нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ и обѣщаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часъ отъ часу становился ужаснѣе. Лошадинаго мяса, раздававшагося на вѣсъ, уже не было. Стали ѣсть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили и люди съ жадностію грызли кости, объѣденныя собаками. Наконецъ и сей запасъ истощился. Стали изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсилѣли. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ, и валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Однѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку, и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ жъ покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. На-

чальникамъ невозможно было обнадеживать осажденныхъ скорымъ прибытіемъ помощи; ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога Всемогущаго и Всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волѣ Его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады кромѣ двухъ или трехъ человѣкъ изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертью. Рѣшились всѣ до одного (кромѣ совершенно изнеможенныхъ) идти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить (бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было), хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

Во вторникъ, въ день назначенный къ вылазкѣ часовые, поставленные на кровлѣ соборной церкви примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣгали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выѣзжали въ степь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ, и предались опять надеждѣ. «Все это насъ такъ ободрило», говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ, «какъ будто мы съѣли по

куску хлѣба.» Мало-по-малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуще прежняго. Они молча глядѣли въ степь, отколѣ ожидали еще недавно избавителей... Вдругъ, въ пятомъ часу пополудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли колпы, безъ порядка скачущія изъ-за рощи одна за другою. Бунтовщики въѣзжали въ разныя ворота, каждый въ тѣ, близъ коихъ находился его домъ. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ, но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ соборный колоколъ, собрали другъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить, но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на ковриги хлѣба, нанесенныя жителями. До Свѣтлаго Воскресенія, пишетъ очевидецъ сихъ происшествій, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже сей день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не поднимались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи; благодарили Бога; поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители увѣдомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17 апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 30 декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники

бунта Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, и неза-
конная жена самозванца Устинья Кузнецова, были
подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго
умнаго военачальника. Но Бибиковъ не успѣлъ
довершить начатаго имъ: измученный трудами
безпокойствомъ и досадами, мало заботясь о своемъ
уже разстроенномъ здоровьи, онъ занемогъ въ
Бугульмѣ горячкою, и чувствуя приближающуюся
кончину, сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій
Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, прика-
завъ доставить ихъ Императрицѣ, и сдалъ началь-
ство генералъ-поручику Щербатову, старшему по
немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы
онъ успѣлъ еще донести о томъ Императрицѣ,
скончался 9-го апрѣля, въ 11 часовъ утра, на со-
рокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣ-
сколько дней стояло на берегу Камы, чрезъ которую
въ то время не было возможности переправиться
Казань желала погребсти его въ своемъ соборѣ
соорудить памятникъ своему избавителю; но по
требованію его семейства тѣло Бибикова отвезено
было въ его деревню. Андреевская лента, званіе
сенатора и чинъ полковника гвардіи не застали его
къ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: «не жалѣ-
о дѣтяхъ и женѣ: Государыня призритъ ихъ
жалѣю объ отечествѣ.»[19] — Молва приписала
смерть его дѣйствію яда, будто бы даннаго ем
однимъ изъ конфедератовъ. Державинъ воспѣлъ
кончину Бибикова. Екатерина оплакала его,
осыпала его семейство своими щедротами.[20] П
тербургъ и Москва поражены были ужасом
Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратну
потерю.[21]

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Новые успѣхи Пугачева. Башкирецъ Салаватъ. Взятіе сибирскихъ крѣпостей. Сраженіе подъ Троицкою. Отступленіе Пугачева. Первая встрѣча его съ Михельсономъ. Преслѣдованіе Пугачева. Бездѣйствіе войскъ. Взятіе Осы. Пугачевъ подъ Казанью.

Пугачевъ, коего положеніе казалось отчаяннымъ, двился на Авзяно-Петровскихъ заводахъ. Овчинниковъ и Перфильевъ, преслѣдуемые маіоромъ Шевичемъ, проскакали чрезъ Сакмарскую линію съ ремя стами яицкихъ казаковъ, и успѣли съ нимъ оединиться. Ставропольскіе и оренбургскіе калыки хотѣли имъ послѣдовать, и въ числѣ шести-сотъ ибитокъ двинулись было къ Сорочинской крѣости. Въ ней находился при провіантѣ и фуражѣ тставный подполковникъ Мельковичъ, человѣкъ мный и рѣшительный. Онъ принялъ начальство адъ гарнизономъ, и на нихъ напавъ, принудилъ хъ возвратиться на прежнія жилища.

Пугачевъ быстро переходилъ съ одного мѣста на ругое. Чернь по прежнему стала стекаться около его; башкирцы, уже почти усмиренные, снова волновались. Комендантъ Верхо-Яицкой крѣости полковникъ Ступишинъ вошелъ въ Башкирію, кегъ нѣсколько пустыхъ селеній, и захвативъ ного изъ бунтовщиковъ, отрѣзалъ ему уши, носъ, льцы правой руки, и отпустилъ его, грозясь поупать такимъ же образомъ со всѣми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый ихъ мятежкъ Юлай, скрывшійся во время казней 1741 года,[1] ился между ними съ сыномъ своимъ Салаватомъ. Вся Башкирія возстала и бѣдствіе разгорѣлось съ вящей силою. Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева. Михельсонъ силился пре-

сѣчь ему дорогу, но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли въ бездонной грязи; рѣки разливались на нѣсколько верстъ; ручьи становились рѣками. Фрейманъ остановился въ Стерлитамацкѣ. Михельсонъ, успѣвшій еще переправиться черезъ Вятку по льду, а черезъ Уфу на осьми лодкахъ, продолжалъ путь, несмотря на всевозможныя препятствія, и 5 мая у Симскаго завода настигъ толпу башкирцевъ, предводительствуемыхъ свирѣпымъ Салаватомъ. Михельсонъ прогналъ ихъ, заводъ освободилъ, и черезъ день пошелъ далѣе. Салаватъ остановился въ осьмнадцати верстахъ отъ завода, ожидая Бѣлобородова. Они соединились и выступили на-встрѣчу Михельсону съ двумя тысячами бунтовщиковъ и съ восемью пушками. Михельсонъ разбилъ ихъ снова, отнялъ у нихъ пушки, положилъ на мѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ, разсѣялъ остальныхъ и спѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самого Пугачева, но вскорѣ узналъ, что самозванецъ находился уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ.

За рѣкою Юрзенемъ Михельсонъ успѣлъ разбить еще толпу мятежниковъ, и преслѣдовалъ ихъ до Саткинскаго завода. Тутъ узналъ онъ, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ башкирцевъ и крестьянъ, пошелъ на крѣпость Магнитную. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскіе горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около вершины Яика.

Пугачевъ, зажегши ограбленные имъ Бѣлорѣцкіе заводы, быстро перешелъ черезъ Уральскія горы и 5 мая приступилъ къ Магнитной, не имѣя при себѣ ни одной пушки. Капитанъ Тихановскій оборонялся храбро. Пугачевъ самъ былъ раненъ ка-

ечью въ руку, и отступилъ, претерпѣвъ значитель-
ный уронъ. Крѣпость казалась спасена; но въ ней
ткрылась измѣна: пороховые ящики ночью были
зорваны. Мятежники бросились, разобрали за-
лоты и ворвались. Тихановскій съ женою были
овѣшены; крѣпость разграблена и выжжена. Въ
отъ же день пришелъ къ Пугачеву Бѣлобородовъ
ъ четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генералъ-поручикъ Декалонгъ изъ Челябинска,
едавно освобожденнаго отъ бунтовщиковъ, дви-
улся къ Верхо-Яицкой крѣпости, надѣясь на-
гигнуть Пугачева еще на Бѣлорѣцкихъ заводахъ;
о, вышедъ на линію, получилъ отъ верхо-яицкаго
оменданта, полковника Ступишина, донесеніе, что
угачевъ идетъ вверхъ по линіи отъ одной крѣ-
ости на другую, какъ въ началѣ своего грознаго
явленія. Декалонгъ спѣшилъ къ Верхо-Яицкой.
утъ узналъ онъ о взятіи Магнитной. Онъ дви-
улся къ Кизильской. Но прошедъ уже пятнадцать
рстъ, узналъ отъ пойманнаго башкирца, что Пу-
чевъ, услыша о приближеніи войска, шелъ уже
къ Кизильской, а прямо Уральскими горами, на
арагайскую. Декалонгъ пошелъ назадъ. Прибли-
аясь къ Карагайской, онъ увидѣлъ однѣ дымя-
іяся развалины: Пугачевъ покинулъ ее наканунѣ.
екалонгъ надѣялся догнать въ Петрозаводской,
и тутъ уже его не засталъ. Крѣпость была разо-
на и выжжена, церковь разграблена, жители
едены.

Декалонгъ, оставя линію, пошелъ внутреннею
рогою прямо на Уйскую крѣпость. У него оста-
лось овса только на однѣ сутки. Онъ думалъ
стигнуть Пугачева хотя въ Степной крѣпости;
, узнавъ, что и Степная уже взята, пустился къ

Троицкой. На дорогѣ, въ Сенарской, нашелъ онъ множество народа изъ окрестныхъ разоренныхъ крѣпостей. Офицерскія жены и дѣти, босыя, оборванныя, рыдали, не зная, гдѣ искать убѣжища. Декалонгъ принялъ ихъ подъ свое покровительство и отдалъ на попеченіе своимъ офицерамъ. 21 мая утромъ приближился онъ къ Троицкой, прошедъ шестьдесять верстъ усильнымъ переходомъ, и на конецъ увидѣлъ Пугачева, расположившагося ла геремъ подъ крѣпостію, взятою имъ наканунѣ. Декалонгъ тотчасъ на него напалъ. У Пугачева было до десяти тысячъ войска и до тридцати пу шекъ. Сраженіе продолжалось цѣлыхъ четыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей палаткѣ жестоко страдая отъ раны, полученной имъ подъ Магнитною. Дѣйствіями распоряжалъ Бѣлобород довъ. Наконецъ мятежники разстроились. Пугачевъ сѣлъ на лошадь, и съ подвязанною рукою бро сался всюду, стараясь возстановить порядокъ; но все разсѣялось и бѣжало. Пугачевъ ушелъ с одною пушкою по Челябинской дорогѣ. Преслѣдо вать было невозможно. Конница была слишком изнурена. Въ лагерѣ найдено до трехъ тысячъ людей всякаго званія, пола и возраста, захваченныхъ самозванцемъ и обреченныхъ погибели. Кр пость была спасена отъ пожара и грабежа. Н комендантъ, бригадиръ Фейерваръ, былъ убитъ на канунѣ во время приступа, а офицеры его пов шены.

Пугачевъ и Бѣлобородовъ, вѣдая, что усталост войска и изнуреніе лошадей не позволятъ Дек лонгу воспользоваться своею побѣдою, привели в устройство свои разсѣянныя толпы, и стали въ п рядкѣ отступать, забирая крѣпости и быстро ус

ливаясь. Маіоры Гагринъ и Жолобовъ, отряженные Декалонгомъ на другой день послѣ сраженія, преслѣдовали ихъ, но не могли достигнуть.

Михельсонъ, между тѣмъ, шелъ Уральскими горами, по дорогамъ мало-извѣстнымъ. Деревни башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ ежечасной опасности. Многочисленныя шайки бунтовщиковъ кружились около него. 13 мая, башкирцы подъ предводительствомъ мятежнаго старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные въ болото, они не сдавались. Всѣ, кромѣ одного, насильно пощаженнаго, были изрублены вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ убитыми и ранеными.

Плѣнный башкирецъ, обласканный Михельсономъ, объявилъ ему о взятіи Магнитной и о движеніи Декалонга. Михельсонъ, нашедъ сіи извѣстія сообразными съ своими предположеніями, вышелъ изъ горъ, и пошелъ на Троицкую, въ надеждѣ освободить сію крѣпость, или встрѣтить Пугачева въ случаѣ его отступленія. Вскорѣ услышалъ онъ о побѣдѣ Декалонга, и пошелъ на Варламово, съ намѣреніемъ пресѣчь дорогу Пугачеву. Въ самомъ цѣлѣ, 22 мая утромъ, приближаясь къ Варламову, онъ встрѣтилъ передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсонъ не могъ сначала вообразить, чтобъ это былъ остатокъ сволочи, разбитой наканунѣ, и принялъ его (говоритъ онъ насмѣшливо въ своемъ донесеніи) за корпусъ генералъ-поручика и кавалера Декалонга; но вскорѣ удостовѣрился въ истинѣ. Онъ остановился, удерживая выгодное свое положеніе у лѣса, прикрывавшаго его тылъ. Пугачевъ двинулся противу него,

и вдругъ поворотилъ на Чербакульскую крѣпость. Михельсонъ пошелъ черезъ лѣсъ, и перерѣзалъ ему дорогу. Пугачевъ въ первый разъ увидѣлъ передъ собою того, кто долженъ былъ нанести ему столько ударовъ и положить предѣлъ кровавому его поприщу. Пугачевъ тотчасъ напалъ на его лѣвое крыло, привелъ оное въ разстройство, и отнялъ двѣ пушки. Но Михельсонъ ударилъ на мятежниковъ со всею своею конницею, разсѣялъ ихъ въ одно мгновеніе, взялъ назадъ свои пушки, а съ ними и послѣднюю, оставшуюся у Пугачева послѣ его разбитія подъ Троицкой, положилъ на мѣстѣ до шести-сотъ человѣкъ, въ плѣнъ взялъ до пяти-сотъ и гналъ остальныхъ нѣсколько верстъ. Ночь прекратила преслѣдованіе. Михельсонъ ночевалъ на полѣ сраженія. На другой день отдалъ онъ въ приказѣ строгій выговоръ ротѣ, потерявшей свои пушки, и отнялъ у ней пуговицы и обшлага до выслуги. Рота не замедлила загладить свое безчестіе.[2]

23-го Михельсонъ пошелъ на Чербакульскую крѣпость. Казаки, въ ней находившіеся, бунтовали. Михельсонъ привелъ ихъ къ присягѣ, присоединивъ къ своему отряду, и въ послѣдствіи былъ всегда ими доволенъ.

Жолобовъ и Гагринъ дѣйствовали медленно и нерѣшительно. Жолобовъ, увѣдомивъ Михельсона, что Пугачевъ собралъ остатокъ разсѣянной толпы и набираетъ новую, отказался идти противъ него подъ предлогомъ разлитія рѣкъ и дурныхъ дорогъ. Михельсонъ жаловался Декалонгу, а Декалонгъ самъ обѣщаясь выступить для истребленія послѣ нихъ силъ самозванца, остался въ Челябѣ, и ещ отозвалъ къ себѣ Жолобова и Гагрина.

Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева пр

доставлено было одному Михельсону. Онъ пошелъ къ Златоустовскому заводу, услыша, что тамъ находилось нѣсколько яицкихъ бунтовщиковъ; но они бѣжали, узнавъ о его приближеніи. Слѣдъ ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался, а наконецъ совсѣмъ пропалъ.

27-го мая Михельсонъ прибылъ на Саткинскій заводъ.[3] Салаватъ съ новою шайкою злодѣйствовалъ въ окрестностяхъ. Уже Симской заводъ былъ имъ разграбленъ и сожженъ. Услыша о Михельсонѣ, онъ перешелъ рѣку Ай, и остановился въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, избавясь отъ погони Гагрина и Жолобова, и собравъ уже до двухъ тысячъ всякой сволочи, съ нимъ успѣлъ соединиться.

Михельсонъ на Саткинскомъ заводѣ, спасенномъ его быстротою, сдѣлалъ первый свой роздыхъ по выступленіи изъ-подъ Уфы. Чрезъ два дня пошелъ онъ противъ Пугачева и Салавата, и прибылъ на берегъ Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противномъ берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя въ безопасности.

Но 30-го, утромъ, Михельсонъ приказалъ пятидесяти казакамъ переправиться вплавь, взявъ съ собою по одному егерю. Мятежники бросились было на нихъ, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами съ противнаго берега. Егери и казаки удержались какое-какъ, а Михельсонъ между тѣмъ переправился съ остальнымъ отрядомъ; порохъ перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну рѣки на канатахъ. Михельсонъ быстро напалъ на непріятеля, смялъ и преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, убивъ до четырехъ-сотъ и взявъ множество въ плѣнъ. Пугачевъ, Бѣлобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись.

Окрестности были пусты. Михельсонъ ни отъ кого не могъ узнать о стремленіи непріятеля. Онъ пошелъ на-удачу и 2 іюня отряженный имъ капитанъ Карташевскій ночью былъ окруженъ шайкою Салавата. Къ утру Михельсонъ подоспѣлъ къ нему на помощь. Мятежники разсыпались и бѣжали. Михельсонъ преслѣдовалъ ихъ съ крайнею осторожностію. Пѣхота прикрывала его обозъ. Самъ онъ шелъ немного впереди съ частію своей конницы. Сіи распоряженія спасли его. Многочисленная толпа мятежниковъ неожиданно окружила его обозъ и напала на пѣхоту. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ, успѣвъ въ теченіе шести дней близъ Саткинскаго завода набрать около пяти тысячъ бунтовщиковъ. Михельсонъ прискакалъ на помощь; онъ послалъ Харина соединить всю свою конницу, а самъ съ пѣхотой остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бѣжали. Тутъ Михельсонъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Пугачевъ имѣлъ намѣреніе идти на Уфу. Онъ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу, и 5 іюня встрѣтилъ его снова. Сраженіе было неизбѣжимо. Михельсонъ быстро напалъ на него, и снова разбилъ и прогналъ.

При всѣхъ своихъ успѣхахъ Михельсонъ увидѣлъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. У него уже не было ни запасовъ ни зарядовъ. Оставалось только по два патрона на человѣка. Михельсонъ пошелъ въ Уфу, дабы тамъ запастись всѣмъ для него нужнымъ.

Пока Михельсонъ, бросаясь во всѣ стороны вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Декалонгъ стоялъ въ Челябѣ, и завидуя Михельсону, нарочно не хотѣлъ

ему содѣйствовать. Фрейманъ, лично храбрый, но предводитель робкій и нерѣшительный, стоялъ въ Кизильской крѣпости, досадуя на Тимашева, ушедшаго въ Зелаирскую[4] крѣпость съ лучшею его конницею. Станиславскій, узнавъ, что Пугачевъ близъ Верхо-Яицкой крѣпости собралъ значительную толпу, отказался отъ службы и скрылся въ любимую свою Орскую крѣпость. Полковники Якубовичъ и Обернибѣсовъ и маіоръ Дуве находились около Уфы. Вокругъ ихъ спокойно собирались бунтующіе башкирцы. Бирскъ сожженъ былъ почти въ ихъ виду, а они переходили съ одного мѣста на другое, избѣгая малѣйшей опасности и не думая о дружномъ содѣйствіи. По распоряженію князя Щербатова, войско Голицына оставалось безъ всякой пользы около Оренбурга и Яицкаго городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ; а край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ.[5]

Пугачевъ, отраженный отъ Кунгура маіоромъ Поповымъ, двинулся было къ Екатеринбургу, но узнавъ о войскахъ, тамъ находящихся, обратился къ Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань въ опасности. Брантъ наскоро послалъ въ пригородъ Осу маіора Скрыпицына съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатовъ понадѣялся на Обернибѣсова и Дуве, которые должны были помочь маіору Скрыпицыну въ случаѣ опасности, и не сдѣлалъ никакихъ новыхъ распоряженій.

18 іюня Пугачевъ явился передъ Осою. Скрыпицынъ выступилъ противъ него; но потерявъ три

пушки въ самомъ началѣ сраженія, поспѣшно возвратился въ крѣпость. Пугачевъ велѣлъ своимъ спѣшиться и идти на приступъ. Мятежники вошли въ городъ, выжгли его, но отъ крѣпости отражены были пушками.

На другой день Пугачевъ со своми старшинами ѣздилъ по берегу Камы, высматривая мѣста, удобныя для переправы. По его приказанію поправляли дорогу, и мостили топкія мѣста. 20-го, снова приступилъ онъ къ крѣпости и снова былъ отраженъ. Тогда Бѣлобородовъ присовѣтовалъ ему окружить крѣпость возами сѣна, соломы и бересты, и зажечь такимъ образомъ деревянныя стѣны. Пятнадцать возовъ были подвезены на лошадяхъ въ близкое разстояніе отъ крѣпости, а потомъ подвигаемы впередъ людьми, безопасными подъ ихъ прикрытіемъ. Скрыпицынъ, уже колебавшійся, потребовалъ сроку на однѣ сутки, и сдался на другой день, принявъ Пугачева на колѣнахъ, съ иконами и хлѣбомъ-солью. Самозванецъ обласкалъ его и оставилъ при немъ его шпагу. Несчастный, думая современемъ оправдаться, написалъ, обще съ капитаномъ Смирновымъ и подпоручикомъ Минеевымъ, письмо къ казанскому губернатору, и носилъ при себѣ, въ ожиданіи удобнаго случая тайно его отослать. Минеевъ донесъ о томъ Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрыпицынъ и Смирновъ повѣшены, а доносчикъ названъ отъ Пугачева полковникомъ.

23 іюня Пугачевъ переправился черезъ Каму и пошелъ на винокуренные заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, начальникъ оныхъ, былъ мучительски умерщвленъ, заводы разграблены, и всѣ работники забраны въ злодѣйскую толпу

Минеевъ, измѣною своею заслужившій довѣренность Пугачева, совѣтовалъ ему идти прямо на Казань. Распоряженія губернатора были ему извѣстны. Онъ вызвался вести Пугачева, и ручался за успѣхъ. Пугачевъ недолго колебался и пошелъ на Казань.

Щербатовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Осы, испугался. Онъ послалъ Обернибѣсову повелѣніе занять Шумской перевозъ, а маіора Меллина отправилъ къ Шурманскому; Голицыну приказалъ скорѣе слѣдовать въ Уфу, дабы оттуда дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, а самъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ и ротою гренадеръ отправился въ Бугульму.

Въ Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысячъ были наскоро вооружены. Брантъ и комендантъ Баннеръ приготовились къ оборонѣ. Генералъ-маіоръ Потемкинъ, начальникъ тайной коммиссіи, учрежденной по дѣлу Пугачева, усердно имъ содѣйствовалъ. Генералъ-маіоръ Ларіоновъ не дождался Пугачева. Онъ съ своими людьми переправился чрезъ Волгу и уѣхалъ въ Нижній Новгородъ.

Полковникъ Толстой, начальникъ казанскаго коннаго легіона, выступилъ противъ Пугачева и 10 іюля встрѣтилъ его въ двѣнадцати верстахъ отъ города. Произошло сраженіе. Храбрый Толстой былъ убитъ,[6] а его отрядъ разсѣянъ. На другой день Пугачевъ показался на лѣвомъ берегу Казанки, и расположился лагеремъ у Троицкой мельницы. Веселомъ, въ виду всѣхъ казанскихъ жителей, онъ самъ ѣздилъ высматривать городъ и возвратился въ лагерь, отложа приступъ до слѣдующаго утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пугачевъ въ Казани. Бѣдствіе города. Появленіе Михельсона. Три сраженія. Освобожденіе Казани. Свиданіе Пугачева съ его семействомъ. Опроверженіе клеветы. Распоряженіе Михельсона.

12 іюля, на зарѣ, мятежники, подъ предводительствомъ Пугачева, потянулись отъ села Царицына по Арскому полю, двигая передъ собою возы сѣна и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившіеся близъ предмѣстья кирпичные сараи, рощу и загородный домъ Кудрявцева, устроили тамъ свои баттареи и сбили слабый отрядъ, охранявшій дорогу. Онъ отступилъ, выстроясь въ карре и оградясь рогатками.

Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская баттарея. Пугачевъ на нее не пошелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстію толпу заводскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ измѣнника Минеева. Эта сволочь, большею частію безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину, перепалзывала черезъ высоты, подверженныя пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралась въ овраги, находящіеся на краю самаго предмѣстія. Опасное сіе мѣсто защищали гимназисты съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ выстрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева: влѣзли на высоту, прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, заняли лѣтній губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстіями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицъ и кучами ворвались въ предмѣстія. Съ другой стороны, лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконной слободѣ. Суконщики (люди разнаго званія и

большею частію кулачные бойцы), ободрямые Преосвященнымъ Веніаминомъ, вооружились чѣмъ ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились къ оборонѣ.[1] Башкирцы, съ Шарной горы, пустили въ нихъ свои стрѣлы и бросились въ улицы. Суконщики приняли было ихъ въ рычаги, въ копья и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонира. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ поставилъ свои пушки, и пустилъ картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суконщики бѣжали. Мятежники сбили караулы и рогатки, и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣднему убѣжищу. Потемкинъ вошелъ вмѣстѣ съ ними. Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить домы и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Пугачевъ, поставя свои баттареи въ трактирѣ Гостинаго двора, за церквами, у тріумфальныхъ воротъ, стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ея правый уголъ, и коего ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны, Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата Казанскаго монастыря, а другую поставя на церковной паперти, стрѣлялъ по крѣпости въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее оттолѣ ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари, съ крикомъ бѣгали по улицамъ, грабя и зажигая домы. Осаждавшіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи... Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить, и

зажегши еще нѣсколько домовъ, возвратился въ свой лагеръ. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость, и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ сію минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколькихъ человѣкъ. Осажденные, стѣснившіеся въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣй вломился и что послѣдній ихъ часъ уже насталъ.

Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощеніе. Всѣ закричали: «ура!» и кинулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары казанскихъ татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спрашивали: кто желаетъ служить государю Петру Ѳеодоровичу? — Охотниковъ нашлось множество.

Преосвященный Веніаминъ[2] во все время приступа находился въ крѣпости, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, и на колѣнахъ со всѣмъ народомъ молилъ Бога о спасеніи христіанъ. Едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы и, не смотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи. — Къ вечеру буря утихла, и вѣтеръ оборотился въ противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей Казань, обращенная въ груды горящихъ углей

дымилась и рдѣла во мракѣ. Никто не спалъ. Съ разсвѣтомъ жители спѣшили взойти на крѣпостныя стѣны и устремили взоры въ ту сторону, откуда ожидали новаго приступа. Но вмѣсто Пугачевскихъ полчищъ съ изумленіемъ увидѣли гусаровъ Михельсона, скачущихъ въ городъ съ офицеромъ, посланнымъ отъ него къ губернатору.

Никто не зналъ, что уже наканунѣ Михельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло съ Пугачевымъ и что мятежники отступили въ безпорядкѣ.

Мы оставили Михельсона неутомимо преслѣдующимъ опрометчивое стремленіе Пугачева. Въ Уфѣ оставилъ онъ своихъ больныхъ и раненыхъ, взялъ съ собою маіора Дуве, и 21-го іюня находился въ Бурновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. Мостъ, сожженный Якубовичемъ, былъ опять наведенъ мятежниками. Около трехъ тысячъ вышли навстрѣчу Михельсону. Онъ ихъ разбилъ, и отрядилъ Дуве противу шайки башкирцевъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи. Дуве ихъ разсѣялъ. Михельсонъ пошелъ на Осу, и 27-го іюня, разбивъ на дорогѣ толпу башкирцевъ и татаръ, узналъ отъ нихъ о взятіи Осы и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Михельсонъ пошелъ по его слѣдамъ. На Камѣ не было ни мостовъ, ни лодокъ. Конница переправилась вплавь, пѣхота на плотахъ. Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо ва Казань, и 11-го іюля вечеромъ былъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ нея.

Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ сорока пяти верстахъ отъ Казани, услышалъ онъ пушечную пальбу. Къ полудню густой, багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города.

Полдневный жаръ и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на одинъ часъ. Между тѣмъ узналъ онъ, что недалеко находилась толпа мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ напалъ, и взялъ четыреста въ плѣнъ; остальные бѣжали къ Казани и извѣстили Пугачева о приближеніи непріятеля. Тогда-то Пугачевъ, опасаясь нечаяннаго нападенія, отступилъ отъ крѣпости и приказалъ своимъ скорѣе выбираться изъ города, а самъ, занявъ выгодное мѣстоположеніе, выстроился близъ Царицына, въ семи верстахъ отъ Казани.

Михельсонъ, получивъ о томъ донесеніе, пустился черезъ лѣсъ одною колонною, и вышедъ въ поле, увидѣлъ передъ собою мятежниковъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ.

Михельсонъ отрядилъ Харина противъ ихъ лѣваго крыла, Дуве противу праваго, а самъ пошелъ прямо на главную непріятельскую баттарею. Пугачевъ, ободренный побѣдою и усилясь захваченными пушками, встрѣтилъ нападеніе сильнымъ огнемъ. Передъ баттареей простиралось болото, черезъ которое Михельсонъ долженъ былъ перейти, между тѣмъ какъ Харинъ и Дуве старались обойти непріятеля. Михельсонъ взялъ баттарею; Дуве на правомъ флангѣ отбилъ также двѣ пушки. Мятежники раздѣлясь на двѣ кучи, пошли — одни на-встрѣчу Харину, и остановясь въ тѣснинѣ за рвомъ, поставили баттареи и открыли огонь; другіе старались заѣхать въ тылъ отряду. Михельсонъ, оставя Дуве, пошелъ на подкрѣпленіе Харина, проходив шаго черезъ оврагъ подъ непріятельскими ядрами Наконецъ, послѣ пяти часовъ упорнаго сраженія Пугачевъ былъ разбитъ и бѣжалъ, потерявъ во семь-сотъ человѣкъ убитыми и сто восемьдесят

взятыми въ плѣнъ. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преслѣдовать Пугачева.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, передъ свѣтомъ Михельсонъ пошелъ къ Казани. Навстрѣчу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавшихъ цѣлую ночь на развалинахъ сгорѣвшаго города. Ихъ рубили и брали въ плѣнъ. Прибывъ къ Арскому полю, Михельсонъ увидѣлъ приближающагося непріятеля: Пугачевъ, узнавъ о малочисленности его отряда, спѣшилъ предупредить его соединеніе съ городскимъ войскомъ. Михельсонъ, пославъ увѣдомить о томъ губернатора, встрѣтилъ пушечными выстрѣлами толпу, кинувшуюся на него съ воплемъ и визгомъ, и принудилъ ее отступить. Потемкинъ подоспѣлъ изъ города съ гарнизономъ. Пугачевъ перешелъ черезъ Казанку, и удалился за пятнадцать верстъ отъ города, въ село Сухую Рѣку. Преслѣдовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Казань была освобождена. Жители тѣснились на стѣнѣ крѣпости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсонъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, негодуя на свои неудачи, не терялъ однако же надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Онъ отвсюду набиралъ новую сволочь, соединяясь съ отдѣльными своими отрядами, и 15 іюля утромъ, приказавъ прочесть передъ своими толпами манифестъ, въ которомъ объявлялъ о своемъ намѣреніи итти на Москву, устремился въ третій разъ на Михельсона. Войско его состояло изъ двадцати пяти тысячъ всякаго сброду. Многочисленныя толпы

двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бѣжали. Облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возвѣстили ихъ приближеніе. Михельсонъ выступилъ противу ихъ съ осьмью стами карабинеръ, гусаръ и чугуевскихъ казаковъ. Онъ занялъ мѣсто прежняго сраженія близъ Царицына, и раздѣлилъ войско свое на три отряда, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Бунтовщики на него бросились. Яицкіе казаки стояли въ тылу и по приказанію Пугачева должны были колоть своихъ бѣглецовъ. Но Михельсонъ и Харинъ съ двухъ сторонъ на нихъ ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено въ одно мгновеніе. Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, сперва доскакавъ до перваго своего лагеря, а потомъ и до втораго. Харинъ живо его преслѣдовалъ, не давая ему времени нигдѣ остановиться. Въ сихъ лагеряхъ находилось до десяти тысячъ казанскихъ жителей всякаго пола и званія. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми тѣлами; пять тысячъ плѣнныхъ и девять пушекъ остались въ рукахъ у побѣдителя. Убито въ сраженіи до двухъ тысячъ, большею частію татаръ и башкирцевъ. Михельсонъ потерялъ до ста человѣкъ убитыми и ранеными. Онъ вошелъ въ городъ при кликахъ восхищенныхъ жителей, свидѣтелей его побѣды. Губернаторъ, измученный болѣзнію, отъ которой онъ и умеръ черезъ двѣ недѣли, встрѣтилъ побѣдителя за воротами крѣпости, въ сопровожденіи дворянства и духовенства. Михельсонъ отправился прямо въ соборъ, гдѣ Преосвященный Веніаминъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

Состояніе Казани было ужасно: изъ двухъ тысячъ

осьмисотъ шестидесяти семи домовъ, въ ней находившихся, двѣ тысячи пятьдесятъ семь сгорѣло. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорѣли. Гостиный дворъ и остальные домы, церкви и монастыри были разграблены; найдено до трехъ сотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; около пяти сотъ пропали безъ вѣсти. Въ числѣ убитыхъ находился директоръ гимназіи Каницъ, нѣсколько учителей и учениковъ и полковникъ Родіоновъ. Генералъ-маіоръ Кудрявцевъ,[3] старикъ сто-десяти-лѣтній, не хотѣлъ скрыться въ крѣпость, не смотря на всевозможныя увѣщанія. Онъ на колѣнахъ молился въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Вбѣжало нѣсколько грабителей. Онъ сталъ ихъ увѣщевать. Злодѣи умертвили его на церковной паперти.

Такъ темный колодникъ,* за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе! Тюремный дворъ, гдѣ ожидалъ онъ плетей и каторги, былъ имъ сожженъ, а невольники, его недавніе товарищи, выпущены. Въ казармахъ содержалась уже нѣсколько мѣсяцевъ казачка Софья Пугачева съ тремя своими дѣтьми. Самозванецъ, увидя ихъ, сказываютъ, заплакалъ, но не измѣнилъ самому себѣ. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ лагерь, сказавъ, какъ увѣряютъ: я ее знаю: мужъ ея оказалъ мнѣ великую услугу.[4] Измѣнникъ Минеевъ, главный виновникъ бѣдствія Казани, при первомъ разбитіи Пугачева попался въ плѣнъ, и по приговору военнаго суда загнанъ былъ сквозь строй до смерти.

Казанское начальство стало пещись о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ. Они были

* Въ рукописи было «бѣдный колодникъ».

приглашены въ лагерь, для разбора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратнаго полученія своей собственности. Спѣшили раздѣлиться кое-какъ. Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скуденъ, очутился богатъ.

Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную свѣтомъ: утверждали, что Михельсонъ могъ предупредить взятіе Казани, но что онъ нарочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славѣ, почестямъ и Царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видѣли, какъ быстро и какъ неутомимо Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева. Если Потемкинъ и Брантъ сдѣлали бы свое дѣло и успѣли удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона, конечно, обогатились; но стыдно было бы намъ обвинять безъ доказательства стараго, заслуженнаго воина, проведшаго всю жизнь на полѣ чести и умершаго главнокомандующимъ русскими войсками.[5]

14 іюля прибылъ въ Казань подполковникъ графъ Меллинъ, и былъ отряженъ Михельсономъ для преслѣдованія Пугачева. Самъ Михельсонъ остался въ городѣ для возобновленія своей конницы и для заготовленія припасовъ. Прочіе начальники наскоро сдѣлали нѣкоторыя военныя распоряженія, ибо, не смотря на разбитіе Пугачева, знали уже сколь былъ опасенъ сей предпріимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь быстры и непредвидимы, что не было средствъ его преслѣдовать; къ тому же конница была слишкомъ изнурена. Старались перехватить ему дорогу

но войска, разсѣянныя на великомъ пространствѣ, не могли всюду поспѣвать и дѣлать скорые обороты. Должно сказать и то, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ, или съ менѣе извѣстными его сообщниками.

ГЛАВА ОСЬМАЯ

Пугачевъ за Волгою. Общее смятеніе. Письмо генерала Ступишина. Намѣреніе Екатерины. Графъ П. Ив. Панинъ. Движеніе войскъ. Взятіе Пензы. Смерть Всеволожскаго. Споры Державина съ Бошнякомъ. Взятіе Саратова. Пугачевъ подъ Царицынымъ. Смерть астронома Ловица. Пораженіе Пугачева. Суворовъ. Пугачевъ выданъ правительству. Разговоръ его съ графомъ Панинымъ. Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками. Казнь бунтовщиковъ.

Пугачевъ бѣжалъ по Кокшайской дорогѣ, на перемѣнныхъ лошадяхъ, съ тремя-стами яицкихъ и илецкихъ казаковъ, и наконецъ ударился въ лѣсъ. Харинъ, преслѣдовавшій его цѣлыя тридцать верстъ, принужденъ былъ остановиться. Пугачевъ ночевалъ въ лѣсу. Его семейство было при немъ. Между его товарищами находились два новыя лица: одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ главнаго конфедерата.[1] Онъ находился въ Казани военноплѣннымъ и изъ ненависти къ Россіи присоединился къ шайкѣ Пугачева. Другой былъ пасторъ реформатскаго исповѣданія. Во время казанскаго пожара, онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ полковники. Пасторъ-полковникъ посаженъ былъ верхомъ на башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ

бѣгство Пугачева, и нѣсколько дней уже спустя отсталъ отъ него и возвратился въ Казань.[2]

Пугачевъ два дня бродилъ то въ одну, то въ другую сторону, обманывая тѣмъ высланную погоню. Сволочь его, разсыпавшись, производила обычные грабежи. Бѣлобородовъ пойманъ былъ въ окрестностяхъ Казани, высѣченъ кнутомъ, потомъ отвезенъ въ Москву, и казненъ смертію. Нѣсколько сотенъ бѣглецовъ присоединились къ Пугачеву. 18 іюля онъ вдругъ устремился къ Волгѣ, на Кокшайскій перевозъ, и въ числѣ пяти-сотъ человѣкъ лучшаго своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и новокрещеные стали убивать русскихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ, и отвсюду приводила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли.[3] Онъ пошелъ на Цывильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ воеводу, и раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ одну по Нижегородской дорогѣ, а другую по Алатырской, и пресѣкъ такимъ образомъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Нижегородскій губернаторъ, генералъ-поручикъ Ступишинъ писалъ къ князю Волконскому, что участь Казани ожидаетъ и Нижній, и что онъ не отвѣчаетъ и за Москву. Всѣ отряды, находившіеся въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербаковъ изъ Бугульмы, а князь Голицынъ изъ

Мензелинска, поспѣшили въ Казань; Меллинъ переправился черезъ Волгу и 19 іюля выступилъ изъ Свіяжска; Мансуровъ изъ Яицкаго городка двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбирску; Михельсонъ изъ Чебоксаровъ устремился къ Арзамасу, дабы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ...

Но Пугачевъ не имѣлъ уже намѣренія идти на старую столицу. Окруженный отвсюду войсками правительства, не довѣряя своимъ сообщникамъ, онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была пробраться за Кубань, или въ Персію. Главные бунтовщики предвидѣли конецъ затѣянному ими дѣлу и уже торговались о головѣ своего предводителя! Перфильевъ, отъ имени всѣхъ виновныхъ казаковъ, послалъ тайно въ Петербургъ одного повѣреннаго съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца. Правительство, однажды имъ обманутое, худо вѣрило ему — однако вошло съ нимъ въ сношеніе.[4] Пугачевъ бѣжалъ; но бѣгство его казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой, отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобъ взбунтовать цѣлыя области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ и каждая имѣла у себя своего Пугачева...

Сіи горестныя извѣстія сдѣлали въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе и омрачили радость, произведенную окончаніемъ турецкой войны и заключеніемъ славнаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Императрица, недовольная медлительностью князя Щербатова, еще въ началѣ іюля рѣшилась отозвать его

и поручить главное начальство надъ войскомъ князю Голицыну. Курьеръ, ѣхавшій съ симъ указомъ, остановленъ былъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, по причинѣ небезопасности дороги. Когда же Государыня узнала о взятіи Казани и о перенесеніи бунта за Волгу, тогда Она уже думала сама ѣхать въ край, гдѣ усиливалось бѣдствіе и опасность, и лично предводительствовать войскомъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ успѣлъ уговорить Ее оставить сіе намѣреніе. Императрица не знала, кому предоставить спасеніе отечества. Въ сіе время вельможа, удаленный отъ двора и подобно Бибикову бывшій въ немилости, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ,[5] самъ вызвался принять на себя подвигъ, недовершенный его предшественникомъ. Екатерина съ признательностію увидѣла усердіе благороднаго своего подданнаго, и графъ Панинъ, въ то время, какъ вооруживъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, готовился итти навстрѣчу Пугачеву, получилъ въ своей деревнѣ повелѣніе принять главное начальство надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ, и надъ войсками, туда посланными. Такимъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противу простаго казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству.

20 іюля Пугачевъ подъ Курмышемъ переправился вплавь черезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Маіоръ Юрловъ начальникъ оной и унтеръ-офицеръ, коего имя къ сожалѣнію не сохранилось, одни не захотѣли присягнуть, и въ глаза

обличали самозванца. Ихъ повѣсили и мертвыхъ били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ея дворовыми людьми. Пугачевъ велѣлъ раздать чувашамъ казенное вино, повѣсилъ нѣсколькихъ дворянъ, приведенныхъ къ нему крестьянами ихъ, и пошелъ къ Ядринску, оставя городъ подъ начальствомъ четырехъ яицкихъ казаковъ и давъ имъ въ распоряженіе шестьдесятъ приставшихъ къ нему холопьевъ. Онъ оставилъ за собою малую шайку для задержанія графа Меллина. Михельсонъ, шедшій къ Арзамасу, отрядилъ Харина къ Ядринску, куда спѣшилъ и графъ Меллинъ. Пугачевъ, узнавъ о томъ, обратился къ Алатырю, но прикрывая свое движеніе, послалъ къ Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а послѣ сего встрѣчена графомъ Меллинымъ и совсѣмъ разсѣяна. Меллинъ поспѣшилъ къ Алатырю, мимоходомъ освободилъ Курмышъ, гдѣ повѣсилъ нѣсколькихъ мятежниковъ, а казака, назвавшагося воеводою, взялъ съ собою, какъ языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса Ея Императорскаго Величества. «А что мы, писали они Ступишину, передъ Богомъ и Всемилостивѣйшею Государынею нашей нарушили присягу и тому злодѣю присягали, въ томъ приносимъ наше христіанское покаяніе и слезно просимъ отпущенія сего нашего невольнаго грѣха; ибо не иное насъ къ сему привело, какъ смертный страхъ». Двадцать человѣкъ подписали сіе постыдное извиненіе.

Пугачевъ стремился съ необыкновенною быстротою, отряжая во всѣ стороны свои шайки. Не знали,

въ которой находился онъ самъ. Настичь его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ лошадей, и оставлялъ за собою возмутителей, которые въ числѣ двухъ, трехъ и не болѣе пяти разъѣзжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Ступишину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ, мимо бунтующихъ береговъ.

27 іюля Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ. Онъ былъ встрѣченъ не только чернымъ народомъ, но духовенствомъ и купечествомъ... Триста человѣкъ дворянъ, всякаго пола и возраста, были имъ тутъ повѣшены: крестьяне и дворовые люди стекались къ нему толпами. Онъ выступилъ изъ города 30-го. На другой день Меллинъ вошелъ въ Саранскъ, взялъ подъ караулъ прапорщика Шахмаметева, посаженнаго въ воеводы отъ самозванца, также и другихъ важныхъ измѣнниковъ духовнаго и дворянскаго званія, а черныхъ людей велѣлъ высѣчь плетьми подъ висѣлицею.

Михельсонъ изъ Арзамаса устремился за Пугачевымъ. Муфель изъ Симбирска спѣшилъ ему же навстрѣчу. Меллинъ шелъ по его пятамъ. Такимъ образомъ три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія войскъ изъ Башкиріи, дабы отправить подкрѣпленіе дѣйствующимъ отрядамъ, и самъ хотѣлъ спѣшить за ними, но получа указъ отъ 8 іюля, сдалъ начальство князю Голицыну и отправился въ Петербургъ.

Между тѣмъ Пугачевъ приближился къ Пензѣ.

Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи, и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему на-встрѣчу съ иконами и хлѣбомъ, и пали передъ нимъ на колѣна. Пугачевъ въѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами, и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ; храбрый Всеволожскій погибъ съ своими товарищами; казенные и дворянскіе дома были ограблены. Пугачевъ посадилъ въ воеводы господскаго мужика, и пошелъ къ Саратову.

Узнавъ о занятіи Пензы, саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія.

Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряженъ былъ (какъ мы уже видѣли) въ село Малыковку, дабы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву, въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ киргизъ-кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узенямъ, и намѣревался идти на освобожденіе Яицкаго городка, но былъ предупрежденъ генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ гвардіи поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

1 августа Державинъ, обще съ главнымъ судіею конторы опекунства колонистовъ Лодыжинскимъ, потребовалъ саратовскаго коменданта Бошняка, для совѣщанія о мѣрахъ, кои должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣ-

пленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить баттареи и итти навстрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость, и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились — и Державинъ, вышедъ изъ себя, предлагалъ арестовать коменданта. Бошнякъ остался непоколебимъ, повторяя, что онъ ввѣренной ему крѣпости и Божіихъ церквей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Бошнякъ жаловался; но никто его не слушалъ. Памятникомъ сихъ споровъ осталось язвительное письмо Державина къ упрямому коменданту.[6]

4 августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы, и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ донскихъ казаковъ, и пустился съ ними въ Петровскъ, дабы вывести оттуда казну, порохъ и пушки. Но подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ навстрѣчу съ образами и хлѣбомъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ есауломъ и двумя казаками, и видя, что болѣе дѣлать нечего, пустился съ ними обратно къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева. Самозванецъ къ нимъ подъѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя на колѣнахъ. Услыша отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ же перемѣнилъ лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ

заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка.[7]

5 августа Пугачевъ пошелъ къ Саратову. Войско его состояло изъ трехъ-сотъ яицкихъ казаковъ и ста-пятидесяти донскихъ, приставшихъ къ нему наканунѣ, и тысячъ до десяти калмыковъ, башкирцевъ, ясачныхъ татаръ, господскихъ крестьянъ, холопьевъ и всякой сволочи. Тысячъ до двухъ были кое-какъ вооружены, остальные шли съ топорами, вилами и дубинами. Пушекъ было у него тринадцать.

6-го Пугачевъ пришелъ къ Саратову и остановился въ трехъ верстахъ отъ города.

Бошнякъ отрядилъ саратовскихъ казаковъ для поимки языка, но они передались Пугачеву. Между тѣмъ обыватели тайно подослали къ самозванцу купца Кобякова съ измѣнническими предложеніями. Бунтовщики подъѣхали къ самой крѣпости, разговаривая съ солдатами. Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Тогда жители, предводительствуемые городскимъ головою Протопоповымъ, явно возмутились и приступили къ Бошняку, требуя, чтобы онъ не начиналъ сраженія и ожидалъ возвращенія Кобякова. Бошнякъ спросилъ: какъ осмѣлились они, безъ его вѣдома вступить въ переговоры съ самозванцемъ? Они продолжали шумѣть. Между тѣмъ Кобяковъ возвратился съ возмутительнымъ письмомъ. Бошнякъ, выхвативъ его изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и растопталъ, а Кобякова велѣлъ взять подъ караулъ. Купцы пристали къ нему съ просьбами и угрозами, и Бошнякъ принужденъ былъ имъ уступить и освободить Кобякова. Онъ

однако приготовился къ оборонѣ. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, поставилъ баттарею и началъ по городу стрѣлять. По первому выстрѣлу крѣпостные казаки и обыватели разбѣжались. Бошнякъ велѣлъ выпалить изъ мортиры; но бомба упала въ пятидесяти саженяхъ. Онъ обошелъ свое войско, и всюду увидѣлъ уныніе, однако не терялъ своей бодрости. Мятежники напали на крѣпость. Онъ открылъ огонь, и уже успѣлъ ихъ отразить, какъ вдругъ триста артиллеристовъ, выхватя изъ-подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались. Въ это время самъ Пугачевъ кинулся съ горы на крѣпость. Тогда Бошнякъ, съ однимъ саратовскимъ баталіономъ, рѣшился продраться сквозь толпы мятежниковъ. Онъ приказалъ маіору Салманову выступить съ первою половиной баталіона, но замѣтя въ немъ робость или готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ начальства. Маіоръ Бутыринъ заступился за него, и Бошнякъ вторично оказалъ слабость: онъ оставилъ Салманова при его мѣстѣ, и обратясь ко второй половинѣ баталіона, приказалъ распускать знамена и выходить изъ укрѣпленій. Въ сію минуту Салмановъ передался, и Бошнякъ остался съ шестидесятью человѣками офицеровъ и солдатъ. Храбрый Бошнякъ съ этою горстью людей выступилъ изъ крѣпости, и цѣлые шесть часовъ сряду шелъ, пробиваясь сквозь безчисленныя толпы разбойниковъ. Ночь прекратила сраженіе. Бошнякъ достигъ береговъ Волги, казну и канцелярскія дѣла отправилъ рѣкою въ Астрахань, а самъ 11 августа благополучно прибылъ въ Царицынъ.

Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили

колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные амбары, разбили кабаки, и разграбили домы. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дворянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла; назначилъ въ коменданты города казацкаго пятидесятника Уфимцева, и 9-го августа въ полдень выступилъ изъ города. — 11-го въ разоренный Саратовъ прибылъ Муфель, а 14-го Михельсонъ. Оба, соединясь, поспѣшили вслѣдъ за Пугачевымъ.

Пугачевъ слѣдовалъ по теченію Волги. Иностранцы, тутъ поселенные, большею частію бродяги и негодяи, всѣ къ нему присоединились, возмущенные польскимъ конфедератомъ (неизвѣстно, кѣмъ по имени, только не Пулавскимъ; послѣдній уже тогда отсталъ отъ Пугачева, негодуя на его звѣрскую свирѣпость). Пугачевъ составилъ изъ нихъ гусарскій полкъ. Волжскіе казаки перешли также на его сторону.

Такимъ образомъ Пугачевъ со дня на день усиливался. Войско его состояло уже изъ двадцати тысячъ. Шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Бѣглый холопъ Евсигнеевъ, назвавшись также Петромъ III, взялъ Инсару, Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, повѣсилъ воеводъ и дворянъ, и вездѣ учредилъ свое правленіе. Разбойникъ Фирска подступилъ подъ Симбирскъ, убивъ въ сраженіи полковника Рычкова, заступившаго мѣсто Чернышева, погибшаго подъ Оренбургомъ при началѣ бунта; гарнизонъ измѣнилъ ему. Симбирскъ былъ спасенъ однако жъ прибытіемъ полковника Обернибѣсова. Фирска наполнилъ окрестности убійствами и грабежами. Верхній и Нижній Ломовъ были ограблены и сожжены другими злодѣями. Состояніе сего обшир-

наго края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всѣхъ селеніяхъ на воротахъ барскихъ дворовъ висѣли помѣщики или ихъ управители.[8] Мятежники и отряды, ихъ преслѣдующіе, отнимали у крестьянъ лошадей, запасы и послѣднее имущество. Правленіе было повсюду пресѣчено. Народъ не зналъ, кому повиноваться. На вопросъ: кому вы вѣруете — Петру Ѳедоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ? мирные люди не смѣли отвѣчать, не зная — какой сторонѣ принадлежали вопрошатели.

13 августа Пугачевъ приближился къ Дмитріевску (Камышенкѣ). Его встрѣтилъ маіоръ Дицъ съ пятью стами гарнизонныхъ солдатъ, ты сячью донскихъ казаковъ и пятью стами калмыковъ предводительствуемыхъ князьями Дундуковымъ Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки раз бѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Ка заки дрались храбро и доходили до самыхъ пушек но были отрѣзаны и передались. Дицъ былъ убитъ Гарнизонные солдаты со всѣми пушками были взяты Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія, на друго день занялъ Дубовку и двинулся къ Царицыну

Въ семъ городѣ, хорошо укрѣпленномъ, начал ствовалъ полковникъ Цыплетевъ. Съ нимъ нах дился храбрый Бошнякъ. 21 августа Пугачев подступилъ съ обыкновенною дерзостью. Отбить съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ о крѣпости. Противъ него выслали полторы тыся донскихъ казаковъ; но только четыреста возвр тились: остальные передались.

На другой день Пугачевъ подступилъ къ горо со стороны Волги, и былъ опять отбитъ Бош

омъ. Между тѣмъ услышалъ онъ о приближеніи
трядовъ, и поспѣшно сталъ удаляться къ Сарептѣ.
Михельсонъ, Муфель и Меллинъ прибыли 20-го
ъ Дубовку, а 22-го вступили въ Царицынъ.
Пугачевъ бѣжалъ по берегу Волги. Тутъ онъ
трѣтилъ астронома Ловица, и спросилъ, что онъ
человѣкъ. Услыша, что Ловицъ наблюдалъ те-
ніе свѣтилъ небесныхъ, онъ велѣлъ его повѣсить
ближе къ звѣздамъ. Адъюнктъ Иноходцевъ,
вшій тутъ же, успѣлъ убѣжать.
Пугачевъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки,
рываясь въ своемъ шатрѣ съ двумя наложница-
.[9] Семейство его находилось тутъ же. Онъ
стился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ
лъ по его пятамъ. Наконецъ, 25-го, на разсвѣтѣ
ъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ
рицына.
Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя доро-
ми. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ про-
зу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять уви-
лъ передъ собою своего грознаго гонителя, но
смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отря-
въ свою пѣшую сволочь противу донскихъ и
уевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоимъ кры-
мъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго.
сколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мя-
никовъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они
кали, бросая пушки и весь обозъ. Пугачевъ,
еправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ
ржать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били
реслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ
четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взя-
ли въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ
семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія пе-

реплылъ Волгу, выше Черноярска на четырехъ лод
кахъ, и ушелъ на луговую сторону, не болѣе как
съ тридцатью казаками. Преслѣдовшая его конниц
опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвш
переправиться на лодкахъ, бросились вплавь,
перетопули.

Сіе пораженіе было послѣднимъ и рѣшительнымъ
Графъ Панинъ, прибывшій въ то время въ Ке
ренскъ, послалъ въ Петербургъ радостное извѣстіе
отдавъ въ донесеніи своемъ полную справедливост
быстротѣ, искусству и храбрости Михельсон
Между тѣмъ новое, важное лицо является на сцен
дѣйствія: Суворовъ прибылъ въ Царицынъ.

Еще при жизни Бибикова, государственная ко
легія, видя важность возмущенія, вызывала Сув
рова, который въ то время находился подъ стѣнам
Силистріи; но графъ Румянцевъ не пустилъ ег
дабы не подать Европѣ слишкомъ великаго понят
о внутреннихъ безпокойствахъ государства. Т
кова была слава Суворова! По окончаніи же войн
Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣха
въ Москву, къ князю Волконскому, для принят
дальнѣйшихъ препорученій. Онъ свидѣлся съ гр
фомъ Панинымъ въ его деревнѣ, и явился въ отря
Михельсона нѣсколько дней послѣ послѣдней
бѣды. Суворовъ имѣлъ отъ графа Панина предп
саніе начальникамъ войскъ и губернаторамъ — и
полнять его приказанія. Онъ принялъ начальст
надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ
хоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Цар
цынѣ переправился черезъ Волгу. Въ одной и
бунтовавшихъ деревень онъ взялъ, подъ видо
наказанія, пятьдесятъ паръ воловъ, и съ симъ за
сомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣ

число аханов, опредѣленной же мѣры, чиновники получаютъ по чинамъ своимъ по два, по три и болѣе участковъ.

«Аханъ, опущенный въ море подъ ледъ, вѣшается въ перпендикулярномъ къ поверхности положеніи и придерживается на обоихъ краяхъ и на срединѣ тремя веревками или петлями, для коихъ дѣлаются три проруба, и въ кои вдѣваютъ палки или шестики, на льду надъ прорубами лежащіе.

Установленные такимъ образомъ аханы требуютъ только того, чтобъ промышленникъ отъ времени до времени подходилъ къ нимъ, за средину подымалъ каждый изъ средняго проруба, или, какъ здѣсь говорятъ, наслушивалъ, и если по тяжести почувствуетъ, что въ немъ уже запуталась какая нибудь рыба, то вытаскивалъ бы его, снималъ добычу и потомъ опять по прежнему устанавливалъ. Сей способъ ловли чрезвычайно выгоденъ для тѣхъ, которые занимаются онымъ, но, не допуская рыбы вверхъ Урала, онъ дѣлаетъ подрывъ багреннымъ промышленникамъ.

«6-я, курхайской ловъ бываетъ обыкновенно весною и только въ морѣ, или, лучше сказать, на взморьѣ. Онъ производится посредствомъ сѣтей, которыя въ перпендикулярномъ къ поверхности воды положеніи привязываются на концахъ и срединѣ къ тремъ шестамъ, вбитымъ въ дно морское. Рыбу, идущую изъ моря и запутывающуюся въ сіи сѣти, снимаютъ въ лодки, на коихъ разъѣзжаетъ промышленникъ около своихъ снастей.

«7-я, ловъ крючками, навѣшенными на веревку, которая также тремя петлями удерживаема бываетъ подъ льдомъ, менѣе всѣхъ сказанныхъ значителенъ.

терпаютъ;* во-вторыхъ, при каждой изъ сѣтей ихъ, ярыгами называемыхъ, находится два человѣка въ двухъ бударкахъ по обѣимъ сторонамъ. Начинаютъ осенній промыселъ также, какъ и прочіе, подъ начальствомъ особаго атамана, изъ назначеннаго рубежа. Дабы одинъ большою сѣтью или ярыгою не захватилъ болѣе пространства и слѣдовательно болѣе рыбы, нежели другой, у коего сѣть меньше, то опредѣлена однажды навсегда длина всѣхъ сѣтей. Когда на одномъ мѣстѣ выловятъ всю рыбу, то опять собираются туда, гдѣ атаманъ, и ѣдутъ далѣе до слѣдующаго рубежа, или говоря языкомъ казаковъ, дѣлаютъ другой ударъ.

«Осенняя плавня производится только съ того мѣста, гдѣ оканчивается багренье, т. е. верстахъ въ 200 отъ Уральска и до моря.**

«4-я, неводами; начинаютъ ловить зимою, также по назначенію канцеляріи, но не собраніемъ, а по одиначкѣ, кто гдѣ желаетъ. Неводъ пропускается подъ льдомъ на шестѣ, который направляютъ куда хотятъ, посредствомъ прорубовъ.

«5-я, рыболовство аханное или аханами, т. е. особаго рода сѣтями; производится около половины декабря и только въ морѣ, т. е. недалеко отъ Гурьева. Въ день, назначенный для начала сего промысла, начальникъ онаго раздаетъ всѣмъ желающимъ и имѣющимъ право ловить участки по жребію. Участки всѣ равны, т. е. каждому казаку отводится равное пространство на опредѣленное

---

* Это потому, что рыба въ сіе время избрала мѣсто на зимовку.

** Каждый казакъ имѣетъ при семъ ловѣ у себя работника. За полутора или двухмѣсячные труды долженъ онъ ему заплатить отъ 70 до 100 рублей.

«2-я рыбная ловля, есть весенняя плавня ил
севрюжное рыболовство, такъ называемое потому
что въ сіе время попадаются почти только однѣ се
рюги. Начинается она въ апрѣлѣ, тотчась по вскры
тіи льда подъ Уральскомъ, и продолжается окол
двухъ мѣсяцевъ по всему пространству Урала д
моря. Для нее, такъ какъ и для всѣхъ прочихъ про
мысловъ, назначается день, избирается атаманъ,
дается ему пушка, по выстрѣлу изъ которой вс
собравшіеся на промыселъ казаки пускаются с
мѣста въ маленькихъ бударахъ, не помѣщающих
въ себѣ болѣе одного человѣка, и каждый начинает
выкидывать опредѣленной длины сѣть свою. Упо
требляемыя въ сіе время сѣти состоятъ изъ двух
полотенъ, одного рѣдкаго, а другаго частаго, дабы
между ними запутывалась рыба, которая весно
обыкновенно подымается изъ моря вверхъ по
Уралу. Одинъ конецъ таковой сѣти привязанъ к
плавающему по водѣ боченку или куску дерева
а другой держитъ казакъ за двѣ веревки. Для
привала назначается рубежъ, и противъ него на
берегу ставка атаманская, близъ которой вс
должны окончить ловлю. Окончаніе возвѣщается
вечеромъ опять пушечнымъ выстрѣломъ. Осетров
и бѣлугъ, кои въ сіе время попадаются, по поло-
женію должно бросать назадъ въ воду; ибо, во-пер-
выхъ, они тогда еще малы, во-вторыхъ, слишкомъ
дешевы. Преступающихъ сіе положеніе наказы-
ваютъ, и отнимаютъ у нихъ всю наловленную рыбу.

3-я, осенняя плавня, начинающаяся 1 октя-
бря, оканчивается въ ноябрѣ, имѣетъ то отличіе
отъ весенней, что, во-первыхъ, въ оной употре-
бляются сѣти совсѣмъ другаго рода, т. е. сплетен-
ныя на подобіе мѣшка, которымъ рыбу какъ бы

рала, обворожительна! Скорость, съ каковою всѣ заки другъ друга обгоняютъ, всеобщее движеніе, которое все приходитъ тотчасъ по пріѣздѣ на сто ловли, и въ нѣсколько минутъ возрастающій льду лѣсъ багровъ, поражаютъ глаза необыкновеннымъ образомъ. Лишь только багры опущены, ба, встревоженная шумомъ скачущихъ лошадей, днимается съ мѣста, суетится и напирается на гры, опускаемые такъ, чтобы они на нѣсколько ршковъ не доходили до дна. Въ изобильномъ стѣ иногда еще не пройдетъ четверти часа отъ чала багренья, какъ уже вездѣ на льду видны епещущіе осетры, бѣлуги, севрюги и проч. Если ба, попавшаяся на багоръ, столь велика, что инъ не можетъ ее вытащить, то онъ тотчасъ протъ помощи, и товарищи его или сосѣды подбаиваютъ ему. На каждый день багренья назначается рубежъ, далѣе котораго никто не долженъ хать.

«Послѣ малаго багренья ежегодно отправляютъ гъ лица войска нѣкоторое количество наилучшей кры и рыбы ко Двору. Приношеніе сіе, какъ знакъ ѣрноподданства, издавна существующее, называется презентомъ, или первымъ кусомъ. Для овли таковаго презента обыкновенно назначается учшее мѣсто или етовъ; и если въ оной набагрятъ ало, то недостающее количество рыбы покупаютъ а сумму войсковой канцеляріи. Если же во время агренья для двора поймаютъ рыбы болѣе, нежели ужно, то остальную запрещается нѣсколько времеи продавать, дабы ее не привезли въ Петербургъ режде посланной отъ войска. Офицеры, съ презеномъ отправляемые, получаютъ денежныя награды тъ Двора на путевыя издержки, на ковшъ и саблю.

казаковъ, для соблюденія порядка, а за нимъ ряда
всѣ выѣхавшіе багрить. Число сихъ послѣдни
простирается всегда до нѣсколькихъ тысячъ; еже
кто изъ нихъ осмѣлится поскакать съ мѣста оди
то передовые блюстители порядка рубятъ у не
багры и збрую.

«Строгая и справедливая мѣра сія неволь
удерживаетъ на мѣстѣ казаковъ, изъ коихъ поч
у каждаго на лицѣ написано нетерпѣливое жела
скорѣе пуститься впередъ. Этого мало: даже у л
шадей ихъ, пріученныхъ къ сему промыслу,
глазахъ видно нетерпѣніе скакать. Атаманъ,
котораго всѣ взоры устремлены, ходя около сан
своихъ и приближаясь къ нимъ какъ будто дл
того, чтобъ садиться и опять отходя, не разъ заста
ляетъ ихъ ошибаться въ сигналѣ; наконецъ он
дѣйствительно бросается въ санки, даетъ знак
пускаетъ во всю прыть лошадь свою и за ним
скачетъ все собравшееся войско. Тутъ уже нѣт
никакого порядка и никому пощады. Всякой ст
рается опередить другаго, и горе тому, кто по н
счастію вывалится изъ саней. Если онъ не будет
раздавленъ, чему примѣровъ мало помнятъ,
легко можетъ быть изуродаванъ.

«Прискакавъ къ назначенному для ловли мѣсту
всѣ сани останавливаются; всякой выскакивае
изъ нихъ съ наивозможною поспѣшностію, проб
ваетъ во льду небольшой прорубъ, и тотчасъ оп
скаетъ въ него багоръ свой. Картина, представл
ющаяся въ сію минуту для зрителей съ берегов

---

* Мѣста сіи называются здѣсь етовы, и замѣчаются осен
по множеству рыбы, которая, расположившись въ нихъ зим
вать, при восхожденіи и захожденіи солнечномъ на поверхнос
воды показывается.

гому, что оно составляетъ главнѣйшій и почти
инственный источникъ богатства здѣшнихъ жи-
лей, такъ и потому, что различные образы про-
водства онаго очень любопытны. Прежде же всего
мѣтимъ, что противъ города Уральска ежегодно
слѣ весенняго половодья дѣлаютъ изъ толстыхъ
евенъ чрезъ Уралъ загороду или рѣшетку, назы-
емую учугъ, который останавливаетъ и не
скаетъ далѣе вверхъ рыбу, идущую изъ моря.*
«Главнѣйшія рыбныя ловли, изъ которыхъ ни
ной нельзя начать прежде дня, опредѣляемаго
йсковою канцеляріею, суть:
«1-я, багренье, раздѣляющееся на малое и боль-
ое. Первое начинается около 20-го или 18-го
исла декабря, и не продолжается долѣе 25-го;
горое начинаютъ около 6-го января, и оканчиваютъ
ь томъ же мѣсяцѣ. Багрятъ рыбу только отъ
ральска верстъ на 200 внизъ; далѣе не продол-
аютъ, потому что тамъ производится осенняя
овля.
«Образъ багренья таковъ: въ назначенный день
часъ является на Уралъ атаманъ багренья (вся-
ой разъ назначаемый канцеляріею изъ штабъ-
фицеровъ), и всѣ имѣющіе право багрить казаки,
сякой въ маленькихъ одиночныхъ санкахъ въ одну
ошадь, съ пешнею, лопатою и нѣсколькими багра-
ми, коихъ желѣзныя острія лежатъ на гужахъ хо-
ута у оглобли, а деревянные составные шесты,
линою въ 3, 4, иногда въ 12 саженъ, тащатся по
нѣгу. Прибывъ на сборное мѣсто, становятся впе-
реди атаманъ и около его нѣсколько конныхъ

* По словамъ стариковъ, прежде такъ бывало много на Уралѣ
рыбы, что отъ напору оной учугъ ломался, и ее прогоняли на-
задъ пушечными выстрѣлами съ берега.

въ Бухарію, для сопровожденія бывшей тамъ мисс
нашей, по неизвѣстности земель, платили по 2000
даже до 3000 руб. каждому казаку. Тотъ, который
случаѣ раскладки не можетъ за себя заплатить, сам
нанимается въ походъ. Иные, нанявшись, сдают
свою обязанность другимъ, иногда съ барышемъ дл
себя. — Плата тѣмъ, кои нанимаются въ линейну
стражу, самая малая, потому что они, имѣя въ фо
постахъ и крѣпостяхъ свои собственные домы, ск
товодство, мѣну и все имущество, невольно идут
оберегать границу, хотя впрочемъ необходимост
сія лишаетъ ихъ права участвовать въ общихъ ры
ныхъ промыслахъ.

«Обыкновеніе служить по найму, съ одной стор
ны по-видимому несправедливое, потому что бо
гатый всегда отъ службы избавленъ, а бѣдны
всегда несетъ ее, съ другой стороны полезно: иб
— 1-е, теперь всякой казакъ, выступающій въ по
ходъ, имѣетъ возможность хорошо одѣться и во
оружиться; 2-е, онъ, оставляя семейство сво
можетъ удѣлить оному довольно денегъ на содер
жаніе во время своей отлучки; 3-е, человѣкъ, за
нимающійся промысломъ какимъ нибудь или ра
ботою, полезною для него и для другихъ, н
принужденъ бросать занятій своихъ и невольн
итти на службу, которую бы отправлялъ очен
неисправно. Отставные казаки уже ни въ каких
службахъ не участвуютъ, а потому и на рыбны
ловли безъ платы ѣздить не могутъ.» (Историч.
статист. обозрѣніе уральскихъ казаковъ).

Выписываемъ изъ той же книги живое и любо
пытное изображеніе рыбной ловли на Уралѣ.

«Теперь обратимъ вниманіе на рыболовство ураль
скаго войска и разсмотримъ оное подробнѣе, как

гіспыхъ, объясняя дѣло и исчисляя пользы онаго. Іли казаки были имъ довольны, то убѣжденія его сто дѣйствовали; въ противномъ случаѣ никто і внималъ ему, и воля народа исполнялась.» (сторич. и статист. обозрѣніе уральскихъ ізаковъ).

7. «Уральское казачье войско, также какъ и всѣ ізаки, не платятъ государству податей, но оно сетъ службу и обязано во всякое время по пер-му требованію выставлять на свой счетъ опредѣ-нное число одѣтыхъ и вооруженныхъ конныхъ иновъ; а въ случаѣ нужды всѣ, считающіеся на ужбѣ, должны выступить въ походъ. Теперь слу-ащихъ казаковъ въ уральскомъ войскѣ 12 пол-овъ. Изъ нихъ одинъ въ Илецкой и одинъ въ акмарской станицахъ. Сіи оба полка, какъ не аствующіе въ богатыхъ рыбныхъ промыслахъ ральскихъ, не участвуютъ и въ нарядѣ казаковъ ь армію; но отправляютъ только линейную службу, е. оберегаютъ границу отъ киргизовъ. Остальные 0 полковъ, считающіеся на службѣ, но дѣйстви-ельно не служащіе, выставляютъ на свой счетъ олки въ армію, и стражу на линію, по всему про-транству земель своихъ до Каспійскаго моря. Какъ ервая, такъ и вторая служба несутся не по очере-и, но по найму, за деньги. При первомъ повелѣніи правительства о нарядѣ одного или нѣсколькихъ олковъ, дѣлается раскладка: на сколько чело-ѣкъ, считающихся въ службѣ, приходитъ поста-ить одного вооруженнаго, и потомъ каждый тако-ой участокъ общими силами нанимаетъ одного азака съ тѣмъ, чтобы онъ самъ себя и обмундиро-залъ и вооружилъ. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и болѣе; а за 10-мѣсячный походъ

себѣ и забрали. И такъ всѣ оные яицкіе каза
300 человѣкъ тамъ пропали. Означенный же а
манъ Шамай, спустя нѣсколько лѣтъ, калмыка
привезенъ и отданъ въ яицкое войско.» (Топ
графія Оренбургская).

6. Смотри статью г-на С.: О внутреннемъ с
стояніи донскихъ казаковъ въ концѣ X
столѣтія, напечатанную въ Соревновател
Просвѣщенія 1824 года. Вотъ что пише
г. Левшинъ о казацкихъ кругахъ:

«Коль-скоро, бывало, получится какой нибу
указъ, или случится какое нибудь общее войсков
дѣло, то на колокольнѣ соборной церкви бьют
сполохъ, или повѣстку, дабы всѣ казаки сходилис
на сборное мѣсто къ войсковой избѣ, или приказ
(что нынѣ канцелярія войсковая), гдѣ ожидает
ихъ войсковой атаманъ. Когда соберется довольн
много народа, то атаманъ выходитъ къ оному из
избы на крыльцо съ серебряною позолоченною бул
вою; за нимъ съ жезлами въ рукахъ есаулы, которы
тотчасъ идутъ въ средину собранія, кладутъ жезл
и шапки на землю, читаютъ молитву и кланяются
сперва атаману, а потомъ на всѣ стороны окружа
ющимъ ихъ казакамъ. Послѣ того берутъ они жезл
и шапки опять въ руки, подходятъ къ атаману
принимая отъ него приказанія, возвращаются к
народу и громко привѣтствуютъ оный сими сло
вами: помолчите, атаманы молодцы и вс
великое войско яицкое! А наконецъ, объя
вивъ дѣло, для котораго созвано собраніе, вопро
шаютъ: любо ль, атаманы молодцы? Тогда
со всѣхъ сторонъ или кричатъ: любо, или поды
маются ропотъ и крики нелюбо. Въ послѣднемъ
случаѣ атаманъ самъ начиналъ увѣщевать несо

из въ томъ отказали. За сіе калмыки, озлобясь, упо-
т били противу ихъ такое лукавство, что собрав-
шись многолюдно, скрылись въ потайное низменное
мсто, а впередъ себя послали на высокое мѣсто
дхъ калмыкъ и приказали, усмотря яицкихъ
заковъ, рыть землю, и бросая оную вверхъ, дѣлать
кой видъ, яко бы они роютъ звѣриныя жъ ямы.
Гредовые казаки, увидѣвши ихъ, подумали, что
еще калмыцкіе гулебщики роютъ ямы, и сказали
омъ Шамаѣ, своему атаману, и потомъ всѣ изъ
озу поскакали за ними. Калмыки отъ казаковъ
всю силу побѣжали на тѣ самыя мѣста, гдѣ было
рытное калмыцкое войско, и такъ ихъ навели
калмыкъ, которые всѣ вдругъ на нихъ казаковъ
арили и помянутаго атамана съ нѣсколькими
заками захватя, удержали у себя одного атамана,
я сего токмо, дабы тѣмъ удержаніемъ прежде
хваченныхъ ими калмыкъ высвободить; ибо про-
хъ отпустя, требовали оныхъ своихъ калмычатъ
себѣ обратно. Но наказной атаманъ отвѣтство-
лъ, что у нихъ атамановъ много, а безъ вожей
ъ пробыть нельзя, и съ тѣмъ далѣе въ путь свой
правились; токмо на то мѣсто, гдѣ прежде съ
аманомъ Нечаемъ казаки чрезъ горловину Сыръ-
арьи переправлялись, не потрафили, но про-
ибшись выше, угодили къ Аральскому морю, гдѣ
нихъ провіанта не стало. Къ тому жъ наступило
мнее время; чего ради принуждены они были на
омъ Аральскомъ морѣ зимовать, и въ такой вели-
ой гладъ пришли, что другъ друга умерщвляя ѣли,
другіе съ голоду помирали. Оставшіе жъ посы-
али къ хивинцамъ съ прошеніемъ, чтобъ ихъ къ
ебѣ взяли и спасли бъ ихъ тѣмъ отъ смерти; по-
ему, пріѣхавъ къ нимъ, хивинцы всѣхъ ихъ къ

всѣми имѣвшимися при немъ людьми побитъ, кромѣ трехъ или четырехъ человѣкъ, кои ушедъ отъ того побоища, въ войско яицкое возвратились и о его погибели разсказали. Въ ономъ войсковыхъ атамановъ объявленіи показано и сіе, яко бы хивинцы съ того времени оную горловину, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впала, на устьѣ ея отъ Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судами ходу не было; но я послѣднее сіе обстоятельство, за неимѣніемъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій, не утверждаю, а представляю оное такъ, какъ мнѣ отъ помянутыхъ войсковыхъ атамановъ сказано.

«Нѣсколько лѣтъ послѣ того яицкіе казаки селеніемъ своимъ перешли къ устью рѣки Чагана, на то третіе мѣсто, гдѣ нынѣ Яицкой казачій городъ находится. Утвердившись же тутъ селеніемъ, и еще въ людствѣ гораздо умножась, одинъ изъ нихъ, по прозванію Шамай, прибравъ себѣ въ товарищество человѣкъ до 300, взялъ такое жъ намѣреніе, какъ и Нечай, а именно, чтобъ еще опытъ учинить походомъ на Хиву, для наживы тамошними богатствами. И такъ, согласясь, пошли вверхъ по Яику до Илека рѣки, по которой вверхъ нѣсколько дней отошедъ, зазимовали, а весною далѣе отправились. Будучи около рѣки Сыръ-Дарьи, на степи усмотрѣли двухъ калмыцкихъ ребятъ, которые ходили для звѣроловства и разрывали ямы звѣриныя; ибо тогда около оной рѣки Сыръ-Дарьи кочевали еще калмыки. Захватя сихъ калмыцкихъ ребятъ, употребляли они ихъ на той степи за вожей, ради показанія дорогъ. И хотя калмыки оныхъ своихъ ребятъ у нихъ казаковъ къ себѣ требовали, но они

круга, приказалъ его повѣсить: почему онъ тогда жъ и повѣшенъ, а оныя горы прозваны, и понынѣ именуются Дьяковыми.

«Отправясь онъ Нечай въ путь свой съ тѣми казаками, до Хивы способно дошелъ, и поступя подъ нее въ такое время, когда хивинскій ханъ со всѣми своими войсками былъ на войнѣ въ другихъ тамошнихъ сторонахъ, а въ городѣ Хивѣ, кромѣ малыхъ и престарѣлыхъ никого почти не было, безъ всякаго труда и препятствія, городомъ и всѣмъ тамошнимъ богатствомъ завладѣлъ, а ханскихъ женъ въ полонъ побралъ, изъ которыхъ одну онъ Нечай самъ себѣ взялъ, и при себѣ ее содержалъ. По таковомъ счастливомъ завладѣніи, онъ Нечай и бывшіе съ нимъ казаки нѣсколько времени жили въ Хивѣ во всякихъ забавахъ, и объ опасности весьма мало думали; но та ханская жена, знатно полюбя его Нечая, совѣтовала ему: ежели онъ хочетъ животъ свой спасти, то бъ онъ со всѣми своими людьми заблаговременно изъ города убирался, дабы ханъ съ войскомъ своимъ тутъ его не засталъ; и хотя онъ Нечай той ханской жены наконецъ и послушалъ, однако не весьма скоро изъ Хивы выступилъ, и въ пути, будучи отягощенъ многою и богатою добычею, скоро слѣдовать не могъ; а ханъ, вскорѣ потомъ возвратясь изъ своего похода и видя, что городъ его Хива разграбленъ, нимало не мѣшкавъ, со всѣмъ своимъ войскомъ въ погоню за нимъ Нечаемъ отправился, и черезъ три дня его настигъ на рѣкѣ, именуемой Сыръ-Дарья, гдѣ казаки чрезъ горловину ея переправились, и напалъ на нихъ съ такимъ устремленіемъ, что Нечай съ казаками своими хотя и храбро оборонялся и многихъ хивинцевъ побилъ, но напослѣдокъ со

они были употребляемы въ большей части главныхъ военныхъ дѣйствій Россіи, какъ-то: въ 1696 г. подъ Азовомъ; въ 1701, 1702, 1704 и 1707 г. противъ шведовъ; въ 1708 году 1225 казаковъ были опять посланы для усмиренія башкирцевъ; въ 1711 году 1500 человѣкъ на Кубань; въ 1717 году 1500 казаковъ пошли съ княземъ Бековичемъ Черкаскимъ въ Хиву, и такъ далѣе. (Г. Левшинъ).

4. Г. Левшинъ справедливо замѣчаетъ, что царскіе стрѣльцы вѣроятно помѣшали яицкимъ казакамъ принять участіе въ возмущеніи Разина. Какъ бы то ни было, нынѣшніе уральскіе казаки не терпятъ имени его, и слова Разина порода почитаются у нихъ за жесточайшую брань.

5. «Въ тѣ жъ времена изъ казаковъ яицкаго войска нѣкто, по прозванію Нечай, собравъ себѣ въ компанію 500 человѣкъ, взялъ намѣреніе идти въ Хиву, уповая быть тамъ великому богатству и получить себѣ знатную добычу. Съ оными отправился онъ по Яику рѣкѣ вверхъ, и будучи у горъ, называемыхъ нынѣ Дьяковыми, отъ нынѣшняго городка вверхъ Яика 30 верстъ, остановился, и по казачему обыкновенію, учинилъ совѣтъ, или кругъ для разсужденія о томъ своемъ предпріятіи, и чтобъ избрать человѣка для показанія прямаго и удобнѣйшаго туда тракту. Когда въ кругу учиненъ былъ о томъ докладъ, тогда дьякъ его, или писарь, выступя, сталъ представлять, коль отважно и не сходно оное ихъ предпріятіе, изъясняя, что путь будетъ степной, незнакомой, провіанта съ ними не довольно, да и самихъ ихъ на такое великое дѣло малолюдно. Помянутый Нечай отъ сего дьякова представленія такъ много разсердился, и въ такую запальчивость пришелъ, что, не выходя изъ того

ною Рычковымъ въ Оренбургской Топографіи, приемъ первыя его объ уральскомъ казачьемъ войскѣ извѣстія, напечатанныя въ Оренбургской Исторіи, дополнимъ оныя свѣдѣніями, заключающимися въ помянутыхъ доношеніяхъ Рукавишникова и Неплюева, и преданіями, мною самимъ собранными на Уралѣ; сообразимъ ихъ съ сочиненіями знаменитѣйшихъ писателей и предложимъ читателямъ слѣдующее Историческое обозрѣніе уральскихъ казаковъ.»

2. О Гугнихѣ смотри подробное баснословіе Рычкова, въ его Оренбургской Исторіи.

3. Грамота сія не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что оная сгорѣла во время бывшаго пожара. «Не только сія грамота, говоритъ г. Левшинъ, безъ которой нельзя точно опредѣлить начала подданства уральскихъ казаковъ Россіи, но и многія другія, данныя имъ Царями Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, Алексѣемъ Михаиловичемъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, сгорѣли. Древнѣйшій и единственный актъ, найденный Неплюевымъ въ яицкой войсковой избѣ, была грамота царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, 1684 года, гдѣ упоминается о прежнихъ службахъ войска со временъ Михаила.»

Съ 1655, то есть съ первой службы уральскихъ казаковъ противъ поляковъ и шведовъ, до 1681 года нѣтъ извѣстій о походахъ ихъ. Въ 1681 и 1682 годахъ служили триста казаковъ подъ Чигириномъ. Въ 1683 послано было изъ нихъ 500 человѣкъ къ Мензелинску для усмиренія бунтовавшихъ башкирцевъ, за что сверхъ жалованья деньгами и сукномъ повелѣно было снабжать ихъ артиллерійскими снарядами.* Со временъ Петра Великаго

* Доношеніе Неплюева и Журналъ Акутина.

столѣтіи? Таковое предположеніе ближе къ истин
и, какъ увидимъ сейчасъ, согласно съ прочим
извѣстіями о началѣ уральскихъ казаковъ.

«III. И Гугниха, и Рукавишниковъ, и Рычков
въ Исторіи Оренбургской, и преданія, мною самим
слышанныя въ Уральскѣ и Гурьевѣ, единогласн
говорятъ, что уральскіе казаки происходятъ от
донскихъ. Но во времена Тамерлана донскіе казак
еще не существовали, и исторія нигдѣ намъ н
говоритъ объ нихъ прежде XVI столѣтія. Даж
если принять, что они составляютъ одинъ и тотъ ж
народъ съ азовскими казаками, то и о сихъ послѣд
нихъ, какъ пишетъ г. Карамзинъ,* лѣтописи в
первый разъ упоминаютъ уже въ 1499 году, т. е
слишкомъ чрезъ 100 лѣтъ послѣ нашествія Тамер
лана.

«IV. Въ XIV столѣтіи Россія еще не свергла иг
татарскаго; границы ея тогда были отдалены от
Каспійскаго моря болѣе, нежели на тысячу верстъ,
и обширная степь, отъ Дона чрезъ Волгу до Яика
простирающаяся, была покрыта племенами мон
голо-татарскими. Какъ же могла горсть буйныхъ
казаковъ не только пробраться чрезъ такое большое
разстояніе и чрезъ тысячи непріятелей, но даже
поселиться между ними и грабить ихъ? Миллеръ,
извѣстный своими изысканіями и свѣдѣніями въ
исторіи нашей, говоритъ:** пока татары южными
россійскаго государства странами владѣ-
ли, о россійскихъ казакахъ ничего не
слышно было.

«Показавъ несправедливость повѣсти, помѣщен

---

* См. Истор. рос. государства, томъ 4, примѣч. 495. — Л.

** Въ статьѣ О началѣ и происхожденіи казаковъ. Сочин. и перев. 1760 года. — Л.

вѣсть принята за единственный и правдоподобнѣйшій источникъ для исторіи уральскихъ казаковъ, и поелику она неоднократно повторена въ новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ,* я мы обязанностью почитаемъ войти въ нѣкоторыя, хотя и скучныя, подробности для опроверженія оной.

«I. Если атаманъ Григорій Меркульевъ, жившій около ста лѣтъ, умеръ въ 1741 году, то онъ родился въ 1641 или близъ того времени. Столѣтняя бабка его, разсказывавшая ему такую подробную и важную для всякаго казака исторію и слѣдовательно не мершая не прежде, какъ когда ему было 15 лѣтъ, то есть около 1656 года, должна была родиться въ 556 году или хотя въ 1550; Гугниху же узнала она на двадцатомъ году своего возраста, т. е. около 570 года. Положивъ теперь, что Гугнихѣ было тогда лѣтъ 90, выйдетъ, что она родилась въ 1480 году или, короче сказать, въ концѣ XV столѣтія. Какъ же она могла помнить такія происшествія, которыя были въ XIV столѣтіи, т. е. почти за сто лѣтъ до ея рожденія: ибо Тамерланъ приходилъ въ Россію въ 1395 году?**

«II. Мужъ Гугнихи въ малыхъ лѣтахъ слыхалъ отъ стариковъ, что отъ рѣки Яика не очень далеко есть россійскіе города Астрахань и другіе.*** Извѣстно, что Астрахань взята въ 1554 году†; и такъ не должно ли здѣсь предполагать, что сама Гугниха и мужъ ея жили въ XVI

* Напримѣръ, въ Хозяйственномъ описаніи Астраханской губерніи 1809 года, въ 29 книжкѣ Сына Отечества на 1821 годъ, и пр. — Л.

** Исторія Россійская г. Карамзина, томъ 5, стр. 144. — Л.

*** Подлинныя слова Рычкова въ той же 2 главѣ Топографіи. — Л.

† Той же Исторіи г. Карамзина, томъ 8, стр. 222. — Л.

отецъ, Григорій, былъ также войсковымъ атаманом
жилъ сто лѣтъ, умеръ въ 1741 г. и слышалъ
молодости отъ столѣтней же бабки своей, что он
будучи лѣтъ двадцати отъ-роду, знала очень стару
татарку, по имени Гугниху, разсказывавшую
слѣдующее: «Во время Тамерлана одинъ донско
казакъ, по имени Василій Гугна, съ тридцатью ч
ловѣками товарищей изъ казаковъ же и одним
татариномъ, удалился съ Дона для грабежей в
востокъ, сдѣлалъ лодки, пустился на оныхъ в
Каспійское море, дошелъ до устья Урала, и найд
окрестности онаго необитаемыми, поселился в
нихъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, шайка сі
напала на скрывшихся близъ ея жилища въ лѣ
сахъ трехъ братьевъ татаръ, изъ которыхъ младшій
былъ женать на ней Гугнихѣ (повѣствовательницѣ)
и которые отдѣлились отъ Золотой Орды, также раз
сѣявшейся, потому что Тамерланъ, возвращаясь
изъ Россіи, намѣревался напасть на оную. Трехъ
братьевъ сихъ казаки побили, а ее, Гугниху, взяли
въ плѣнъ и подарили своему атаману». Далѣе
послѣ нѣсколькихъ пустыхъ подробностей, та же
повѣствовательница разсказывала, «что мужъ ея еще
въ дѣтствѣ слыхалъ о россійскомъ городѣ Астра-
хани; что съ казаками, ее плѣнившими, при ней
соединилось много татаръ Золотой Орды и рус-
скихъ, что они убивали дѣтей своихъ и проч.»

«Продолженіе ея разсказовъ сходно съ тѣмъ, что
мы будемъ описывать за истинное; но изложенное
сейчасъ начало, не взирая на извѣстную ученость,
полезные труды и обширныя свѣдѣнія Рычкова о
Средней Азіи и Оренбургскомъ краѣ, хронологи-
чески невозможно и противно многимъ несомнѣн-
нымъ историческимъ извѣстіямъ. Поелику же сія

›сти, которыя не заслуживаютъ опроверженія для
/сскихъ, приняты однако жъ въ прочихъ частяхъ
вропы за справедливыя. Знаменитый Пуффен-
›рфъ и Дегинь внесли ихъ, къ сожалѣнію, въ свои
›чиненія.*

«Возвращаясь къ вышеупомянутымъ пяти источ-
никамъ нашимъ и сравнивая ихъ между собою, во
ѣхъ видимъ ту главную истину, что яицкіе или
ральскіе** казаки произошли изъ донскихъ; но
времени поселенія ихъ на занимаемыхъ теперь
ѣстахъ не находимъ положительнаго и едино-
гласнаго извѣстія.

«Рукавишниковъ, писавшій, какъ сказали мы,
ъ 1720 году, полагалъ, что предки его пришли на
Іикъ, можетъ быть, назадъ около двухъ
отъ лѣтъ, т. е. въ первой половинѣ XVI столѣтія.

«Неплюевъ повторяетъ слова Рукавишникова.

«Рычковъ, въ Оренбургской Исторіи, пишетъ:
начало сего яицкаго войска, по извѣсті-
мъ отъ яицкихъ старшинъ произошло
около 1584 года.*** Въ Топографіи же, сочиненной
послѣ Исторіи, онъ говоритъ, что первое поселеніе
казаковъ на Яикѣ случилось въ XIV столѣтіи.†

«Сіе послѣднее извѣстіе основано имъ на пре-
даніи, полученномъ въ 1748 году, отъ яицкаго
войсковаго атамана Ильи Меркульева, котораго

---

* Histoire des Huns et des Tat, liv. 19, chap. 2. — Л.

** Далѣе увидимъ, когда рѣка Яикъ получила названіе Урала. — Л.

*** Извѣстія объ уральскомъ войскѣ, помѣщенныя въ Оренбургской Исторіи Рычкова, собраны имъ, по собственнымъ словамъ его, въ 1744 году; а тѣ, которыя помѣстилъ онъ въ Топографіи своей, получены имъ въ 1748 году. — Л.

† См. Сочиненія и переводы ежемѣсячные 1762 года, мѣсяцъ августъ. — Л.

«Дополненіемъ и продолженіемъ онаго служатъ: 1. Донесеніе оренбургскаго губернатора Неплюева военной коллегіи, отъ 22 ноября 1748 года.* 2. Оренбургская Исторія Рычкова. 3. Его же Оренбургская Топографія. 4. Довольно любопытный рукописный журналъ бывшаго войсковаго атамана яикскаго Ивана Акутина.** 5. Нѣкоторые новѣйшіе акты, хранящіеся въ архивахъ уральской войсковой канцелярія и оренбургской пограничной комиссіи.

«Вотъ лучшіе и почти единственные источники для исторіи уральскихъ казаковъ.

«То, что писали объ нихъ иностранцы, не можетъ быть сюда причислено: ибо большая часть таковыхъ сочиненій основана на догадкахъ, ничѣмъ не доказанныхъ, часто противорѣчащихъ истинѣ и нелѣпыхъ. Такъ, напримѣръ, сочинитель примѣчаній на Родословную Исторію Татаръ Абулгази-Баядуръ-Хана утверждаетъ, что казаки уральскіе произошли отъ древнихъ кипчаковъ; что они пришли въ подданство Россіи вслѣдъ за покореніемъ Астрахани; что они имѣютъ особливый смѣшанный языкъ, на которомъ говорятъ со всѣми сосѣдними татарами; что они могутъ выставить 30,000 вооруженныхъ воиновъ; что городъ Уральскъ стоитъ въ сорока верстахъ отъ устья Урала, текущаго въ Каспійское море, и проч.»*** Всѣ сіи нелѣ-

---

* Отпускъ сего донесенія нашелъ я также въ архивѣ оренбургской погран чной комиссіи. — Л.

** За списокъ съ сего журнала, равно какъ и за другія свѣдѣнія, на которыхъ основана часть сего описанія, обязанъ я благодарностію нѣкоторымъ чиновникамъ уральскаго войска. — Л.

*** Родословной Исторіи о Татарахъ, ч. 2, гл. 2; также ч. 9, гл. 9. — Л.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ

1. Нѣкоторые изъ ученыхъ яицкихъ казаковъ почитаютъ себя потомками стрѣльцовъ. Мнѣніе сіе не безъ основанія, какъ увидимъ ниже. Самыя удовлетворительныя изслѣдованія о первоначальномъ поселеніи яицкихъ казаковъ находимъ мы въ Историческомъ и статистическомъ обозрѣніи уральскихъ казаковъ, сочиненіи А. И. Левшина, отличающемся, какъ и прочія произведенія автора, истинною ученостью и здравой критикою.

«Время и образъ казачьей жизни (говоритъ авторъ) лишили насъ точныхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній о происхожденіи уральскихъ казаковъ. Всѣ историческія объ нихъ извѣстія, теперь существующія, основаны только на преданіяхъ, довольно позднихъ, не совсѣмъ опредѣлительныхъ и никѣмъ критически не разобранныхъ.

«Древнѣйшее, впрочемъ самое краткое, описаніе сихъ преданій находимъ въ доношеніи станичнаго атамана яикскаго, Ѳедора Рукавишникова, государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 1720 года.*

---

* Сіе доношеніе, въ копіи мною найденное въ дѣлахъ архива оренбургской пограничной комиссіи, есть то самое, о которомъ говоритъ, Рычковъ въ своей Топографіи; но онъ Рукавишникова называетъ Крашенинниковымъ. Нѣкоторые достойные вѣроятія жители уральскіе сказывали мнѣ, что атаманъ сей носилъ обѣ фамиліи. — Л(евшинъ).

день казней приведены передъ Грановитую палату. Имъ объявили прощеніе, и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы.

Такъ кончился мятежъ, начатый горстью непослушныхъ казаковъ, усилившійся по непростительному нерадѣнію начальства, и поколебавшій государство отъ Сибири до Москвы, и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ цѣлый годъ оставались въ усмиренныхъ губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости, и искореняя послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта.[14] Въ концѣ 1775 года обнародовано было общее прощеніе, и повелѣно все дѣло предать вѣчному забвенію. Екатерина, желая истребить воспоминаніе объ ужасной эпохѣ, уничтожила древнее названіе рѣки, коей берега были первыми свидѣтелями возмущенія. Яицкіе казаки переименованы были въ уральскіе, а городокъ ихъ назвался симъ же именемъ. Но слѣды страшнаго бунтовщика сохранились еще въ краяхъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ. Народъ живо еще помнитъ кровавую пору, которую — такъ выразительно — прозвалъ онъ Пугачевщиною.

зилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ соборамъ, потомъ съ утопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою... прости, народъ православный! При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ сплеснулъ руками, повалился назничъ, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ.»[13]

Палачъ имѣлъ тайное повелѣніе сократить мученія преступниковъ. У трупа отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокій колъ. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его подняли, и казнили такъ же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ... Въ сіе время зазвенѣлъ колокольчикъ: Чику повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговыя казни; народъ разошелся; осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому одинъ послѣ другаго привязывались преступники, присужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по московскимъ заставамъ, и, нѣсколько дней послѣ, сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепелъ. Помилованные мятежники были на другой

въ шубахъ, по причинѣ жестокаго мороза. Кровли домовъ и лавокъ усѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали: везутъ, везутъ! Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани, съ высокимъ амвономъ. На немъ съ открытою головою сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его духовникъ. Тутъ же находился чиновникъ тайной экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ (въ то время едва вышедшій изъ отрочества (Дмитріевъ), нынѣ старецъ, увѣнчанный славою поэта и государственнаго мужа) описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: на караулъ, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, оберъ-полицмейстеръ спрашивалъ его громко: ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ? Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: такъ, государь, я донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ. Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборы, часто крестился, между тѣмъ какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благосло-

участь его должна была рѣшиться.[11] Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ: гвардіи капитанъ Галаховъ и капитанъ Повало-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывшій въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ, и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева. Старые люди еще разсказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы проѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмиреннымъ поимкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Разсказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа.[12] Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ къ висѣлицѣ; осьмнадцать человѣкъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на каторжную работу. — Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10 января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнутъ былъ высокій намостъ. На немъ сидѣли палачи и пили вино, въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были

мары, ночью, въ волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу, и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ октября.

Пугачева привезли прямо на дворъ къ графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ. Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца. — Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отвѣчалъ тотъ. — Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ. — Я не воронъ (возразилъ Пугачевъ, играя словами, и изъясняясь по своему обыкновенію иносказательно): я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ. — Надобно знать, что яицкіе бунтовщики въ опроверженіе общей молвы распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ Государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна, и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго симбирскаго коменданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія? Пугачевъ отвѣчалъ: виноватъ передъ Богомъ и Государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины. Гороря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ

ко сталъ ихъ уличать и сказалъ: вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго Великаго Государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то все, что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей воли. Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени, и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда же. Ночью сбился онъ съ дороги, и нашелъ на огни, раскладенные въ степи ворующими киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и прогналъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ, и между ними своего адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Яицкій городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ распрашивалъ плѣннаго мятежника* о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, и повезъ въ его Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколесной телегѣ. Сильный отрядъ при двухъ пушкахъ окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (во стѣ сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телегѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ самъ ихъ караулилъ. Въ Коспорьѣ, противъ Са-

* Въ рукописи было: славнаго мятежника .

чевъ началъ опять ихъ уговаривать идти къ Г
рьеву городку. Казаки отвѣчали, что они дол
ѣздили за нимъ, и что ему уже пора ѣхать за ним
Что-же? сказалъ Пугачевъ: вы хотите измѣни
своему Государю? — Что дѣлать! отвѣчали каза
и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ о
нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько ш
говъ. Я давно видѣлъ вашу измѣну, сказал
Пугачевъ и подозвавъ своего любимца, илецка
казака Творогова, протянулъ ему свои руки
сказалъ: вяжи! Твороговъ хотѣлъ ему скрути
локти назадъ. Пугачевъ не дался. Развѣ я ра
бойникъ? говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посади
его верхомъ и повезли къ Яицкому городку.
всю дорогу Пугачевъ имъ угрожалъ местью Вел
каго Князя. Однажды нашелъ онъ способъ высв
бодить руки, выхватилъ саблю и пистолетъ, рани
выстрѣломъ одного изъ казаковъ, и закричал
чтобъ вязали измѣнниковъ. Но никто уже его
слушалъ. Казаки, подъѣхавъ къ Яицкому городк
послали увѣдомить о томъ коменданта. Казан
Харчевъ и сержантъ Бардовскій высланы были
нимъ на-встрѣчу, приняли Пугачева, посадили е
въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ гва
діи капитанъ-поручику Маврину, члену слѣдстве
ной коммиссіи.[10]

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ
перваго слова открылся ему. Богу было угодн
сказалъ онъ, наказать Россію черезъ мое ока
янство. — Велѣно было жителямъ собраться н
городскую площадь; туда приведены были и бу
товщики, содержащіеся въ оковахъ. Мавринъ вы
велъ Пугачева, и показалъ его народу. Всѣ узнал
его; бунтовщики потупили голову. Пугачевъ гро

лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было правлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.

Пугачевъ скитался по той же степи. Войска повсюду окружали его; Меллинъ и Муфель, также прешедшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу на сѣверу; легкій полевой отрядъ шелъ ему наперчу изъ Астрахани; князь Голицынъ и Мансуровъ прегражда̀ли его отъ Яика; Дундуковъ съ своими калмыками рыскалъ по степи; разъѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова, и отъ Сарнаго до Краснаго Яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ выбраться изъ сѣтей, его стѣсняющихъ. Но сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой надежду на прощеніе, стали совариваться и рѣшились выдать его правительству.

Пугачевъ хотѣлъ идти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ нибудь пробраться въ киргизъ-кайсацкія степи. Казаки на то притворно согласились, и сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, привезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 сентября они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, не согласившіеся отдаться въ руки правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно. Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи, и между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пуга-

«О ловлѣ удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить.

«Съ нынѣшняго 1821 года, по дозволенію высшаго начальства, въ первый разъ начали казаки рыбную ловлю въ Чалкажскомъ озерѣ, или по здѣшнему морцѣ, за 80 верстъ отъ Уральска въ Киргизкой степи находящемся.

«Рыбы, попадающіяся въ Уралѣ въ наибольшемъ количествѣ, суть: осетръ, бѣлуга, шипъ, севрюга, бѣлая рыбица, судакъ, лещъ, щука, бершъ, сазанъ, сомъ, головли. Осетры ловятся иногда пудовъ въ 7, 8 и даже до 9. Бѣлуги пудовъ въ 20, 30, а рѣдко и въ 40; первые чѣмъ больше, тѣмъ лучше и дороже; вторыя чѣмъ больше, тѣмъ хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежняго, отъ уменьшенія водъ въ морѣ и Уралѣ. Цѣны икрѣ и рыбѣ въ багренье не имѣютъ сравненія съ цѣнами въ весенній ловъ; въ продолженіе сего послѣдняго онѣ вчетверо ниже: ибо время года не позволяетъ сберегать рыбу иначе, какъ посоливъ ее.

«Соль казаки уральскіе получаютъ или изъ Индерскаго и Грязнаго соленыхъ озеръ, находящихся недалеко отъ границы въ степи Киргизской, или изъ озеръ, по берегамъ Эмбы лежащихъ. Есть также и около Узеней небольшія соленыя озера».

8. Самымъ достовѣрнымъ и безпристрастнымъ извѣстіемъ о побѣгѣ калмыковъ обязаны мы отцу Іакинѳу, коего глубокія познанія и добросовѣстные труды разлили столь яркій свѣтъ на сношенія наши съ Востокомъ. Съ благодарностію помѣщаемъ здѣсь сообщенный имъ отрывокъ изъ неизданной еще его книги о калмыкахъ:

«Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Убаши и Сэрынъ

предприняли возвратиться на родину по предва
рительному сношенію съ алтайскими своими еди
ноплеменниками, исполненными ненависти къ Ки
таю. Они, вѣроятно, думали и то, что сія держава
по покоренiи Чжуньгаріи, вызвала оттуда свои
войска обратно; а въ Или и Тарбагатаѣ оставил
слабые гарнизоны, которые соединенными силам
легко будетъ вытѣснить; въ переходѣ же чрез
земли киргизъ-казаковъ тѣмъ менѣе предполагал
опасности, что сіи хищники, отважные предъ купе
ческими караванами, всегда трепетали при одном
взглядѣ на калмыцкое вооруженіе. Однимъ сло
вомъ, калмыки въ мысляхъ своихъ представляли
что сей путь будетъ для нихъ, какъ прежде всегда
было, пріятною прогулкою отъ песчаныхъ равнин
Волги и Урала до гористыхъ вершинъ Иртыша
Но случилось совсѣмъ противное: ибо встрѣтилис
такія обстоятельства, которыя были внѣ всѣх
предположеній.

«Чжуньгарское ойратство на востокѣ, нѣкогда
страшное для сѣверной Азіи, уже не существовало
и волжскіе калмыки долго бывшіе подъ рос
сійскимъ владѣніемъ, по выходѣ за границу, счита
лись бѣглецами, коихъ россійское правительство
преслѣдуя оружіемъ своимъ, предписало и киргизъ
казакамъ на каждомъ, такъ сказать, шагу останов
лять ихъ вооруженною рукою. Китайское погра
ничное начальство, по первому слуху о походѣ
торготовъ на востокъ, приняло съ своей стороны
всѣ мѣры осторожности* и также предписало каза

* Китай содержитъ въ Чжуньгаріи охранныхъ войскъ н
болѣе 35,000, которыя растянуты по тремъ дорогамъ отъ Каш
гара до Халми, отъ Или до Баркюля и отъ Чугучака до Улясута
на пространствѣ не менѣе 7000 верстъ: почему пограничное ки

мъ и кэргызцамъ не допускать ихъ проходить
стбищными мѣстами; въ случаѣ же ихъ упор-
за отражать силу силою. Могъ ли хотя одинъ
ргызецъ и казакъ остаться равнодушнымъ при
оль неожиданномъ для нихъ случаѣ безнаказанно
абить?

«Россійскіе отряды, назначенные для преслѣдо-
нія бѣглецовъ, по разнымъ причинамъ, зависѣв-
имъ болѣе отъ времени и мѣстности, не могли
гнать ихъ. Бывшіе яицкіе казаки въ сіе самое
емя начали уже волноваться и отказались отъ
виновенія. Оренбургскіе казаки хотя выступили
походъ и въ половинѣ февраля соединились съ
рали, ханомъ меньшой казачьей орды: но, за
остаткомъ подножнаго корма, вскорѣ принуж-
ы были возвратиться на границу. Послѣ обык-
венныхъ переписокъ, требовавшихъ довольнаго
мени, уже 12 апрѣля выступилъ изъ Орской крѣ-
ти отрядъ регулярныхъ войскъ и успѣлъ соеди-
ться съ ханомъ Нурали; но калмыки между тѣмъ,
давшись болѣе на югъ, столько удалились, что
отрядъ могъ только нѣсколько времени, и то
али, тревожить тылъ ихъ; а около Улу-тага, когда
олдаты и лошади отъ голода и жажды не въ со-
яніи были идти далѣе, начальникъ отряда Трау-
бергъ принужденъ былъ поворотить на сѣверъ
резъ Уйскую крѣпость возвратиться на Линію.*

Но киргизъ-казаки, не смотря на то, вооружи-
ь съ величайшею ревностію. Ихъ ханы: Нурали
Меньшой, Аблай въ Средней и Эрали въ Боль-

кое начальство въ Чжуньгаріи не могло спокойно смотрѣть
риближеніе волжскихъ калмыковъ.

См. Опис. Кирг.-кайс. ордъ и степей г. Левшина, ч. II,
256.

шой ордѣ, одинъ за другимъ нападали на калм
ковъ со всѣхъ сторонъ; и сіи бѣглецы цѣлый го
должны были на пути своемъ безпрерывно сража
ся, защищая свои семейства отъ плѣна и стада
расхищенія. Весною слѣдующаго (1772) года к
гызцы (буруты) довершили несчастіе калмыко
загнавъ въ обширную песчаную степь по сѣвери
сторону озера Балхаши, гдѣ голодъ и жажда по
били у нихъ множество и людей и скота.

«По перенесеніи неимовѣрныхъ трудностей,
претерпѣніи безчисленныхъ бѣдствій, наконецъ к
мыки приближились къ вожделѣннымъ предѣл
древней ихъ отчизны; но здѣсь новое несчастіе п
ставилось очамъ ихъ. Пограничная цѣпь ки
скихъ карауловъ грозно преградила имъ входъ
прежнее отечество, и калмыки не иначе могли
никнуть въ оное, какъ съ потерею своей незав
мости. Крайнее изнеможеніе народа принуд
Убаши съ прочими князьями поддаться китай
державѣ безусловно. Онъ вышелъ изъ Россіи
33,000 кибитокъ, въ коихъ считалось около 169
душъ обоего пола. При вступленіи въ Или
помянутаго числа оставалось не болѣе 70,000 ду
Калмыки въ теченіе одного года потеряли 10
человѣкъ, кои пали жертвою меча или болѣз
и остались въ пустыняхъ Азіи въ пищу звѣрямъ
уведены въ плѣнъ и распроданы по отдален
странамъ въ рабство.

---

* Такъ показалъ китайскому правительству Убаш
прочими князьями. Въ книжкѣ: Си-юй-Вынь-цзя
число бѣжавшихъ изъ Россіи калмыковъ увеличено. Ошиб
произошла отъ того, что сочинитель помянутой книжки
свои записки по сказаніямъ простыхъ калмыковъ. См.
Чжуньг. и. В. Туркист., стр. 186 и слѣд.

«Китайскій императоръ предписалъ принять сихъ
несчастныхъ странниковъ и новыхъ своихъ поддан-
ныхъ съ примѣрнымъ человѣколюбіемъ. Немедлен-
но доставлено было калмыкамъ вспоможеніе юр-
тами, скотомъ, одеждою и хлѣбомъ. Когда же раз-
мѣстили ихъ по кочевьямъ, тогда для обзаведенія
еще было выдано имъ:

Лошадей, рогатаго скота и овецъ.	1,125,000 гол.
кирпичнаго чаю	20,000 мѣстъ.*
пшеницы и проса	20,000 чет.
овчинъ	51,000
рязей**	51,000
толопчатой бумаги	1,500 пудъ.
Порть	400
серебра около	400 пудъ.

«Осенью того же года Убаши и князья Цебокъ-
Дорцзи, Сэрынъ, Гунгэ, Момыньту, Шара-
Цукынь и Цилэ-Мупиръ препровождены были
въ китайскому двору, находившемуся въ Жехэ.
Эти князья, кромѣ Сэрына, были ближайшіе род-
ственники хана Убаши, потомки Чакдоръ-
Гункаба, старшаго сына хана Аюки. Одинъ только
Цебокъ-Дорцзи былъ правнукъ Гуньчжаба,
младшаго сына хана Аюки. Убаши получилъ
улусъ Чжорикту-хана; а прочимъ князьямъ, въ
ихъ числѣ и оставшимся въ Или, даны разные
другіе княжескіе титулы. Сіи владѣльцы при отъ-
ѣздѣ изъ Жехэ осыпаны были наградами; по воз-
вращеніи же ихъ въ Или, три дивизіи изъ торго-
тъ размѣщены въ Тарбагатаѣ, или въ Хурь-

* Мѣсто или ящикъ содержитъ въ себѣ 36 кирпичей или
ящикъ чая, изъ коихъ каждая вѣситъ около 3½ ф.

** Бязью въ Туркистанѣ называется бѣлая бумажная
ткань, которая бываетъ не одинаковой мѣры.

хара-усу, а Убаши съ четырьмя дивизіями торготовъ, и Гунгэ съ хошотами поселены въ Харашарѣ по берегамъ Большаго и Малаго Юлдуса,* гдѣ часть людей ихъ обязана заниматься хлѣбопашествомъ подъ надзоромъ китайскихъ чиновниковъ.** Калмыки, ушедшіе въ китайскую сторону, раздѣлены на 13 дивизій.

«Россійское правительство отнеслось къ китайскимъ министрамъ, чтобъ по силѣ заключеннаго между Россіею и Китаемъ договора обратно выдали бѣжавшихъ съ Волги калмыковъ; но получило въ отвѣтъ, что китайскій дворъ не можетъ удовлетворить оной просьбы по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и россійскій дворъ отказалъ въ выдачѣ Сэрына, ушедшаго изъ Чжуньгаріи на Волгу для спасенія себя отъ преслѣдованія законовъ.

«Впрочемъ волжскіе калмыки, по видимому, вскорѣ и сами раскаялись въ своемъ опрометчивомъ предпріятіи. Въ 1791 году получены съ китайской стороны разныя извѣстія, что калмыки намѣреваются возвратиться изъ китайскихъ владѣній и по прежнему отдаться въ россійское подданство. Въ слѣдствіе оныхъ извѣстій уже предписано былъ сибирскому начальству дать имъ убѣжище въ Россіи и поселить ихъ на первый случай въ Колыванской губерніи.***

«Но кажется, что калмыки, бывъ окружены китайскими караулами и лазутчиками и раздѣлены между собою значительнымъ пространствомъ, и

---

* Въ Восточномъ Туркистанѣ отъ Или на юго-востокъ.

** Возвращеніе торготовъ изъ Россіи въ Чжуньгар описано въ Синь-цзянъ-чжи-лао, начальной тетради лист. 51—56.

*** См. Полное собр. росс. зак. т. XXIII, № 16, 937.

имѣли никакой возможности къ исполненію своего намѣренія.»

9. Полевыя команды состояли изъ 500 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Въ 1775 году онѣ замѣнены были губернскими баталіонами.

10. Уметъ — постоялый дворъ.

КЪ ГЛАВѢ ВТОРОЙ

1. Пугачевъ на хуторѣ Шелудякова косилъ сѣно. Въ Уральскѣ жива еще старая казачка, носившая черевики его работы. Однажды, нанявшись копать гряды въ огородѣ, вырылъ онъ четыре могилы. Сіе обстоятельство истолковано было послѣ, какъ предзнаменованіе его участи.

2. Малыковскихъ управительскихъ дѣлъ земскій Трофимъ Герасимовъ, и Мечетной слободы смотритель Ѳедотъ Ѳаддеевъ, и сотникъ Сергѣй Протопоповъ, въ бытность его въ Мечетной слободѣ письменно объявили: Мечетной слободы крестьянинъ Семенъ Филипповъ былъ въ Яицкѣ за покупою хлѣба, а ѣхалъ оттуда съ раскольникомъ Емельяномъ Ивановымъ. Сей въ городкѣ Яицкѣ подговаривалъ казаковъ бѣжать на рѣку Лобу, къ турецкому султану, обѣщая по 12 рублей жалованья на человѣка, объявляя, что у него на границѣ поставлено до 200 тысячъ рублей, да товару на 50 тыс., а по приходѣ ихъ паша-де дастъ имъ до пяти милліоновъ. Нѣкоторые казаки хотѣли было его связать и отвести въ комендантскую канцелярію, но онъ-де скрылся и находится вѣроятно въ слѣ Малыковкѣ.

Въ слѣдствіе сего, вышедшій изъ-за польской

границы съ даннымъ съ Добрянскаго форпосту паш-портомъ для опредѣленія на жительство по рѣкѣ Иргизу, раскольникъ Емельянъ Ивановъ былъ найденъ и приведенъ ко управительскимъ дѣламъ выборнымъ Митрофаномъ Ѳедоровымъ и Филаретова раскольничьяго скита инокомъ Филаретомъ и крестьяниномъ Мечетной слободы Степаномъ Васильевымъ съ товарищи — оказался подозрителенъ, битъ кнутомъ; а въ допросѣ показалъ: что онъ зимовейской служилый казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отъ роду 40 лѣтъ; съ той станицы бѣжалъ великимъ постомъ сего 72 года въ слободу Ветку за границу, жилъ тамъ недѣль 15, явился на Добрянскомъ форпостѣ, гдѣ сказался вышедшимъ изъ Польши, и въ августѣ мѣсяцѣ высидѣвъ тутъ 6 недѣль въ карантинѣ, пришелъ въ Яицкъ и стоялъ съ недѣлю у казака Дениса Степанова Пьянова. А все-де говорилъ онъ пьяный, а объ подданствѣ султану и встрѣчѣ съ пашею и 5 мил. не говаривалъ, — а имѣлъ-де онъ намѣреніе въ симбирскую провинціальную канцелярію явиться для опредѣленія къ жительству на рѣкѣ Иргизѣ. По резолюціи дворцовыхъ дѣлъ былъ онъ отправленъ подъ карауломъ съ мужиками малыковскими, а собщено сіе въ комендантскую канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ 19 декабря 1772. (Промеморія отъ дворцовыхъ малыковскихъ дѣлъ въ комендантскую канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ декабря 18, 1772 года, поданная смотрителемъ Иваномъ Разторгуевымъ.)

Крестьянинъ Семенъ Филиповъ содержался подъ карауломъ до самаго 1775 года. По окончаніи слѣдствія надъ Пугачевымъ и его сообщниками

велѣно было его освободить и сверхъ того о награжденіи его Филипова, яко доносителя въ Малыковкѣ о начальномъ прельщеніи злодѣя Пугачева, представить на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату. (См. сентенцію 10 января 1775 года.)

3. «Оному Пугачеву, за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ названіи, а тѣмъ больше за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ, касающихся до побѣга всѣхъ яицкихъ казаковъ въ Турецкую область, учинить наказаніе плетьми и послать, какъ бродягу и привыкшаго къ праздной и продерзкой жизни, въ городъ Пелымъ, гдѣ употреблять его въ казенную работу. 6 мая 1773.» (Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова).

1. Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя Императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто Государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ Великій Князь Павелъ Петровичь долго вѣрилъ или желалъ вѣрить сему слуху. По восшествіи на престолъ первый вопросъ Государя графу Гудовичу былъ: живъ ли мой отецъ?

*2. Пугачевъ говорилъ, что сама Императрица помогла ему скрыться.

4. Форпостъ Будоринскій въ 79 верстахъ отъ Яицкаго городка.

*3. Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ яицкимъ казакамъ есть удивитель-

* Отмѣченныя звѣздочкою 20 примѣчаній не были внесены Пушкинымъ въ окончательно-отдѣланный текстъ и печатаются съ его рукописей.

ный образецъ народнаго краснорѣчія, хотя и безграмотнаго. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія, или публикаціи Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, какъ и правильно, длинными обиняками, съ глаголами на концѣ періодовъ.

5. Илецкій городокъ въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 300 казаковъ. Илецкіе казаки были тутъ поселены статскимъ совѣтникомъ Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи.

6. Крѣпость Разсыпная, выстроенная при томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно перебирались киргизцы въ бродъ черезъ Яикъ. Она находится въ 25 верстахъ отъ Илецкаго городка и въ 101 отъ Оренбурга.

7. Въ 1773 году Оренбургская губернія раздѣлялась на четыре провинціи: Оренбургскую Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. Къ первой принадлежали дистриктъ (уѣздъ) Оренбургскій и Яицкой городокъ со всѣми форпостами и станицами до самаго Гурьева, также и Бугульминская земская контора. Исетская провинція заключала въ себѣ Зауральскую Башкирію и уѣзды Исетскій Шадринскій и Окуневскій; Уфимская провинція — уѣзды Осинскій, Бирскій и Мензелинскій. Ставропольскую провинцію составлялъ одинъ обширный уѣздъ. Сверхъ сего, Оренбургская губернія раздѣлялась еще на восемь линейныхъ дистанцій (рядъ крѣпостей, выстроенныхъ по рѣкамъ Волгѣ Самарѣ, Яику, Сакмарѣ и Ую); сіи дистанціи находились подъ вѣдомствомъ военныхъ начальниковъ, пользовавшихся правами провинціальныхъ воеводъ. (См. Бишинга и Рычкова).

8. Ставропольская канцелярія вѣдала дѣла крещеныхъ калмыковъ, поселенныхъ въ Оренбургской губерніи.

9. Нижне-Озерная находится въ 19 верстахъ отъ Разсыпной и въ 82 отъ Оренбурга. Она выстроена на высокомъ берегу Яика. — Память капитана Суринa сохранилась въ солдатской пѣснѣ:

(Изъ Гурьева городка
Протекла кровью рѣка)
Изъ крѣпости изъ Зерной,
На подмогу Разсыпной,
Высланъ капитанъ Суринъ,
Со командою одинъ,
(Онъ нечайно въ крѣпость въѣхалъ,
Начальниковъ перевѣшалъ,
Атамановъ до пяти,
Рядовыхъ сотъ до шести)

10. Неизвѣстный авторъ краткой исторической записки: Histoire de la révolte de Pougatschef, разсказываетъ смерть Харлова слѣдующимъ образомъ:

Le major Charlof avoit épousé depuis quelques semaines la fille du Colonel Ielagin, jeune personne très aimable. Il avoit été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avoit rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse au desespoir le suivit, se jetta aux pieds du vainqueur, et lui demanda la grâce de son mari. Je vais le faire pendre en ta présence, répondit le barbare. A ces mots la jeune femme verse un torrent de larmes, embrasse de nouveau les pieds de Pougatschef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale

de Pougatschef. Авторъ находитъ тутъ невѣроятности и пускается въ разсужденія. — Les peuples les plus barbares respèctent les moeurs jusqu'a un certain point, et Pougatschef avoit trop de bon sens pour commêttre devant ses soldats, etc. Болтовня: но вообще вся записка замѣчательна и вѣроятно составлена дипломатическимъ агентомъ, находившимся въ то время въ Петербургѣ.

*4. Бѣдный Харловъ наканунѣ взятія крѣпости былъ пьянъ, но я не рѣшился того сказать, изъ уваженія его храбрости и прекрасной смерти.

11. Крѣпость Татищева при устьѣ рѣки Камышъ-Самары, основана Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи, и названа отъ него Камышъ-Самарою. Татищевъ, заступившій мѣсто Кирилова, назвалъ ее своимъ именемъ: Татищева пристань. Находится въ 28 верстахъ отъ Нижне-Озерной и въ 54 (прямой дорогою) отъ Оренбурга.

12. Чернорѣченская въ 36 верстахъ отъ Татищевой и въ 18 отъ Оренбурга.

13. Сакмарской городъ, основанный при рѣкѣ Сакмарѣ, находится въ 29 верстахъ отъ Оренбурга. Въ немъ было до 300 казаковъ.

14. Показаніе крестьянина Алексѣя Кирилова отъ 6-го октября 1773 года. (Изъ оренбургскаго архива).

15. Повѣшены два курьера, ѣхавшіе въ Оренбургъ, одинъ изъ Сибири, другой изъ Уфы, гарнизонный капралъ, толмачь-татаринъ, старый садовникъ, нѣкогда бывшій въ Петербургѣ и знавшій Государя Петра III, да приказчикъ съ рудниковъ Твердышевскихъ.

*5. Сей Нащокинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову (послѣ того Суворовъ, увидя его, всегда прятался и говорилъ: боюсь, боюсь! онъ дерется). Суворовъ на своемъ вѣку получилъ двѣ пощечины.

Нащокинъ, Воинъ Васильичъ, былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени. Сынъ его написалъ его записки: отроду не читывалъ я ничего забавнѣе. Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и при восшествіи своемъ на престолъ звалъ его въ службу. Нащокинъ отвѣчалъ Государю: вы горячи и я горячъ; служба въ прокъ мнѣ не пойдетъ. Государь пожаловалъ ему деревни въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникъ Императрицы Елизаветы и умеръ въ 1809 году.

1. См. приложенія, I.

2. Журналъ осадѣ, веденный въ губернаторской канцеляріи, помѣщенъ въ любопытной рукописи академика Рычкова. Читатель найдетъ ее въ приложеніи. Я имѣлъ въ рукахъ три списка, доставленные мнѣ гг. Спасскимъ, Языковымъ и Лакечниковымъ.

3. Биловъ выступилъ изъ Оренбурга 24-го сентября. Въ этотъ день губернаторъ давалъ у себя балъ. Вѣсть о Пугачевѣ разошлась на балѣ.

4. Сержантъ сей назывался Иванъ Костицынъ. Участь его неизвѣстна. Его допрашивалъ подполковникъ В. Могутовъ.

5. См. приложенія, III.

6. Въ донесеніи Малыковской земской конторы сказано о Пугачевѣ: оказался подозрителенъ, битъ кнутомъ. См. въ примѣчаніяхъ на 2-ю главу примѣчаніе 2.

7. Падуровъ, въ послѣдствіи времени повѣшенный, писалъ Мартемьяну Бородину, увѣщевая его покориться Пугачеву: «А нынѣ вы называете его (самозванца) донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ и яко бы у него ноздри рваныя и клейменой. А по усмотрѣнію моему, у него тѣхъ признаковъ не имѣется.»

8. По совѣту одного изъ чиновниковъ (говоритъ Рычковъ).

9. «Мѣновой дворъ, на которомъ съ азіатскими народами, чрезъ все лѣто до самой осени, торгъ и мѣна производятся, построенъ на степной сторонѣ рѣки Яика, въ виду изъ города, разстояніемъ отъ берега версты съ двѣ; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все мѣсто низменное и водопоемное. Въ немъ находится пограничная таможня; лавокъ вокругъ всего двора 246, да анбаровъ 140. Внутри же построенъ особый дворъ для азіатскихъ купцовъ съ 98 лавками и 8 анбарами. Въ 1762 году полавочныхъ денегъ взималось 4,854 руб. Мѣновой дворъ укрѣпленъ батареями.» (Топографія Оренбургской губерніи).

10. Der kläglichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit critischer als ich ihn beschreiben kann; eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann, würde mich nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräther mit 3000* Rebellen macht ganz Orenburg

---

* Рейнсдорпъ въ семъ числѣ не считаетъ башкирцевъ.

zittern — — — Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Commando worauf ich mich verlasse, durch die Gnade des Höchsten, haben wir 12 Spions aufgefangen, etc. (Письмо Рейнсдорпа къ гр. Чернышеву отъ 9-го октября 1773).

11. Бердская казачья слобода, при рѣкѣ Сакмарѣ. Она обнесена была оплотомъ и рогатками. По угламъ были батареи. Дворовъ въ ней было до двухъ сотъ. Жалованныхъ казаковъ считалось до ста. Они имѣли своего атамана и особыхъ старшинъ.

12. Въ городѣ убито 7 человѣкъ, въ томъ числѣ одна баба, шедшая за водой.

13. Въ другой разъ Пугачевъ, пьяный, лежа въ кибиткѣ, во время бури сбился съ дороги и въѣхалъ въ оренбургскія ворота. Часовые его окликали. Казакъ Федулевъ, правившій лошадьми, молча поворотилъ и успѣлъ ускакать. Федулевъ, недавно умершій, былъ одинъ изъ казаковъ, предавшихъ самозванца въ руки правительства.

14. Слышано мною отъ самого Дмитрія Денисовича Тьянова, донынѣ здравствующаго въ Уральскѣ.

15. Кажется, Пугачевъ и его сообщники не полагали важности въ этой пародіи. Они въ шутку называли также Бердскую слободу — Москвою, деревню Каргале — Петербургомъ, а Сакмарской городокъ — Кіевомъ.

16. Такъ пишетъ Каръ въ письмѣ къ графу Чернышеву, отъ 11 ноября 1773.

17. Овзяно-Петровскій заводъ принадлежалъ купцу Твердышеву, человѣку предпріимчивому и смышленому. Твердышевъ нажилъ свое огромное имѣніе въ теченіе семи лѣтъ. Потомки его наслѣдниковъ суть донынѣ одни изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи.

18. Деревня Юзеева во 120 верстахъ отъ Оренбурга.

19. То есть депутатъ въ коммиссіи составленія новаго уложенія. Депутатовъ было 652 человѣка. Имъ розданы были для ношенія въ петлицѣ на золотой цѣпочкѣ, золотыя овальныя медали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензелеваго Е. И. В. имени, а на другой пирамиды, увѣнчанной Императорскою короною съ надписью: блаженство каждаго и всѣхъ; а внизу: 1766 годъ Декабря 14 день.

*6. Сей Чернышевъ есть тотъ самый, о которомъ государыня говоритъ въ своихъ запискахъ. Онъ былъ нѣкогда камеръ-лакеемъ и удаленъ изъ Петербурга повелѣніемъ императрицы Елизаветы. Онъ и братъ его были любимцами Петра III, который сдѣлалъ одного полковникомъ и далъ ему полкъ, а втораго подполковникомъ. Екатерина пожаловала перваго бригадиромъ и сдѣлала с.-петербургскимъ комендантомъ, а брата его (повѣшеннаго) полковникомъ и комендантомъ симбирскимъ. Петербургскій комендантъ въ старости своей былъ въ связи съ Травиной: онъ цѣлый день проводилъ въ ея домѣ, сидя подъ окномъ, и на зарѣ отправлялся въ крѣпость.

20. Изъ сего калмыцкаго полковника сдѣлали капитана Калмыкова.

21. При семъ сраженіи пойманъ былъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ бунта, Данила Шелудяковъ. Старый наѣздникъ принялъ оренбургскихъ казаковъ за своихъ и подскакалъ къ нимъ съ повелѣніями. Казакъ схватилъ его за воротъ; Пугачевъ нѣкогда жившій у него въ работникахъ, любилъ

его и звалъ своимъ отцомъ. На другой день, не нашедъ его между убитыми, многіе подъѣзжали къ городу и требовали его выдачи. Дня черезъ два, передъ свѣтомъ три человѣка подъѣхали къ городскому валу и требовали опять Шелудякова. Имъ отвѣчали: приведите къ намъ и сына его (Пугачева) и обѣщали за то 500 рублей награжденія. Они отъѣхали молча. Шелудяковъ былъ пытанъ и умеръ дней черезъ пять.

22. См. прилож. (I, №. 4), указъ военной коллегіи объ увольненіи генералъ-маіора Кара отъ службы.

*7. Каръ былъ предъ симъ употребленъ въ дѣлахъ, требовавшихъ твердости и даже жестокости (это еще не предполагаетъ храбрости и Каръ это доказалъ). Въ Радомѣ онъ былъ сторожемъ Радзивила. Разбитый двумя каторжниками, [Пугачевымъ и Хлопушей] онъ бѣжалъ подъ предлогомъ лихорадки, лома въ костяхъ, фистулы и горячки. Пріѣхавъ въ Москву, онъ хотѣлъ явиться съ оправданіями къ князю Волконскому, который его не принялъ. Каръ пріѣхалъ въ благородное собраніе, но его появленіе произвело такой шумъ и такіе крики, что онъ принужденъ былъ поспѣшно удалиться. Нынѣ общее мнѣніе если и существуетъ, то ужъ гораздо равнодушнѣе, нежели бывало въ старину. Сей человѣкъ, пожертвовавшій честью для своей безопасности, нашелъ однако же смерть насильственную: онъ былъ убитъ своими крестьянами, выведенными изъ терпѣнія его жестокостью.

*8. Придворныя отношенія А. И. Бибикова чрезвычайно любопытны. Это одинъ изъ благороднѣйшихъ характеровъ того времени.

Императрица уважала Бибикова и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его не любила. Въ началѣ Ея царствованія былъ онъ посланъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича, для тайныхъ переговоровъ. Бибиковъ возвратился влюбленный безъ памяти въ принцессу Екатерину (что весьма не понравилось Государынѣ); свобода его мыслей и всегдашняя его оппозиція были извѣстны. Бибикова подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто бы желала возвести на престолъ Государя Великаго Князя. Существовала ли такая партія или нѣтъ — другой вопросъ. Симъ призракомъ безпрестанно смущали Государыню и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали ежедневныя мелочныя досады и подлая дерзость временщиковъ. Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между Императрицей и Великимъ Княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: Великій Князь, разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника В. И. Бибикова (брата Александра Ильича) и спросилъ: во сколько времени полкъ его, въ случаѣ тревоги, можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ Великаго Князя донесено, и что у брата его отымаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, разспросивъ брата, бросился къ Императрицѣ и объяснилъ ей, что слова Великаго Князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала: скажи брату своему,

что въ случаѣ тревоги, полкъ его долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчино.

КЪ ГЛАВѢ ЧЕТВЕРТОЙ

1. У Декалонга со Станиславскимъ было до 5,000 войска. Но всѣ они были растянуты на великомъ пространствѣ отъ крѣпости Верхояицкой до Орской. Декалонгъ ихъ не сосредоточилъ, боясь оставить линейныя крѣпости безъ обороны.

2. Орская крѣпость на степной сторонѣ рѣки Яика, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Ори, выстроена въ 1735 году подъ названіемъ Оренбурга. Она имѣла изрядныя земляныя укрѣпленія. Въ ней всегда находился командиръ Орской дистанціи и двойное число гарнизона, по причинѣ близъ-кочующихъ ордъ.

3. Корфъ, послѣ сраженія 14 ноября, подсылалъ къ Пугачеву казака съ предложеніями о сдачѣ Оренбурга и съ обѣщаніемъ выйти къ нему навстрѣчу. Пугачевъ осторожно подъѣзжалъ къ Оренбургу, и усомнясь въ искренности предложеній, скоро возвратился въ Берду.

4. Рейнсдорпъ, потерявъ надежду побѣдить Пугачева силой оружія, пустился въ полемику, не весьма приличную. Въ отвѣтъ на дерзкія увѣщанія самозванца, онъ послалъ ему письмо съ слѣдующею надписью: Пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему человѣку, сатанину внуку, Емелькѣ Пугачеву. Секретари Пугачева не остались въ долгу. Помѣщаемъ здѣсь письмо Падурова, какъ образецъ канцелярскаго его слога.

«Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увѣщеваніе

здѣсь получено, за что васъ, яко всесквернаго общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и сколько ты себя, по дѣйству сатанину, ни ухищрялъ, однако власть Божію не перемудришь. Вѣдай, мошенникъ (да и по всему тебѣ, бестіи, знать должно), сколько ты ни пробовалъ своего всесквернаго щастія, однако щастіе ваше служитъ единому твоему отцу, сатанѣ. Разумѣй, бестія, хотя ты по дѣйству сатанину во многихъ мѣстахъ капканы и разставилъ, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя веревочныхъ не станетъ петель, а мы у мордвина, хотъ гривну дадимъ, мочальныхъ (возьмемъ), да на тебя веревку свить можемъ; не сумнѣвайся мошенникъ, изъ б . . . сдѣланъ. Нашъ всемилостивѣйшій Монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день бываетъ, а съ нами всегда присутствуетъ. Да и-бъ мы вамъ совѣтовали, оставя свое невѣріе, придти къ нашему чадолюбивому отцу и всемилостивѣйшему Монарху; егда придешь въ покореніе, сколько твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ извиненіяхъ всемилостивѣйше прощаетъ, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишитъ; а здѣсь не безъизвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете, и тако объявя вамъ сіе, да и пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы. Февраля 23 дня 1774 года.»

5. Я не имѣлъ случая читатъ эту рѣчь. Помѣщаемъ письмо, сочиненное также Державинымъ по тому же поводу.

«Всеавгустѣйшая Государыня, Премудрая и Непобѣдимая Императрица!

«Дражайшее намъ и потомкамъ нашимъ неоцѣненное слово, сей пріятный и для позднѣйшаго рода казанскаго дворянства ѳиміамъ, сей гласъ радости

вѣчной славы нашей и вѣчнаго нашего веселія, въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества къ намъ благоволеніи слыша, кто бы не получилъ изъ насъ восторга въ душу свою, чье бы не возъиграло сердце о толикомъ благополучіи своемъ? Облиста насъ въ скорби нашей и печали свѣтъ милосердія Твоего! А потому, если бы кто теперь изъ насъ не радовался, тотъ бы по истинѣ еще худо изъявилъ усердіе свое Отечеству и Вашему Императорскому Величеству, даяніемъ нѣкоторой части имѣнія своего на составленіе корпуса нашего. И бысть угодна наша жертва предъ Тобою; се счастіе наше, се восхищеніе душъ нашихъ.

«Но Всемилостивѣйшая Государыня, Ваше Императорское Величество обыкнуть соизволили взирать на малые знаки усердія, какъ на великіе; изливая окрестъ престола щедроты благоутробія своего, изливаете оныя и въ страны отдаленныя: осіявая лучами милости Своея всѣхъ купно, и всѣхъ вездѣ своимъ человѣколюбіемъ милуете; а потому конечно и посильное даяніе долга нашего, собственно самимъ же намъ нужное, Ваше Императорское Величество толь милостиво и благоугодно отъ насъ пріять соизволили.

«Сей есть прямо образъ мыслей благородныхъ, Ваше Императорское Величество въ честь намъ сказать изволили. Что жъ мы изъ сего Высочайшаго намъ признанія заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побужденіе къ исполненію долга нашего? Не милосердіе ли одно? За то мы похвалу получаемъ, что истинное дѣло наше! но кромѣ особливыя, и заслугу превышающія почести, хвалится ли за то священнослужитель, что онъ всенародно Бога молитъ? Кромѣ неопи-

санныя Вашего Императорскаго Величества къ намъ милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особливой, что они хотятъ защищать свое Отечество? Они суть щитъ его, они подпора Престола Царскаго. Пепелъ предковъ нашихъ вопіетъ къ намъ и зоветъ насъ на пораженіе самозванца. Глась потомства уже укоряетъ насъ, что въ вѣкъ Преславной, Великой Екатерины, могло возникнуть зло сіе; кровь братій нашихъ, еще дымящаяся, устремляетъ насъ на истребленіе злодѣя. Что жъ мы медлили? Чего давно недоставало намъ, дабы совокупно поставить грудь свою противу хищника? Ежели душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополченію. Чего же не доставало? Не усердія ли нашего? Нѣтъ мы давно горѣли имъ, мы давно собиралися, и хотѣли пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости Вашего Императорскаго Величества, есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руководствомъ его составился у насъ корпусъ. Избранный въ немъ начальникъ трудится, товарищи его усердствуютъ, все въ порядкѣ. Имѣніе наше готово на пожертвованіе, кровь наша на изліяніе, души наши на положеніе; умремъ, — кто не имѣетъ мыслей сихъ, тотъ не дворянинъ.

«Но сколь ни великъ восторгъ должности нашей сколь ни жарко рвеніе сердецъ нашихъ; однако слабы бы были силы наши на истребленіе гнуснаго врага нашего, если бъ Ваше Императорское Величество не ускорили войсками своими въ защищеніе наше, а паче всего присылкою къ намъ Его Превосходительства Александра Ильича Бибикова. Можетъ быть, мы бы были и по сю пору въ нерѣшимости составить корпусъ нашъ, ежели бъ не онъ подалъ намъ свои благоразумные совѣты. Онъ

пріѣздомъ своимъ разсыпалъ туманъ унынія, носящагося надъ градомъ здѣшнимъ. Онъ ободрилъ души наши. Онъ укрѣпилъ сердца, колеблющіяся въ вѣрности Богу, Отечеству и Тебѣ, Всемилостивѣйшая Государыня; словомъ сказать, онъ оживотворилъ страну почти умирающую. Величіе Монарха паче познается въ томъ, что онъ умѣетъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовремяніи: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее проницаніе; на сей случай здѣсь надобенъ министръ, воинъ, судія, чтитель святыя Вѣры. По прозорливому Вашего Императорскаго Величества изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ видимъ; за все сіе изъ глубины сердецъ нашихъ любомудрой душѣ Твоей восписуемъ благодареніе.

«Но едва успѣваемъ сказать здѣсь, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашему Императорскому Величеству крайнія чувствія искренности нашей за милости Твои; едва успѣваемъ воскурить предъ образомъ Твоимъ, Великая Императрица, намъ священнымъ и намъ любезнымъ, кадило сердецъ нашихъ за благоволенія Твои; уже мы слышимъ новый гласъ, новыя отъ Тебя радости, новаго намъ твоего великодушія и снисхожденія. Что Ты съ нами дѣлаешь? Въ трехъ частяхъ Свѣта владычество имѣющая, славимая въ концахъ земныхъ, честь Царей, украшеніе коронъ, изъ боголѣпія Величества Своего, изъ сіянія славы Своея, снисходишь и именуешься нашею Казанскою Помѣщицею! о радости для насъ неизглаголанной, о щастія, для насъ неокончаемаго! се прямо путь къ сердцамъ нашимъ! се православное превозношеніе праху нашего и потомковъ нашихъ! Та, которая даетъ законы пол-

вселенной, подчиняетъ себя нашему постановленію та, которая владычествуетъ нами, подражаетъ нашему примѣру! тѣмъ Ты болѣе, тѣмъ Ты величественнѣе.

«И такъ, исполненіемъ долга нашего хотя мы не заслуживаемъ особливаго Вашего Императорскаго Величества намъ признанія, любезнаго и намъ драгайшаго товарищества Твоего; однако Высочайшую волю Твою разверстымъ принимаемъ сердцем и почитаемъ благополучіемъ начертаваемъ неоцѣненныя слова благоволенія Твоего съ благоговѣніемъ въ память нашу. Признаемъ Тебя своею помѣщицею, принимаемъ тебя въ свое сотоварищество Когда угодно Тебѣ, равняемъ тебя съ собою. На за сіе ходатайствуй и Ты за насъ у Престола Величества Твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше, помогай намъ и заступай насъ у Тебя. Мы болѣе на Тебя, нежели на себя надѣемся.

«Великая Императрица! чѣмъ же воздадимъ мы Тебѣ за Твою матернюю любовъ къ намъ, за сіи Твои несказанныя намъ благодѣянія? Наполняемъ сердца наши токмо вящшимъ воспламененіем искоренить изъ свѣта злобу, Царства Твоего недостойную. Просимъ Царя Царей, да подастъ онъ намъ въ томъ помощь, а Вашему Императорском Величеству, истинной Матери Отечества, съ любе нымъ Вашего Императорскаго Величества Сыном съ сею безцѣнною надеждою нашею, и съ дражай шею Его Супругою, въ безмятежномъ Царствѣ, мн гія лѣта благоденствія.»

6. Монахиня Евпраксія Кириловна, бабка Ал ксандра Ильича. Онъ ею былъ воспитанъ; въ с мействѣ своемъ почиталась она праведною.

7. См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ графу Чернышеву отъ 24 января 1774 года. — 5 января того же года писалъ онъ къ Философову: «Терпѣніе мое часъ отъ часу становится короче, въ ожиданіи полковъ, ибо ежечасно получаю страшныя извѣстія; съ другой же стороны, что башкирцы съ всякою сволочью партіями разъѣзжаютъ, заводы и селенія грабятъ и дѣлаютъ убійства. Воеводы и начальники отовсюду бѣгутъ съ устрашеніемъ, и глупая чернь охотно на обольщеніе злодѣйское бѣжитъ навстрѣчу къ нимъ же. Не могу тебѣ, мой другъ, подробно описать бѣдствіе и разореніе здѣшняго края, слѣдовательно суди и о моемъ по тому положенію. Скареды и срамцы здѣшніе гарнизоны всего боятся, ни куда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страшные присылаютъ. Пугачевскія дерзости и его сообщниковъ изъ всѣхъ предѣловъ вышли; всюду посылаютъ манифесты, указы. День и ночь работаю какъ каторжный, рвусь, надсѣдаюсь и горю какъ въ огнѣ адскомъ; но варварству предательствъ и злодѣйству не вижу еще перемѣны, не устаетъ злость и свирѣпство, а можно ли отъ домашняго врага довольно охраниться, все къ измѣнѣ, злодѣйству и къ бунту на скопищахъ. Богъ единъ всемогущъ, обратить все сіе въ лучшее. Я при моихъ заботахъ непрестанно его прошу», и проч.

8. Снѣгъ въ Оренбургской губерніи выпадаетъ иногда на три аршина.

9. См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ графу Чернышеву.

10. Не должно терять изъ виду тогдашнее раздѣленіе государства на губерніи и провинціи.

11. Въ 1774 году уведено въ плѣнъ киргизами до 1380 человѣкъ.

12. См. въ Запискахъ Храповицкаго (въ 1791 году) весьма любопытный разговоръ государыни с Густавѣ III.

*9. Густавъ III, изъявляя въ 1790 году всѣ свои неудовольствія, хвалился тѣмъ, что онъ не смотря на всѣ представленія, не воспользовался смятеніемъ, произведеннымъ Пугачевымъ. — Есть чѣмъ хвастать, говорила Государыня, что король не вступилъ въ союзъ съ бѣглымъ каторжникомъ, вѣшавшимъ женщинъ и дѣтей.

13. См. Переписку Вольтера съ Императрицею

14. Помѣщаемъ здѣсь показанія жены Пугачева Софьи Дмитріевой, въ томъ видѣ, какъ они были представлены въ военную коллегію.

Описаніе извѣстному злодѣю и самозванцу, какого онъ есть свойства и примѣтъ учиненное по объявленію жены его, Софьи Дмитріевой.

1. Мужа ея, войска донскаго Зимовейской станицы служилаго казака, зовутъ Емельянъ Ивановъ сынъ, прозывается Пугачевымъ.

2. Отецъ его родной былъ той же Зимовейской станицы служилой казакъ, Иванъ, Михайловъ сынъ Пугачевъ же, который въ давнихъ годахъ умре.

3. Тому мужу ея нынѣ отъ роду будетъ лѣтъ сорокъ, лицомъ сухощавъ, во рту верхняго спереди зуба нѣтъ, который онъ выбилъ саласками,* еще въ малолѣтствѣ въ игрѣ, а отъ того времени и до нынѣ не выростаетъ. На лѣвомъ виску отъ болѣзни

* Техническій терминъ у кулачныхъ бойцовъ, значитъ ударъ по челюстямъ.

круглый бѣлый признакъ, отъ лица совсѣмъ от-
лѣнный, величиною въ двукопѣечникъ; на обѣихъ
рудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы,
тъ чего и мнитъ она, что быть надобно признакамъ
ке. На лицѣ имѣетъ желтыя конопатины; самъ
обою смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые,
о-казацки подстригалъ, росту средняго, борода
линомъ черная, небольшая.

4. Вѣру содержалъ истинно православную; въ
ерковь Божію ходилъ, исповѣдовался и Святыхъ
аинъ пріобщался, на что и имѣлъ отца духовнаго,
имовейской же станицы священника Ѳедора Тихо-
ова; а крестъ ко изображенію, совокуплялъ боль-
юй съ двумя послѣдними пальцами.

5. Женился тотъ мужъ ея на ней, и она шла, оба
ервобрачные, назадъ тому лѣтъ съ десять, и съ
оторымъ и прижили дѣтей пятерыхъ, изъ коихъ
вое померли, а трое и теперь въ живыхъ. Первый
– сынъ Трофимъ десяти лѣтъ, да дочери — вторая
графена по седьмому году, а третья Христина по
етвертому году.

6. Оный же мужъ ея, назадъ тому три года, по-
ланъ на службу во вторую армію, гдѣ и былъ два
ода, и оттуда, нынѣ другой годъ, за грудною бо-
ѣзнію, о которой выше значитъ, по веснѣ отпу-
ценъ, а посему и былъ въ домѣ одно лѣто, въ кото-
рую бытность и нанялъ вмѣсто себя въ службу въ
ахмутѣ на Донцѣ казака, а какъ его звать и про-
ванія, да и гдѣ теперь находится, не знаетъ; а
ослѣ сего

7. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 772 года онъ, оставивши ее
ъ дѣтьми, невѣдомо куда бѣжалъ, и гдѣ былъ, и
акія отъ него происходили дѣла объ ономъ, какъ
ъ ничего не сказывалъ, такъ и сама не знала; а

8. 773 года, въ великомъ посту, тотъ мужъ ея тайнымъ образомъ пришелъ къ хуторскому их дому вечеромъ подъ окошко, котораго она и пу стила; но того жъ самаго часа объявила казакамъ а они, взявши его, повезли къ станичному атаману а онъ-де отправилъ въ Верхнюю Чирскую станицу къ старшинѣ, но о имени его не упомнитъ, а оттуд въ Черкасской; но не довезя однакожъ до онаго, в Цымлянской станицѣ бѣжалъ, и потому, гдѣ тепер находится, не вѣдаетъ.

9. Во время жъ той мужа ея поимки, сказывал онъ атаману и на сборѣ всѣмъ казакамъ, чт былъ въ Моздокѣ, но что дѣлалъ, потому жъ н знаетъ.

10. Писемъ онъ къ ней, какъ съ службы изъ арміи такъ и изъ бѣговъ своихъ никогда не присылывалъ да и чтобъ въ станицу ихъ или къ кому другом писалъ, объ ономъ не знаетъ; онъ же вовсе и гра мотѣ не умѣетъ.

11. Что же мужъ ея точно есть упоминаемы Емельянъ Пугачевъ, то сверхъ ея самоличнаго с дѣтьми сознанія и уличенія, могутъ въ справедли вость доказать и родной его братъ, Зимовейской ж станицы казакъ Дементій Ивановъ сынъ Пугачев (который нынѣ находится въ службѣ въ 1-й арміи да родныя жъ сестры, изъ коихъ первая Ульян Иванова, коя нынѣ находится въ замужествѣ той ж станицы за казакомъ Ѳедоромъ Григорьевымъ п прозванію Брыкалинымъ, а вторая Ѳедосья Ива нова, которая также замужемъ за казакомъ изъ Пру сакъ Симономъ Никитинымъ, а прозванія не знает кой нынѣ жительство имѣетъ въ Азовѣ, которы всѣ мужа ея также знаютъ довольно.

12. Рѣчь и разговоры мужъ ея имѣлъ по обыкно-
енію казацкому, а иностраннаго языка никакого
е зналъ.

13. Домомъ они жили въ Зимовейской станицѣ
воимъ собственнымъ, который по побѣгѣ мужа
что дневнаго пропитанія съ дѣтьми имѣть стало
е отъ чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есау-
овской станицы казаку Еремѣ Евсѣеву на сломъ,
оторый его въ ту Есауловскую станицу по сломкѣ
перевезъ; а нынѣ особою командою паки въ Зи-
овейскую станицу перевезенъ и на томъ же мѣстѣ,
дѣ онъ стоялъ и они жили, сожженъ; а хуторъ ихъ,
остоящій также неподалеку Зимовейской станицы,
ожженъ же.

14. Сама же та Пугачева жена — казачья дочь, и
гецъ ея былъ Есауловской станицы служилый ка-
акъ Дмитрій, по прозванію Недюжинъ, а отчества
е припомнитъ, потому что она послѣ него осталась
ь малолѣтствѣ; и послѣ жъ котораго остались и
еперь вживѣ находятся дочери его, а ей сестры
одныя, первая Анна Дмитріева въ замужествѣ
сауловской станицы за казакомъ Ѳомою Андре-
вымъ, по прозванію Пилюгинымъ, который и нахо-
ится въ службѣ тому нынѣ осьмой годъ, а въ кото-
рой арміи, не знаетъ. Вторая Василиса Дмитріева
ь замужествѣ также Есауловской станицы за каза-
омъ Григоріемъ Ѳедоровымъ, по прозванію Махи-
евымъ; да третій сынъ отъ отца ея, а ей братъ
одной, Иванъ Дмитріевъ по прозванію Недюжинъ,
иветъ въ Есауловской же станицѣ служилымъ
азакомъ, и по отъѣздѣ ея въ здѣшнее мѣсто, былъ
ри домѣ своемъ и къ наряду въ службу въ го-
вности. —

Прилагаю не менѣе любопытное извлеченіе изъ

показанія бывшаго въ 1771 году Зимовейской ста
ницы атаманомъ отставнаго казака Трофима Ѳо
мина:

«Въ 1771 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, Емельян
Пугачевъ отбылъ въ городъ Черкаскъ для излечені
болѣзни, со взятымъ у меня станичнимъ билетом
и черезъ мѣсяцъ возвратился на карей лошади. Н
допросъ мой, гдѣ онъ ее досталъ, отвѣчалъ онъ: н
станичномъ сборѣ, что купилъ въ Таганрожско
крѣпости коннаго казацкаго полку у казака Ва
силья Кусачкина. Но казаки, не повѣря ему
послали его взять письменный видъ отъ ротнаг
командира. Пугачевъ и поѣхалъ, но предъ ег
возвращеніемъ, зять его, Прусакъ, бывшій Зимо
вейской станицы казакъ, а нынѣ состоящій въ Та
ганрогскомъ казацкомъ полку, явился у насъ и н
станичномъ сборѣ показалъ, что онъ съ женою
Василій Кусачкинъ, да еще третій, по уговору Пу
гачева, бѣгали за Кубань на Куму рѣку, гдѣ он
(Прусакъ) побывъ малое время, оставилъ ихъ
возвратился на Донъ. Почему и отправилъ я пр
станичномъ рапортѣ въ Черкаскъ Прусака съ же
ною и родною ея матерью, по причинѣ ихъ побѣг
Въ декабрѣ того же года Пугачевъ былъ пойман
въ его хуторѣ и содержался подъ карауломъ. На
мѣренъ былъ я его, какъ праздношатающаго, вы
дать находящемуся тогда въ сыскѣ и высылкѣ бѣ
глыхъ всякаго званія людей старшинѣ Михайл
Макарову. Но Пугачевъ со станичной избы изъ
подъ караула бѣжалъ и уже чрезъ три мѣсяца в
томъ же хуторѣ пойманъ и показалъ на станичном
сборѣ, что былъ въ Моздокѣ, почему при рапортѣ
посланъ мною къ старшинѣ Макарову въ нижню
Черкаскую станицу, а сей чрезъ нашу станиц

ослалъ уже его при рапортѣ въ Черкаскъ. Когда го привели, увидя по подорожной, что посланъ онъ ылъ въ колодкѣ, которой на немъ уже не было, риказалъ я ему набить другую, и отослалъ его ъ верхнюю Курмоярскую станицу, отъ которой въ ринятіи онаго Пугачева росписку получилъ. Чезъ двѣ недѣли спустя, отъ старшины Макарова о всѣмъ станицамъ прислано было объявленіе, что ный Пугачевъ бѣжалъ съ дороги, и не иначе ежели вится гдѣ, изловить; а какъ онъ бѣжалъ, не знаю. За неумѣніемъ грамотѣ, Василій Ермолаевъ руку риложилъ.»

15. Г. Левшинъ пишетъ, что самозванецъ пока ывалъ сіи пятна легковѣрнымъ своимъ сообщни амъ и выдавалъ ихъ за какіе-то царскіе знаки. но не совсѣмъ такъ; самозванецъ, хвастая, пока ывалъ ихъ какъ знаки ранъ, имъ полученныхъ.

16. Многіе и воспользовались симъ разрѣше іемъ; не смотря на то, исторія Пугачевскаго воз ущенія мало извѣстна. Въ Запискахъ о жизни и лужбѣ А. И. Бибикова мы находимъ самое подроб ое извѣстіе объ ономъ; но сочинитель довелъ свой азсказъ только до сметри Бибикова. Книжка из анная подъ заглавіемъ: Михельсонъ въ Каза и, есть не что иное, какъ весьма любопытное пись о архимандрита Платона Любарскаго, напеча анное почти безъ всякой перемѣны, съ пріобще емъ незначущихъ показаній. Г. Левшинъ, въ воемъ Историческомъ и Статистическомъ обозрѣніи ральскихъ казаковъ, слегка коснулся Пугачева. ей кровавый и любопытный эпизодъ царствованія катерины мало еще извѣстенъ.

*10. Уральскіе казаки большею частію рас кольники (особливо старые люди), донынѣ

привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ ск
зать, говорила мнѣ 80-ти-лѣтняя казачка, в
него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сд
лалъ. — Разскажи мнѣ, говорилъ я Д[митрі
Пьянову, какъ Пугачевъ былъ у тебя п
саженнымъ отцомъ? — Онъ для тебя Пуг
чевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а дл
меня онъ было Великій Государь Петръ Фед
ровичъ. — Когда упоминалъ я о его скотско
жестокости, старики оправдывали его, говор
не его воля была; наши пьяницы его мутили.

КЪ ГЛАВѢ ПЯТОЙ

1. Крещенные калмыки, поселенные въ Оре
бургской губерніи, раздѣлялись на оренбургских
и ставропольскихъ. См. въ Рычковѣ (въ его Оре
бургской Топографіи) подробное о нихъ извѣсті

2. Державинъ, въ объясненіяхъ на свои соч
ненія, говоритъ, что онъ имѣлъ счастіе освободи
около полуторы тысячи плѣнныхъ колонистовъ от
киргизовъ. Державинъ написалъ свои «Записки
къ сожалѣнію, еще неизданныя.

*11. Державинъ, приближаясь къ одном
селу близъ Малыковки съ двумя казакам
узналъ, что множество народу собралось и н
мѣрено идти къ Пугачеву. Онъ пріѣхалъ пря
къ сборной избѣ и требовалъ отъ писаря Зл
бина (впослѣдствіи богача) изъясненія, зачѣм
собрался народъ и по чьему приказанію? Н
чальники выступили и объявили, что иду
соединиться съ Государемъ Петромъ Ѳедор
вичемъ, и начали было наступать на Держ
вина. Онъ велѣлъ двухъ повѣсить, а наро

велѣлъ принести плетей и всю деревню пересѣкъ. Сборище разбѣжалось. Державинъ увѣрилъ, что за нимъ идутъ три полка (слышалъ отъ сенат. Баранова). И. И. Дмитріевъ увѣрялъ, что Державинъ повѣсилъ сихъ двухъ мужиковъ болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости.

3. Бунтовавшіе башкирцы жестоко усмирены ыли генераломъ-лейтенантомъ княземъ Урусо-ымъ, прозваннымъ, какъ Силла, счастливымъ, ибо е ему удавалось.

*12. Казни, произведенныя въ Башкиріи, генераломъ княземъ Урусовымъ, невѣроятны. Около 130 человѣкъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій. Иныхъ, пишетъ Рычковъ, растыкали по кольямъ, другихъ повѣсили ребромъ за крюки, нѣкоторыхъ четвертовали. Остальныхъ, человѣкъ до тысячи, простили, отрѣзавъ имъ носы и уши. Многіе изъ сихъ прощенныхъ должны были быть живы во время Пугачевскаго бунта.

67. См. въ приложеніи письмо Бибикова къ фонъизину. Письмо сіе, вмѣстѣ съ другими драгоцѣными бумагами, доставлено было родственниками наслѣдниками фонъ-Визина князю Вяземскому, нимавшемуся біографіей автора Недоросля. Набемся въ непродолжительномъ времени издать въ ѣтъ сіе замѣчательное по всѣмъ отношеніямъ чиненіе.

5. Малолѣтокъ, не достигшій 14-ти-лѣтняго возаста.

6. Илецкая Защита находится отъ Оренбурга ъ 62-хъ верстахъ, въ степи, за рѣкою Ураломъ,

на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добывается славна
илецкая соль.

«Добываніе оной соли, пишетъ Рычковъ, уж
издавна на томъ мѣстѣ, сперва отъ башкирцевъ,
потомъ и отъ крѣпостныхъ обывателей, чинилос
но о построеніи сей крѣпости опредѣленіе учинен
уже въ прошломъ 1753 году октября 26 числа, по с
стоявшемуся въ Правительствующемъ Сенатѣ того ж
1753 года мая 24 числа указу, коимъ въ Оре
бургѣ и въ принадлежащихъ къ оному новыхъ кр
постяхъ и селеніяхъ (опредѣлено) учредить казенны
соляные магазины, и продажу илецкой и эбелей
ской соли чинить по тогдашней указной цѣнѣ, п
35 коп. пудъ; для чего тогда жъ и Соляное правлен
въ городѣ Оренбургѣ учреждено. Явившійся тогд
подрядчикъ, оренбургскихъ казаковъ сотникъ Ал
ксѣй Углицкой, обязался той соли заготовлять
ставить въ оренбургской магазинъ четыре года, н
каждой годъ по пятидесяти тысячъ пудъ, а буд
вознадобится, то и болѣе, цѣною по 6 коп. за пуд
своимъ коштомъ, а сверхъ того въ будущій 1754 год
лѣтомъ построить тамъ, своимъ же коштомъ, п
указанію отъ инженерной команды, небольшую з
щиту оплотомъ съ батареями для пушекъ, тутъ ж
сдѣлать нѣсколько покоевъ и казармъ для гарни
зону и провіантской магазинъ, и на всѣ жилые поко
въ осеннее и зимнее время ставить дрова, а пр
віантъ, сколько-бъ тамъ войсковой команды ни слу
чилось, возить туда изъ Оренбурга на своихъ по
водахъ, что все и учинено, и гарнизономъ опред
лена туда изъ Алексѣевскаго пѣхотнаго полка одн
рота въ полномъ комплектѣ; а иногда по случаям
и болѣе военныхъ людей командируемо бываетъ
для которыхъ, яко же и для работающихъ въ добы

анiи той соли людей (коихъ человѣкъ ста по два и олѣе бываетъ) имѣется тамъ церковь и священникъ ъ церковными служителями.» (Топографія ренбургская).

7. Тоцкая крѣпость, при устьѣ рѣки Сороки, ъ 206 верстахъ отъ Оренбурга. Выстроена при ириловѣ, въ 1736 году. — Сорочинская крѣпость, авная на Самарской дистанціи, въ 176 верстахъ ъ Оренбурга и въ 30 отъ Тоцкой.

8. Крѣпость Новосергіевская отъ Сорочинской , 40, а отъ Оренбурга въ 136 верстахъ. Выстроена ои тайномъ совѣтникъ Татищевѣ, подъ именемъ евкелева Брода, и переименована при Неплюѣ въ Новосергіевскую.

9. Переволоцкая, большою дорогою въ 78 верахъ отъ Оренбурга, а прямо степью въ 60. Выроена въ верховьѣ рѣки Самары.

10. Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatitscheva, e le Prince lui-même doutoit qu'ils fussent dans cette ce. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya is cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans n apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, i leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des sses, et qui interrogée par les cosaques, les assura e les rebelles après avoir été dans la place, en étaient s sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse lques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. n des trois fut tué et le second pris; mais le troisième happa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il ait de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi s ses retranchements. — (Histoire de la révolte Pougatschef).

11. Бибиковъ въ письмѣ отъ 26 марта: «Мы пот
ряли 9 офицеровъ и 150 рядовыхъ убито; 12 офиц
ровъ ранено и 150 рядовыхъ. Вотъ какая была п
рушка! А бѣдный мой Кошелевъ тяжело въ но
раненъ; боюсь, чтобъ не умеръ, хотя Голицынъ
пишетъ, что не опасно.»

12. Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ св
зать Пугачева и Хлопушу. Показаніе невѣроятн
Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствова
заодно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ из
подъ Оренбурга.

13. Пугачевъ, вопреки общему мнѣнію, никог
не билъ монеты съ изображеніемъ государя Петра
и съ надписью Redivivus et ultor (какъ увѣряю
иностранные писатели). Безграмотные и полуг
мотные бунтовщики не могли вымышлять замыс
ватыя латинскія надписи, и довольствовались у
готовыми деньгами.

14. La victoire que Votre Altesse vient de rempor
sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbou
Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à
famine affreuse retentit d'allégresse et les habita
font des voeux pour la prospérité de leur illustre li
rateur. Un poude farine coutait déjà 16 roubles
maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai
un transport de 500 четверть de Kargalé et j'atte
un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de V
Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous ser
au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manc
ront pas de chercher grâce. (Письмо Рейнсдор
къ кн. Голицыну, отъ 24-го марта 1774).

*13. Князь Голицынъ, нанесшій первый уд
Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и кра
вецъ. — Императрица замѣтила его въ Мос

на балѣ (въ 1775) и сказала: какъ онъ хорошъ, настоящая куколка! Это слово его погубило. Шепелевъ (въ послѣдствіи женатый на одной изъ племянницъ князя Потемкина) вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ его, сказываютъ, измѣннически. Молва обвинила Потемкина...

15. Слобода Сеитовская (она же и Каргалинская), часто упоминаемая въ сей Исторіи, находится въ 20-ти верстахъ отъ Берды, а отъ Оренбурга въ 18-ти. Названа по имени казанскаго татарина Сеита-Хаялина, перваго, явившагося въ оренбургскую канцелярію съ просьбою объ отводѣ земель подъ поселеніе. Въ Сеитовской слободѣ числилось до 1200 душъ, состоящихъ на особыхъ правахъ.

16. По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановились ночевать въ Богоявленскомъ мѣдиплавиленномъ заводѣ. Приказчикъ угостилъ ихъ и, напоивъ до-пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Табинскъ. Михельсонъ подарилъ 500 рублей приказчиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.

17. Въ Озерной старая казачка [мать Ст. Разина] каждый день бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребая къ берегу плывущіе трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое дѣтище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свѣжа вода моетъ?» И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала трупъ.

18. Слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи (Оборона Чицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ), напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ И. П. Свиньина. Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова, предполагая болѣе

достовѣрности въ официальномъ документѣ, нежели въ воспоминаніяхъ старика. Но вообще статья неизвѣстнаго очевидца носитъ драгоцѣнную печать истины, неукрашенной и простодушной.

19. Слова сіи сохранены Державинымъ въ одѣ его на смерть Бибикова. Послѣдняя строфа должна была быть вырѣзана на его гробѣ:

Онъ былъ искусный вождь во брани,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правды другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ тронъ обороняя:
Стой, путникъ, стой благовѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.

20. Императрица велѣла спросить у вдовы покойнаго, чего она собственно для себя желала. Супруга Бибикова просила обезпечить судьбу одного изъ родственниковъ ея мужа, служившаго подъ его начальствомъ.

21. Державинъ, до конца своей жизни чтившій память перваго своего покровителя, узнавъ, что сынъ А. И. Бибикова намѣренъ былъ издать записки о жизни и службѣ отца, написалъ о немъ слѣдующія строки:

«Посвятивъ краткую, но наполненную славными дѣяніями жизнь свою на службу отечеству, Александръ Ильичъ Бибиковъ по всей справедливости заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ воспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его память.

«Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной сего имѣрнаго государственнаго человѣка, всякой гко усмотритъ необыкновенныя его способности, жество, предусмотрѣніе, предпріимчивость и ра-оропность, такъ что онъ во всѣхъ родахъ нала-емыхъ на него должностей съ отличіемъ и досто-рностію былъ употребляемъ; вездѣ показалъ кусство свое и ревность, не токмо прежде, въ рствованіе императрицы Елисаветы, но и во огихъ порученіяхъ отъ Екатерины Великой, озна-нованныя успѣхами. Онъ былъ хорошій генералъ, жъ въ гражданскихъ дѣлахъ проницательный, раведливый и честный; тонкій политикъ, одарен-й умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но егда благороднымъ. Сердце доброе его готово было услугамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользъ; рдый нравъ, вѣрою и благочестіемъ подкрѣпле-й, доставлялъ ему отъ всѣхъ довѣренность, въ горой онъ былъ неколебимъ; любилъ словесность самъ весьма хорошо писалъ на природномъ язы-; зналъ нѣмецкій и французскій языкъ и не за-го передъ смертію выучилъ и англійскій; умѣлъ бирать людей, былъ доступенъ и благопривѣт-зъ всякому; но зналъ однако важною своею по-пью, соединенною съ пріятностью, держать под-ненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи. жность не умаляла въ немъ веселія, а простота унижала важности. Всякій нижній и высшій чи-вникъ его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ защитѣ Престола и къ спасенію Отечества совер-кончиною своею увѣнчалъ добродѣтельную знь, къ сожалѣнію всей Имперіи, тогда пресѣк-ося.»

КЪ ГЛАВѢ ШЕСТОЙ

1. См. Рычкова Исторію Оренбургскую.

2. Histoire de la révolte de Pougatschef.

3. Троицко-Саткинской заводъ, одинъ изъ ва-
нѣйшихъ въ Оренбургской губерніи, на рѣч
Саткѣ, въ 254 верстахъ отъ Уфы.

4. Зелаирская крѣпость находится въ самс
центрѣ Башкиріи, въ 229 верстахъ отъ Оренбур
Она выстроена въ 1755 году, послѣ послѣдн
Башкирскаго бунта (передъ Пугачевскимъ).

5. Державинъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ
чиненіямъ говоритъ, что князь Щербатовъ, кн
Голицынъ и Брантъ перессорились, другъ къ др
не пошли въ команду, дали скопиться новымъ з
дѣйскимъ силамъ и разстроили начало побѣдъ.

КЪ ГЛАВѢ СЕДЬМОЙ

1. Въ сентенціи сказано было, что Пугачевъ в
вался въ городъ измѣною суконщиковъ. Слѣдст
доказало, что суконщики не измѣнили; напроти
они послѣдніе бросили оружіе и уступили прев
ходной силѣ.

2. Въ послѣдствіи Веніаминъ былъ оклевет
однимъ изъ мятежниковъ (Аристовымъ) и нѣскол
времени находился въ немилости. Императри
убѣдясь въ его невинности, вознаградила его
номъ митрополитскимъ, и прислала ему бѣлый к
букъ при слѣдующемъ письмѣ:

«Преосвященнѣйшій Митрополитъ, Веніамин
Казанскій!

По пріѣздѣ Моемъ, первымъ попеченіемъ бы
для Меня разсматривать дѣла бездѣльника А
стова: и узнала Я, къ крайнему удовольствію Мое

го невинность Вашего Преосвященства совершенно
скрылась. Покройте почтенную главу Вашу симъ
гличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для
якаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествую-
ей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и
чаль, кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ
ожіей, благоволившей васъ прославить по неща-
ныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго
рая; принесите молитвы Господу Богу; а я съ от-
ѣнным доброжелательствомъ есмь

Екатерина».

Отвѣтъ Веніамина, митрополита казан-
каго:

«Всемилостивѣйшая Государыня!

Милость и судъ безпримѣрные Вашего Импера-
рскаго Величества, кои на мнѣ соизволили уди-
ть предъ цѣлымъ свѣтомъ, воскресили меня отъ
роба, возвратили жизнь, которую я отъ младыхъ
гтей посвятилъ на службу по Бозѣ въ непоколе-
мой вѣрности Вашему Монаршему Престолу и
ечественной пользѣ, сколько отъ меня зависитъ;
продолжалась она пятьдесятъ три года, но кото-
ю клевета, наглость и злоба противъ совѣсти и
ловѣчества исторгнуть покушались. Неоцѣнен-
мъ Монаршихъ Вашихъ щедротъ залогомъ, ко-
рый съ несказаннымъ чувствованіемъ моего серд-
сподобихся пріяти на главу мою, покрыся, и
ъяся поношеніе мое, поношеніе мое въ человѣ-
хъ. Что-жъ воздамъ Тебѣ, правосуднѣйшая въ
ѣтѣ Монархиня, толико попечительному о спасе-
и моемъ Господеви? Истощеніе всей дарованной
мѣ вашимъ Высоко-Монаршимъ великодушіемъ
изни въ возблагодареніе не довлѣетъ; развѣ, до

послѣдняго моего издыханія, Вышняго молить н
престану день и нощь, да сохранитъ дражайшу
жизнь Вашу за толь сердобольное сохраненіе мое
до позднѣйшихъ человѣку возможныхъ лѣтъ; д
ниспошлетъ съ высоты святыя своея на вѣнц
носную главу Вашу вся благословенія, коим
древле благословенъ былъ Соломонъ. Крѣпка
десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дн
живота отъ превожделѣннаго здравія Вашего н
дуги, отъ неусыпныхъ трудовъ утомленіе, отъ во
растающей и процвѣтающей славы зависть и злоб
да будетъ Домъ, Держава и Престолъ вашъ я
дніе неба. Съ таковымъ моимъ усердствованіемъ
всеподданическою вѣрностью, пока духъ во мн
пребудетъ, есмь

Вашего Императорскаго Величества всепо
даннѣйшій рабъ и богомолецъ, смиренный Вен
минъ, митрополитъ казанскій».

3. Генералъ-маіоръ Нефедъ Никитичъ Кудря
цовъ, сынъ Никиты Алферьевича, пользовавшаго
довѣренностію Петра Великаго, въ чинѣ поручи
гвардіи Преображенскаго полка участвовалъ
первомъ персидскомъ походѣ; въ царствованіе Анн
Іоанновны сражался противу турковъ и татаръ,
при Императрицѣ Елисаветѣ противу прусаков
вышелъ въ отставку при Императрицѣ Екат
ринѣ II. Тѣло его погребено въ той церкви, гдѣ о
былъ убитъ. (Извлечено изъ неизданна
Историческаго Словаря, составленна
Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ).

4. Такъ говоритъ авторъ исторической запис
Histoire de la révolte de Pougatschef; въ офиціал
ныхъ документахъ, бывшихъ у меня въ рукахъ,
ничего о томъ не отыскалъ. Достовѣрно однако

о, что семейство Пугачева находилось при немъ до 4 августа 1774 года.

14. Показаніе нѣкоторыхъ историковъ, утверждавшихъ, что ни одинъ изъ дворянъ не былъ замѣшанъ въ Пугачевскомъ бунтѣ, совершенно несправедливо. Множество офицеровъ (по чину своему сдѣлавшихся дворянами) служили въ рядахъ Пугачева, не считая тѣхъ, которые изъ робости пристали къ нему. Изъ хорошихъ фамилій — Шванвичъ былъ сынъ кронштадтскаго коменданта, разрубившаго нѣкогда палашемъ, въ трактирной ссорѣ, щеку Алексѣя Орлова. Замѣчательна разность, которую правительство полагало между дворянствомъ личнымъ и дворянствомъ родовымъ. Прапорщикъ Минеевъ и нѣсколько другихъ офицеровъ были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами, и проч.; а Шванвичъ только ошельмованъ преломленіемъ надъ головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство отъ тѣлеснаго наказанія.

* Нѣмецкіе указы Пугачева были писаны рукою Шванвича. ецъ его, Александръ Мартыновичъ, былъ маіоромъ и кронштадимъ комендантомъ, послѣ переведенъ въ Новгородъ. Онъ лъ высокій и сильный мужчина. Имъ разрубленъ былъ Алекй Орловъ въ трактирной ссорѣ. Играя съ Свѣчинымъ въ ломъ, онъ имѣлъ привычку закуривать свою пѣнковую трубочку между тѣмъ заглядывать въ карты. Женатъ былъ на нѣмкѣ. нъ его старшій недавно умеръ. (Слышалъ отъ Н. Свѣчина). Анекдотъ о разрубленной щекѣ любопытенъ. Четыре брата ловы (потомки стрѣльца Адлера, пощаженнаго Петромъ ликимъ за его хладнокровіе передъ плахою) были до 1762 г. шые гвардейскіе офицеры, извѣстные буйной и безпутной знью. Народъ ихъ зналъ за силачей, и никто въ Петербургѣ осмѣливался съ ними спорить, кромѣ Шванвича, такого же вѣсы и силача. Порознь онъ могъ сладить съ каждымъ изъ къ, но вдвоемъ Орловы (Алексѣй и Ѳедоръ) брали надъ нимъ

94. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генералъ от кавалеріи и главнокомандующій молдавскою а міею, родился около 1735 года, умеръ въ 180 Подъ его начальствомъ находился, въ начал славной службы своей, князь Варшавскій. Михел сонъ въ глубокой старости сохранялъ юношеску живость, любилъ воинскія опасности и еще пос щалъ передовыя перестрѣлки.

*15. Кто были сіи смышленые сообщник руководившіе дѣйствіями самозванца? — Пе фильевъ? Шигаевъ? Это должно явствова изъ процесса Пугачева, но къ сожалѣнію я е

верхъ. Послѣ многихъ дракъ, они между собой по жили, въ избѣжаніе напрасныхъ побоевъ, слѣдующее прави одинъ Орловъ уступаетъ Шванвичу и гдѣ бы его ни встрѣтилъ повинуется ему безпрекословно; двое же Орловыхъ, встр Шванвича, берутъ передъ, и Шванвичъ имъ повинуется. ковое перемиріе не могло долго существовать. Шванвичъ вст тился однажды съ Ѳ. Орловымъ въ трактирѣ и, пользу своимъ правомъ, овладѣлъ бильярдомъ, виномъ и д.....ми. торжествовалъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, является т же Алексѣй Орловъ, и оба брата, по силѣ договора, отыма у Шванвича вино, бильярдъ и д....къ. Шванвичъ, уже хмѣлы хотѣлъ воспротивиться; тогда Орловы вытащили его изъ двер Шванвичъ, въ бѣшенствѣ, сталъ дожидаться ихъ выхода, п таясь за воротами. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Алекс Орловъ. Шванвичъ обнажилъ палашъ, разрубилъ ему щ и ушелъ; ударъ пьяной руки не былъ смертеленъ, однако Орловъ упалъ. Шванвичъ долго скитался, боясь встрѣтит съ Орловыми.

Черезъ нѣсколько времени произошелъ переворотъ, возвед Екатерину на престолъ, а Орловыхъ на первую степень государствѣ. Шванвичъ почиталъ себя погибшимъ. Орл пришелъ къ нему, обнялъ его и остался съ нимъ пріятеле Сынъ Шванвича, находившійся въ командѣ Чернышева, им малодушіе пристать къ Пугачеву и глупость служить ему всеусердіемъ. Графъ Ал. Орловъ выпросилъ у государ смягченіе приговора. —

не читалъ, не смѣвъ его распечатать безъ Высочайшаго на то соизволенія.

КЪ ГЛАВѢ ОСЬМОЙ

1. Ихъ было три брата. Старшій, извѣстный ...зкимъ покушеніемъ на особу короля Станислава ...нятовскаго; меньшой съ 1772 года находился въ ...ѣну и жилъ въ домѣ губернатора, которымъ ...лъ онъ принятъ, какъ родной.

*16. Молодой Пулавскій былъ въ связи съ женою стараго казанскаго губернатора.

2. Слышано мною отъ К. Ф. Фукса, доктора и ...офессора медицины при казанскомъ университетѣ, человѣка столь же ученаго, какъ и любезнаго ...снисходительнаго. Ему обязанъ я многими ...бопытными извѣстіями касательно эпохи и стороны, здѣсь описанныхъ.

3. Предъ симъ цѣна соли, установленная Пугачевымъ, была по 5 коп. за пудъ; подушный окладъ ... 3 коп. съ души; жалованье военнымъ чинамъ ...ѣщалъ онъ утроить, а рекрутскій наборъ произ...дить черезъ каждыя пять лѣтъ.

4. За сообщеніе бумагъ, обнаруживающихъ сно...ніе Перфильева съ правительствомъ (обстоятель...во вовсе неизвѣстное), обязаны мы благодарно...ю А. П. Галахову, внуку капитана гвардіи, на ... его правительствомъ возложены были въ то время ...жныя порученія.

5. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, генералъ...шефъ, орденовъ Св. Андрея и Св. Георгія первой ...епени кавалеръ, и проч., сынъ генералъ-поручика ...вана Василевича, родился въ 1721 году. Началъ ...ужбу свою подъ начальствомъ фельдмаршала

графа Миниха; въ 1736 году находился при взят
Перекопа и Бахчисарая. Во время семилѣтн
войны служилъ генералъ-маіоромъ и былъ гла
нымъ виновникомъ успѣха Франкфуртскаго ср
женія. 1762 года пожалованъ онъ въ сенатор
1769 назначенъ онъ былъ главнокомандующимъ в
рой арміи. 1770 взяты имъ Бендеры; въ томъ
году вышелъ онъ въ отставку. Возмущеніе Пуг
чева вызвало снова Панина изъ уединенія на п
прище трудовъ политическихъ. Онъ скончался
Москвѣ въ 1789 году, на 69 году отъ рожденія.

*17. Въ Саранскѣ архимандритъ Александ
принялъ Пугачева съ крестомъ и евангеліе
и во время молебствія, на ектеніи, упомяну
государыню Устинію Петровну. Архимандри
преданъ былъ гражданскому суду въ Казан
13 октября 1774 года въ полдень приведенъ о
былъ въ оковахъ въ соборъ. Его повели
алтарь и возложили на него полное облачен
Солдаты съ примкнутыми штыками стояли
сѣверныхъ дверей. Протопопъ и протодьяко
поставили его посреди церкви во всемъ обл
ченіи и въ оковахъ. Послѣ обѣдни былъ о
выведенъ на площадь; ему прочли его вин
Послѣ того сняли съ него ризы, обрѣзали
лосы и бороду, надѣли мужицкій армякъ
сослали на вѣчное заточеніе. Народъ былъ
ужасѣ и жалѣлъ о преступникѣ. Въ указѣ
лѣно было вывести Александра въ одеждѣ м
нашеской. Но Потемкинъ (Павелъ Сергѣевич
отступилъ отъ сего, для большаго эфект

6. См. Приложенія, II.

7. Показанія казаковъ Ѳомина и Лепели
Они не знаютъ имени гвардейскаго офицера,

ними отряженнаго къ Петровску; но Бошнякъ въ своемъ донесеніи именуетъ Державина.

8. Въ то время изданъ былъ списокъ (еще не весьма полный) жертвамъ Пугачева и его товарищей.*

9. См. Benjamin Bergmann's nomadische Streifereien u. s. w.

*18. Настоящая причина, по которой Румянцевъ не захотѣлъ отпустить Суворова, была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, коихъ соперничество казалось ему опаснымъ. Вмѣсто Суворова послалъ онъ Щербатова. Императрица Екатерина не любила Румянцева за его низкій характеръ.

10. Мавринъ съ 1773 года находился при Бибиковѣ; онъ отряженъ былъ отъ секретной коммиссіи въ Яицкой городокъ, гдѣ и производилъ слѣдствіе. Мавринъ отличился умѣренностію и благоразуміемъ.

11. Императрица 22-го октября 1774 года писала Вольтеру: Volontiers, Monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et garrotté par ses propres gens dans la pleine inhabitée entre le Volga et le Iaïck, où il avoit été chassé par les troupes envoyées contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens pour se ravitailler, ses compagnons excédés d'ailleurs des cruautés qu ils commettaient et espérant

* Въ изданіи 1834 г. приведенъ подробный списокъ «разграбленныхъ Божіихъ храмовъ», а также убитыхъ «дворянства, духовенства, мѣщанства и прочихъ званій людей» — Прим. ред.

obtenir leur pardon, le livrèrent au commandant de la forteresse du Iaïck qui l'envoya a Simbirsk au général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être conduit a Moscou. Emmené devant le comte Panine, il avoua naïvement dans son interrogatoire qu'il était cosaque du Don, nomma l'endroit de sa naissance, dit qu'il étoit marié à la fille d'un cosaque du Don, qu'il avoit trois enfants, que dans ces troubles il avoit épousé une autre femme, que ses frères et ses neveux servoient dans la première armée, que lui même avoit servi les deux premières campagnes, contre la Porte, etc, etc.

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que Mr. Pougatschef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisoit pendre sans rémisson, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfants, tous les officiers, tous les soldats qu'il pouvoit attraper: nul endroit, où il a passé n'a été épargné: il pilloit et saccageoit ceux même, qui pour éviter ses cruautés, cherchoient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'étoit devant lui à l'abri de pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine

qu'à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il feroit oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avoit offensé que moi, son raisonnement pourrait être juste et je lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix.

12. Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélérat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison, qu'on a été obligé de le préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ. — (Письмо Императрицы къ Вольтеру, отъ 29 декабря 1774 года.)

*19. Падуровъ, какъ депутатъ, въ силу привилегій, данныхъ указомъ, не могъ ни въ какомъ случаѣ быть казненнымъ смертію. Не знаю, прибѣгнулъ ли онъ во время суда къ защитѣ сего закона; можетъ быть, онъ его не зналъ; можетъ быть, судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе казнь сего злодѣя противу закона. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, доказывающихъ необходимость адвокатовъ.

13. «Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву, я увидѣлъ позорище для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; кребій Пугачева рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ Болотѣ.

«Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо желали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконецъ, по убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подъ стро-

гимъ наказомъ, чтобъ мы ни на шатъ отъ него не отходили.

«Это происшествіе такъ врѣзалось въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

«Въ десятый день января тысяча семьсотъ семьдесятъ пятаго года, въ восемь или девять часовъ по полуночи, пріѣхали мы на Болото; на серединѣ его воздвигнутъ былъ эшафотъ, или лобное мѣсто, вкругъ коего построены были пѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и оберъ-полицеймейстеръ Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фрунта все пространство Болота или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось и съ шумомъ заговорило: везутъ, везутъ! Вскорѣ появился и отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ духовникъ его и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно, секретарь тайной экспедиціи; за санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

«Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ чертахъ лица его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ; роста средняго, лицомъ

муглъ и блѣденъ; глаза его сверкали; носъ имѣлъ ругловатый, волосы, помнится, черные, и неболь-ую бороду клиномъ.

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго ѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ репровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, ва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное ово: на караулъ; и одинъ изъ чиновниковъ на-алъ читать манифестъ. Почти каждое слово до еня доходило.

«При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища авнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, беръ-полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: ы ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?» Онъ оль же громко отвѣтствовалъ: «такъ, государь, донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька угачевъ.» Потомъ, во все продолженіе чтенія ма-ифеста, онъ, глядя на соборы, часто крестился, жду тѣмъ, какъ сподвижникъ его Перфильевъ, не алаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, оялъ неподвижно, потупя глаза въ землю.* По очтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣ-олько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ лафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за мъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ зна-ніемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ борамъ; потомъ съ утороплennымъ видомъ сталъ ощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, воря прерывающимся голосомъ: «прости, народъ авославный; отпусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ едъ тобою; прости, народъ православный!» —

* По словамъ другихъ свидѣтелей, Перфильевъ на эшафотѣ рѣлъ отъ ужаса; можно было принять его безчувствіе за нодушіе.

При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палач
бросились раздѣвать его: сорвали бѣлый баран
тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго мал
новаго полукафтанья. Тогда онъ сплеснулъ рукам
опрокинулся навзничъ, и вмигъ окровавле
ная голова уже висѣла въ воздухѣ: палачъ взма
нулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдо
вало то же.» — (Изъ неизданныхъ записок
И. И. Дмитріева).

Подробности сей казни разительно напоминают
казнь другого донскаго казака, свирѣпствова
шаго за сто лѣтъ предъ Пугачевымъ, почти въ тѣх
же мѣстахъ и съ такими же ужасными успѣхам
См. Rélation des particularités de la rebellion
Stenko-Razin contre le grand duc de Moskovie. I
naissance, le progrès et la fin de cette rebellion; av
la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence
mort et son exécution, traduit de l'anglais, p
C. Desmares. MDCLXXXVII. Книга сія весьм
рѣдка; я видѣлъ одинъ экземпляръ оной въ би
ліотекѣ А. С. Норова, нынѣ принадлежащей кня
Н. И. Трубецкому.

14. См. Приложеніе 12.

*20. Общія замѣчанія. Весь черный н
родъ былъ за Пугачева; духовенство ему д
брожелательствовало, не только попы и м
нахи, но и архимандриты, и архіереи. Од
дворянство было открытымъ образомъ на ст
ронѣ правительства. Пугачевъ и его сообщни
хотѣли сперва и дворянъ склонить на сво
сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ пр
тивуположны. (NB. Классъ приказныхъ
чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣш
тельно принадлежалъ простому народу. То

можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева. Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ.)

Всѣ нѣмцы, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дицъ, Демаринъ, Дуве etc. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Каръ, Фрейманъ, Корфъ, Валленштернъ, Биловъ, Декалонгъ etc. etc.

Разбирая мѣры, предпринятыя Пугачевымъ и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самыя надежныя и дѣйствительныя къ достиженію своей цѣли. Правительство съ своей стороны дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.

Нѣтъ зла безъ добра: Пугачевскій бунтъ доказалъ правительству необходимость многихъ перемѣнъ, и въ 1775 году послѣдовало новое учрежденіе губерніямъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей государства сдѣлалось быстрѣе, etc.*

---

* Часть вторая Исторіи Пугачевскаго Бунта, заключающая иложенія и прибавленія»: Манифесты и указы, относящіеся Пугачевскому бунту, донесенія, письма, сказанія современовъ и проч., въ настоящемъ изданіи не воспроизводится. им. ред.)

1834 г.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

Петръ родился въ Москвѣ въ 7180 году м 30-го (1672).

Рожденіе Царевича праздновали трехдневны торжествомъ при колокольномъ звонѣ и пушечн пальбѣ. Царь въ знакъ своей радости дарова прощеніе осужденнымъ на смерть, возвратилъ и ссылки преступниковъ, роздалъ богатую мил стыню, простилъ народу долги и недоимки, ис пилъ невольниковъ, заключенныхъ за долги.

Царевичъ былъ окрещенъ іюня 29, въ суббо на праздникъ верховныхъ апостоловъ Петра Павла, въ Чудовомъ монастырѣ, отъ Патріар Іоакима. Воспріемниками были братъ его І ревичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ и тетка его Царев Ирина Михайловна. Разсказываютъ, будто бы третьемъ году его возраста, когда, въ день имяни его, между прочими подарками, одинъ купе подалъ ему дѣтскую саблю, Петръ такъ ей обра вался, что, оставя всѣ прочіе подарки, съ нею хотѣлъ даже разставаться ни днемъ, ни ноч Къ купцу же пошелъ на руки, поцѣловалъ его голову, и сказалъ, что его не забудетъ. Царь пож ловалъ купца гостемъ, а Петра, при прочте

молитвы духовникомъ, самъ тою саблею опоясалъ. При семъ случаѣ были заведены потѣшные. Передъ своею кончиною Царь назначилъ приставниками къ Царевичу боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина и при немъ окольничихъ К. Петра Ивановича Прозоровскаго, Ѳедора Алексѣевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексѣй Михайловичъ скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трехъ лѣтъ и осьми мѣсяцевъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ оставилъ при вдовствующей Царицѣ весь ея штатъ. Въ 1677 г. она имѣла при себѣ 102 стольниковъ. Потѣшные, большею частію, были дѣти ихъ. Петръ началъ учиться грамотѣ 12-го марта 1677 года, по благословенію Святѣйшаго Патріарха. Учителемъ его былъ челобитнаго приказа дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, бывшій знакомый боярину Ѳ. Соковнину, который и привелъ его во дворецъ ко вдовствующей Царицѣ. Зотовъ по утрамъ обучалъ Царевича грамотѣ и Закону, а послѣ обѣда разсказывалъ ему россійскую исторію. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главныя черты изъ исторіи, главные европейскіе города, зданія, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также къ Царевичу: Лефортъ и Тиерманъ, учили его геометріи и фортификаціи.

Милославскіе во время царствованія Ѳеодора, утѣсняли Нарышкиныхъ; изъ нихъ ни одинъ не былъ произведенъ въ большіе чины. Дѣдъ Царевича, Кириллъ Полуехтовичъ, опредѣленный Алексѣемъ Михайловичемъ главнымъ судіею въ приказѣ большаго дворца, былъ отставленъ.

Бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ предложилъ однажды вдовствующей Царицѣ, подъ

предлогомъ тѣсноты, перебраться въ другой дворецъ, отдаленный отъ Царскаго двора. Царица не захотѣла, и подослала Петра съ своимъ учителемъ къ Царю Ѳеодору. Петръ поцѣловалъ его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя съ Царевичемъ Димитріемъ, а боярина съ Годуновымъ. Царь извинился передъ Натальей Кирилловной и отдалъ ей Языкова головою. Языковъ былъ на время отдаленъ.

Царица жила, обыкновенно, въ Потѣшномъ дворцѣ Царя Алексѣя Михайловича, отчего и Петръ его предпочиталъ.

15 августа 1680 г. Зотовъ былъ отъ него удаленъ по навѣтамъ. Онъ былъ посланъ съ полковникомъ стрѣлецкимъ, стольникомъ Василіемъ Тяпкинымъ, въ Крымъ для заключенія мирнаго договора на 20 лѣтъ, что и случилось 15 января 1681 года. Зотовъ воротился 8 іюня. Неизвѣстно, продолжалъ ли онъ учить Царевича.

Страленбергъ и «Рукопись о зачатіи» повѣствуетъ, что Царица, ѣдучи однажды весною въ одинъ монастырь, при переправѣ черезъ разлившійся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшаго у ней на рукахъ. Петръ до четырнадцати лѣтъ боялся воды. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, его оберъ-гофмейстеръ, излѣчилъ его. Миллеръ тому не вѣритъ.

Когда слабому здравіемъ Ѳеодору совѣтовали вступить во второй бракъ, тогда отвѣтствовалъ онъ: «Отецъ мой имѣлъ намѣреніе нарещи на престолъ брата моего, Царевича Петра, тоже сдѣлать намѣренъ и Я». Сказываютъ, что Ѳеодоръ то же говорилъ и Языкову, который ему сперва противорѣчилъ и, наконецъ, отвратилъ разговоръ

въ другую сторону, и уговорилъ его на второй брак. Въ самомъ дѣлѣ, 1682 года февраля 16, Ѳеодоръ женился на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, но въ тотъ же годъ апрѣля 27 скончался, наименовавъ Петра въ преемники престола (въ чемъ не согласенъ Миллеръ. См. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 20). Царевичу Іоанну было 16 лѣтъ, а Петру 10 лѣтъ.

О избраніи см. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 123.

Всѣ государственные чины собрались передъ дворцомъ. Патріархъ съ духовенствомъ предложилъ имъ избраніе, и стольники, и стряпчіе, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и гости, и гостиной и черныхъ сотенъ и иныхъ именъ люди единогласно избрали Царемъ Петра.

Патріархъ говорилъ потомъ боярамъ и окольничимъ и думнымъ и ближнимъ людямъ, и они были того же мнѣнія.

Петръ избранъ былъ 10 мая 1682 года, и въ тотъ же день ему присягнули; Царица Наталья Кирилловна наречена была правительницею, но черезъ три недѣли все рушилось. Бояринъ Милославскій и царевна Софія произвели возмущеніе. Планъ ихъ былъ:

1. Истребить приверженцевъ Петра.
2. Возвести царемъ Іоанна.
3. Царя Петра лишить престола(?).

Сумароковъ и князь Хилковъ утверждаютъ, что Милославскій удержалъ стрѣльцевъ отъ присяги, — Голиковъ, дабы согласить ихъ съ лѣтописью, говоритъ: многихъ стрѣльцевъ.

Главные сообщники Милославскаго были племянникъ его Александръ Щегловитой, Цыклеръ,

Иванъ и Петръ Толстые, Озеровъ, Санбуловъ и главные изъ стрѣлецкихъ начальниковъ: Петровъ, Чермновъ, Озеровъ и проч. Сумароковъ в числѣ приверженцевъ Софіи именуетъ и Іоакима

Санбуловъ началъ возмущеніе. Онъ закричалъ въ толпѣ стрѣльцевъ, что бояре отняли престол у законнаго Царя и отдали его меньшому брату слабому отроку. Александръ Милославскій и Петръ Толстой разсѣяли слухи, что Іоаннъ уж убитъ, и роздали стрѣльцамъ письменный списокъ мнимымъ убійцамъ, приверженцамъ Царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрѣльцы, отпѣвъ въ Знаменскомъ монастырѣ молебенъ съ водосвятіемъ, берутъ чашу святой воды и образъ Б. Матери, предшествуемые попами, при колокольномъ звонѣ и барабанномъ боѣ, вторгаются въ Кремль.

Дѣда Петра, Кирилла Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазахъ изрубили.

Убиты въ сей день братья Натальи Кирилловны Иванъ и Аѳанасій, князья Михайло Алегумовичъ Черкасской, Долгорукіе Юрій Алексѣевичъ и сынъ его Михайло, Ромодановскіе Григорій и Андрей Григорьевичи, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Салтыковы, бояринъ Петръ Михайловичъ и сынъ его стольникъ Ѳеодоръ Иванъ Максимовичъ Языковъ (?), стольникъ Василій Ивановъ, думные люди Иванъ и Аверкій Кирилловы, Иларіонъ Ивановъ съ сыномъ; подполковники: Горюшкинъ, Юреневъ, Даниловъ и Яновъ; медики Ф. Гаденъ и Гутменшъ. Стрѣльцы разбивъ холопій приказъ, разломали сундуки разорвали крѣпости и провозгласили свободу

сподскимъ людямъ. — Но дворовые къ нимъ не ристали.

Мая 18. Стрѣльцы вручили Царевнѣ Софіи равленіе, потомъ возвели въ соцарствіе Петру рата его Іоанна. 25 мая Царевна Правительница ороновала обоихъ братьевъ. Софія уже черезъ за года приняла титло Самодержицы-Царевны ногда и Царицы), называя себя во всѣхъ дѣлахъ слѣ обоихъ царей. Др. Вивл. Ч. VII, стр. 400.

Стрѣльцы получили денежныя награжденія, пра- имѣть выборныхъ, имѣющихъ свободный въѣздъ ь Великимъ Государямъ, позволеніе воздвигнуть амятникъ на Красной площади, похвальныя гра- оты за государственными печатьми, переимено- ніе изъ стрѣльцевъ въ надворную пѣхоту. Вы- орные несли сіи грамоты на головѣ до своихъ ѣзжихъ избъ, и полки встрѣтили ихъ съ коло- ольнымъ звономъ, барабаннымъ боемъ и съ восхи- еніемъ. Сухаревъ полкъ одинъ не принялъ уча- ія въ бунтѣ.

Царевна поручила стрѣлецкій приказъ боярамъ язьямъ Хованскимъ — Ивану Андреевичу и сыну о Ѳеодору, любящимъ стрѣльцевъ и тайнымъ скольникамъ Аввакумовской и Никитской ереси.

Вскорѣ послѣ того (?) стрѣльцы подъ пред- одительствомъ растриги попа Никиты произ- одятъ новый мятежъ, вторгаются въ соборную ерковь во время служенія, изгоняютъ Патріарха и уховенство — которое скрывается въ Гранови- ю палату. Старый Хованскій представляетъ атріарху и Царямъ требованія мятежниковъ о ловопреніи съ Никитой. Стрѣльцы входятъ съ лоемъ и свѣчами и съ каменьями за пазухой, одаютъ Царямъ челобитную. Начинается слово-

преніе. Патріархъ и холмогорскій архіепископ Аѳанасій (бывшій нѣкогда раскольникомъ) всту паютъ въ ѳеологическій споръ. Настаетъ шумъ летятъ каменья (сказка о Петрѣ, будто бы усми рившемъ смятеніе). Бояре при помощи стрѣль цевъ-нераскольниковъ изгоняютъ, наконецъ, бѣ шеныхъ ѳеологовъ. Никита и главные мятежник схвачены и казнены 6-го іюня. Царица Наталь Кирилловна, по свидѣтельству венеціанскаго исто рика, удалилась съ обоими Царями въ Троицкі монастырь. — Послѣ того Петръ удалился въ сел Преображенское и тамъ умножаетъ число потѣш ныхъ (вѣроятно безъ разбору: отселѣ товари щество его съ людьми низкаго происхожденія Старый Хованскій угождалъ всячески стрѣльцам онъ роздалъ имъ имѣніе побитыхъ бояръ. Прини малъ отъ нихъ жалобы и доносы на мнимыя взятк и удержаніе поможныхъ денегъ. Хованскі взыскивали, не пріемля оправданій и не слуша отвѣтчиковъ.

Софія возвела любимца своего князя Голицын на степень великаго канцлера. Онъ заключилъ с Карломъ XI (1683) миръ, на тѣхъ же условіяхъ на коихъ былъ онъ заключенъ двадцать лѣтъ преж де. Россія была въ миру со всѣми державами кромѣ Китая, съ которымъ были неважныя ссор за городъ Албазинъ при рѣкѣ Амурѣ.

Бояре, приверженные къ Петру, назначили ем въ оберъ-гофмейстеры князя Бориса Алексѣевич Голицына. Онъ овладѣлъ довѣренностію моло дого Царя и дѣлалъ перевѣсъ на его сторону Многіе бояре, а особливо дѣти ихъ, перешли н сторону Петра.

Царевна въ сіе время женила брата своег

Іоаннна на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой (1684 года января 9). Петру I, бывшему по 12 году, дана была полная свобода. Онъ подружился съ иностранцами. Женевецъ Лефортъ (23 (?) годами старше его) научилъ его гол. (?) языку. Онъ одѣлъ роту потѣшную по-нѣмецки. Петръ былъ въ ней барабанщикомъ и за отличіе произведенъ въ сержанты. Такъ начался важный переворотъ, впослѣдствіи имъ совершенный; истребленіе дворянства и введеніе чиновъ. Въ сіе время князь Василій Голицынъ, бывшій главнымъ въ комиссіи о разобраніи дворянскихъ родовъ и о составленіи родословной книги, думалъ возобновить мѣстничество, уничтоженное Царемъ Ѳеодоромъ въ 1681 году. Комиссія была учреждена подъ начальствомъ боярина князя Владиміра Дмитріевича Долгорукова и окольничаго Чаадаева.

Бояре съ неудовольствіемъ смотрѣли на потѣхи Петра и предвидѣли нововведенія. По ихъ наущенію, сама Царица и Патріархъ увѣщевали молодого Царя оставить упражненія, неприличныя сану его. Петръ отвѣчалъ съ досадою, что во всей Европѣ Царскія дѣти такъ воспитаны, что и такъ много времени тратитъ онъ въ пустыхъ забавахъ, въ которыхъ ему однако жъ никто не мѣшаетъ, и что оставить свои занятія онъ не намѣренъ. Бояре хотѣли внушить ему любовь къ другимъ забавамъ и пригласили его на охоту. Петръ, самъ ли отъ себя, или по совѣту своихъ любимцевъ, но вздумалъ пошутить надъ ними: онъ притворно согласился; назначилъ охоту, но пріѣхавъ, объявилъ, что съ холопьями тѣшиться не намѣренъ, а хочетъ, чтобъ господа одни участвовали въ Царскомъ увеселеніи. Псари отъѣхали, отдавъ псовъ

въ распоряженіе господъ, которые не умѣли съ ними справиться. Произошло разстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, сѣдоки падали, собаки тянули снуры, надѣтые на руки неопытныхъ охотниковъ. Петръ былъ чрезвычайно доволенъ — и на другой день, когда на приглашеніе его ѣхать на соколиную охоту господа отказались, онъ сказалъ имъ: «знайте, что Царю подобаетъ быть воиномъ, а охота есть занятіе холопское».

Въ день Преполовенія (того жъ 1684 г.) оба Царя были на крестномъ ходу по городской стѣнѣ и потомъ обѣдали у Патріарха. Петръ распрашивалъ Патріарха объ установленіи сего хода и о другихъ церковныхъ обрядахъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ онъ съ боярами на пушечный дворъ и повелѣлъ бомбами и ядрами стрѣлять въ цѣль. Онъ самъ, несмотря на представленія бояръ, запалилъ пушку — и узнавъ, что поручикъ Францъ Тимерманъ хорошо знаетъ науку артиллерійскую, повелѣлъ его къ себѣ прислать и уѣхалъ въ Преображенское.

На другой день Тимерманъ былъ ему представленъ. Петръ взялъ его къ себѣ въ учителя — велѣлъ отвести ему комнату подлѣ своей, и съ той поры по нѣскольку часовъ въ день обучался геометріи и фортификаціи. Онъ въ рощахъ Преображенскаго, на берегу Яузы, повелѣлъ выстроить правильную маленькую крѣпость, самъ работалъ помогалъ Тимерману разставлять пушки и назвалъ крѣпость Презбургомъ. Онъ самъ ее атаковалъ и взялъ приступомъ. Потомъ въ присутствіи бояръ сдѣлалъ ученье стрѣлецкому Тарбѣева полку. Онъ

ждалъ многое въ артикулѣ Царя Алексѣя Миловича (см. т. 1. стр. 179). Въ доказательство ь одному капральству велѣлъ выстроиться и ъ скомандовалъ по-своему. Съ той поры старый икулъ былъ отмѣненъ и новый введенъ въ отребленіе.

Крекшинъ).

Миллеръ относитъ учрежденіе потѣшнаго войска 1687 году, потому что въ разрядныхъ книгахъ олжительное пребываніе Царя въ Преобраскомъ начинается съ того году. Но наборы ались уже въ 84. Записныя книги доказываютъ, въ 87 увеличилось число потѣшныхъ, ибо рь уже началъ набирать изъ придворныхъ и ошенныхъ служителей, и вскорѣ ихъ прибавиь такъ много, что уже должно было часть ихъ поселить въ селѣ Семеновскомъ. Отселѣ м. и Преобр. Петръ изъ Бутырскаго полка лъ пятнадцать барабанщиковъ (въ 1687 г.). ортъ (въ томъ же году) произведенъ въ полники. Учреждена конница. Оп. Тр. Ч. IV началѣ гвардіи». Петръ, находясь однажды сокольничьемъ дворѣ, узналъ, что всѣхъ тниковъ до 300 человѣкъ. Съ согласія брата, лъ изъ нихъ молодыхъ въ потѣшные.

---

684 г. мая 14-го. Посольство отъ Цесаря Леольда.

Цѣлью онаго было склонить Россію на войну Турціей. Отвѣчали, что заключеннаго Царемъ дромъ 20-лѣтняго мира нельзя нарушить, что Россія ничего не можетъ предпринять, а Польша не отречется отъ своихъ притязаній

на Смоленскъ, Кіевъ и всю Украйну и не заключ
читъ вѣчнаго мира.

1684 г. іюня 1-го и 2-го Петръ осматривал
патріаршую библіотеку. Нашедъ оную въ боль
шомъ безпорядкѣ, онъ прогнѣвался на Патр
арха и вышелъ отъ него, не сказавъ ему ни слов
Патріархъ прибѣгнулъ къ посредничеству Цар
Іоанна. Петръ повелѣлъ библіотеку привести в
порядокъ и отдалъ ее, сдѣлавъ ей опись, на хр
неніе Зотову, за Царской печатью.

Стрѣльцы между тѣмъ продолжали своеволи
ничать. Они самовольно схватили стольник
А. Ѳ. Барсукова и солдатскаго полковника Ма
Кравкова, мучили ихъ на правежѣ за мнимы
долги, и домы ихъ разорили. Своего заслуженнаг
полковника Янова, негодуя на его строгость, он
съ похода вытребовали въ Москву и казнили.
Хованскихъ съ Милославскимъ завязалась ссор
Милославскій принужденъ былъ скрываться и
своимъ деревнямъ и оттолѣ посылать Царямъ
Правительницѣ доносы на Хованскихъ, обвиня
ихъ въ потворствѣ стрѣльцамъ, у коихъ, говорил
онъ, готовится новый бунтъ противъ обоихъ Царе
Патріарха и ближнихъ бояръ. Онъ доноситъ, ч
Ѳ. Хованскій, хвастая своею породою, происше
шей отъ королей польскихъ Ягелловъ, похваляет
бракомъ сочетаться съ Царевной Екатерино
Алексѣевной. Правительница повѣрила Мило
лавскому. Государи укрылись въ с. Коломенско
1685 г. марта 2 найдено прибитое къ дворцовым
дверямъписьмо, въ коемъ объявлено было намѣрен
Хованскихъ истребить весь Царскій домъ и овл

дѣть Государствомъ. Государи уѣхали въ Саввинъ монастырь — послали оттуда грамоты въ Москву и во всѣ города, повелѣвая войску и пахотнымъ людямъ (и всякаго званія) быть какъ можно скорѣе въ село Воздвиженское, куда они и отправились. Все сіе сдѣлано было въ величайшей тайнѣ. Хованскому послана была особая похвальная грамота, въ коей повелѣвалось ему и сыну немедленно для нужныхъ совѣтовъ отправиться къ Государямъ (куда?). Ѳеофанъ говоритъ, что Хованскій не хотѣлъ прежде сего отлучиться отъ стрѣльцовъ, подозрѣвая недоброжелательство двора. 17 сентября (въ день св. Софіи) бояринъ кн. Мих. Иван. Лыковъ схватилъ стараго Хованскаго на дорогѣ въ селѣ Пушкинѣ и сына его на рѣкѣ Клязьмѣ въ его отчинѣ — и привелъ обоихъ въ оковахъ въ село Воздвиженское, гдѣ, прочтя имъ указъ, безъ всякаго слѣдствія, имъ и стрѣльцамъ Одинцову съ товарищами отрубили головы.

Между тѣмъ оба Царя прибыли въ Троицкій монастырь. Туда собралось и множество войскъ изо всѣхъ городовъ (иные говорятъ до 30, а другіе до 100,000). Данъ указъ боярину К. Петру Семеновичу Урусову идти съ замосковскими городовыми дворянами въПереяславль-Залѣсскій. Бояр. Алексѣю Сем. Шеину съ коломенс., рязанск., путивл. и каширскими дворянами — въ Коломну. Бояр. Княз. Влад. Дмит. Долгорукову съ серпухов., алексинск., тарузск., одоевск. и калужск. — въ Серпуховъ; а новгородскому дворянству послана похвальная грамота.

Сынъ Хованскаго, комнатный стольникъ Царя Петра, прибѣжалъ въ Москву и объявилъ стрѣльцамъ о казняхъ воздвиженскихъ; стрѣльцы взбун-

товались. Они овладѣли Царскою пушечною ружейной и пороховой казною, укрѣпились в Москвѣ, разставили всюду караулы и никого н стали пускать ни въ городъ, ни вонъ изъ города Они громко грозились пойти къ Тр., извѣстясь томъ, дворъ укрѣпился въ монастырѣ. Въ с самое время, пишутъ лѣтописцы, дана Петр отрава, отъ которой страдалъ онъ цѣлую жизнь Царевна не знала что дѣлать. По совѣту Голицына она думала употребить противу стрѣльцевъ по селенный въ особой слободѣ (при царѣ Алексѣ Михайловичѣ) иностранный полкъ и послала офи церовъ онаго въ монастырь для полученія о том указа отъ Государей.

18 сентября изъ Троицы прибылъ къ Патріарх стольникъ Зиновьевъ съ грамотою о винахъ казняхъ Хованскихъ. Стрѣльцы потребовали чтобъ грамота была имъ прочтена, и чуть было н убили Зиновьева — крича: пойдемъ къ Троицѣ всѣхъ побьемъ. Услышавъ, однако, что Государ повелѣваютъ забрать и другихъ князей Хован скихъ, именно: двухъ Петровъ и Ивана, да спаль никовъ Ѳедора и Ивана, дабы, снявъ съ нихъ бояр ство и дворянство, сослать — пришли въ робости И бояринъ Михайло Петр. Головинъ, прибывш изъ Тр. для принятія Москвы въ свое вѣдѣніе - успѣлъ ихъ укротить. Патріархъ, по просьбѣ их за нихъ заступился. Имъ прислано было повелѣ ніе выдать зачинщиковъ бунта. Они ихъ пере хватали и сверхъ того отрядили изъ всѣхъ пол ковъ для того на казнь. Выборные шли, дво неся плаху, а третій топоръ. Милославскій оста новилъ слѣдствіе и судъ. Государи простил виновниковъ. Хованскаго привели въ монастыр

Онъ сосланъ былъ въ Сибирь и 30 человѣкъ казнены.

Началась реакція. Головинъ собралъ проданные стрѣльцами пожитки бояръ, убитыхъ въ первомъ бунтѣ, и возвратилъ ихъ наслѣдникамъ.

Государи наградили войско и чиновниковъ за ихъ вѣрность и усердіе.

Передъ выѣздомъ, повелѣно всѣмъ, кромѣ стрѣльцевъ, быть вооруженнымъ. Государи остановились въ с. Алексѣевскомъ. Стрѣльцы прибѣгнули опять къ Патріарху, и онъ съ выборными пріѣхалъ умолять государей. Выборные просили позволенія столбъ сломать и жалованныя грамоты возвратить.

Тогда дворъ поднялся въ Москву. Отъ самаго села до Москвы стрѣльцы стояли по обѣимъ сторонамъ дороги, падая ницъ, передъ Государями — Іоаннъ оказывалъ тупое равнодушіе; но Петръ быстро смотрѣлъ на всѣ стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы стрѣлецкіе начальники поднесли Государямъ хлѣбъ-соль и отдали пожалованныя грамоты.

Петръ уѣхалъ въ Преображенское.

Софія же повелѣла Голицыну произвести новое слѣдствіе. Нѣсколько ихъ были казнены. Четыре полка посланы служить на границахъ. Приближеннымъ своимъ (не изъ знатныхъ) роздала мѣста. Стрѣлецкій приказъ поручила въ вѣдѣніе Щегловитому; а молодаго князя Голицына, двоюроднаго брата любимца, пожаловала главнымъ судьей казанскаго дворца.

Китайскій императоръ Канъ Хій прислалъ Государямъ грамоту съ мирными предложеніями. Назначенъ посольскій съѣздъ и главнымъ выбранъ

окольничій Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ (Ежемѣс. Соч. 1757 г. Ч. П — 206).

Во Францію отправленъ посланникъ стольникъ Семенъ Алмазовъ, съ дьякомъ Дмитріевымъ. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти изъ Россіи хлѣба 100,000 четвертей.

1686 г. австрійскій Императоръ, не успѣвъ заключить союзъ съ Россіей, обратился ко Собѣскому, который въ 1676 г. принужденъ былъ уступить Каменецъ и заключить съ Портою невыгодный миръ. Негоціаціи сіи имѣли успѣхъ и были весьма выгодны для Россіи, ибо 26 апрѣля 1686 г. Польша утвердила вѣчно за Россіей Смоленскъ, Кіевъ, Новгородъ-Сѣверской и всю по сей сторонѣ Днѣпра лежащую Украйну.

По словамъ же «Поденной записки»: Смол., Кіев. и Сѣверск. Мал. Рос. областей 57 городовъ по Черный лѣсъ и по Черное море.

Россіей заплачено Польшѣ 1,500,000 польскихъ злотыхъ (или 187,500 рублей) и заключенъ въ пользу Австріи оборонительный и наступательный союзъ. Россія обязалась также чрезъ посольство предложить о вступленіи въ сей же союзъ Англіи, Франціи, Испаніи, Голландіи и Даніи.

Миръ сей утвержденъ присягою въ Отвѣтной (Посольской палатѣ). Послѣ того послы и бояре вошли въ Грановитую палату, гдѣ сидѣли на тронахъ оба Царя — а передъ ними былъ налой съ Евангеліемъ. Дьякъ Емельянъ Украинцевъ принялъ Евангеліе изъ рукъ Царскаго духовника, и послы вторично присягнули. Послѣ того оба Государя говорили рѣчь и дали обѣщаніе хранить тотъ миръ ненарушимо. Вельможи, заключившіе условія, съ нашей стороны были бояре: князь Вас

Вас. Голицынъ, Бор. Петр. Шереметевъ, Ив. Ив. Бутурлинъ, окольничіе: Скуратовъ и Чаадаевъ и думный дьякъ Украинцевъ. Голицынъ получилъ золотую чашу, вѣсомъ въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ 500 рублей, да въ Нижн. Новг. волость Богородицкую (3.000 дв.).

Вслѣдствіе сего, въ слѣдующемъ 1687 г. были отправлены послами: въ Англію — Василій Семеновичъ Подсвинковъ, во Францію и Испанію — стольникъ ближній князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій и стольникъ князь Мышецкій, къ Голл. штатамъ — дьякъ Василій Постниковъ, въ Данію — дьякъ Любимъ Домнинъ, въ Швецію и Бранденбургію — дьякъ Борисъ Протасовъ («Под. записки»). Посольства сіи не имѣли успѣха. Папа объявленъ былъ отъ авст. Имп. покровителемъ и защитникомъ союза.

Петръ продолжалъ между тѣмъ свои изученія и потѣхи. Одно изъ нихъ происходило на Прѣснѣ. Петръ стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ.

Петръ занимался строеніемъ крѣпостей и ученіями. Іоаннъ, слабый здравіемъ и духомъ, ни въ какія дѣла не входилъ. Вельможи, страшась отвѣтственности впослѣдствіи времени, уклонились отъ правленія — и Царевна Софія правила государствомъ самовластно и безъ противорѣчія.

Въ Совѣтѣ Царскомъ положено было: когда Венеція нападетъ на Морею, поляки на границы

Подоліи, Волыни, а цесарцы въ Венгріи и Трансильваніи вооружатся — тогда намъ идти въ Крымъ. Тутъ же объявленъ былъ отъ Петра главнокомандующимъ князь Голицынъ. Въ Большомъ полку назначенъ начальникомъ сей же Голицынъ, (? бояр.), князь Константинъ Щербатовъ, окольничій Аггей Шепелевъ и думный дьякъ Украинцевъ, въ Новгор. полкахъ: бояринъ Алексѣй Шеинъ, окольничій князь Данило Борятинскій. Въ Рязанскомъ разрядѣ: бояринъ князь Влад. Долгорукій, окольничій Петръ Скуратовъ. Въ Сѣвскихъ полкахъ, окольнич. Леонтій Неплюевъ. Въ Низовыхъ полкахъ: стольникъ Ив. Леонтьевъ и Вас. Дмитріевъ Мамоновъ (кн.?) Въ Бѣлогородскихъ: бояр. Борисъ Шереметевъ и малороссійскій гетманъ Ив. Самойловичъ. Генералу Гордону (подъ нач. Голицына) порученъ былъ отъ Петра особый отрядъ (сколько?), изъ лучшаго войска состоявшій. Государь осмотрѣлъ его самъ, и изъявилъ Гордону свое благоволеніе. Армія состояла (по мнѣнію нѣк.) изъ 400,000 (а по свидѣтельству двухъ лѣтописей, извѣстныхъ Голикову, изъ 200,000).

Крымскій походъ былъ безполезенъ для Россіи. Войско возвратилось ни съ чѣмъ, ибо степи на двѣсти верстъ были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича въ тайномъ согласіи съ татарами. Онъ былъ лишенъ гетманства и сосланъ съ сыномъ своимъ сперва въ Нижній, а потомъ въ Сибирь. Старшій сынъ его казненъ въ Севскѣ за возмущеніе. Генеральный есаулъ (?) Ив. Мазепа избранъ мал. гетманомъ (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына, всѣхъ начальниковъ и даже простыхъ воиновъ. Первый получилъ 1,000

дворовъ крестьянъ и золотую братину; всѣ офицеры получили золотыя медали (каждая была въ 300 черв. и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченной.

Сей походъ принесъ большую пользу Австріи, ибо разрушилъ союзъ, заключенный въ Адріанополѣ между крымскимъ ханомъ, французскимъ посломъ и славнымъ трансильванскимъ принцемъ Текели. По сему союзу ханъ долженъ былъ дать 30,000 войска въ помощь верховному визирю при вступленіи его въ Венгрію; самъ же ханъ съ таковымъ же числомъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Текели напасть на Трансильванію. Франція обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусныхъ офицеровъ.

Въ лѣтописи: Исторіи Царя Михайла Ѳеодоровича и его преемниковъ сказано, что Петръ былъ недоволенъ походомъ, и упрекалъ князя Голицына въ томъ, что онъ только что раздражилъ татаръ, а отступленіемъ обнажилъ границы. Тогда повелѣно тремъ полкамъ (30,000) стать по Бѣлогородской чертѣ, подъ начальствомъ боярина князя Михайла Ромодановскаго и думнаго дьяка Авраама Хитрово.

Между тѣмъ (1688 г.) янычары свергли Магомета и возвели Солимана II. Но какъ Польша не воспользовалась внутренними смятеніями для начатія войны, то и Россія оставалась въ покоѣ.

Ханъ собралъ межъ тѣмъ войско съ намѣреніемъ вторгнуться въ Россію. 25 января 1689 года* въ Царскомъ Совѣтѣ положено его пре-

* Годъ начинался въ сентябрѣ.

дупредить. Князь Голицынъ опять выступилъ въ
походъ, и при впаденіи Самары въ Днѣпръ зало-
жилъ крѣпость Богородицкую, по плану голландца
архитектора (?). Петръ въ сей походъ посылалъ
своего любимца Лефорта, дабы, говоритъ Голи-
ковъ, вѣдать поведеніе начальниковъ. Передъ
его отъѣздомъ взялъ онъ себѣ въ лакеи (неспра-
ведливо) Меншикова и записалъ въ потѣшные (см.
Гол. часть I, стран. 205).

Супруга Царя Іоанна сдѣлалась беременна: сіе
побудило Царицу Наталью Кирилловну и при-
ближенныхъ бояръ склонить и Петра къ избра-
нію себѣ супруги. Петръ 27 янв. (по друг. 17)
1689 г. женился на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухи-
ной, и въ слѣдующемъ 1690 году родился несчаст-
ный Алексѣй.

Бракъ сей совершился противу воли Прави-
тельницы. Петръ уже чувствовалъ свои силы и
начиналъ освобождаться отъ опеки. Прибывшаго
изъ похода князя Голицына онъ къ себѣ не допу-
стилъ. Царевна употребила ласки и просьбы,
дабы умилостивить молодаго Государя, которыя
хотя, наконецъ, и допустилъ Голицына къ руки
своей, но сдѣлалъ ему строгій выговоръ за вторич-
ную неудачу. Царевна скрыла свое неудоволь-
ствіе, ибо видѣла уже необходимость угождать
юному Царю. Молва обвиняла Голицына (а нѣ-
которые говорятъ, что доносы офицеровъ подтвер-
дили обвиненія), будто бы онъ былъ подкупленъ
ханомъ. Царевна успѣла выпросить у Петра согласіе
на награды, коими осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину сихъ щедротъ, и
видя опасность прямо приступить къ удаленію
Голицына и къ лишенію власти Правительницы

избрали (говоритъ Гол.) дальнѣйшую, но безполезную къ тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубійствѣ. Она стала совѣтоваться съ княземъ Голицынымъ (раскольникомъ, замѣчаетъ Гол.), открыла ему намѣреніе Петра заключить ее въ монастырь (?). Голицынъ, помышлявшій уже о престолѣ, съ нею согласился во всемъ и на всякій случай отослалъ сына своего въ Польшу съ частію своего имѣнія.

Но гроза уже готовилась. 8 іюля (1689 г.) во время соборнаго крестнаго хода въ церковь Казанской Богородицы, когда Государи вышли изъ собора за крестами, тогда Правительница пошла вмѣстѣ съ ними. Петръ съ гнѣвомъ сказалъ ей, что она, какъ женщина, не можетъ быть въ томъ ходу безъ неприличія и позора. Царевна его не послушалась, и Петръ, не дошедъ еще отъ Успенскаго до Архангельскаго собора, оставилъ торжество и уѣхалъ въ село Коломенское, а оттолѣ въ Преображенское.

Царевна приступила къ исполненію своего умысла. Она снеслась съ Щегловитымъ и предначертала съ нимъ новый мятежъ. Щегловитый въ ночь на 5 (по др. на 9) августа собираетъ до 600 стрѣльцовъ на Лыковъ дворъ (гдѣ нынѣ арсеналъ) и дерзкой рѣчью пріуготовляетъ ихъ къ бунту противъ Петра, который вводитъ нѣмецкіе обычаи, одѣваетъ войско въ нѣмецкое платье, имѣетъ намѣреніе истребить православіе, а съ нимъ и Царя Іоанна и всѣхъ бояръ и проч. Развращенные стрѣльцы требуютъ, чтобъ ихъ вели въ Преображенское; но двое изъ нихъ, Мих. Феоктистовъ и Дм. Мельновъ, успѣли прибѣжать прежде, и черезъ князя Бориса Алексѣевича Голицына

открыли Петру весь заговоръ. Петръ съ обѣими Царицами, съ Царевной Натальей Алексѣевной съ нѣкоторыми боярами, съ Гордономъ, Лефортомъ и немногими потѣшными убѣжалъ въ Троицкій монастырь. Передъ восходомъ солнца прискакалъ Щегловитый съ убійцами, но узнавъ объ отсутствіи Царя, сказалъ, что будто пріѣзжалъ онъ для смѣны стражи и поспѣшилъ обо всемъ увѣдомить Царевну. Она не смутилась и не согласилась послѣдовать совѣту князя Голицына, предлагавшаго ей бѣжать въ Польшу.

Скоро всѣ приближенныя къ Государю особы пріѣхали къ нему въ Троицкій монастырь. Отъ туда послалъ онъ въ Москву указъ къ своимъ боярамъ и иностранцамъ, быть немедленно къ нему съ ихъ полками. 10 явились къ Петру стремяннаго полка полковникъ Цыклеръ и пятисотный Ларіонъ Ульфовъ, да пятидесятникъ Ипатъ Ульфовъ, да съ ними пять стрѣльцовъ съ доносомъ на Щегловитова.

Царевна, притворяясь ужаснувшеюся новому мятежу, въ тайнѣ однако жъ старалась разжечь оный черезъ Щегловитова. Она именемъ Царя Іоанна не допустила исполнить требованія Петра, прославшаго къ Іоанну стольника Ив. Великова Гагина, чтобъ позволилъ Царь Іоанн быть изо всѣхъ полковъ выборным стрѣльцамъ; такъ и отъ себя Петръ посылалъ въ стрѣлецкіе полки свой Государевъ Указъ чтобъ были къ нему выборные для подлиннаго розыску, и съ ними полковники, такожде и гостямъ и гостиной сотни посадским людямъ и чернослободцамъ (Поденная записка). Царь Іоаннъ (говоритъ венец. ист.) дал

Указъ подъ смертною казнію не отлучаться изъ Москвы. Мятежа однакожъ не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра часъ отъ часу становятся сильнѣе, прибѣгнула къ посредничеству тетки своей Царевны Татьяны Михайловны и сестеръ своихъ Царевенъ Марѳы и Маріи, дабы примириться съ Петромъ. Онѣ прибыли къ Троицѣ и пали къ стопамъ Государевымъ, повторяя затверженное оправданіе. Петръ, ихъ выслушавъ, сталъ доказывать преступленіе Правительницы. Царевна Татьяна осталась съ нимъ въ монастырѣ, а другія двѣ Царевны, возвратясь къ Правительницѣ, объявили о неудачѣ своего посредничества.

Софія прибѣгнула къ Патріарху; старецъ отправился къ Троицѣ. Но Петръ не только его не послушалъ, но и далъ ему знать, что самъ онъ долженъ быть лишенъ своего сана, и на мѣсто его уже назначенъ архимандритъ Сильвестръ. Патріархъ задержанъ былъ въ монастырѣ. Царевна въ ужасѣ поѣхала сама, въ сопровожденіи знатныхъ особъ, держа въ рукахъ икону Спасителеву. Но Петръ узналъ, что она остановилась въ селѣ Воздвиженскомъ, послалъ къ ней стольника Ив. Ив. Бутурлина сказать, что въ монастырь ее не впустятъ, и чтобъ она поѣхала назадъ. Царевна упорствовала, говоря, что она непремѣнно хочетъ видѣть своего брата. Петръ послалъ ей князя Ив. Бор. Троекурова съ послѣднимъ словомъ, что буде она не повинуется, то поступлено будетъ съ нею нечестно. Царевна съ отчаянія возвратилась въ Москву.

Петръ вторично писалъ брату своему о присылкѣ къ нему выборныхъ, а имъ послалъ опять Указъ,

и 5 сентября всѣ прибыли въ монастырь. Петръ вышелъ предъ нихъ на крыльцо съ Царицей Натальей Кирилловной, съ теткою Царевной Татьяной и съ Патріархомъ, и приказалъ вслухъ читать доносы стрѣлецкіе о злодѣйскихъ умыслахъ Щегловитова и главныхъ его соучастниковъ: полковника Семена Резанова и выборныхъ стрѣльцовъ Обросима и Никиты Гладковыхъ, Козьмы Чернаго и друг. По прочтеніи, всѣ предстоящіе приговорили казнить осужденныхъ.

Петръ благодарилъ за усердіе, и половину къ нему прибывшихъ послалъ въ Москву съ двумя стами солдатъ (потѣшныхъ?) при Б. П. Шереметевѣ и полковникѣ Нечаевѣ, съ повелѣніемъ схватить преступниковъ, а боярамъ послалъ Указъ явиться къ нему. Бояре поспѣшили повиноваться. Князь Голицынъ и сынъ его, Леонтій Неплюевъ и восемь окольничьихъ были въ томъ же числѣ, но ихъ не впустили, а велѣли стать на постоялыхъ дворахъ и дожидаться Указа. Посланные въ Москву не могли отыскать Щегловитова, сокрытаго самою Царевною въ ея теремѣ. Они возвратились съ прочими его сообщниками. Петръ послалъ опять за Щегловитымъ полковника Сергѣева со ста выборными и писалъ брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодѣю. Царевна, видя гибель несчастнаго ея сообщника, велѣла ему въ запасъ пріобщиться Св. Таинъ. Сергѣевъ прибылъ и требовалъ отъ нея выдачи измѣнника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергѣевъ объявилъ ей, что по указу Петра будетъ онъ принужденъ обыскивать ея покои, а Царь Іоаннъ черезъ П. Ив. Прозоровскаго прислалъ сказать ей, что онъ не только за вора Щегловитова, но и за

нее съ братомъ своимъ ссориться не намѣренъ, и приказывалъ ей выдать Щегловитова. Софія въ слезахъ повиновалась, и вмѣстѣ съ измѣнникомъ (гов. Гол.) выдала безпрекословное свидѣтельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярамъ на судъ (кн. Троекурову, Бутурлину и друг.) (?). Четыре дня онъ ни въ чемъ не признавался. Стали его пытать голоднаго, нѣсколько дней не ѣвшаго. Щегловитый послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнутомъ во всемъ признался и подалъ свои показанія на письмѣ за своею рукою. Предъ симъ признаніемъ просилъ онъ, чтобъ велѣли его накормить. Онъ и двое изъ его сообщниковъ (?) были колесованы; прочимъ отрѣзали языкъ, другихъ ссылали. Изъ нихъ Обросимъ Петровъ, когда вели его на казнь, громко винился предъ народомъ, увѣщевая всѣхъ научиться отъ его примѣра.

Князь Троекуровъ, человѣкъ умный, ярый и строгій, принялъ въ вѣденіе свое стрѣлецкій приказъ. А розыскныя дѣла поручены боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу.

Вскорѣ казненъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, бывшій въ приказѣ татейныхъ дѣлъ подъячимъ. Онъ пойманъ былъ близъ Смоленска, въ Бизюковѣ монастырѣ.

Князь Голицынъ приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. Его не допустили до Царя. На крыльцѣ, въ присутствіи боярина Стрѣшнева, прочтены ему его вины, за которыя онъ и сынъ его лишены боярства и имѣнія и сосланы въ недальніе города. Послѣ, однако, сосланы они въ Сибирь, въ Пустозерскъ, потомъ переведены на Мезень, послѣ же на Пинегъ, гдѣ старый князь умеръ, а сынъ

его наконецъ прощенъ. Бояр. Леонтій Роман. Неплюевъ осужденъ былъ точно такъ же.

Голиковъ прибавляетъ слѣдующія подробности и объясненія:

8 іюня (въ день крест. хода) голова стрѣлецкаго приказа окольничій съ стрѣл. полковниками и другими чиновниками — Оброською Петровымъ, Кузькою Чернымъ, Сенькою Рязановымъ, Ивашкою Муромцевымъ, Демкою Лаврентьевымъ, Мишкою Чечоткою, Микиткою Евдокимовымъ, Егоркою Романовымъ — собрались и начали заговоръ.

Дабы озлобить стрѣльцовъ, избрали они нѣкоего подъячаго Шошина, станомъ и лицомъ схожаго съ бояр. Л. К. Нарышкинымъ. Нарядивъ его въ боярское платье (?) и придавъ ему свиту, заставили его разъѣзжать по карауламъ, нападать на стрѣльцовъ, бить ихъ и мучить. Шошинъ ломалъ имъ суставы, отсѣкалъ пальцы и, нападая въ рощахъ на простой народъ, многихъ билъ кнутьями и палками и инымъ рѣзалъ языки, приговаривая, что онъ бояринъ Нарышкинъ и что онъ, мстя за братьевъ, шелъ ихъ истребить, а сестра де моя (Нат. Кир.) и Петръ меня послушаютъ. Стрѣльцы, приходя въ приказы, являли свои раны и записывали.

Злодѣи думали умертвить Государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петровъ на то и покусились. Первый пріѣхалъ въ Преображенское (когда?), разставилъ въ тайныхъ мѣстахъ и въ буеракахъ стражу, и самъ (по праву званія своего) явился къ Государю и прошедши до спальни вышелъ. Въ полночь загорѣлось одно строеніе, но вскорѣ было утушено; въ ту же ночь пожаръ возобновился и снова былъ утушенъ.

Люди придворные и народъ возъимѣли подозрѣніе, цѣлую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отправились въ Москву до разсвѣту.

Поутру донесено о пожарахъ Царю. Петръ, еще не подозрѣвая истины, но полагая зажигателей ворами, велѣлъ всюду разставить стрѣльцовъ Сухарева полка. Щегловитый представлялъ ему, что надежнѣе и удобнѣе стражу составить изъ всѣхъ полковъ стрѣлецкихъ. Но (NB) Петръ на то не согласился. Послѣ были еще разныя покушенія. Заговорщики думали совершить Цареубійство въ Кр. дворцѣ, или на дорогѣ изъ Преображенск., стерегли его на пути, въ Кремль вводили ночью стрѣльцовъ, которые должны были дожидаться на Лыковомъ и на Нитяномъ дворѣ.

Самъ Щегловитый забирался иногда наверхъ Грановитой палаты, а другіе препровождали ночи на верху церкви Распятія Христова.

Когда Петръ, извѣстясь (8 августа) о злоумышленіи, скрылся въ Тр. мон., тогда бывшіе насторожѣ вѣстники дали знать о томъ Соковнину(?). Заговорщики, устрашась, распустили всѣхъ стрѣльцовъ по домамъ.

Петръ повелѣлъ: имена пріѣзжающихъ бояръ (въ мон.) записывать, благодаря ихъ за усердіе, и они разставили около монастыря и по москов. дорогѣ стражу.

Царь Іоаннъ призывалъ (получивъ письмо отъ Петра) къ себѣ Щегл. и его сообщниковъ, разспрашивая ихъ о смятеніи. Они во всемъ отперлись, а доносили о злодѣйствахъ Нарышкина. Іоаннъ имъ повѣрилъ, и тогда они купно съ Царевною просили его: да единъ онъ цар-

ствуетъ. Царь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ, что онъ брату, яко достойнѣйшему, самовольно уступаетъ престолъ. Вы же всуе мятетесь... и повелѣлъ ихъ, сковавъ, отослать въ монастырь.

По привезеніи ихъ, Петръ повелѣлъ Патріарху допросить ихъ по духовенству. Они принесли повинную и отдали написанную къ Софіи челобитную отъ имени всѣхъ стрѣльцовъ о принятіи ею единовластнаго правленія. Петръ сію челобитную и разпросныя рѣчи за Патріаршимъ свидѣтельствомъ отослалъ въ Москву къ Іоанну.

Вины кн. Голицыныхъ сказаны были, что они безъ Указу Великихъ Государей имя сестры ихъ Царевны Софьи Алексѣевны во всѣхъ дѣлахъ и посольскихъ грамотахъ установили обще съ именами Государей писать Самодержицею, и что въ крымскомъ походѣ пользы никакой не учинили (тутъ есть несообразность).

Оставалась ненаказанной главная виновница смятеній, сестра обоихъ Царей, правительница Софія. Петръ послалъ ей приказъ добровольно удалиться въ монастырь. Царевна отклонилась отъ исполненія воли своего брата и готовилась бѣжать въ Польшу. Тогда Петръ послалъ Троекурова въ Москву съ повелѣніемъ взять Царевну и, не говоря ни слова, заключить ее въ Новодѣвичій монастырь. Троекуровъ въ точности исполнилъ приказаніе Петра; для виду предварительно отнеслись о томъ къ Іоанну.

Царевна Самодержавно правительствовала 7 лѣтъ съ половиною. На монетахъ и медаляхъ изображалась она (по другую сторону Царей) въ коронѣ, порфирѣ и со скипетромъ съ надписью:

Бож. мил. В. Г. Цари и В. Кн. І. А. П. А. и Благов. Гос. Цар. (а иногда и Царица) и В. Кн. С. А. вс. Вел., Мал. и Бѣл. Россіи Самодержцы. Титулъ сей давался ей во всѣхъ грамотахъ, указахъ и письменныхъ дѣлахъ.

Изданы во время ея Правленія: пищевой наказъ о межеваніи земель, о разборахъ по сортамъ людей и войска, о распредѣленіи дворцовыхъ чернослободскихъ мѣстъ и бѣломѣстныхъ дворовъ, корчемный уставъ и до 150 Указовъ. Между сими Указъ, повелѣвающій казнить смертію лѣкаря, уморившаго своего больного.

---

7 сентября, отъ имени обоихъ Царей состоялся Указъ, чтобъ ни въ какихъ дѣлахъ имени бывшей правительницы не упоминать.

Петръ выѣхалъ изъ монастыря и отправился въ Москву. Въ с. Алексѣевскомъ встрѣтили его всѣ чины московскіе при безчисленномъ множествѣ народа. Стрѣльцы отъ самаго села до Москвы лежали по дорогѣ на плахахъ, въ коихъ воткнуты были топоры, и громко умоляли о помилованіи. Петръ въѣхалъ въ Москву 10-го сентября и прямо прибылъ къ собору. Отъ заставы до самаго собора стояло войско въ ружьѣ. Петръ за спасеніе свое отслужилъ благодарственное моленіе. Передъ Ц. домомъ встрѣтилъ его Іоаннъ. Оба брата обнялись, и старшій, въ доказательство своей невинности, уступилъ меньшому все Правленіе, и до самой кончины своей (1696 г.) велъ жизнь мирную и уединенную.

Отселѣ Царствованіе Петра единовластное и самодержавное.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ДРУГИХЪ ГЛАВЪ

1703

Посреди самаго пылу войны, Петръ Великій думалъ объ основаніи гавани, которая открыла бы ходъ торговлѣ съ сѣверо-западною Европою и сообщеніе съ образованностію. Карлъ XII былъ на высотѣ своей славы; удержать завоеванныя мѣста, по мнѣнію всей Европы, казалось невозможно. Но Петръ Великій положилъ исполнить великое намѣреніе, и на островѣ, находящемся близъ моря, на Невѣ, 16 мая заложилъ крѣпость С.-Петербургъ (одной рукою заложивъ крѣпость, а другой ее защищая. Голик.). Онъ раздѣлилъ и тутъ работу. Первый болверкъ взялъ самъ на себя, другой поручилъ Меншикову, 3-й графу Головину, 4-й Зотову (? канцлеру, пиш. Голик.), 5-й князю Трубецкому, 6-й кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны ихъ именами. Въ крѣпости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близъ оной, на мѣстѣ, гдѣ стояла рыбачья хижина, деревянный же дворецъ на 9 саженяхъ въ длину и 3-хъ въ ширину, о 2-хъ покояхъ съ сѣнями и кухнею, съ холстинными выбѣленными обоями, съ простой мебелью и кроватью. Домикъ Петра въ семъ видѣ сохраняется и понынѣ.

Въ крѣпости опредѣленъ комендантомъ полковникъ Ренъ. Меншикову, какъ генералъ-губернатору завоеванныхъ городовъ и земель, поручено надзираніе надъ новоначинавшимся городомъ. Отведено мѣсто для гостинаго двора, пристани, присутственныхъ мѣстъ, адмиралтейства, государева дворца, сада и домовъ знатныхъ господъ. Городъ Нейшанцъ былъ упраздненъ, и жители онаго переведены, и были первые петербургскіе поселенцы.

Петръ послалъ Шереметева взять крѣпость Копорье, а генералъ-маіора Ф. Вердена подъ Ямы. Обѣ крѣпости вскорѣ сдались на капитуляцію; гарнизоны выпущены въ Нарву.

Когда народъ встрѣчался съ Царемъ, то по древнему обычаю падалъ предъ нимъ на колѣни. Петръ Великій въ Петербургѣ, коего грязныя и болотистыя улицы не были вымощены, запретилъ колѣнопреклоненіе, а какъ народъ его не слушался, то Петръ Великій запретилъ уже сіе подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы, пишетъ Штелинъ, народъ ради его не маралася въ грязи.

Петръ ѣздилъ въ Ямы и Копорье, наименовалъ первый Ямбургомъ, и повелѣлъ его укрѣпить. Тамъ узналъ онъ, что Кроніортъ идетъ изъ Лифляндіи съ 12,000 ч., въ намѣреніи напасть на Петербургъ. Петръ его предупредилъ съ полками своей гвардіи и 4 драгунскими, и нашедъ его въ крѣпкихъ мѣстахъ у рѣки Сестры, прогналъ его до Выборга, положивъ 2,000. Въ то же время подъ Ямбургъ подступилъ нарвск. ком. генералъ-маіоръ Горнъ, но прогнанъ съ урономъ отъ Шереметева; въ разныхъ мѣстахъ сверхъ того шведы были побиваемы.

Вслѣдъ за симъ на олонецкой верфи, въ присутствіи Петра, заложены 6 фрегатовъ; отправлено къ Шереметеву четыре наставленія, между прочимъ о вымѣреніи ладожскаго устья и какъ подымается полая вода, понеже зѣло нужны и тамъ нѣкоторыя суда. Къ Апраксину писалъ онъ, чтобы по веснѣ исправлялся пушками и заготовлялъ сіе для кораблей, но не зачиналъ ихъ строить.

Изъ Олонца прибылъ Государъ на новопостроенномъ фрегатѣ Штандартъ съ 6-ю ластовыми судами въ Петербургъ, куда вскорѣ пришелъ первый корабль голландскій съ товарами, напитками и солью. Обрадованный Петръ велѣлъ отвести шхиперу и матросамъ постой въ домѣ Меншикова; они обѣдали за его столомъ, и Петръ сидѣлъ съ ними (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1703 года, декабря 15), подарилъ шхиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю впередъ обѣщано тоже (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанію Государя, тотчасъ были раскуплены.

Петръ всегда посѣщалъ корабельщиковъ на ихъ судахъ. Они угощали его водкой, сыромъ и сухарями. Онъ обходился съ ними дружески. Они являлись при его дворѣ, угощаемы были за его столомъ... Ихъ уважали и вѣроятно не любили. (Анекдотъ объ аладьяхъ. Кухмистеръ Государевъ звался Фелтенъ. Лѣтній дворецъ. См. Штелина и Голикова).

1-го октября въ третій разъ Петръ заключилъ условія съ Августомъ, обязавшись усилить его саксонцевъ 12,000 пѣхоты, да дать 300,000 руб. Все было исполнено. Деньги посланы съ оберъкомиссаромъ кн. Дм. Голицынымъ.

Петръ видѣлъ еще нужду въ пространной гавани, въ кою могли бы входить большіе корабли, и крѣпости для прикрытія Петербурга. Въ октябрѣ, когда шелъ уже ледъ, онъ ѣздилъ осматривать островъ Котлинъ, лежащій въ Финскомъ заливѣ, въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Онъ вымѣрилъ фарватеръ между симъ островомъ и мелью, противъ него находившеюся; на той мели въ морѣ, опредѣлилъ построить крѣпость, а на островѣ сдѣлать гавани и оныя укрѣпить, и самъ дѣлалъ тому планъ и проспектъ.

Потомъ Государь съ Шереметевымъ отправился въ Москву, оставя у Ямбурга окольничаго П. Апраксина съ 5-ю полками.

Въ Москву въѣхалъ онъ торжественно. По указу его сдѣланы были трои тріумфальныхъ воротъ. Четвертыя выстроилъ Меншиковъ. Потомъ занялся гражданскимъ устройствомъ государства, особенно финансами. Доходы не составляли и 6 или 7 милліоновъ (?). Бееръ и другіе (?), Щербатовъ.

1725

1-го января Ѳеофанъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго.

1-го же изданъ Указъ о снятіи лишнихъ карауловъ.

Король испанскій Филиппъ V заключилъ торговый союзъ съ Императоромъ австрійскимъ Карломъ VI и женилъ Дона-Карлоса на эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи.

Георгій I былъ недоволенъ. Онъ подозрѣвалъ тайныя статьи въ пользу претендента. Франція завидовала выгодамъ торговымъ Австріи.

Фридерикъ Вильгельмъ неохотно платилъ Австріи магдебургскія пошлины. Отселѣ ганноверскій договоръ, оборонительный.

Франція и Англія обязывались поддерживать права на Бергское наслѣдство короля прусскаго.

Швеція, Данія и Голландія приступили къ тому же союзу.

Австрія вступила въ союзъ съ Россіею. Петръ началъ переговоры съ Пруссіей...

Петръ послалъ въ Архангельскъ корабельному мастеру Баженову приказъ строить три корабля груландскихъ, 3 бота и 18 шлюбокъ.

Онъ назначилъ Беринга (капитана) для открытія пути въ восточную Индію черезъ Ледовитый океанъ. Петръ получилъ извѣстіе отъ Матюшкина.

Шамхалъ, собравъ 30,000 войска, осадилъ крѣпость Св. Креста. Генералъ-маіоръ Кропотовъ его разбилъ и землю его разорилъ. Петръ Великій уничтожилъ званіе шамхала (см. Ежем. Сочин. 1760, II — 38 и проч.).

Петръ (по свидѣтельству Катифора) на Іорданѣ простудился и занемогъ горячкою.

Петръ повелѣлъ сало, юфть, воскъ и проч. въ чужіе края сухимъ путемъ не возить.

Изданъ полицейскій указъ о продажѣ съѣстныхъ припасовъ.

О размѣщеніи солдатъ, гдѣ есть пустыя строенія въ городахъ.

Объясненъ Указъ о утайкѣ душъ.

О сборахъ.

16-го января Петръ началъ чувствовать предсмертныя муки. Онъ кричалъ отъ рѣзи.

Онъ близъ своей спальни повелѣлъ поставить церковь походную.

22-го исповѣдывался и причастился.

Всѣ петербургскіе врачи собрались у Государя. Они молчали; но всѣ видѣли отчаянное состояніе Петра. Онъ уже не имѣлъ силы кричать и только стоналъ...

При немъ дежурили три-четыре сенатора.

25-го сошлись во дворецъ весь сенатъ, весь генералитетъ, члены всѣхъ коллегій, всѣ гвардейскіе и морскіе офицеры, весь сѵнодъ и знатное духовенство.

Церкви были отворены: въ нихъ молились за здравіе умирающаго Государя, народъ толпился передъ дворцомъ.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала въ обморокъ; она не отходила отъ постели Петра, и не шла спать, какъ только по его приказанію.

Петръ Царевенъ не пустилъ къ себѣ.

26-го утромъ Петръ повелѣлъ освободить всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ на каторгу (кромѣ 2-хъ первыхъ пунктовъ и убійцъ), для здравія Государя.

Тогда же данъ имъ указъ о рыбѣ и клеѣ (казенные товары).

Къ вечеру ему стало хуже, его миропомазали.

27-го данъ Указъ о прощеніи не явившимся дворянамъ на смотръ. Осужденныхъ на смерть по артикулу по дѣламъ военной коллегіи (кромѣ и пр.) простить — дабы молили они о здравіи Государевомъ.

Тогда-то Петръ потребовалъ бумаги и перо и начерталъ нѣсколько словъ неявственныхъ, изъ коихъ разобрать можно было только сіи: отдайте все... перо выпало изъ рукъ его. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Царевну Анну, дабы ей продикто-

вать... Она вошла — но онъ уже не могъ ничего говорить.

Архіереи псковскій и тверской и архимандритъ Чудова монастыря стали его увѣщевать. Петръ оживился — показалъ знакъ, чтобъ они его приподняли, и возведши очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и невнятнымъ голосомъ: сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ меня.

Увѣщевающій сталъ говорить ему о милосердіи Божіемъ безпредѣльномъ. Петръ повторилъ нѣсколько разъ: вѣрую и уповаю.

Увѣщевающій прочелъ надъ нимъ причастную молитву: вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси и прочее. Петръ произнесъ: вѣрую, Господи, и исповѣдую: вѣрую, Господи: помози моему невѣрію и сіе все, что весьма дивно (сказано въ рукописи свидѣтеля) съ умиленіемъ, лицо къ веселію елико могъ устроевая, говорилъ; по семъ замолкъ...

Присутствующіе начали съ нимъ прощаться. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ плохимъ взоромъ; потомъ произнесъ съ усиліемъ послѣ... Всѣ вышли, повинуясь въ послѣдній разъ его волѣ.

Онъ уже не сказалъ ничего. 15 часовъ мучился онъ, стоналъ, безпрестанно дергая правую свою руку — лѣвая была уже въ параличѣ. Увѣщевающій отъ него не отходилъ. Петръ слушалъ его и нѣсколько разъ силился перекреститься.

Троицкій архимандритъ предложилъ ему еще разъ причаститься. Петръ въ знакъ согласія приподнялъ руку, его причастили опять. Петръ казался въ памяти до 4 часа ночи. Тогда началъ онъ охладѣвать и не показывалъ уже признаковъ

жизни. Тверской архіерей на ухо ему продолжалъ свои увѣщеванія и молитвы объ отходящихъ. Петръ пересталъ стонать, дыханіе остановилось; въ 6 часовъ утра, 28-го января, Петръ умеръ на рукахъ Екатерины. Екатерина провозглашена Императрицей.

Въ тотъ же день обнародованъ манифестъ.

Полкамъ въ Петербургѣ роздано жалованье. Генералъ-маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посланъ въ Москву къ сенатору графу Матвѣеву.

2-го февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Тѣло Государя вскрыли и бальзамировали. Сняли съ него гипсовую маску.

Тѣло положено въ меньшую залу. 30-го января народъ допущенъ къ его рукѣ.

4-го марта скончалась 6-тилѣтняя Царевна Наталія Петровна. Гробъ ея поставленъ въ той же залѣ.

8-го марта возвѣщено народу погребеніе. Чрезъ два дня оное совершилось (см. Голикова).

15-го декабря (1835 г.).

ЗАМѢТКИ

(1672—1689)

1. Іеромонахъ Симеонъ Полоцкій и іеромонахъ же Димитрій (впослѣдствіи Св. Ростовскій Митрополитъ) занимались при Дворѣ Алексѣя Михайловича астрологическими наблюденіями и предсказаніями.

2. Петръ съ немногими потѣшными убѣжалъ въ Троицкую Лавру. Гордонъ говоритъ: безъ штановъ.

1697

3. Во время путешествія Петра въ Берлинъ съ посольствомъ, Государь однажды въ пьянствѣ выхватилъ шпагу противъ Лефорта и просилъ потомъ у него прощенія.

4. Въ Амстердамѣ посѣтилъ онъ и зазорные дома (.....) съ ихъ садами.

1698

5. Петръ, отправляяся въ Англію, Лефорта оставилъ въ Амстердамѣ и, разставаясь съ нимъ, плакалъ, вѣроятно, будучи пьянъ.

1698—1700

6. Петръ въ началѣ своего путешествія узналъ о неспокойствіи стрѣльцовъ, но онъ продолжалъ свой путь, готовясь къ ужасному предпріятію.

Генералы, думая устрашить стрѣльцовъ, повелѣли стрѣлять выше головы; попы закричали, что самъ Богъ не допускаетъ оружію еретическому вредить православнымъ. Начались казни... Лефортъ старался укротить разсвирѣпѣвшаго Царя.

Тогда же (1699) состоялся указъ, всѣмъ Русскимъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ и духовныхъ брить бороду и носить платье Нѣмецкое: сперва Венгерское, а потомъ мужескому полу верхнее — Саксонское и Французское, а нижнее и камзолы — Нѣмецкіе (съ ботфортами), женскому полу — (Нѣмецкое). Съ ослушныхъ брать пеню въ воротахъ (Московскихъ улицъ) съ пѣшихъ 40 к., съ конныхъ 2 р. Запрещено было купцамъ продавать, а портнымъ шить Русское платье, подъ наказаніемъ (какимъ?).

1706

7. Петръ Меншикову писалъ, что въ Петербургѣ было наводненіе и проч. Кланяется всѣмъ, какъ оружіе носящимъ, такъ и иглу имѣющимъ (Екатеринѣ).

1707

8. Петръ въ Петербургѣ женился въ ноябрѣ въ соборной церкви св. Тройцы на Катеринѣ, Маріенбургской....., бывшей замужемъ за Шведскимъ трубачемъ, потомъ . . . . (не разобрано) Шереметьева и Меншикова. Екатерина родилась 16 апрѣля 1688 года.

Варварскій Указъ о недерзаніи бить челомъ — отмѣненъ.

1709

9. Въ Маріен... Петръ видѣлся съ Прусскимъ Королемъ. Петръ не пьянствовалъ, умѣлъ себя воздержать.

1711

10. У Князя Меншикова на фейерверкѣ на щитѣ надпись: «Идѣ же правда, тамъ и помощь Божія», однако Богъ помогъ не намъ.

1713

11. Повелѣлъ Новгородскому Губернатору Корсакову, чтобы всѣ Дворяне были къ 1-му декабря къ смотру, подъ опасеніемъ лишенія чести и живота. Съ похмѣлья видно.

1714

12. Въ Ригѣ: смотри истинный анекдотъ о мощахъ дѣвицы Ф. Гротъ.

13. Въ сіе же время изданъ тиранскій Указъ о запрещеніи во всемъ Государствѣ каменнаго строенія подъ страхомъ конфискаціи и ссылки.

1715

14. Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ Указовъ; онъ повелѣлъ приготовлять юфть новымъ способомъ, по обыкновенію своему за ослушаніе угрожая кнутомъ и каторгою.

Въ Хиву посланцемъ и шпіономъ посланъ былъ Бековичъ.

1718

15. Приказываетъ юфть для обуви дѣлать не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ, подъ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончаются хозяйственные Указы Петра.

16. а) Царевича женилъ на Принцессѣ Вольфенбительской. Она, кажется, измѣнила мужу съ молодымъ Левенвольдомъ. Царевичъ ее разлюбилъ и взялъ себѣ въ наложницы Чухонку.

б) Оппозиція вся была на сторонѣ Царевича; духовенство, гонимое протестантомъ-Царемъ, обращало на него всѣ свои надежды.

Петръ ненавидѣлъ сына, какъ препятствіе настоящее и будущаго разрушителя его созданія.

в) Царевна запутываетъ Дубровскаго и Нарышкина.

г) Другое дѣло озлобило Петра: супруга его Евдокія въ связи съ Глѣбовымъ.

д) Царица высѣчена и отвезена въ Новую Ладогу.

е) Петръ хвастался своею жестокостью.

ж) Царевичъ отпирался; пытка развязала ему языкъ; онъ показалъ на себя новыя вины и наговаривалъ, устрашенный сильнымъ отцомъ и изнеможенный изтязаніями.

з) При приговорѣ духовенство, какъ бабушка, сказало на двое.

і) Царевичъ умеръ отравленный.

к) Есть преданіе: въ день смерти Царевича, торжествующій Меншиковъ увезъ Царя въ Ораніенбаумъ и тамъ возобновилъ оргіи страшнаго 1698 года.

л) Указъ — запрещается бѣднымъ просить милостыню — жестокій, тиранскій, какъ обыкновенно.

1719

17. а) Скончался Царевичъ и наслѣдникъ Петръ Петровичъ: смерть сія сломила наконецъ желѣзную душу Петра.

б) 1-го іюня Петръ занемогъ (съ похмѣлья).

1721

18. Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его Указами. Первыя суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости, вторые нерѣдко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутомъ.

Первыя были для вѣчности, или по крайней мѣрѣ для будущаго, — вторые вырвались у нетерпѣливаго самовластнаго помѣщика. NB. (это внести въ Исторію Петра, обдумавъ).

19. По учрежденіи Сѵнода, духовенство поднесло Петру просьбу о назначеніи Патріарха, тогда то (по свидѣтельству современниковъ Графа Бестужева и Барона Черкасова) Петръ, ударивъ себя въ грудь и обнаживъ кортикъ, сказалъ: «вотъ вамъ Патріархъ!»

20. Сенатъ и Сѵнодъ подносятъ ему титулъ: Отца Отечества, Всероссійскаго Императора и Петра Великаго. Петръ недолго церемонился и принялъ ихъ.

21. Сенатъ (т. е. 8 стариковъ) прокричали vivat — Петръ отвѣчалъ рѣчью гораздо болѣе приличной и разсудительной, чѣмъ это все торжество.

22. Указъ о возвращеніи родителямъ деревень и проч., принадлежащихъ имъ и невиннымъ ихъ дѣтямъ, также и о платежѣ заимодавцамъ. NB. Сей законъ справедливъ и милостивъ, но фактъ, изъ кого онъ проистекаетъ, самъ по себѣ несправедливъ и жестокъ. Отъ гнилаго корня отпрыскъ живой.

1722

23. Петръ былъ гнѣвенъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ Указъ, превосходящій варварствомъ всѣ прежніе.

24. Манифестъ о правѣ наслѣдства, т. е. уничтожилъ всякую законность въ порядкѣ наслѣдства, а отдалъ престолъ на произволеніе самодержца.

25. Указъ: Предоставляется на волю помѣщиковъ строить новыя усадьбы для солдатъ или размѣстить ихъ по избамъ. Но и тутъ закорючка своевольства и варварства.

26. Петръ обрѣзалъ волосы и изъ нихъ сдѣлалъ парикъ, нынѣ видимый на его статуѣ.

1723

27. Петръ предалъ суду Меншикова и Шафирова, послѣдняго за то, что при всемъ Сенатѣ разругалъ . . . . . оберъ прокурора.

28. Малороссіяне, оскорбленные въ своихъ правахъ учрежденіемъ Малороссійской канцеляріи, прислали къ Петру депутатовъ. Петръ посадилъ ихъ въ крѣпость.

29. Указъ въ церквахъ деньги собирать въ два кошелька въ разныя пѣнія: для Царя и для богадѣльни.

1724

30. При установленіи Сѵнода (для задобренія монаховъ) возвратилъ онъ духовенству управленіе имѣніями.

31. Указъ Сѵноду о монашествѣ; Петръ симъ указомъ превратилъ монастыри мужскіе въ военные госпиталя, монаховъ въ лазаретныхъ служителей, а монахинь въ прядильщицъ, швей и кружевницъ.

(Выписалъ для нихъ мастерицъ изъ Брабанта).

32. 1-го мая назначено торжество коронацій (Екатерины). Наканунѣ Меншиковъ подалъ просьбу Государю, о отпускѣ повинныхъ штрафовъ, чрезъ руки (Екатерины). Петръ согласился на все.

33. Камергеръ Монсъ де Лакроа и сестра его Балкъ были казнены. Монсъ потерялъ голову, сестра его высѣчена кнутомъ, два ея сына камергеръ и пажъ разжалованы въ солдаты. Императрица, бывшая въ тайной связи съ Монсомъ, не смѣла за Монса просить; она просила за его сестру. Петръ былъ неумолимъ. Оправдалась ли Ека-

терина въ глазахъ грознаго супруга? По крайне
мѣрѣ ревность и подозрѣніе терзали его. Он
повезъ ее около эшафота, на которомъ торчал
голова несчастнаго; онъ пересталъ съ нею гово
рить — доступъ къ нему былъ ей запрещенъ
одинъ только разъ, по просьбѣ любимой его дочер
Елисаветы, согласился отобѣдать съ той, котора
въ теченіе 20 лѣтъ была неразлучною его подругою

1725

34. 22-го января Петръ на смертномъ одрѣ н
имѣлъ силы кричать, а только стоналъ, испуска
мочу.

35. Петръ Царевенъ не пустилъ къ себѣ; кажется
при смерти помирился онъ съ виновною супругою

1834—1835 г. г.

КАМЧАТСКІЯ ДѢЛА

(Отъ 1694 до 1740 года)

§ 1. Сибирь была уже населена отъ Лены къ востоку до Анадырска по рѣкамъ, впадающимъ въ Ледовитое море.

Прикащики имѣли порученіе провѣдовать о новыхъ народахъ и земляхъ, и приводить ихъ въ подданство.

Пенжинскіе и олюторскіе коряки были объясачены (кѣмъ?). Отъ нихъ узнали о существованіи Камчатки. Оленные коряки паче о томъ извѣстили.

§ 2. Первый изъ русскихъ, посѣтившихъ Камчатку, былъ Ѳедотъ Алексѣевъ; по его имени Пакулъ р. называется Ѳедотовщиною.

Онъ пошелъ изъ устья Колымы Ледовитымъ моремъ въ 7 кочахъ, занесенъ былъ на рѣку Камчатку, гдѣ онъ и зимовалъ; на другое (?) лѣто обошелъ онъ (?) Курильскую Лопатку, и на рѣкѣ Сигилѣ убитъ отъ корякъ.

§ 3. Служивый Семенъ Дежневъ въ отпискѣ своей подтверждаетъ сіе съ нѣкоторыми измѣненіями: онъ показываетъ, что Ѳедотъ, будучи разнесенъ съ нимъ погодою, выброшенъ на берегъ къ передній конецъ за рѣку Анадырь. Въ той отпискѣ сказано, что въ 7162 (1654) ходилъ онъ возлѣ моря въ походъ, и отбилъ у корякъ

якутскихъ бывшую любовницу Ѳедота, которая сказывала, что Ѳедотъ съ однимъ служивымъ умер отъ цынги, что товарищи его побиты, другіе спас лись въ лодкѣ и уплыли невѣдомо куда. Разва лины зимовья на р. Никулѣ видимы еще были в 1730 году.

§ 4. Крашенинниковъ полагаетъ, что Ѳедот погибъ не на Тигилѣ, а межъ Анадыромъ и Олю торскимъ, слѣдуя отъ Тигиля обратно къ Анадыр ску моремъ или сушею по Олюторскому берегу.

§ 5. Въ 7203 (1695) Владиміръ Атласовъ при сланъ былъ отъ якутскаго прикащика (изъ Якутска въ Анадырскій острогъ сбирать ясакъ съ присуд ныхъ (приписныхъ) къ Анадырску корякъ и юка гирей.

§ 6. Въ слѣдующій 204 годъ Атласовъ послал къ апутскимъ корякамъ Луку Морозку съ 1 человѣками за ясакомъ. Оный Морозка не дошел до Камчатки токмо 4 днями. Взялъ онъ межд тѣмъ Камчатскій острожекъ и въ Погромѣ полу чилъ невѣдомо какія письма, которыя и пред ставилъ Атласову.

§ 7. Атласовъ, взявъ съ собою 60 человѣк служивыхъ, да столько жъ юкагирей, отправилс на слѣдующій 1697 г., послѣ ясачнаго сбор на Камчатку. Онъ оставилъ въ Анадырскѣ 38 че ловѣкъ казаковъ (съ нимъ слѣдственно было всег 100 человѣкъ казаковъ).

§ 8. Атласовъ ласкою склонилъ къ ясачном платежу Акланскій, Каменной и Усть-Таловскі острожки — да одинъ взялъ съ бою и потом (пишетъ онъ) 1 го февраля 1697 г. пошелъ въ Олю торскую землю.

§ 9. Словесное преданіе гласитъ, что онъ раздѣлилъ свой отрядъ на-двое — Морозку послалъ на Восточное море, а самъ пошелъ къ Пенжинскому.

§ 10. Юкагиры (60 человѣкъ) измѣнили ему на Поланѣ. Произошло сраженіе. Три казака были убиты. Атласовъ и еще 16 человѣкъ ранены. Казаки ихъ отбили и безъ нихъ продолжали свой походъ къ югу.

§ 11. Оба отряда соединились на Тигилѣ и собрали ясакъ съ народовъ, живущихъ по рѣкамъ: Напанѣ, Тигилю, Ичѣ, Сіунчѣ и Харыузовой. До Каланской (?) не дошли за три дня. По словесному преданію, Атласовъ дошелъ до рѣки Нынгучу (Голыгиной) за три дня отъ рѣки Игдыгъ (Озерной). — NB. Бобры звались каланами и на той рѣкѣ промышлялись.

§ 12. На рѣкѣ Ичѣ Атласовъ взялъ у камчадаловъ плѣнника японца (Узакинскаго государства).

§ 13. Отъ рѣки Голыгиной Атласовъ пошелъ обратно тою же дорогою до рѣки Ичи, потомъ перешелъ на Камчатку, построилъ Верхній Камчатскій острогъ — и оставя въ немъ казака Потапа Серюкова, отправился въ Якутскъ, куда и прибылъ въ 7208 году (1700) іюля 2.

§ 14. Изъ Якутска отправился онъ въ Москву съ японскимъ плѣнникомъ и съ ясачной казною, собранной имъ на Камчаткѣ (см. IV—194).

§ 15. Атласовъ за свою службу пожалованъ въ Москвѣ казачьимъ головою по городу Якутску, и велѣно ему снова ѣхать на Камчатку, набравъ на казачью службу 100 человѣкъ въ Тобольскѣ, въ Енисейскѣ и въ Якутскѣ изъ казацкихъ дѣтей. Сверхъ того снабженъ онъ въ Москвѣ и Тобольскѣ малыми пушками, пищалями, свин-

цомъ и порохомъ. Въ Тобольскѣ дано ему полковое знамя, барабанщикъ и сиповщикъ.

§ 16. Но въ слѣдующемъ 1701 году Атласовъ, ѣдучи изъ Тобольска по рѣкѣ Тунгускѣ, разбилъ дощаникъ съ китайскими товарами гостя Логина Добрынина. По его челобитью, Атласовъ съ десятью товарищами посаженъ въ тюрьму; а на его мѣсто въ Камчатку отправленъ казакъ Михайло Зиновьевъ, бывалый на Камчаткѣ (сказано въ отпискѣ) еще прежде Атласова (съ Морозкою?).

§ 17. Три года спустя, послѣ выѣзда Атласова на Камчатку, пріѣхалъ сынъ боярскій Тимофей Кобелевъ, первый камчатскій прикащикъ. Потапъ Серюковъ, оставленный Атласовымъ въ Верхнемъ Острогѣ, не сбиралъ ясаку и торговалъ мирно съ камчадалами. По прибытіи Кобелева сдалъ онъ ему начальство и со своими людьми отправился обратно въ Анадырскъ; но коряки ихъ не допустили и умертвили всѣхъ.

§ 18. Въ бытность свою на Камчаткѣ Т. Кобелевъ перенесъ Верхній Острогъ на рѣку Кали-Кыгъ, да построилъ зимовье на Елавкѣ. Ясакъ же сбиралъ повольный по рѣкѣ Камчаткѣ и по морямъ Пенжинскому и Бобровому и въ 1704 году прибылъ съ ясачною казною въ Якутскъ.

§ 19. Кобелева смѣнилъ Зиновьевъ и правилъ Камчаткою съ 1703 до 1704 г. Онъ первый завелъ ясачныя книги и поименно сталъ вписывать камчадалъ. Зимовья Нижнія Камчатскія перенесъ на Ключи; построилъ острогъ на Большой рѣкѣ; перевелъ служивыхъ людей (по ихъ просьбѣ) изъ Укинскихъ зимовій на Камчатку и, учредя во всемъ нѣкоторый порядокъ, возвратился въ Якутскъ съ ясакомъ.

§ 20. Осенью 1704 года пріѣхалъ его смѣнить пятидесятникъ Василій Колесовъ. Онъ сидѣлъ на приказѣ по апрѣль 1706 года. При немъ былъ первый походъ въ Курильскую землицу, и человѣкъ двадцать курильцевъ объясачены, прочіе разбѣжались.

§ 21. На смѣну ему посланъ былъ еще въ 1704 г. якутскій сынъ боярскій Вас. Протопоповъ, да казакъ Вас. Шелковниковъ; но не доѣхали и отъ олоторовъ убиты на пути съ десятью человѣками служивыхъ.

§ 22. Въ концѣ августа 1706 года сидячіе коряки (около рѣки Пенжины) Косухина Острожка, близъ Усть-Таловки, умышляли нападеніе на Колесова; но онъ о томъ былъ увѣдомленъ отъ сидячихъ же коряковъ другаго (Акланскаго) острожка, имъ сосѣдняго. — И онъ прибылъ въ Якутскъ благополучно.

§ 23. На Акланскомъ острожкѣ жилъ онъ пятнадцать недѣль, ожидая зимняго пути. Здѣсь засталъ онъ семь казаковъ, оставшихся послѣ Шелковникова съ подарочной и пороховою казною, посланной въ камчатскіе остроги. Колесовъ отправилъ ихъ туда, далъ имъ двадцать одного человѣка изъ своего отряда и назначилъ имъ въ начальники Семена Ломаева, которому поручилъ онъ и сборъ ясака во всѣхъ трехъ острогахъ.

§ 24. Косухинскіе коряки и нѣкоторые другіе покушались паки напасть на Колесова, но до того не допущены.

§ 25. Послѣ Колесова были закащиками на Камчаткѣ въ Верхнемъ Острогѣ — Ѳедоръ Анкудимовъ, въ Нижнемъ — Ѳедоръ Ярыгинъ, а въ Большерѣцкомъ — Дмитрій Ярыгинъ. При нихъ

взбунтовались большерѣціе камчадалы. Острогъ казачій сожгли, а казаковъ всѣхъ побили. На Бобровомъ морѣ тогда же убитъ ясачный сборщикъ съ пятью человѣками.

§ 26. Причиною возмущенія полагаетъ Крашенинниковъ притѣсненія отъ казаковъ, мысль, что русскіе люди бѣглые (isoli), коихъ легко перевесть, и надежда на коряковъ и олюторовъ въ непропускѣ русскихъ изъ Анадырска, ибо смерть Протопопова и Шелковникова до нихъ дошла.

§ 27. Казаки были въ малолюдствѣ и принуждены были быть осторожны. Они до времени оставили измѣнниковъ въ покоѣ. Они дали знать о томъ однако жъ въ Якутскъ (?). Печальныя сіи извѣстія заставили правительство вспомнить объ Атласовѣ; онъ былъ освобожденъ и отправленъ на Камчатку. Ему возвратили преимущества, данныя ему въ Москвѣ отъ сибирскаго приказа въ 1701 году. Ему дана полная власть надъ казаками (кнутъ и батожье). Велѣно прежнія вины заслуживать; обидъ никому не чинить, а противу иноземцевъ строгости не употреблять, коли можно обойтись ласково. За преступленіе наказа объявлена ему смертная казнь.

§ 28. Но Атласовъ не доѣхалъ еще и до Андырска, какъ уже всѣ почти казаки послали на него челобитныя, выведенные изъ терпѣнія его самовластіемъ и жестокостію. Однако жъ онъ благополучно прибылъ на Камчатку въ іюлѣ 1707 года и отъ закащиковъ вмѣстѣ съ ясачной казною принялъ и начальство надъ острогами.

§ 29. Немедленно (въ августѣ того же года) Атласовъ отправилъ на Бобровое море 70 человѣкъ казаковъ, подъ начальствомъ Ивана

Таратина, для наказанія убійцъ ясачныхъ сборщиковъ. Походъ ихъ продолжался до 27 ноября. Отъ Верхн. Острога до Авачи они шли безъ сопротивленія; но близъ Авачинской губы, на ночлегѣ, встрѣтили ихъ камчадалы. Враговъ было до 800. Произошло сраженіе. Камчадалы были разсѣяны; у казаковъ убито 6 человѣкъ. Камчадаловъ въ плѣнъ взято 3 человѣка; чрезъ нихъ собранъ ясакъ (IV—200). Послѣ того Таратинъ возвратился въ Верхн. Острогъ съ ясакомъ и съ заложниками.

§ 30. Избалованные потворствомъ своихъ начальниковъ, казаки не могли вынести суроваго управленія Атласова. Въ декабрѣ 1707 года они взбунтовались, отрѣшили его отъ начальства, и въ оправданіе свое написали въ Якутскъ длинныя жалобы на обиды и преступленія, учиненныя Атласовымъ (IV—201).

§ 31. Бунтовщики на мѣсто Атласова выбрали Верх. Острога прикащика Сем. Ломаева (см. выше). Атласовъ посаженъ въ казенку (въ тюрьму) и пожитки его взяты ими въ казну (см. 203).

§ 32. Атласовъ бѣжалъ изъ тюрьмы и явился въ Нижн. Камч. Острогѣ. Онъ потребовалъ отъ закащика Ѳеод. Ярышкина сдачи начальства; тотъ не согласился; но оставилъ Атласова на волѣ.

§ 33. Якутская канцелярія (?) между тѣмъ, получа еще съ дороги посланныя челобитныя, отправила обо всемъ донесеніе въ Москву, а на мѣсто Атласова послала въ Камчатку прикащикомъ сына боярскаго Петра Чирикова съ 50 человѣками рядовыхъ, при пятидесятникѣ, и съ четырьмя десятниками. Снаряду дано ему 2 пушки мѣдныя, 100 ядеръ, 5 пудъ свинцу, 8 пудъ пороху. — Между тѣмъ въ январѣ 1709 г. въ канцеляріи

получено извѣстіе о самовольномъ отрѣшеніи Атласова отъ начальства. Изъ Якутска, вслѣдъ за Чириковымъ, отправлена указная память, чтобы онъ по дѣлу сему учинилъ слѣдствіе и прислалъ оное на разсмотрѣніе въ Якутскъ съ выборнымъ Сем. Ломаевымъ; также и сборную казну за 1707, 708 и 709 годы.

§ 34. Оная указная память въ Анадырскѣ Чирикова уже не застала и за малолюдствомъ къ нему оттуда не отправлена.

§ 35. Дорога была не безопасна. По Олюторскому и Пенжинскому морю пути были заняты. 20 іюля 1709 г. олюторы дерзнули днемъ напасть на Чирикова, убили 10 человѣкъ служивыхъ и бывшаго при казнѣ сына боярскаго Ив. Панютина, казну и воен. запасы разграбили и остальныхъ держали 3 дня въ осадѣ, на пустомъ мѣстѣ. Наконецъ, 24 іюля, Чириковъ пробился и разсѣялъ дикарей, потерявъ двухъ человѣкъ.

§ 36. Чириковъ, прибывъ на Камчатку, принялъ начальство; онъ отрядилъ на Большую рѣку пятидесятника Ив. Харитонова съ 40 казаками для усмиренія дикарей. Но оные собрались въ великомъ множествѣ, напали на казаковъ, 8 человѣкъ убили, почти всѣхъ остальныхъ перераниле; четыре недѣли держали ихъ въ осадѣ, отъ которой спаслись они бѣгствомъ.

§ 37. Чириковъ самъ съ 50 казаками ходилъ къ Бобровому морю, къ Японской Бусѣ (?). Японцы полонены были мирными камчадалами, жившими близъ той Бусы. Дикари, увидѣвъ казаковъ, разбѣжались по лѣсу, оставя японцевъ, которые имъ и выручены. Въ томъ походѣ усми-

рилъ онъ дикарей отъ Жупановой рѣки до Островской и наложилъ снова на нихъ ясакъ.

§ 38. Въ августѣ (?) прибылъ на смѣну Чирикова пятидесятникъ Осипъ Мироновъ, отправленный по выбору изъ Якутска съ 40 человѣками. Такимъ образомъ собрались на Камчаткѣ 3 прикащика: Атласовъ, законно не отрѣшенный, Чириковъ и Мироновъ (онъ же и Липинъ).

§ 39. Чириковъ сдалъ Миронову Верхн. Камч. Острогъ, а самъ въ октябрѣ поплылъ въ Нижній Камчатскій — ботами со своими служивыми. Онъ намѣревался тамъ перезимовать и оттолѣ отправиться съ казною Пенжинскимъ моремъ. Мироновъ 6 декабря отправился изъ Верхн. Острога въ Нижній для наряду казаковъ къ судовому строенію и препровожденія ясачной казны.

§ 40. Исправя свое дѣло, Мироновъ обратно ѣхалъ въ Верхній Острогъ, вмѣстѣ съ Чириковымъ. 23 января 1711 г. на дорогѣ былъ онъ зарѣзанъ отъ казаковъ. Злодѣи думали убить и Чирикова, но по просьбѣ его дали ему время покаяться, а сами, въ числѣ 31 человѣка, поѣхали обратно въ Нижн. Камч. Острогъ, дабы убить Атласова. Не доѣхавъ за полверсты, отправили они трехъ казаковъ къ нему съ письмомъ, предписавъ имъ убить его, когда станетъ онъ его читать. Но они застали его спящимъ и зарѣзали. Такъ погибъ камчатскій Ермакъ!

§ 41. Бунтовщики вступили въ острогъ и, раздѣлясь на трое, стали на три двора, по десяти человѣкъ вмѣстѣ. Главные изъ нихъ были: Данилъ Анцыфоровъ да Ив. Козыревскій. Бунтовщики расхитили пожитки убитыхъ прикащиковъ, завели круги, стали выносить знамя, умно-

жились до 75 человѣкъ, выбрали атаманомъ Анцыфорова, Козыревскаго есауломъ; съ Тигиля привезли пожитки Атласова, имъ отправленные туда, дабы везти ихъ Пенжинскимъ моремъ; разхитили съѣстные припасы, парусы и снасти, заготовленные для морского пути отъ Миронова, и уѣхали въ Верхн. Острогъ, а Чирикова бросили скованнаго въ прорубь марта 20 1711 г.

§ 42. 17 апрѣля 1711 года подали они въ Верхн. Острогѣ для отсылки въ Якутскъ повинную челобитню, въ которой объ Атласовѣ умолчено, а Чириковъ и Мироновъ обвинены обыкновеннымъ образомъ (см. IV — 207). Бунтовщики извинялись дальнимъ разстояніемъ и что-де прикащики не допустили бы челобитчиковъ до Якутска. Опись взятаго добра на артель представили тутъ же съ большою наивностію.

§ 43. Между тѣмъ думали они заслужить свои вины. Весною отправились они изъ Верх. Остр. на Большую рѣку. Въ началѣ апрѣля они взяли Камчатскій Острожекъ, между рѣками Быстрою и Гольцовскою (гдѣ нынѣ Русск. Большерѣцкій Остр.). Они тамъ и засѣли, и жили до конца мая.

§ 44. 22 мая приплыло къ оному Острожку множество камчадаловъ и курильцевъ и осадили казаковъ съ крикомъ и угрозами. 23 казаки отслужили молебенъ (съ ними былъ архимандритъ Мартіанъ отъ Филоѳея, митрополита тобольскаго и сибирскаго, въ 1705 году отправленный въ Камчатку, для проповѣданія Слова Божія), выслали половину своихъ людей на вылазку. Сраженіе продолжалось до вечера. Казаки одолѣли, потерявъ 3 человѣка убитыми. Дикарей убито и потоплено столько, что Большая рѣка запруди-

лась ихъ трупами. Послѣ сей побѣды всѣ Большерѣцкіе Острожки покорились и стали ясакъ платить по прежнему.

§ 45. Послѣ того ходили бунтовщики въ Курильскую землицу и были за проливомъ на первомъ Кур. острову и жителей обложили впервые ясакомъ.

§ 46. Въ томъ же 1711 году пріѣхалъ на Камчатку Василій Севастьяновъ (онъ же и Щепеткой) на смѣну Миронова, не вѣдая ничего о убіеніи трехъ прикащиковъ. Севастьяновъ сталъ собирать ясакъ въ Нижн. и Верхн. Острогѣ. Бунтовщикъ Анцыфоровъ, узнавъ о его прибытіи, самъ пріѣхалъ къ нему въ Нижній Острогъ, съ ясачной казною, собранной имъ въ Большерѣцкомъ. Севастьяновъ не осмѣлился ни посадить его въ тюрьму, ни чинить надъ нимъ слѣдствіе. Онъ отправилъ его сборщикомъ на Большую рѣку. Анцыфоровъ на обратномъ пути привелъ въ повиновеніе дикарей, живущихъ по Пенжинскому морю и рѣкамъ Конпаковой и Воровской.

§ 47. Въ февралѣ 1712 года Анцыфоровъ былъ убитъ отъ авач. камчадаловъ. Узнавъ о его скоромъ прибытіи на Авачу, устроили они пространный балаганъ съ тайными подъемными дверями. Они приняли его съ честію, лаской и обѣщаніями; дали ему нѣсколько аманатовъ изъ лучшихъ своихъ людей и отвели ему балаганъ. На другую ночь они сожгли его. Передъ сожженіемъ балагана, они приподняли двери и звали своихъ аманатовъ, дабы тѣ скорѣе побросались вонъ. Несчастные отвѣчали, что они скованы и не могутъ тронуться, но приказывали своимъ товарищамъ жечь балаганъ и ихъ не щадить, только бы сгорѣли казаки.

Такъ погибъ храбрый Анцыфоровъ, можетъ

быть предупредя заслуженную казнь и оставя по себѣ громкую память и пословицу (см. IV—210): «На Камчаткѣ проживешь здорово семь лѣтъ, что ни сдѣлаешь; а семь лѣтъ проживетъ тотъ, кому Богъ велитъ».

§ 48. Ободренный смертью Анцыфорова, Щепеткой послалъ нарочныхъ въ Верхній Острогъ, чтобъ словить убійцъ трехъ прикащиковъ. Одинъ былъ схваченъ, привезенъ въ Нижній Острогъ и въ пыткѣ показалъ, что Анцыфоровъ имѣлъ намѣреніе умертвить Щепеткого, разбить оба Острога, разграбить казну и бѣжать на острова, гдѣ и хотѣлъ поселиться со своими единомышленниками. Анцыфоровъ думалъ привести въ дѣйствіе свое намѣреніе, когда пріѣзжалъ въ Нижній Острогъ съ ясачнымъ сборомъ, но отложилъ оное, бывъ слишкомъ въ малолюдствѣ.

§ 49. Въ 1712 году іюня 8 Щепеткой, оставя въ Верхн. Остр. закащикомъ Козырева, а въ Нижнемъ Өед. Ярыгина, отправился по Олюторскому морю до Олюторской рѣки. Не дошедъ за два дня до Глотова жилья, по причинѣ мелкости и быстроты рѣкъ, оградился онъ, по недостатку въ лѣсѣ, земляными юртами. Олюторы ежедневно на него нападали. Онъ послалъ въ Анадырскъ, требуя подводъ и помощи; а самъ съ 84 человѣками оставался въ своемъ острогѣ до 9-го января 1713 года. 60 человѣкъ и нѣсколько оленныхъ подводъ, наконецъ, къ нему прибыли, и ясачный сборъ довезенъ до Якутска въ январѣ 1714 г. Онаго сбора казна не получала съ самаго 1707 г. Онъ состоялъ въ 332 сороковъ соболей, 3289 лисицъ красныхъ, 7 бурыхъ, 41 сиводущетыхъ, да 259 морскихъ бобровъ.

§ 50. Вскорѣ послѣ отъѣзда Щепеткова, закащикъ Верхн. Острога, Киргызовъ (Козыревъ?) приплылъ на ботахъ въ Нижній Остр., овладѣлъ онымъ, мучилъ Өед. Ярыгина свинцовыми кистенями, да ключемъ вертѣлъ ему голову, а другихъ людей на дыбу подымалъ (также и тамошняго попа). Ярыгина принудилъ постричься въ монахи, сдалъ острогъ казаку Богдану Канашеву, а самъ, подговоря 18 человѣкъ нижне-шанчальцевъ, возвратился въ Верх. Острогъ.

§ 51. 10-го сентября 1712 г. прибылъ въ Камчатку Вас. Колесовъ, уже бывшій тамъ прикащикомъ, и изъ казацкихъ пятидесятниковъ пожалованный дворяниномъ по московскому списку. Онъ изъ Якутска отправленъ былъ на смѣну Севастьянову въ 1711, и дорогою получилъ указъ о розыскѣ надъ убійцами трехъ прикащиковъ. По прибытіи своемъ, онъ казнилъ двухъ человѣкъ смертію, другихъ торговою казнію. Ив. Козыревскій, по смерти Анцыфорова, бывшій въ Большерѣцкомъ Остр. прикащикомъ, высѣченъ плетьми; но Киргызовъ не пошелъ подъ судъ къ Колесову, острога своего ему не сдалъ и съ человѣками, при пушкахъ, пріѣхалъ къ Нижн. Острогу, грозясь его разорить; въ это самое время большерѣцкіе казаки пріѣхали туда съ повинною.

§ 52. Колесовъ, опасаясь, чтобъ обѣ сіи стороны не соединились, запретилъ было ѣхать всѣмъ имъ въ острогъ; но Киргызовъ не послушался, въѣхалъ со всѣми своими людьми, сталъ содержать крѣпкій караулъ днемъ и ночью. Онъ требовалъ отъ Колесова, чтобъ сей далъ ему указъ идти на провѣдыванія острова Карагинскаго, а между тѣмъ подговаривалъ нижне-шанчальскихъ каза-

ковъ. Не успѣвъ ни въ томъ, ни въ другомъ, возвратился онъ въ Верх. Острогъ. Казаки его раздѣлились на двѣ стороны и, не видя надежды сдѣлать суда и мимо Нижняго Острога проплыть въ море, Киргызова посадили въ казенку. Колесовъ (въ 1713) принялъ Верхн. Острогъ; Киргызова съ лгавными сообщниками казнилъ смертію, другихъ кнутомъ, послушные служивые пожалованы въ конные казаки, а закащики въ дѣти боярскіе. Козыревскаго, съ 55 казаками и двумя пушками, послалъ Колесовъ на Большую рѣку строить суда заслуживать свои вины, провѣдывая морскихъ острововъ и Японскаго царства.

§ 53. Козыревскій исполнилъ сіе порученіе. Онъ привелъ въ ясакъ жителей Курильской Лопатки, покорилъ первые два Курильскіе острова и привезъ Колесову извѣстіе о торговлѣ сихъ острововъ съ купцами города Матмая (IV—214).

§ 54. Колесова въ 1713 смѣнилъ дворянинъ Иванъ Енисейскій. Онъ заложилъ церковь на Ключахъ. Туда перенесъ и Нижн. Острогъ, ибо прежнее мѣсто окружено болотами, и водою понимается. Новый сей острогъ и съ церковью сожженъ въ 1731 году, во время камчатскаго бунта.

§ 55. При немъ былъ походъ на авачинскихъ дикарей, нѣкогда измѣною убившихъ Анцыфорова. Ихъ осадили въ ихъ острогѣ и двѣ недѣли держали въ осадѣ. Камчадалы отразили храбро два приступа. Наконецъ были сожжены и перерѣзаны. Противу нихъ было 120 казаковъ, до 150 покоренныхъ дикарей. Также взятъ былъ приступомъ камчатскій острожекъ Паратунъ. Съ того времени авачинскіе камчадалы стали платить ясакъ еже годный, а не повольный, какъ то было прежде.

§ 56. Енисейскій весною 1714 г. отправился вмѣстѣ съ Колесовымъ на судахъ по Олюторскому морю. Въ августѣ дошли они до рѣки Олюторской благополучно. Тамъ встрѣтили они дворянина Аѳанасія Петрова, который разбилъ олюторовъ и, разоря ихъ острогъ Большой Посадъ, строилъ Олюторскій острогъ. При немъ было много анадырскихъ казаковъ и юкагирей. Здѣсь они осеневали, и зимнимъ путемъ всѣ три дворяне отправились въ Якутскъ (см. ясакъ ихъ IV—216).

§ 57. Юкагиры, бывшіе при Аѳ. Петровѣ, сильно на него негодовали за обиды и притѣсненія. Онъ ихъ не отпускалъ на ихъ промыслы, бралъ ихъ подводы подъ камчатскую казну, хотя по указу долженъ былъ брать коряцкія подводы и проч. Декабря 2, не доходя до Акланск. Острога, они его убили на Таловской вершинѣ и казну разграбили. Колесовъ и Енисейскій спаслись въ Акланскій острогъ и 16 человѣкъ. Но юкагиры ихъ осадили и угрозами принудили коряковъ ихъ умертвить. Казна досталась не токмо дикарямъ, но и нашимъ казакамъ, ибо юкагиры торговали съ ними, мѣняя соболей и лисицъ на китайскій табакъ. Такимъ образомъ пятидесятникъ Алексѣй Петриковскій намѣнялъ, между прочимъ, двадцать сороковъ соболей (которые съ него въ казну и отправлены, когда стали доискивать разграбленный ясакъ).

§ 58. Коряки Пенжинскаго моря уговорены и въ ясакъ приведены уже въ 1720 г. якутскимъ дворяниномъ Степаномъ Трифоновымъ. По убіеніи же 3 дворянъ, намѣрены они были напасть на Анадырскъ и подговаривали къ тому чукчей.

§ 59. Послѣ того казну черезъ Анадырскъ уже не высылали, а провѣданъ морской путь въ Охотскъ,

а путь черезъ Анадырскъ совсѣмъ оставленъ, кромѣ посылокъ съ письмами. На той дорогѣ съ 1703 г. погибло до 200 русскихъ. Морской путь открытъ въ 1715 г. якутскимъ казакомъ Козьмою Соколовымъ, отправленнымъ отъ полковника Якова Елчина, при управленіи Алексѣя Петриковскаго.

§ 60. Петриковскій, назначенный въ прикащики, превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ жадности и лютости. Одинъ изъ казаковъ замученъ имъ въ вилахъ до смерти. Казаки, по наущенію Козьмы Соколова, посадили его въ тюрьму и взяли пожитки его въ казну. Они превосходили казну, собранную въ два года со всей Камчатки (IV—219).

§ 61. Безпокойства между туземцами были незначительны (IV—220).

§ 62. Петриковскаго смѣнилъ Коз. Вежливцовъ, послѣ сего пріѣхалъ изъ Анадырска въ прикащики Коз. Григ. Камкинъ. Въ 1718 изъ Якутска прибыли три прикащика: Ив. Уваровскій (въ Нижн.), Ив. Поротовъ (въ Верхн.) и Вас. Кочановъ (въ Большерѣцкой остроги). Сей послѣдній сверженъ былъ казаками и на полгода посаженъ въ тюрьму. Онъ бѣжалъ. Мятежники взяты въ Тобольскъ и наказаны.

§ 63. Прикащиковъ смѣнилъ 1719 г. двор. Ив. Харитоновъ. Онъ ходилъ на сидячихъ коряковъ, на Палланъ рѣку и тамъ убитъ измѣннически. Казаки его успѣли спастись и сожгли убійцъ въ ихъ юртѣ.

§ 64. Прикащики пріѣзжали ежегодно; возмущеній отъ дикарей важныхъ не было. Камчадалы били по 2, по 3 человѣка сборщиковъ въ Курилахъ и на Авачѣ.

§ 65. Въ 1720 году списывали Курильскіе острова навигаторы Ив. Еврейновъ и Ѳед. Лузинъ и доѣзжали почти до Матмая.

§ 66. Въ 1728 была первая Камчатская экспедиція и возвратилась въ П. Б. въ 1730.

§ 67. Наконецъ въ 1729 прибыла въ Камчатку партія при капитанѣ Дм. Павлуцкомъ и якутск. казач. головѣ Аѳ. Шестаковѣ (убитомъ отъ чукочь въ 1730) (смотри наказъ имъ данный IV—222).

§ 68. Въ томъ же 1729 пятидесятникъ Штинниковъ взятъ подъ стражу за убіеніе японцевъ, бурею занесенныхъ на камчатскіе берега (см. пространную повѣсть о томъ IV—222 въ прим.).

§ 69. Въ 1730 сбирали ясакъ на Камчаткѣ служивый Ив. Новогородовъ, а въ 1731 пятидесятникъ Мих. Шехурдинъ, главныя причины бунта Камчатскаго.

§ 70. Открытіе пути черезъ Пенжинское море имѣло важное слѣдствіе для Камчатки. Суда съ казаками приходили ежегодно; экспедиціи слѣдовали одна за другою. Дикари не смѣли возмущаться. Когда же капитанъ Берингъ отбылъ въ Охотскъ, а партія поплыла къ Анадырю, дабы соединиться тамъ съ Павлуцкимъ и идти на немирныхъ чукчей, тогда камчадалы рѣшились исполнить давніе свои замыслы.

§ 71. Во всю зиму нижнешанчальскіе, ключевскіе и еловскіе камчадалы разъѣжали будто бы въ гости по всей Камчаткѣ, уговаривая и пріуготовляя всѣхъ къ общему возмущеною. По убіеніи Шестакова распустили они слухъ, что чукчи идутъ на Камчатку войною, усыпляя тѣмъ подозрѣніе казаковъ. Они намѣрены были у морскихъ гаваней учредить караулы, пріѣзжихъ служивыхъ прини-

мать ласково, а дорогою убивать измѣннически, и всѣми мѣрами до Анадырска извѣстій не допускать.

§ 72. Главный начальникъ бунта былъ еловскій таіонъ Өед. Харчинъ да дядя его Голгочь, ключевской таіонъ.

§ 73. Послѣдній прикащикъ камчатскій Шехурдинъ выѣхалъ съ ясакомъ благополучно; партія близъ устья Камчатки сгрузилась на судно и вышла въ море для похода къ Анадырску. Камчадалы, бывшіе у ней въ подводахъ, не дождавшись ея отбытія поспѣшили дать знать бунтующимъ таіонамъ, дожидавшимъ на Ключахъ. 20 іюня 1731 г. камчадалы на ботахъ устремились вверхъ по Камчаткѣ, бія казаковъ, зажигая лѣтовья, забирая бабъ и дѣтей и проч. Харчинъ и Голгочь прибыли немедленно въ острогъ (Нижн.) и зажгли поповъ дворъ, съ намѣреніемъ приманить на пожаръ казаковъ, какъ охотниковъ, что имъ и удалось. Всѣ казаки съ женами и дѣтьми были перерѣзаны. Всѣ домы сожжены, кромѣ церкви и крѣпости, гдѣ хранилось имѣніе русскихъ; немногіе спаслись и пріѣхали на устье Камчатки.

§ 74. Къ счастію партія еще стояла, за нечаянно возставшимъ противнымъ вѣтромъ. Походъ къ Анадырску былъ остановленъ. Надлежало удержать завоеванное, прежде нежели думать о новыхъ завоеваніяхъ.

§ 75. Между тѣмъ, ключевской есаулъ Чегечь, оставшійся у моря, узнавъ отъ русскихъ бѣглецовъ о взятіи острога, поспѣшилъ туда со своими людьми, побивая всѣхъ встрѣчныхъ казаковъ, и объявилъ Харчину, что партія въ море еще не ушла. Мятежники испугались; они засѣли во взятомъ острогѣ и дали знать вверхъ по Камчаткѣ, чтобы

всѣ жители съѣзжались къ нимъ въ завоеванный острогъ. Но они сдѣлать того не успѣли.

§ 76. Они вкругъ острога сдѣлали каменную стѣну, разобравъ церковную трапезу, раздѣлили между собою казачьи пожитки, нарядились въ ихъ платья, иные въ женскія, другіе въ поповскія. Стали плясать, шаманить и объѣдаться. Новокрещеной Ѳед. Харчинъ призвалъ Савина, новокрещенаго грамотея, надѣлъ на него поповскія ризы и велѣлъ ему пѣть молебенъ, за что и подарилъ ему 30 лисицъ (см. IV—220).

§ 77. Командиръ партіи, штурманъ Як. Генсъ, отправилъ 21 іюля 60 человѣкъ къ взятому острогу, обѣщая прощеніе и приказывая покориться. Бунтовщики не послушались. Харчинъ кричалъ имъ со стѣны «я здѣсь прикащикъ, я самъ буду ясакъ собирать; вы, казаки, здѣсь не нужны.»

§ 78. Казаки послали къ Генсу за пушками. Получивъ оныя, 26 іюля начали они стрѣлять по острогу; вскорѣ оказались проломы; осажденные стали робѣть и плѣнныя казачки начали убѣгать изъ острога. Харчинъ, видя невозможность защищаться, одѣлся въ женское платье и бѣжалъ.

§ 79. За нимъ пустилась погоня; но онъ такъ рѣзво бѣгалъ, что могъ достигать оленей. Его не догнали.

§ 80. Послѣ того человѣкъ 30 сдались. Прочіе были перестрѣлены. Чегечь оборонялся храбро. Отъ стрѣльбы во время приступа загорѣлась пороховая казна; острогъ, кромѣ одной церкви, обращенъ былъ въ пепелъ. Всѣ камчадалы погибли, не спаслись и тѣ, которые сдались. Ожесточенные казаки всѣхъ перекололи. Русскихъ убито 4 человѣка на приступѣ. Церковь, по отбытіи русскихъ, сожжена камчадалами.

§ 81. Камчадалы Камакова острожка готовы были пристать къ Харчину (всего 100 человѣкъ); къ счастію, партія не дала имъ на то времени. Малолюдные острожки непремѣнно послѣдовали бы ихъ примѣру.

§ 82. Харчинъ соединился съ другими таіонами и былъ готовъ плыть къ морю, дать бой со служивыми. Но при рѣкѣ Ключевкѣ, при самомъ его выступленіи встрѣченъ онъ былъ партіею. Произошло сраженіе. Онъ отступилъ на высокое мѣсто по лѣвую сторону Ключевки. Казаки стали по правой.

§ 83. Харчинъ думалъ сперва угрозами принудить партію возвратиться въ море, но потомъ, стоя у рѣки, пустился въ переговоры. Харчинъ истребовалъ одного аманата и пошелъ въ станъ казачій. Онъ обѣщался привести въ повиновеніе сродниковъ своихъ и подчиненныхъ. Его обласкали и отпустили назадъ. Но онъ прислалъ сказать, что сродники его на то не согласились. Братъ Харчина и таіонъ Тавачь остались съ казаками.

§ 84. На другой день Харчинъ, пришедъ къ рѣкѣ, потребовалъ аманатовъ и допущенія къ новымъ переговорамъ. Казаки на то согласились. Но когда онъ переѣхалъ къ нимъ, они его схватили, а своимъ аманатамъ, плывшимъ съ камчадалами въ лодкѣ, закричали, чтобъ они побросались въ рѣку; между тѣмъ, чтобъ ихъ не закололи, прицѣлились къ камчадаламъ ружьями. Тѣ разбѣжались. Аманаты спаслись. Камчадаловъ разсѣяли двумя пушечными выстрѣлами. Верхоеловскій таіонъ Тигиль побѣжалъ со своимъ родомъ къ вершинамъ Еловскимъ; ключевской

таіонъ Голгочь вверхъ по Камчаткѣ, прочіе — по другимъ мѣстамъ, но казаки ихъ преслѣдовали и всѣхъ истребили. Тигиль долго сопротивлялся, перекололъ своихъ женъ и дѣтей и самъ себя умертвилъ. Голгочь убитъ отъ своихъ за то, что онъ разорялъ ихъ острожки на рѣкахъ Шаниной и Козыревской, когда они не хотѣли пристать къ его бунту.

§ 85. Между тѣмъ вся Камчатка возстала. Дикари стали соединяться, убивать повсюду русскихъ, лаской и угрозой вовлекая въ возмущеніе сосѣдей. Казаки остроговъ Верхняго и Большерѣцкаго ходили по Пенжинскому морю, поражая всюду мятежниковъ. Наконецъ соединилась съ ними команда изъ Нижняго острога. Они пошли на Авачу противу 300 тамошнихъ мятежниковъ и разоря ихъ укрѣпленные острожки, насытясь убійствомъ, обремененные добычею, возвратились на свои мѣста.

§ 86. Якутскаго полка маіоръ Мерлинъ прибылъ вскорѣ на Камчатку. Онъ и Павлуцкій жили тамъ до 1739 года. Они построили Нижн. Камчат. острогъ ниже устья Ратуги. Имъ поручено слѣдствіе. Ив. Новогородовъ, Андр. Штинниковъ и Сапожниковъ повѣшены, также и человѣкъ шесть камчадаловъ. Прочіе казаки высѣчены кто кнутомъ, кто плетьми. Камчадалы, бывшіе у нихъ въ крѣпостной неволѣ, отпущены на волю и впредь запрещено ихъ кабалить.

§ 87. До царствованія Императрицы Елизаветы Петровны не было и ста человѣкъ крещеныхъ.

1835 г.

ОБЪ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА

(Разборъ статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» въ январѣ 1835 года)

Нѣсколько дней послѣ выхода изъ печати «Исторіи Пугачевскаго бунта» явился въ «Сынѣ Отечества» разборъ этой книги. Я почелъ за долгъ прочитать его со вниманіемъ, надѣясь воспользоваться замѣчаніями неизвѣстнаго критика. Въ самомъ дѣлѣ, онъ указалъ мнѣ на одну ошибку и на три важныя опечатки. Статья вообще показалась мнѣ произведеніемъ человѣка, имѣющаго мало свѣдѣній о предметѣ, мною описанномъ. Я собирался при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности, оправдаться въ несправедливыхъ обвиненіяхъ и принести изъявленіе искренней моей благодарности рецензенту, тѣмъ болѣе, что его разборъ написанъ со всевозможной умѣренностью и благосклонностью.

Недавно въ «Сѣверной Пчелѣ» сказано было, что сей разборъ составленъ покойнымъ Броневскимъ, авторомъ «Исторіи Донскаго Войска». Это заставило меня перечесть его критику и возразить на оную въ моемъ журналѣ, тѣмъ болѣе, что «Исторія Пугачевскаго бунта», не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, вѣроятно, не будетъ имѣть и новаго изданія.

Въ началѣ своей статьи, критикъ, изъявляя сожалѣніе о томъ, что «Исторія Пугачевскаго бунта» писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистію Байрона и проч., признаетъ, что эта книга «есть драгоцѣнный матеріалъ, и что будущему историку, и безъ пособія нераспечатаннаго еще дѣла о Пугачевѣ, не трудно будетъ исправить нѣкоторые поэтическіе вымыслы, незначащіе недосмотры, и дать сему мертвому матеріалу жизнь новую и блистательную». За симъ г. Броневскій отмѣчаетъ сіи поэтическіе вымыслы и недосмотры «не въ судъ и осужденіе автору, а единственно для пользы наукъ, для его и общей пользы». Будемъ слѣдовать за каждымъ шагомъ нашего рецензента.

Критика г. Броневскаго. «На сей-то рѣкѣ (Яикѣ), говоритъ г. Пушкинъ, въ XV столѣтіи явились донскіе казаки».

Выписанное въ подтвержденіе сего факта изъ исторіи уральскихъ казаковъ г. Левшина (см. прим. 1, 331—337 стр.) долженствовало бы убѣдить автора, что донскіе казаки пришли на Яикъ въ XVI, а не въ XV столѣтіи, и именно около 1584 года.

Объясненіе. Есть разница между появленіемъ казаковъ на Яикѣ и поселеніемъ ихъ на сей рѣкѣ. Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается о казакахъ не прежде, какъ въ XVI столѣтіи; но преданіе могло сохранить то, о чемъ умалчивала хроника. Наша лѣтопись въ первый разъ о татарахъ упоминаетъ въ XIII столѣтіи, но татаре существовали и прежде. Г. Левшинъ неоспоримо доказалъ, что казаки поселились на Яикѣ не прежде XVI столѣтія. Къ сему же времени должно

отнести и существованіе полу-баснословной Гугнихи. Г. Левшинъ, опровергая Рычкова, спрашиваетъ: какъ могла она (Гугниха) помнить происшествія, которыя были почти за сто лѣтъ до ея рожденія? Отвѣчаю: такъ же, какъ и мы помнимъ происшествія временъ императрицы Анны Іоанновны — по преданію.

Критика г. Броневскаго. Вся первая глава, служащая введеніемъ къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», какъ краткая выписка изъ сочиненія г. Левшина, не имѣла, какъ думаемъ, никакой нужды въ огромномъ примѣчаніи къ сей главѣ (26 стр. мелкой печати), которое составляетъ почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая рѣдкость, которой за деньги купить нельзя; посему почтенный авторъ могъ и долженъ былъ ограничить себя однимъ указаніемъ, откуда первая глава имъ заимствована.

Объясненіе. Полное понятіе о внутреннемъ управленіи яицкихъ казаковъ, объ образѣ жизни ихъ и проч. необходимо для совершеннаго объясненія Пугачевскаго бунта; и потому необходимо и огромное (т.-е. пространное) примѣчаніе къ 1-й главѣ моей книги. Я не видалъ никакой нужды пересказывать то, что было уже сказано какъ не льзя лучше г. Левшинымъ, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволилъ мнѣ воспользоваться его трудомъ, но еще доставилъ мнѣ свою книжку, сдѣлавшуюся довольно рѣдкою.

Критика г. Броневскаго. «Извѣстно, говоритъ авторъ, что въ царствованіе Анны Іоанновны Игнатій Некрасовъ успѣлъ увлечь за собою множество донскихъ казаковъ въ Турцію». Стр. 225.

Некрасовцы бѣжали съ Дона на Кубань въ царствованіе Петра Великаго, во время Булавинскаго бунта, въ 1708 году. См. Исторію Д. Войска, Исторію Петра Великаго, Берхмана и другія.

Объясненіе. Что Булавинъ и Некрасовъ бунтовали въ 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что въ слѣдующемъ сей послѣдній оставилъ Донъ и поселился на Кубани. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ не могъ онъ съ своими единомышленниками перейти на турецкіе берега Дуная, гдѣ нынѣ находятся селенія некрасовцевъ. Въ исторіи Петра I въ послѣдній разъ объ нихъ упоминается въ 1711 году, во время переговоровъ при Прутѣ. Некрасовцы поручены покровительству крымскаго хана (къ великой досадѣ Петра I, требовавшаго возвращенія бѣглецовъ и наказанія ихъ предводителя). Положившись на показанія рукописнаго «Историческаго Словаря», составленнаго учеными и трудолюбивыми издателями «Словаря о святыхъ угодникахъ», я повѣрилъ, что некрасовцы перешли съ Кубани на Дунай во время походовъ графа Миниха, въ то время, какъ запорожцы признали снова владычество русскихъ Государей.* Но это показаніе несправедливо: некрасовцы оставили Кубань гораздо позже, именно въ 1775 году. Г. Броневскій (авторъ «Исторіи Донскаго Войска») и самъ не зналъ сихъ подробностей; но тѣмъ не менѣе благодаренъ я ему за дѣльное замѣчаніе, заставившее меня сдѣлать новыя успѣшныя изслѣдованія.

* Измѣнникъ Орликъ, сподвижникъ Мазепы, современникъ Некрасова, былъ тогда еще живъ и пріѣзжалъ изъ Бендеръ уговаривать старинныхъ своихъ товарищей.

Критика г. Броневскаго. «Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Силинъ. Послано повелѣніе въ Черкаскъ сжечь домъ Пугачева... Государыня не согласилась по просьбѣ начальства перенесть станицу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное; она согласилась только переименовать Зимовѣйскую станицу Потемкинскою». Стр. 267.

Въ 1772 году войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, за недоставленіе отчетовъ объ израсходованныхъ суммахъ, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость; вмѣсто его пожалованъ изъ старшинъ въ наказные атаманы Алексѣй Иловайскій. Силинъ не былъ донскимъ войсковымъ атаманомъ. Изъ «Донской Исторіи» не видно, чтобы правительство приказало сжечь домъ Пугачева; а видно только, что, по прошенію донскаго начальства, Зимовейская станица перенесена на выгоднѣйшее мѣсто и названа Потемкинскою. См. «Исторію Д. Войска» стр. 88 и 124 части I.

Объясненіе. Въ 1773 и 74 году войсковымъ атаманомъ донского войска былъ Семенъ Сулинъ (а не Силинъ). Иловайскій былъ избранъ уже на его мѣсто. У меня было въ рукахъ болѣе пятнадцати указовъ на имя войсковаго атамана Семена Сулина. Въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ нынѣшнемъ 1835 году, напечатано нѣсколько донесеній отъ полковника Платова къ войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистріи въ 1773 году. Правда, что въ «Исторіи Донскаго Войска» (сочиненіи моего рецензента) не упомянуто о Семенѣ Сулинѣ. Это пропускъ важный и, къ сожалѣнію, не единственный въ его книгѣ.

Г. Броневскій такъ же несправедливо оспориваетъ мое показаніе, что послано было изъ Петербурга повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою «Исторію Донскаго Войска», гдѣ о семъ обстоятельствѣ опять не упомянуто. Указъ о томъ, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года января 10 (NB. казнь Пугачева совершилась ровно черезъ годъ, 1775 года 10 января). Вотъ собственныя слова указа:

«Дворъ Емельки Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, и хотя бы состоялъ онъ въ развалившихся токмо хижинахъ, имѣетъ Донское войско, при присланномъ отъ оберъ-коменданта Крѣпости Св. Димитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшинъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ ихъ сжечь, и на томъ мѣстѣ черезъ палача или профоса пепелъ развѣять; потомъ это мѣсто огородить надолбами, или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ осквернённое жительствомъ на немъ всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими превосшедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзостію навѣки, а особливо для Донскаго общества, яко оскорбленнаго ношеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени — хотя отнюдь такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска Донскаго, ни усердіе онаго, ни ревность къ Намъ и Отечеству помрачаться и ни малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ».

Я имѣлъ въ рукахъ донесеніе Сулина о точномъ исполненіи указа (иначе и быть не могло). Въ семъ-то донесеніи Сулинъ отъ имени жителей

Зимовѣйской станицы проситъ о дозволеніи перенести ихъ жилища съ земли, оскверненной пребываніемъ злодѣя, на другое мѣсто, хотя бы и менѣе удобное. Отвѣта я не нашелъ; но по всѣмъ новѣйшимъ картамъ видно, что Потемкинская станица стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на старинныхъ означена Зимовѣйская. Изъ сего я вывелъ заключеніе, что Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую.

Критика г. Броневскаго. Авторъ не сличилъ показанія жены Пугачева съ его собственнымъ показаніемъ; явно, что свидѣтельство жены не могло быть вѣрно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признаніе Пугачева, что онъ скрывался въ Польшѣ, должно предпочесть показанію станичнаго атамана Трофима Ѳомина, въ которомъ сказано, что будто бы Пугачевъ, отлучаясь изъ дому въ разное время, кормился милостиною!! и въ 1771 году былъ на Кумѣ. — Но Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ.

На Дону по преданію извѣстно, что Пугачевъ до семилѣтней войны промышлялъ, по обычаю предковъ, на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра; послѣ первой турецкой войны скрывался между польскими и глуховскими раскольниками. Словомъ, въ мирное время иногда приходилъ въ домъ свой на короткое время; а постоянно занимался воровствомъ и разбоемъ въ окрестностяхъ Донской земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объясненіе. Показанія мои извлечены изъ оффиціальныхъ, неоспоримыхъ документовъ. Рецензентъ мой, укоряя меня въ несообразностяхъ, не показываетъ, въ чемъ оныя состоятъ. Изъ показаній жены Пугачева, станичнаго атамана Ѳомина и, наконецъ, самого самозванца, въ концѣ (а не въ началѣ) 1772 года приведеннаго въ малыковскую канцелярію, видно, что онъ въ 1771 году отпущенъ изъ арміи на Донъ, по причинѣ болѣзни; что въ концѣ того же года, уличенный въ возмутительныхъ рѣчахъ, онъ успѣлъ убѣжать, и тайно возвратясь домой въ началѣ 1772 года, былъ схваченъ, и бѣжалъ опять. Здѣсь прекращаются свѣдѣнія, собранныя правительствомъ на Дону. Самъ Пугачевъ показалъ, что весь 1772 годъ скитался онъ за польской границей и пришелъ оттуда на Яикъ, кормясь милостынею (о чемъ Ѳоминъ не упоминаетъ ни слова). Г. Броневскій, выписывая сіе послѣднее показаніе, подчеркиваетъ слово милостыня и ставитъ нѣсколько знаковъ удивленія (!!); но что жъ удивительнаго въ томъ, что нищій бродяга питается милостынею? Г. Броневскій, не взявъ на себя труда сличить мои показанія съ документами, приложенными къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», кажется, не читалъ и манифеста о преступленіяхъ казака Пугачева, въ которомъ именно сказано, что онъ кормился отъ подаянія. (См. манифестъ отъ 19-го декабря 1774 года, въ «Приложеніи къ Исторіи Пугачевскаго бунта»).

Г. Броневскій, опровергая свидѣтельство жены Пугачева, показанія станичнаго атамана Ѳомина и офиціально обнародованное извѣстіе, пишетъ, что Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на

Яикѣ съ польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ. — Пугачевъ въ началѣ 1772 года былъ на Кубани и на Дону; онъ явился на Яикъ въ концѣ того же года не съ польскимъ фальшивымъ паспортомъ, но съ русскимъ, даннымъ ему отъ начальства, имъ обманутаго, съ Добрянскаго форпоста. Преданіе, слышанное г. Броневскимъ, будто бы Пугачевъ, по обычаю предковъ (!), промышлялъ разбоями на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра, ни на чемъ не основано и опровергнуто оффиціальными, достовѣрнѣйшими документами. Пугачевъ былъ подозрѣваемъ въ воровствѣ (см. показанія Ѳомина); но до самаго возмущенія Яицкаго войска ни въ какихъ разбояхъ не бывалъ.

Г. Броневскій, оспоривая достовѣрность неоспоримыхъ документовъ, имѣлъ, кажется, въ виду оправдать собственныя свои показанія, помѣщенныя имъ въ «Исторіи Донскаго Войска». Тамъ сказано, что природа одарила Пугачева чрезвычайной живостію, и съ неустрашимымъ мужествомъ дала ему и силу тѣлесную, и твердость душевную; но что, къ нещастію, ему не доставало самой лучшей и нужнѣйшей прикрасы — добродѣтели; что отецъ его былъ убитъ въ 1738 году; что двѣнадцатилѣтній Пугачевъ, гордясь своимъ одиночествомъ, своею свободою, съ дерзостію и самонадѣяніемъ вызывалъ дѣтей равныхъ съ нимъ лѣтъ на бой, нападалъ храбро, билъ ихъ всегда; что въ одной изъ такихъ забавъ убилъ онъ предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году онъ уже не терпѣлъ ника-

кой власти; что на двадцатомъ году ему стало тѣсно и душно на родной землѣ; что честолюбіе мучило его; что вслѣдствіе того онъ сѣлъ однажды на коня и пустился искать приключеній въ чистое поле; что онъ поѣхалъ на востокъ, достигнулъ Волги и увидѣлъ большую дорогу; что встрѣтивъ четырехъ удальцовъ, началъ онъ съ ними грабить и разбойничать; что, вѣроятно, онъ занимался разбоями только во время мира, а во время войны служилъ въ казачьихъ полкахъ; что генералъ Тотлебенъ, во время прусской войны, увидѣвъ однажды Пугачева, сказалъ окружавшимъ его чиновникамъ: «чѣмъ болѣе смотрю на сего казака, тѣмъ болѣе поражаюсь сходствомъ его съ великимъ княземъ» и проч. и проч. (См. «Исторію Донскаго Войска» ч. II гл. XI). Все это ни на чемъ не основано и заимствовано г. Броневскимъ изъ пустаго нѣмецкаго романа «Ложный Петръ III», не заслуживающаго никакого вниманія. Г. Броневскій, укоряющій меня въ какихъ-то поэтическихъ вымыслахъ, самъ поступилъ неосмотрительно, повторивъ въ своей «Исторіи» вымыслы столь нелѣпые.

Критика г. Броневскаго. «Шигаевъ, думая заслужить себѣ прощеніе, задержалъ Пугачева и Хлопушу, и послалъ къ оренбургскому губернатору сотника Лонгинова съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца». Но въ поставленномъ тутъ же подъ № 12 примѣчаніи авторъ говоритъ, что сіе показаніе Рычкова невѣроятно: ибо Пугачевъ и Шигаевъ, послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга, продолжали дѣйствовать заодно.

Если показаніе Рычкова невѣроятно, то въ

текстъ и не должно было его ставить; если же Шигаевъ только въ крайнемъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ думалъ предать Пугачева, то это обстоятельство не мѣшало продолжать дѣйствовать заодно съ Пугачевымъ: ибо бѣда еще не наступила. Историку, конечно, показалось труднымъ сличать противорѣчащія показанія и выводить изъ нихъ слѣдствія; но это его обязанность, а не читателей.

Объясненіе. Выписываю точныя слова текста и примѣчаніе на оный:

«Послѣ сраженія подъ Татищевой, Пугачевъ съ 60 казаками пробился сквозь непріятельское войско и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза громоздили награбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу, послалъ отъ себя къ оренбургскому губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами.

«Примѣчаніе. Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали заодно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга».

Шигаевъ, человѣкъ лукавый и смышленый, могъ подъ какимъ ни есть предлогомъ задержать нехитраго самозванца; но не думаю, чтобъ онъ

его связалъ: Пугачевъ этого ему бы не простилъ.

Критика г. Броневскаго. Стр. 282. «Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Тибинскъ, куда послѣ чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу». Въ примѣчаніи же 16-мъ (стр. 387), принадлежащемъ къ сей V главѣ, сказано совсѣмъ другое, именно: «По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановилися ночевать въ Богоявленскомъ мѣдноплавильномъ заводѣ. Прикащикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Тобольскъ. Михельсонъ подарилъ 500 руб. прикащиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ».

Мѣсто дѣйствія находилось въ окрестностяхъ Уфы, а потому прикащикъ не имѣлъ нужды отсылать преступниковъ въ Тобольскъ, находящійся отъ Уфы въ 1145 верстахъ.

Объясненіе. Если бы г. Броневскій потрудился взглянутъ на текстъ, то онъ тотчасъ исправилъ бы опечатку, находящуюся въ примѣчаніи. Въ текстѣ сказано, что Ульяновъ и Чика были выданы Михельсону въ Табинскѣ (а не въ Тобольскѣ, который слишкомъ далеко отстоитъ отъ Уфы, и не въ Тибинскѣ, который не существуетъ).

Критика г. Броневскаго. «Солдатамъ начали выдавать въ сутки по четыре фунта муки, т.-е. десятую часть мѣры обыкновенной». Стр. 284. Солдатъ получаетъ въ сутки два фунта муки, или по три фунта печенаго хлѣба. По означенной

выше мѣрѣ выйдетъ, что солдаты во время осады получали двойную порцію, или что весь гарнизонъ состоялъ изъ 20 только человѣкъ. Тутъ что-нибудь да не такъ.

Очевидная опечатка: вмѣсто четыре фунта, должно читать четверть фунта, что составитъ около десятой части мѣры обыкновенной, т.-е. двухъ фунтовъ печенаго хлѣба. Смотри статью «Объ осадѣ Яицкой крѣпости», откуда заимствовано сіе показаніе. Вотъ собственныя слова неизвѣстнаго повѣствователя: «солдатамъ стали выдавать въ сутки только по четверти фунта муки, что составляетъ десятую часть обыкновенной порціи».

Критика г. Броневскаго. Въ примѣчаніи 18, стр. 387, сказано, что оборона Яицкой крѣпости составлена по статьѣ, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» и по журналу полковника Симонова. Какъ авторъ принялъ уже за правило помѣщать вполнѣ всѣ акты, изъ которыхъ онъ что-либо заимствовалъ, то журналъ Симонова, нигдѣ до сего не напечатанный, заслуживалъ быть помѣщеннымъ въ примѣчаніяхъ такъ же вполнѣ, какъ Рычкова — объ осадѣ Оренбурга и архимандрита Платона — о сожженіи Казани.

Объясненіе. Я не могъ помѣстить всѣ акты, изъ коихъ заимствовалъ свои свѣдѣнія. Это составило бы болѣе десяти томовъ: я долженъ былъ ограничиться любопытнѣйшими.

Критика г. Броневскаго. Стр. 58. «Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11-го іюля вечеромъ былъ уже въ 15 верстахъ отъ нея. — Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ 45 верстахъ отъ Казани,

услышалъ пушечную пальбу!...» Маленькій недосмотръ!

Объясненіе. Важный недосмотръ: вмѣсто въ пятнадцати верстахъ должно читать въ пятидесяти.

Критика г. Броневскаго. «Пугачевъ отдыхалъ сутки въ Сарептѣ, оттуда пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25 августа на разсвѣтѣ, онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына. Здѣсь Пугачевъ, разбитый въ послѣдній разъ, бѣжалъ, и въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска». Стр. 321—322.

Изъ сего описанія видно, что Пугачевъ переплылъ Волгу въ 175 верстахъ ниже Царицына; а какъ между симъ городомъ и Черноярамъ считается только 155 верстъ, то изъ сего выходитъ, что онъ переправился чрезъ Волгу ниже Черноярa въ 20 верстахъ. — По другимъ извѣстіямъ, Пугачеву нанесенъ послѣдній ударъ подъ самымъ Царицынымъ, откуда онъ бѣжалъ по дорогѣ къ Черноярy, и въ сорока верстахъ отъ Царицына переправился черезъ Волгу, то-есть верстахъ въ десяти ниже Сарепты.

Объясненіе. Выписываю точныя слова текста: «Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ предъ собою своего грознаго гонителя; но не смутился, а смѣло пошелъ на Мielьсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противу донскихъ и чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ раз-

строили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ, въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія, переплылъ Волгу, выше Черноярска, на четырехъ лодкахъ, и ушелъ на луговую сторону, не болѣе, какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь и перетонули».

Рецензентъ пропустилъ безъ вниманія главное обстоятельство, поясняющее дѣйствіе Михельсона, который ночью обошелъ Пугачева и, слѣдственно, разбивъ его, погналъ не внизъ, а вверхъ по Волгѣ, къ Царицыну. Такимъ образомъ мнимая нелѣпость моего разсказа исчезаетъ. Не понимаю, какимъ образомъ военный человѣкъ и военный писатель (ибо г. Броневскій писалъ военныя книги) могъ сдѣлать столь опрометчивую критику на мѣсто столь ясное само по себѣ!

Критика г. Броневскаго. Къ VI главѣ 6-го примѣчанія не достаетъ.

На картѣ не означено многихъ мѣстъ, и даже городовъ и крѣпостей. Это чрезвычайно затрудняетъ читателя.

Объясненіе. Цыфръ, означающій ссылку на замѣчаніе, есть опечатка.

Карта далеко не полна: но оная была необходима, и я не имѣлъ возможности составить другую, болѣе совершенную.

Г. Броневскій заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «сіи немногіе недостатки нимало не уменьшаютъ внутренняго достоинства книги, и если бы нашлось и еще нѣсколько ошибокъ, книга, по содержанію своему, всегда останется достойною вниманія публики».

Если бы всѣ замѣчанія моего критика были справедливы, то врядъ ли книга моя была бы достойна вниманія публики, которая въ правѣ требовать отъ историка если не таланта, то добросовѣстности въ трудахъ и осмотрительности въ показаніяхъ. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надѣюсь, читатели согласятся, что Тобольскъ вмѣсто Табинскъ, въ пятнадцати верстахъ вмѣсто въ пятидесяти верстахъ и наконецъ четыре фунта вмѣсто четверти фунта болѣе походятъ на опечатки, нежели слѣдующія errata, которыя гдѣ-то мы видѣли: Митрополитъ — читай: простой священникъ, духовникъ царскій; зала въ тридцать саженей вышины — читай: зала въ пятнадцать аршинъ вышины; Петръ I изъ Вѣны отправился въ Венецію — читай: Петръ I изъ Вѣны поспѣшно возвратился въ Москву.

Рецензенту, наскоро набрасывающему бѣглыя замѣчанія на книгу, бѣгло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составленіе ста шестидесяти осьми страничекъ, таковое пренебреженіе и легкомысліе были бы непростительны. Я долженъ былъ поступать тѣмъ съ большею осмотрительностію, что въ изложеніи военныхъ дѣйствій (предметѣ для меня совершенно новомъ) не имѣлъ я

тутъ никакого руководства, кромѣ донесеній частныхъ начальниковъ, показаній казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и тому подобнаго — показаній, часто другъ другу противорѣчащихъ, преувеличенныхъ, иногда совершенно ложныхъ. Я прочелъ со вниманіемъ все, что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in-folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній и проч. Я посѣтилъ мѣста, гдѣ произошли главныя событія эпохи мною описанной, повѣряя мертвые документы словами еще живыхъ, но уже престарѣлыхъ очевидцевъ, и вновь повѣряя ихъ дряхлѣющую память историческою критикою.

Сказано было, что «Исторія Пугачевскаго бунта» не открыла ничего новаго, неизвѣстнаго. Но вся эта эпоха была худо извѣстна. Военная часть оной никѣмъ не была обработана; многое даже могло быть обнародовано только съ Высочайшаго соизволенія. Взглянувъ на «Приложенія къ исторіи Пугачевскаго бунта», составляющія весь второй томъ, всякій легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародованныхъ. Стоитъ упомянуть о собственноручныхъ указахъ Екатерины II, о нѣсколькихъ ея письмахъ, о любопытной лѣтописи нашего славнаго академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостію и добросовѣстностію — достоинствами столь рѣдкими въ наше время, о множествѣ писемъ знаменитыхъ особъ, окружавшихъ Екатерину: Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и другихъ... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго пріема, конечно, не за самую «Исторію Пугачевскаго бунта», но за истори-

ческія сокровища, къ ней приложенныя. Сказано было, что историческая достовѣрность моего труда поколебалась отъ разбора г. Броневскаго. Вотъ доказательство, какое вліяніе имѣетъ у насъ критика, какъ бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь къ г. Броневскому, уже не какъ къ рецензенту, но какъ къ историку.

Въ своей «Исторіи Донскаго Войска» онъ помѣстилъ краткое извѣстіе о Пугачевскомъ бунтѣ. Источниками служили ему: вышеупомянутый романъ «Ложный Петръ III», «Жизнь А. И. Бибикова» и, наконецъ, преданія, слышанныя имъ на Дону. О романѣ мы уже сказали наше мнѣніе. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова» по всѣмъ отношеніямъ очень замѣчательная книга, а въ нѣкоторыхъ — и авторитетъ. Что касается до преданій, то если оныя съ одной стороны драгоцѣнны и незамѣнимы, то съ другой я по опыту знаю, сколь много требуютъ они строгой повѣрки и осмотрительности. Г. Броневскій не умѣлъ ими пользоваться. Преданія, собранныя имъ, не даютъ его разсказу печати живой современности, а показанія, на нихъ основанныя, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажемъ и мы на нѣкоторые вымыслы (къ сожалѣнію, не поэтическіе), на нѣкоторые недосмотры и явныя несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдотъ о Тотлебенѣ, будто бы замѣтившемъ сходство между Петромъ III и Пугачевымъ, г. Броневскій пишетъ: «Если анекдотъ сей справедливъ, то можно согласиться, что слова сіи, просто сказанныя, хотя въ то время не сдѣлали на умъ Пугачева большаго

впечатлѣнія, но впослѣдствіи могли подать ему мысль называться Императоромъ». А черезъ нѣсколько страницъ г. Броневскій пишетъ: «Пугачовъ принялъ предложеніе яицкаго казака Ивана Чики, болѣе его дерзновеннаго, называться Петромъ III». — Противорѣчіе!

Анекдотъ о Тотлебенѣ есть вздорная выдумка. Историку не слѣдовало о немъ и упоминать и того менѣе — выводить изъ него какое бы то ни было заключеніе. Государь Петръ III былъ дороденъ, бѣлокуръ, имѣлъ голубые глаза; самозванецъ былъ смуглъ, сухощавъ, малорослъ; словомъ, ни въ одной чертѣ не сходствовалъ съ Государемъ.

Страница 98. «12 генваря 1773, раскольники (въ Яицкомъ городкѣ) взбунтовались и убили какъ генерала (Траубенберга), такъ и своего атамана».

Не въ 1773, но въ 1771. См. Левшина, Рычкова. Ист. Пугачевскаго бунта и пр.

Стран. 102. Полковникъ Чернышевъ прибылъ на освобожденіе Оренбурга, и 29-го апрѣля 1774 года сражался съ мятежниками; губернаторъ не подалъ ему никакой помощи» и проч.

Не 29-го апрѣля 1774, а 13-го ноября 1773; въ апрѣлѣ 1774 года разбитый Пугачевъ скитался въ Уральскихъ горахъ, собирая новую шайку.

Г. Броневскій, описавъ прибытіе Бибикова въ Казань, пишетъ, что въ то время (въ январѣ 1774) самозванецъ въ Самарѣ и Пензѣ былъ принятъ народомъ съ хлѣбомъ и солью.

Самозванецъ въ январѣ 1774 года находился подъ Оренбургомъ и разъѣзжалъ по окрестностямъ онаго. Въ Самарѣ онъ никогда не бывалъ,

а Пензу взялъ уже послѣ сожженія Казани, во время своего страшнаго бѣгства, за нѣсколько дней до своей собственной погибели.

Описывая первыя дѣйствія генерала Бибикова и медленное движеніе войскъ, идущихъ на пораженіе самозванца къ Оренбургу, г. Броневскій пишетъ: «Пугачевъ, умѣя грабить и рѣзать, не умѣлъ воспользоваться симъ выгоднымъ для него положеніемъ. Повѣривъ распущеннымъ нарочно слухамъ, что будто отъ Астрахани идетъ для нападенія на него нѣсколько гусарскихъ полковъ съ донскими казаками, онъ долго простоялъ на мѣстѣ, потомъ обратился къ низовью Волги, и чрезъ то упустилъ время, чтобы стать на угрожаемомъ нападеніемъ мѣстѣ».

Показаніе ложное. Пугачевъ все стоялъ подъ Оренбургомъ и не думалъ обращаться къ низовью Волги.

Г. Броневскій пишетъ: «новый главноначальствующій графъ Панинъ не нашелъ на мѣстѣ (на какомъ мѣстѣ?) всѣхъ нужныхъ средствъ, чтобы утишить пожаръ мгновенно, и не допустить распространенія онаго за Волгою».

Графъ П. И. Панинъ назначенъ главноначальствующимъ, когда уже Пугачевъ переправился черезъ Волгу и когда пожаръ уже распространился отъ Нижняго Новагорода до Астрахани. Графъ прибылъ изъ Москвы въ Керенскъ, когда уже Пугачевъ разбитъ былъ окончательно полковникомъ Михельсономъ.

Умалчиваю о нѣсколькихъ незначащихъ ошибкахъ, но не могу не замѣтить важныхъ пропусковъ. Г. Броневскій не говоритъ ничего о генералъ-маіорѣ Карѣ, игравшемъ столь замѣчательную и

рѣшительную роль въ ту несчастную эпоху. Не сказываетъ, кто былъ назначенъ главноначальствующимъ по смерти А. И. Бибикова. Дѣйствія Михельсона въ Уральскихъ горахъ, его быстрое неутомимое преслѣдованіе мятежниковъ оставлены безъ вниманія. Ни слова не сказано о Державинѣ, ни слова о Всеволожскомъ. Осада Яицкаго городка описана въ трехъ слѣдующихъ строкахъ: «онъ (Мансуровъ) освободилъ Яицкій городокъ отъ осады и избавилъ жителей отъ голодной смерти, ибо они уже употребляли въ пищу землю».

Политическія и нравоучительныя размышленія, коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе,*) слабы и пошлы, и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій.

Я не имѣлъ случая изучать исторію Дона, и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневскаго; прочитавъ ее, я не нашелъ ничего новаго, мнѣ неизвѣстнаго; замѣтилъ нѣкоторыя ошибки, а въ описаніи эпохи, мнѣ знакомой, —

---

* Напримѣръ: «Нравственный міръ, такъ же какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзающаго разсматривать оные. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла: то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежалъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ: ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благаго начала, той духовной части, которыя разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ труда моего.»

непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневскій не имѣлъ ни средствъ, ни времени совершить истинно историческій памятникъ. «Тяжкая болѣзнь» — говоритъ онъ въ началѣ «Исторіи Донскаго Войска» — «принудила меня отправиться на Кавказъ. Первый курсъ леченія пятигорскими минеральными водами, хотя не оказалъ большаго дѣйствія, но, по совѣту медиковъ, я рѣшился взять другой курсъ. Ѣхать въ Петербургъ и къ веснѣ назадъ возвращаться было слишкомъ далеко и убыточно; оставаться на зиму въ горахъ — слишкомъ холодно и скучно; и такъ 15 сентября 1831 года отправился я въ Новочеркаскъ, гдѣ родной мой братъ жилъ по службѣ съ своимъ семействомъ. Осьмимѣсячное мое пребываніе въ городѣ Донскаго войска доставило мнѣ случай познакомиться со многими почтенными особами Донскаго края» и проч. «Въ послѣдствіи, увѣрившись, что въ словесности нашей не достаетъ исторіи Донскаго войска, имѣя досугъ и добрую волю, я рѣшился пополнить этотъ недостатокъ» и проч.

Читатели г. Броневскаго могли, конечно, удивиться, увидя, вмѣсто статистическихъ хронологическихъ изслѣдованій о казакахъ, подробный отчетъ о леченіи автора; но кто не знаетъ, что для больнаго человѣка здоровье его не въ примѣръ занимательнѣе и любопытнѣе всевозможныхъ историческихъ изысканій и предположеній! Изъ добродушныхъ показаній г. Броневскаго видно, что онъ въ своихъ историческихъ занятіяхъ искалъ только невиннаго развлеченія. Это лучшее оправданіе недостаткамъ его книги.

Дополненіе къ записямъ народныхъ пѣсенъ

НЕ БѢЛИНЬКА БЕРЕЗОНЬКА КЪ ЗЕМЛѢ КЛОНИТСЯ

Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится
Не камышъ трава въ чистомъ поле разшаталася
Зашатался загулялъ добрый молодецъ
Въ одной тоненькой кармазиновой черкешучкѣ
У черкешучки рукавчики назадъ закинуты
Камчатные его полочки назадъ загнуты
За плечами носитъ ружьецо знать Турецкое
Во правой рукѣ онъ присошечекъ корновенькій
Онъ присошечкомъ добр. мол. подпирается
Горючими слезами разудал. заливается
Вдругъ несчастьице надъ молодцомъ случилось
Поднимался съ горъ погорушка все хурта вьюга
Все хурта подымалась съ горъ погорушка полуденная
Сбивала то она добра молодца со дороженьки
Прибивала то она молодца ко городу
Къ тому то городу ко незнамому.

Оглавленіе пятаго тома.

ОТРЫВКИ И ПРОГРАММЫ стр.

Надинька (Эльвина) 7
Программа и отрывки изъ комедіи въ стихахъ 8
Остатки программы поэмы изъ исторіи X и XI вѣковъ 12
Программа поэмы изъ разбойничьей жизни . 14
Программы „Вадима“ 14
Программа драмы изъ эпохи Царевны Софьи 16
Отрывки изъ романа въ письмахъ 18
Съ французскаго 36
Драматическій отрывокъ (Графиня одна держитъ письмо) 41
Рославлевъ 44
Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля 181* . 59
Въ 179* возвращался я въ Лифляндію . . . 63
Гости съѣзжались на дачу 65
Въ Коломнѣ на углу маленькой площади . . 75
Марья Шонингъ 80
Сцены изъ рыцарскихъ временъ 87
Драматическіе этюды 106
Программа драмы о папессѣ Іоаннѣ 109
Египетскія ночи 111
Русскій Пеламъ 128
Цезарь путешествовалъ 137

ПРОЗАИЧЕСКІЕ ПЕРЕВОДЫ

Изъ Wordsworth 142
Изъ посвященія „Child Harold“ Байрона . . . 142

стр.
Изъ Сафо:
Пѣсенка Афродитѣ 143
Діонизіи 144
ЗАПИСИ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ
Туто жилъ-поживалъ господинъ Волконскій Князь 147
Бѣжитъ рѣчка по песку 148
Береза бѣлая 149
Какъ при вечерѣ, вечерѣ 149
Собрала невѣста подружекъ 150
Какъ въ дому-то березанька бѣлехонька стоитъ 150
Ягода съ ягодой сокатилася 151
Между горъ по каменью 151
Затопися баненька 152
О горе, горе то невѣстино 152
Какъ у нашего князя 153
Трубчистая коса 154
Въ сыромъ бору на клену 155
Пѣсня о сынѣ Сеньки Разина 156
Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ 157
Во славномъ городѣ во Кіевѣ 157
Какъ за церковью, за нѣмецкою 159
Во лѣсахъ дремучіихъ 160
Одинъ-то былъ у отца, у матери единый сынъ 160
Другъ мой милый, красно солнышко 161
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ, ПОДВЕРГШІЯСЯ ОБРАБОТКѢ
Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой 161
Ходилъ Стенька Разинъ 162
Что ни конскій топъ, ни людская молвь . . 163
ПЕРЕВОДЫ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ
Не шуми, мати зеленая дубровушка 164
Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ 164
Что пониже было города Саратова 165
Вы, молодые ребята, послушайте 166

стр.
Внизъ то было, по матушкѣ, Камышенкѣ рѣкѣ 166
Ахъ, ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ 167
Ужъ какъ грустно 168
Ахъ, вы, выходы, выходы, погреба государевы 168
У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону . . 169
На зарѣ то было, братцы, на утренней . . . 169
Ахъ, далече-далече во чистомъ полѣ. . . . 170
ЗАПИСИ НАРОДНЫХЪ СКАЗОКЪ
О царѣ Султанѣ 170
О царѣ подземномъ, Иванѣ царевичѣ и Марьѣ царевнѣ 173
О попѣ и балдѣ 176
О царѣ Кащеѣ 177
О слѣпомъ царѣ и любовникахъ его жены . 178
Чортъ-сватъ 180
О мертвой царевнѣ 181
ТРУДЫ И ЗАМѢТКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ
Историческія замѣчанія 185
Программа по исторіи Малороссіи 192
Отзывъ на „Исторію Рускаго Народа“ Н. Полеваго 193
Историческія замѣтки. 209
Исторія Пугачевскаго бунта 213
Примѣчанія къ исторіи Пугачевскаго бунта . 331
Матеріалы для исторіи Петра Великаго . . 404
Камчатскія дѣла 447
Объ исторіи Пугачевскаго бунта (Разборъ статьи Броневскаго) 468
ДОБАВЛЕНІЕ
Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится . 490

Книгоиздательство «СЛОВО», BERLIN SW 68, Kochstr. 23—24.

А. С. ПУШКИНЪ

Полное собраніе сочиненій въ 6 томахъ

Съ біографическимъ очеркомъ и 4 портретами

*

Томъ I

Стихотворенія
1812—1828 г. г.

Томъ II

Стихотворенія 1829—1836 г. г. — Поэмы (Русланъ и Людмила — Кавказскій плѣнникъ — Братья-разбойники — Вадимъ — Гавриліада — Бахчисарайскій фонтанъ — Цыганы — Графъ Нулинъ — Полтава — Домикъ въ Коломнѣ — Родословная моего героя — Анджело — Мѣдный всадникъ — Галубъ) — Пѣсни западныхъ славянъ

Томъ III

Евгеній Онѣгинъ — Борисъ Годуновъ — Сцена изъ Фауста — Скупой рыцарь — Моцартъ и Сальери — Каменный гость — Пиръ во время чумы — Сказки

Томъ IV

Арапъ Петра Великаго — Повѣсти Бѣлкина — Исторія села Горюхина — Дубровскій — Капитанская дочка — Пиковая дама — Кирджали — Путешествіе въ Арзрумъ

Томъ V

Художественные отрывки (Египетскія ночи — Рославлевъ — Сцены изъ рыцарскихъ временъ и др.) — Записи народныхъ пѣсенъ — Историческіе труды (Исторія Пугачевскаго бунта — Матеріалы для исторіи Петра Великаго и др.)

Томъ VI

Критическія и полемическія статьи — Замѣтки — Дневники — Указатель къ сочиненіямъ А. С. Пушкина

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

459378
Pushkin, Aleksandr Sergyeevich
Полное собрание сочинений.
ТОМ 5
[Translit.: Polnoe sobranie sochineny. v.5]
LR
P9874
1921

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET